

К 80-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
И 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2010

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2010 — 1(18)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА.....	3
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА	
От редакции.....	5
Тамара Белицкая. Музыкальный мир Чехова.....	7
Макар Николаев. Размышления военного врача не только о Чехове.....	11
Рудольф Артамонов. Мой Чехов.....	19
Виктория Ткач. Вересаев и Чехов – литературные встречи.....	25
ПОВЕСТЬ	
Наталья Гнатюк. Дикая Родина.....	29
Алексей Яшин. Страна холода (Детство в Гипербореях).....	44
НОВЫЕ РАССКАЗЫ	
Александр Астраханцев. В потоке дней. Кое-какие мысли о природе и вообще.....	58
Анна Лео. Революционер.....	69
Александр Томазов. Если тебя не будет.....	81
Валерий Богусhev. Я тебя люблю.....	85
Тамара Булевич. Тропой любви.....	88
Сергей Крестьянкин. Короткие рассказы.....	94
Илья Криштул. Юмористические рассказы.....	101
Тамара Дик. Какого черта ты пришла.....	104
Илья Луданов. Путь.....	107
ПОЭЗИЯ	
Наталья Квасникова. <i>Personalia</i>	114
Наталья Мурко. Тихо бродят сумерки.....	119
Владимир Резцов. Сонеты (1979—1981).....	122
Игорь Лукьянов. Я родимым разливом дышал.....	125
Ольга Бугримова. Берегиня.....	129
Диана Кан. Измельчали мы, измельчали.....	131
Евгений Семичев. Кремлевский обед.....	135
Владимир Родионов. Синий сумрак.....	139
Роман Тишковский. Из байконурской лирики.....	142

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

Тульская областная молодежная литературная студия «Вега»: Лариса Федотова, Виктор Фролов, Игорь Никольский, Наталья Рогова, Сергей Ефанов, Николай Ральников, Александр Бабенко, Ирина Лизнева.....	147
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Наум Ципис. Сны на русском языке.....	159
СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ. МУДРЫЕ МЫСЛИ	
Николай Макаров. Сказки о Белозёре.....	176
Агубечир Хадарцев. Из мудрых мыслей винегрет.....	196
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Валерий Кручинин-Русич. Главы из новой повести.....	200
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»	
Галина Целищева. Азия.....	207
Елена Яковлева. История одного дома (повесть).....	213
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Алексей Яшин. Красивая Меча, Красивомечье. Виктория Ткач. «Самоцветовый венец» Людмилы Гайдуковой. Леонид Ханбеков. Воспоминания о советской Гиперборее. Ирина Кедрова. Академия российской литературы действует. Сергей Норильский. Рецензия на книгу Геннадия Мира «Отражение. Солнце. Поэмы». Татьяна Абинякина. Рецензия на книгу стихов Геннадия Мира «Симфония дождя». Ирина Леонова. Читая книгу Ирины Кедровой «Посланник, душа и ведьма». Владимир Сапожников. Бутерброд с сарделькой, или о чем «скребет перо» Леонида Адрианова? Ирина Курочкина. О книге Галины Винокуровой «Сергей Беседин». Виктор Пахомов. Избранная лирика поэта. Геннадий Мирошниченко. Гармония иронии в романе Алексея Яшина «Любовь новоюрского периода».....	230
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	252

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.

Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула)

Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Ярило» (Тула)

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2010

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Мир вступил в завершающий год второй пятилетки нового века и тысячелетия. И мы, бывшая 1/6, а ныне 1/7 земной суши вместе с ним. А наш с вами журнал перевалил в своей короткой еще биографии тоже за пятилетнюю отметку. Слово это ностальгическое, но, увы, уже без финансово-промышленного содержания. Вот и «Приокские зори» шестой год издаются без какой-либо финансовой базы, исключительно радением редколлегии и друзей журнала (а их много стало по всей России и за рубежом), главное же — помощью Тульского государственного университета и его ректора Михаила Васильевича Грязева. Именно Издательство ТулГУ печатает тираж журнала.

Таким образом, «Приокские зори» твердо бьют рекорд: мы — **единственный** в России «толстый» литературный журнал, не имеющий никакого финансирования от местных и иных властей, так сказать, современных культуртрегеров. О мифологическом «меценатстве» от деньги имущих скорбно промолчим. Главное — тают надежды на включение журнала с 2011-го года в новую Культурную программу области. Если раньше Администрация области хоть как-то отвечала на наши просьбы-запросы, то теперь... Вот вдохновились мы не столь давней встречей В. В. Путина с ведущими российскими писателями, где премьер пообещал Валентину Распутину о господдержке «толстым» журналам, сочинили два письма по административным инстанциям. Прошел не один месяц, а ответов нет. Ситуация понятна, мы не в обиде; что называется: впредь до разъяснений по вертикали власти. Жизнь чиновника не такая уж легкая, как кажется со стороны.

...Однако, хватит нам о своем, девичьем. Вернемся к делам чисто литературным.

В новый. 2010-й год мы вступаем с окончательно застabilизировавшимся составом редколлегии: авторитетным, работоспособным, представляющим собой как тульский, так и всероссийский ареалы современной русской, российской литературы. Кажется, никто не забыт, никто не в обиде. Журнал был, есть и будет с «тульскими корнями», но его должна знать и читать вся страна, ибо консолидация национальной, интернациональной в специфике России, литературы и есть цель издания «толстых» журналов, апология самой идеи их существования. Такую установку чисто русскому, российскому феномену литературных журналов дал Пушкин, основывая «Современник». Чему мы неукоснительно и следуем.

А раз мы «служим по России», то есть в литературе по Пушкину, то и равняемся на «Современник». Именно с легкой руки гения нашей словесности визитной карточкой «толстых» литературных журналов полтора столетия — при царях и генсеках — являлись

самые читаемые разделы: литературная критика, литературоведение, библиография и хроника литературной жизни. Это совсем не удивительно: именно эти разделы в своей совокупности и корреляции решают важнейшую задачу литературного процесса: обеспечивают обратную связь (извините за научно-техническую терминологию) между читателями и авторами.

Однако с начала 90-х гг. минувшего века, когда рухнула система господдержки отечественной литературы, «толстых» журналов в первую очередь, а многомиллионная армия бывших их читателей вкусила все прелести гайдар-экономики, все кардинально поменялось. Журналы обособились и перешли в режим лимитрофного еле-еле-выживания: какая тут критика? Какая литературная жизнь? Но пришло время собирать камни с нив отечественной словесности, время возвращения к пушкинским традициям.

Внимательный читатель уже по прошлогодним номерам «Приокских зорь» отметил оживление в отделах критики, библиографии и хроники литературной жизни. В наступившем году эти отделы будут объектом особого внимания руководства, редколлегии и редакции журнала.

Другой существенный момент — это дальнейшее развитие инфраструктуры нашего издания; опять же с позиций консолидации творческих сил и активного встраивания в современный литературный процесс. Под инфраструктурой мы понимаем различные формы в системе института издательского дела. Одна из таких форм — Библиотека журнала «Приокские зори» — действует уже не первый год; в данной серии вышло три десятка книг, и темп наращивается. Готовится к изданию, как приложение к журналу, второй выпуск альманаха «Наука с музами дружит» — к 80-летию Тульского госуниверситета, в котором будут представлены художественные произведения авторов, так или иначе связанных с университетом: бывших и нынешних сотрудников, студентов и аспирантов — всех, кого посетила муза.

С сентября прошлого года в Плавске издается ежемесячный литературно-художественный альманах «Кристалл» (см. в этом номере рубрику «Хроника литературной жизни»), его редактором и инициатором издания является Ирина Пархоменко, член редколлегии «Приокских зорь»; кстати, поздравляем Ирину Васильевну с приемом в члены Союза писателей России. Договариваемся о более тесном сотрудничестве «ПЗ» со студенческим альманахом, издаваемым Институтом высокоточных систем им. В. П. Грязева (знаменитый тульский оружейник) Тульского госуниверситета.

...А в настоящем номере журнала мы отмечаем 150-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова и объявляем имена лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2009 год.

Редколлегия журнала «Приокские зори».

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

От редакции: В начале краткого редакционного введения в рубрику приведем биографию Антона Павловича из знаменитого словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона — «современника» Чехова:

«Чехов Антон Павлович, 1860—1904, знам. писатель, беллетрист. По образованию врач; в 1879, под псевд. «Чехонте», выступил с мелкими рассказами, полными юмора; изд. сборн.: «В сумерках», «Хмурые люди». Более крупные по размерам и по худ. достоинствам произв.: «Степь», «Палата № 6», «Дуэль», «Мужики», «В овраге», «Человек в футляре», «Моя жизнь», «Скучная история». Замеч. драмы: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». В своих многочисленных рассказах Ч. дал ряд неподражаемых по силе худ. изобразительности и глубине психологического анализа, выпуклых и ярких картинок из быта ср. классов: купцов, чиновников, актеров, врачей, учителей и пр. В рассказе «Мужики» и «В овраге» изображена беспросветная в своей физической и моральной грязи и умственном убожестве жизнь деревни. С редкой объективностью в драмах Ч. нарисована русск. интеллигенция в период безвременья восьмидесятых годов, погибающая от неврастении, безволия, сознания своего бессилия в борьбе с засасывающей пошлой средой.»

Как видим, уже при жизни, несмотря на ее краткость, всего сорок четыре года, правда, двадцать пять из них — творческие, Чехов имел всероссийскую известность. Более того, в эти же годы последней четверти XIX века — начала века двадцатого, исключительно богатые дарованиями в русской литературе, Антон Павлович уверенно входит в первую десятку-двадцатку ведущих авторов, «властителей дум» тогдашнего общества, все более и более разочаровывающегося в реалиях самодержавной России. Но будем и честны: Чехов, как никто другой из русских писателей той поры, был классическим описателем мышления сугубой, в том числе творческой интеллигенции. А последняя, начиная с реформ Александра Второго, оказалась в целом в стране как бы не у дел: время добродушных дворянских литераторов безвозвратно ушло вместе с «вишневыми садами», а в бурный поток капитализации России и нарастающей классовой борьбы от прежнего уюта не хотелось...

Отсюда и переход либеральной интеллигенции к брюзжанию всяческого толка, подогреваемому постоянно и по возрастающей революционерами и нигилистами (мы делаем различие между этими понятиями) всех оттенков и направлений.

...Именно такой душевный, психологический раздрой и воспоследующие отсюда поступки позволили В. И. Ленину именовать интеллигенцию той поры «гнилой».

В то же время интеллигенция очень тонко чувствует любые литературные инвективы в свой адрес... Этого чутья у нее не отнимешь.

Вот по этой-то причине современники, особенно из образованных людей, Чехова хвалили, но при этом «держали фигу в кармане». А в советское время наследием Антона Павловича железобетонно овладели пролеткультисты и их последователи вплоть до новейших времен: критик загнивающего общества, повесть «Степь» неудачна (а это лучшее его произведение^{*}) и пр. и пр. Словом — узкоглядно и в переложении агитпропа. А сейчас? — Смотри сказанное чуть выше...

^{*} См. анализ в книге: Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

Поэтому-то Чехов всегда, для каждого поколения требует внимательного, неза-
шоренного и индивидуального прочтения.

Еще заметим, что не очень-то обширно и чеховское литературоведение; наиболее
обстоятельное исследование принадлежит Г. А. Бердникову.^{*} Причина, по всей ви-
димости, та же самая.

Во всяком случае, в широком читательском восприятии Чехов во многом был и
остается «Чехонте»-юмористом. А в нашей современной жизни и без того юмора
хватает. Преимущественно черного, с лейтмотивом «Палаты № 6». Может, поэтому и
наша юбилейная рубрика подобралась столь скромной.

^{*} Бердников Г. А. Чехов. Идеиные и творческие искажения.— М.—Л.: ГИХЛ, 1961.— 630 с.

Тамара Белицкая*
(г. Тула)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР ЧЕХОВА

«Чехов первый, истинный европеец в русской литературе, занимавшийся исключительно художественным творчеством. Оно наполнено достоинства и покоя, оно нормально в самом благородном значении этого слова, как может быть нормально явление живой природы»

Сергей Довлатов

Антон Павлович Чехов не был профессиональным музыкантом. И даже, в отличие от своих братьев Николая и Михаила, не играл ни на одном инструменте. Но означает ли это, что он был немусыкален от рождения, не любил музыку и не впускал ее в свой закрытый для всех душевный мир?

Попробуем в этом разобраться с помощью фактов из его жизни и, главным образом, его творчества.

Первые музыкальные впечатления Антон Павлович получил в семье, где все очень любили пение. Пели родители, пели их друзья и часто, особенно по праздникам, из их дома по улицам родного города разливалась широкая песня, да не в унисон, а со множеством подголосков и, придуманных самими исполнителями, «выкрутасов». Когда пение постепенно выдыхалось, за фортепиано садился старший брат Николай, довольно хороший музыкант-любитель, и начинал играть Шопена, который был наиболее созвучен его тонкой, художественной натуре. Иногда к нему присоединялся брат Михаил, и они играли в 4 руки. Или брали в руки гитару и, насытившись грустной, элегической мелодией, начинали выделять на ней такие коленца, что, наверное, им позавидовал бы и профессионал.

А что же Антон Павлович? Он, видимо, тоже умел немного играть на фортепиано, но хуже братьев и потому стеснялся и всегда отказывался, когда его просили что-нибудь сыграть. Но зато он умел хорошо слушать и слышать музыку, дар, согласитесь, достающийся немногим счастливым. Затаив дыхание, он внимал игре братьев, а позже настоящих музыкантов, со многими из которых был дружен. Какие образы, какие картины рисовались ему в эти мгновенья? Этого мы не знаем, но известно, что в момент звучания музыки, он часто садился за письменный стол и создавал свои сочинения. Об этом свидетельствуют многие, в том числе и Михаил:

«Антон любил писать под звуки фортепиано. Он не мог жить без них и настойчиво требовал, чтобы я часами играл для него».

А вот свидетельство одного из друзей дома:

* Наш постоянный автор.

«Чехов любил слушать прочувствованную игру брата. Согнувшись над письменным столом, при свете лампы, он что-то пишет. Сверху, со второго этажа, доносятся нежные, меланхолические звуки шопеновского ноктюрна».

Даже эти два свидетельства помогают нам ощутить привязанность Чехова к музыке. Она была для него глубокой внутренней потребностью, являлась источником вдохновения и творческой радости. И разве удивительно, что среди его друзей, часто наполнявших его дома и в Мелихово, и в Ялте, были музыканты? Вот строки из его письма одному знакомому, полные добродушного юмора: «У нас полон дом консерваторов, музицирующих и козлогласующих!» Можно только себе представить, как интересно, остроумно и весело проходили подобные вечера! Вот, что писала одна из постоянных участниц таких вечеров Голубева: «Чехов сидел в уголке, подперев голову руками, и, как будто, уйдя совершенно в другой мир. Владиславьев пел чудесно. Когда он кончил, только через минуту послышался вздох и шорох в комнате. Чехов встал, как-то выпрямился весь, глаза его сияли, как звезды, казалось, что искры летели из них».

Но было бы опрометчиво считать, что музыка только веселила Чехова, навевала хорошее настроение. Восприятие им музыки было значительно глубже и тоньше.

Известно, например, как он слушал «Лунную» сонату Бетховена. Глубина и драматичность этой музыки всегда волновали его, но, не желая проявлять свои чувства на людях, он в эти мгновенья всегда уединялся, сидел в одиночестве на крыльце дома или гулял по саду, по которому из раскрытого окна разливались звуки музыки. А когда он, наконец, возвращался к людям, «лицо его было серьезно и прекрасно» (Т. Л. Щепкина-Куперник).

Иногда он сам просил кого-нибудь исполнить любимую им музыку. И тогда звучали романсы Глинки «Не искушай меня без нужды», «Сомнение» или «Серенада» Брага, которая позже нашла отражение в его «Черном монахе».

Несомненно, что так сильно, всем своим существом, мог воспринимать музыку только тот человек, для которого она была чем-то важным, необходимым и дорогим.

Известно, что одним из любимых композиторов Антона Павловича был Петр Ильич Чайковский, которого он боготворил и как человека. Ярким подтверждением этой любви является то, что он вводит музыку Чайковского в свои произведения. Так, его рассказ «После театра» целиком навеян сценой письма из оперы «Евгений Онегин», в котором его героиня, 16-летняя Надя очарована и музыкой, и чувствами, и поступком Татьяны. Только автор, сам плененный историей Татьяны, мог так искренно передать ее в своем рассказе. А эпиграфом к 3-му действию своей пьесы «Леший», он взял арию Ленского (сцена дуэли) из той же оперы, которая исполнялась за кулисами на рояле и вводила зрителей в напряженную атмосферу самоубийства Войницкого.

С Чайковским их роднила не только музыка, но и мироощущение, восприятие искусства, как средства передачи мыслей и чувств простых людей. Как-то ими овладела идея о совместной работе. Чайковский попросил: «Мне нужно, чтобы не было царей, цариц, народных бунтов, маршей и всех прочих атрибутов *«Grand opera»*. На что Чехов со смехом признался, что просто не умеет их изображать. И действительно, разве мы найдем в его творчестве воспевание жизни сильных мира сего? Их роднили величайшая правдивость и простота, особая сердечность в выражении чувств. Вот слова Чехова: «Надо писать то, что чувствуешь, правдиво, искренне. Живые образы создают мысль, а не наоборот».

А вот, что писал Чайковский: «Я могу писать музыку на сюжет немало не эффектный, лишь бы действующие лица внушали мне живое сочувствие, лишь бы я любил их, жалел, как любят и жалеют живых людей».

Их сближал и ярко выраженный гуманизм, сочувствие человеческому страда-

нию. Во многих рассказах Чехова мы ощущаем боль писателя за дисгармоничность жизни, за серость, убожество и духовное оскудение своих героев. А разве не о том же музыка Чайковского? В его трех последних симфониях широко разрабатывается тема рока, фатума нависшего над человеком и мешающего ему полноценно жить. Как художники-реалисты Чехов и Чайковский почти одновременно, не сговариваясь, стали разрабатывать тему смерти. Это и «Палата № 6», и один из самых мрачных его рассказов «Гусев». А у Чайковского это трагедия, скорбь и победа злых сил в 6-ой симфонии.

Их роднили и многие черты характера — скромность, деликатность, уважение к достоинству других людей.

Эту их общую черту тонко подметил Сергей Васильевич Рахманинов:

«Из всех людей..., с которыми мне пришлось встречаться, Чайковский был самым обаятельным. Его душевная тонкость неповторима. Он был скромн, как все действительно великие люди и прост, как очень немногие. Из всех, кого я знал, только Чехов походил на него».

Как-то, готовя к выпуску новый сборник своих рассказов, Чехов захотел посвятить его Чайковскому, но не решался и обратился к тому за одобрением: «Мне очень хочется получить от вас положительный ответ, т. к. это посвящение, во-первых, доставит мне большое удовольствие, и, во-вторых, хотя бы немного удовлетворит тому глубокому чувству уважения, которое заставляет меня вспоминать о вас ежедневно».

Как же на это обращение прореагировал Чайковский? Конечно, он мог дать письменный ответ, но этого ему показалось недостаточно. И на следующий же день он пришел к нему сам, чтобы выразить благодарность за посвящение. И они долго беседовали о музыке, литературе, удивляясь и радуясь, как они близки и душевно открыты.

Можно было бы еще много рассказывать о творческой и духовной близости этих гениальных русских художников, но рамки данной статьи не позволяют это сделать.

Тонкая, художественная натура Чехова проявилась и в его отношении к природе. Он любил, деревья, цветы и, живя в Мелихове, сам сажал и ухаживал за ними. Часто гостившей у него Т. Л. Щепкиной-Куперник, он с восхищением говорил: «Вот эти сосны особенно хороши на закате, когда стволы совсем красные... А этот дуб надо смотреть в сумерки — он таинственный тогда такой...» «С какой гордостью — вспоминает она — он показывал мне каждый розовый куст, каждый тюльпан, расцветающий весной, и говорил, что для него нет больше удовольствия, чем следить «как он лезет из земли, как старается» и потом пышно расцветает!».

Надо ли напоминать читателю, что природа, а точнее, чувства ею навеянные — одна из главных тем музыки? Может быть, именно поэтому Чехов больше любил элегическую, пасторальную музыку, напоминавшую ему скромную красоту русской природы, первую весеннюю каплю и тихий шелест берез? И не об этом ли его «Степь», в которой мы словно дышим ароматом степных трав, любимся белыми облачками, проплывающими по бескрайнему небу?

Думаю, совсем не случайно, что его друзья и любимые женщины тоже были одаренными художественными натурами, тонко чувствующими и музыкальными. В 90-ые годы в Мелихово часто приезжала Лидия Стахиевна Мизинова, или Лика, как все ее называли. Девушка очень красивая, веселая, остроумная. Она хорошо играла на фортепиано и пела. И Чехов мог часами ее слушать, сидя где-нибудь в сторонке и думая о чем-то своем. Одно время они были очень увлечены друг другом, о чем свидетельствует их переписка, наполненная остроумными, ироничными словами. Но сквозь них мы ясно слышим ноты тоски писателя по уехавшей певунье и нетерпеливое ожидание свидания. И один Бог знает, почему их увлечение не переросло во что-

то более глубокое и значительное?!

Очень музыкальна была и его жена Ольга Леонардовна Книппер — актриса МХАТа. У нее был хороший голос, которым она мастерски передавала разные оттенки чувств, выраженных в музыке. Антон Павлович всегда с восторгом слушал ее пение, восхищаясь ее музыкальным и артистическим талантами, и очень жалел, что, находясь в Ялте, не мог посмотреть ее в спектаклях. В одном из писем Ольга Леонардовна писала: «Я теперь все больше пою... Приедешь, я тебе буду петь романсы Глинки, Чайковского».

Для многих людей Ольга Леонардовна была воплощенным идеалом пленительной «чеховской женщины».

Конечно, все эти люди и факты биографии писателя помогают нам понять, сколь музыкальна была душа Чехова, с каким наслаждением он черпал в ней вдохновение для своих сочинений. Но, пожалуй, больше об этом говорит само его творчество. Музыка вносит мощную лирическую струю и связывает многими нитями жизнь его героев с миром гармонии, поэзии, красоты. Произведения Чехова так внутренне гармоничны и симфоничны по своему развитию, что производят впечатление застывшей симфонии или небольшой музыкальной миниатюры. Эту особенность творчества Чехова подметил французский писатель Андре Моруа: «Любая пьеса Чехова подобна музыкальному произведению. Создается впечатление, что в свой театр он пытался перенести ощущение нежности, воздушной легкости, меланхолической и хрупкой красоты, присущие музыкальным шедеврам».

Этими замечательными словами и хочется закончить рассказ о музыке в жизни и творчестве великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Макар Николаев
(г. Мичуринск)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЕННОГО ВРАЧА НЕ ТОЛЬКО О ЧЕХОВЕ

*Чехов относился к России как врач, а
на больного не кричат*

Алексей Ремезов

Спроси любого:

— Самый, самый — наш врач-писатель или писатель-врач?

Подавляющее большинство ответит:

— Чехов.

Да, Антон Павлович Чехов — наш самый, самый из самых знаменитых врачей-писателей или писателей-врачей. Затем назовут Вересаева, его «Записки врача», Булгакова с «Записками юного врача» и «Собачьим сердцем». Подумав, могут назвать Даля, присутствующего при последнем выдохе Пушкина, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка». Наиболее искушенные назовут, а может, и не назовут Радищева Александра Николаевича. Того самого, кто написал «Путешествие из Петербурга в Москву», за что был сослан в Илимский острог, где лечил местное население и занимался оспопрививанием.

Из иностранных вспомнят Франсуа Рабле и Шиллера, могут припомнить создателя Шерлока Холмса Артура Конан Дойла и польского писателя-фантаста Станислава Лема.

Наши современники? Конечно, Василий Павлович Аксенов — это бесспорно. Кто еще? Писатели-юмористы, в своем подавляющем большинстве онанисты от литературы, зашибающие «бабло» эстрадной пошлятиной на телевидении? Какие из них вышли бы врачи, наверное, понятно и без слов.

Из чеховских произведений о медицине большинство назовут «Палата № 6», «Хирургия» и... Давай, давай, вспоминай, читатель...

Итак, Чехов, наш Чехов, для каждого — свой Чехов.

Как и о всяком великом человеке, (о его жизни, о его творчестве, о его «грязном белье», даже о его думах и мечтах), о Чехове написаны тома исследований и комментариев. В большинстве своем — объективных, порой — предвзятых, иногда — злобных с явно пахнущими нечистотами заказа.

Сейчас, через 150 лет после рождения писателя-врача или врача-писателя напомним, что Чехов родился 29 января — естественно, старого стиля, не существовал еще в девятнадцатом веке новый стиль календаря — 1860 года в Таганроге — что-то сенсационное вряд ли возможно написать. Поэтому, поэтому мой Чехов — Чехов глазами военного врача Воздушно-десантных войск последней четверти двадцатого и начала двадцать первого веков.

На первый взгляд кажется, что профессия врача и профессия писателя очень и очень далеки друг от друга. На первый взгляд. Но между ними существует глубокая

связь. И писатель, и врач исследуют человека. Одни исследуют душу, другие — тело. Одни, условно говоря,— идеалисты, другие — материалисты. И хотя Чехов, как он сам неоднократно подчеркивал, был сугубо материалистом, в своих произведениях описание внутреннего мира человека, его переживаний, его мук, в конце концов, его души все-таки занимают не последнее место, порой являясь основной линией сюжета. А картина, дополненная знаниями медицины во всех ее обнаженных и натуралистических подробностях, делают творения Чехова просто изумительно гениальными.

Профессионально писать и учиться медицине Чехов начал почти одновременно: первые его фельетоны появились в конце семидесятых годов позапрошлого века, а медицинский факультет Московского университета он закончил в 1884 году. Учась в университете, Антон Павлович выпустил сборник рассказов «Сказки Мельпомены», печатался на страницах «Стрекозы», «Зрителя», «Осколков», «Будильника», других изданиях. В этой «малой» прессе им было напечатано столько анекдотов, фельетонов, очерков, репортажей, обзоров и рассказов, что все они не смогли уместиться в его первых двух томах собрания сочинений. Литература литературой, но студент Чехов, будучи на четвертом курсе, пытался, но, к сожалению, так и не осуществил научный труд «История полового авторитета», мысли о которой появились под влиянием эволюционной теории Дарвина, его работы о половом отборе. Еще одну попытку научного исследования, на этот раз по истории медицины, Чехов предпринял на последнем курсе университета и в первый год врачебной практики. Труд Чехова назывался «Врачебное дело в России», который впервые был опубликован в 16-м томе полного собрания сочинений, выпущенное в 1979 году.

Учителя?

Какие имена: Сергей Петрович Боткин, Григорий Антонович Захарьин...

«...В русской медицине,— писал Чехов,— Боткин то же самое, что Тургенев в литературе... Захарьина я уподобляю Толстому — по таланту...».

Оба великих ученых и врача, каждый по-своему, сказали свое слово в медицине. Но Боткин жил в Петербурге, и Чехов знал его только по монографиям и выступлениям в печати, а Захарьин оказывал влияние на Чехова непосредственно с кафедры факультетской терапевтической клиники.

Вот, он — пример, достойный подражания, нынешним студентам, которым не хватает «одного дня», «одного часа» до экзаменов. «Штампы», «штампы» — сам знаю и «штампую» специально. Да не для экзаменов-то учишься, бедолага, не для экзаменов. А если купил — поправка: купили родители, родственники, «спонсоры» — право учиться? Учиться? Посещать медицинский факультет купили право, то и выводы из этого положения вещей в современной отечественной медицине соответствующие.

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Август 1966, Симферополь, Крымский государственный медицинский институт; вступительные экзамены; плюс 40 градусов по Цельсию в тени. А кто вас, спрашивается, заставляет лезть в эту тень?»

Конкурс на лечебный факультет среди школьников был ужасающий даже по тем временам, меркам и размерам — восемнадцать с половиной человек (!!!) на одно место. У медалистов, у стажников, у «дембелей», у окончивших медучилище — конкурс намного и намного меньше. У нас, школьников, проходной бал — десять из десяти: «пять» — физика, «пять» — химия и «зачет» по сочинению...

...На лечебный факультет (а кроме него в институте в те времена был еще и педиатрический; детских врачей на этом факультете готовят, а не педагогов) приняли более трехсот человек. В основном лиц мужского пола, преимущественно христианской культурной традиции, как правило, славянской внешности и, естественно, соответствующих анкетных данных. Но имелись и исключения. А как же без них? На наш первый курс приняли всего одиннадцать (!!!) девчонок. Девять — дочери,

внучки, племянницы Номенклатуры. Плюс одна, ростом около 140 сантиметров из какой-то островной Папуасии Тихого океана, с мужем. И одиннадцатая... — но о ней — в другой раз...»

Попутно отмечу, что и Чехов учился на врача за деньги: за деньги, заплаченные за его обучение Таганрогской городской управой; за деньги, которые молодой врач и молодой писатель вскоре с лихвой вернул в казну Таганрогской управы, подарив городу еще и внушительную библиотеку. Про библиотеку — это я так, к слову о нынешнем вымершем племени меценатов.

Будучи летом девятого года «проездом» в Департаменте здравоохранения одной из наших областей, поразила внушительной очереди у дверей отдела кадров: молодые девчонки, одни девчонки, ни одного парня (может попал в такое время, и парней, как «занесенных в «Красную книгу», пропустили без очереди?) записывались на целевое поступление в Тульский медицинский институт. Очередь очередью, но со всех брали подписки, что они после окончания одного института вернуться на пять лет по месту, откуда их, якобы, направили. Ага, щас, жди, разбежались и вприпрыжку побежали — врачами-то после окончания института работают далеко не все. Престиж профессии упал, что ли?..

А Антон Павлович? Забыли про него?

Весной 1884 года после выпускных экзаменов Чехов получает Свидетельство о его утверждении в звании уездного врача, подписанное выдающимся русским хирургом Николаем Васильевичем Склифосовским. Что положено после учебы? Правильно — отпуск. И Чехов поехал отдыхать к брату Ивану в Воскресенск (ныне более известный как город Истра), в двух верстах от которого находилась Чикинская земская больница. Что из этого следует? То и следует, что вместо отпуска доктор Чехов устраивается в эту земскую больницу на временную работу. Если в этой скромной деревенской больнице Чехов, естественно, не может приобрести клинический опыт, то он проходит здесь главную врачебную школу — школу сострадательного отношения к больному и бескорыстного служения общественному благу. И этой школе он останется верен всю свою жизнь.

Кроме Чикинской больницы Чехов работает в Звенигородской, подменяет, уехавшего в отпуск: принимает больных в амбулатории — до 40 человек в день, — ездит на вызовы, участвует в судебно-медицинских вскрытиях трупов.

Затем частная практика в Москве, так как пробиться в столичные клинические больницы очень сложно. Да и первые больные были людьми далеко не состоятельными, а зачастую, зная его доброту и безотказность, к нему за медицинской помощью обращались нищенствующие журналисты и литераторы.

Об ответственности, с какой Чехов относился к своим врачебным обязанностям, характеризует отрывок из письма издателю «Нового времени» А. С. Суворину, предложившему сотрудничать в газете: «...Я врач и занимаюсь медициной... Не могу ругаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный...».

Но обласканный и одобренный одним из старейших русских писателей Д. В. Григоровичем, Чехов все больше и дольше будет уделять времени и душевных сил своему литературному таланту, поняв, что это является его истинным призванием.

С медициной он поступит, как в свое время он поступил с литературой, выделив для врачебной практики несколько часов в день.

Чехов не сменил одну профессию на другую, он до последних дней своей жизни сохранил тесную связь с врачебной своей профессией. Пик медицинской деятельности Антон Павловича приходится на мелиховский период — девяностые годы позапрошлого столетия — его жизни, и этот период был одним из наиболее значимых и плодотворных в его литературной биографии.

В Мелихове он получает как врач и больных, и больницу, а как литератор — и жизнь среди народа, и возможность участвовать в общественной и политической жизни. По его инициативе, инициативе земского гласного, проводится шоссейная дорога от станции Лопастня, ныне город Чехов, до Мелихова; на свои деньги Чехов строит школы в окрестных деревнях. И с первых дней жизни в своей, недавно приобретенной усадьбы, развивает бурную медицинскую практику. Его усадьба превращается в амбулаторию, куда приходят не только из Мелихова, но и из окрестных деревень; он часто выезжает в любое время суток за много верст к тяжелобольным; лечит бесплатно, выступая и в роли хирурга, и в роли терапевта, и в роли детского врача, мало того — покупает на свои деньги лекарства для больных и выдает их опять же бесплатно.

Отрывок из моей книги «Размышления батальонного врача»:

«...Луконькин надолго задумывается. Я терпеливо ожидаю, а гвардии майор медицинской службы запаса неожиданно выдает:

— Ты знаешь, я на гражданке после дембеля не смог работать врачом. Пытался. И не раз. Но не смог. Невыносимо смотреть в глаза старикам, когда знаешь, что лекарства, какие нужны, им не по карману. А дешевых в аптеках нет. И льготные лекарства постоянно в отсутствии. Впаривать пищевые добавки, эту туфту, да же и не пытался. Хотя заманчивых предложений от всяческих фирм и фирмочек было предостаточно. Но не могу, понимаешь, просто не могу...».

В 1892 году — год приобретения Чеховым мелиховской усадьбы — на Центральную Россию с юга распространилась страшная эпидемия холеры. Антон Павлович принимает самое непосредственное участие в борьбе с холерой. Без какого-то вознаграждения, без какого-то содержания, принимает участие добровольно. И отказался он от материального содержания лишь потому, что расценивал свою врачебную работу как работу общественную, как маленький «кусочек политической и общественной жизни».

Вместе с другими земскими врачами Чехов победил холеру: в эпидемию 1892 года в Серпуховском уезде было зарегистрировано всего 14 случаев заболевания с четырьмя смертельными исходами. Победил он холеру и в следующем году. И несмотря на неимоверные затраты сил, на отсутствие помощников, на разбитые дороги, на плохих лошадей, нездоровье и безденежье, Чехов напишет: «Ни одно лето не проводил так хорошо, как это...».

Антон Павлович не отказывался ни от одного своего больного: будь то холерный больной, будь то больной дифтерией или больной тифом — не счесть сколько раз он рисковал своей жизнью, совершенно не думая о себе. Но он не только рисковал своей жизнью, но и сокращал ее, потому что был тяжелобольным человеком, неся неимоверную нагрузку, человеком, которому самому требовались покой и лечение.

В «Записках врача» В. В. Вересаев приводит страшные статистические данные: от заразных болезней умирало около шестидесяти процентов земских врачей; в 1892 году половина всех умерших земских врачей погибла от сыпного тифа. Как Чехов сумел выжить в эти два холерных года, наверное, только ему одному известно, может еще и всевышнему.

Вот тебе и самая гуманная профессия, вот тебе и самая денежная, самая престижная. Кстати, об оплате за труд врача. Вылечил больного с наименьшими затратами самого больного на лекарства и процедуры — получи соответствующее вознаграждение; не вылечил, потратил больной на дорогостоящие лекарства и не менее дешевые обследования и процедуры все свои сбережения — и все «коту под хвост», — какое тогда может быть такому лекарю вознаграждение?

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий

год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются — откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки» восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом оборвался, и ко мне подходит один из цыган. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки больного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лопочет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаюсь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камарад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами, семь человек, внедряются, точнее не скажешь, на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гипократа!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьмишь деньги. Если не возьмишь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свою работу каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел философию... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру — мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям — и Алексею Филатову — пятьдесят рублей.

За добросовестно проделанную работу...».

В декабре 1898 года, когда Чехов в Ялте лечился от туберкулеза, ему пришло письмо от врачей Севастополя с приглашением прибыть на празднование столетия Военно-медицинской академии, причислив писателя к числу выпускников Академии. На самом деле не являясь выпускником Академии, Чехов не обиделся на невольную ошибку и очень сожалел, что не мог принять участие в этом торжестве.

Чехов до последних дней считал себя прежде всего врачом, а потом литератором.

Отрывок из книги Б. М. Шубина «Доктор А. П. Чехов»:

«...Чехов любил свою медицину, дорожил и гордился званием врача. По свидетельству многих его современников, он близко к сердцу принимал сомнения в его врачебных достоинствах:

«...Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик», — заметил он в беседе с братом одного из основателей Московского художественного театра, писателем Василием Ивановичем Немировичем-Данченко. И это при той исключительной скромности, которая отличала Чехова!

«Ты думаешь я плохой доктор? — спрашивает он у В. А. Гиляровского и в свойственной ему манере заканчивает иронически: — Полицейская Москва меня признает за доктора, а не за писателя, значит, я доктор. Во «Всей Москве» (справочном издании того времени. — Б. Ш.) напечатано: «Чехов Антон Павлович. Малая Дмитровка. Дом Пешкова. Практикующийся врач». Так и написано: не писатель, а врач...».

Когда М. Горький предложил Чехову поехать с ним в Китай корреспондентом для освещения боксерского восстания, Антон Павлович ответил, что поедет, если война затянется, но поедет врачом, а не корреспондентом.

Опять привожу отрывок из книги Б. М. Шубина — лучше не скажешь, все равно:

«...Тяжела ответственность врача за судьбу доверившегося ему пациента. За малейшую ошибку или оплошность он казнит себя и умирает с каждым больным, которого не смог поставить на ноги.

Важность миссии врача выделяет эту профессию из всех существующих на земле. Вот какие высокие требования предъявляет А. П. Чехов к человеку, посвятившему себя медицине: «Профессия врача — это подвиг, она требует самоутверждения, чистоты души и чистоты помыслов.

Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически».

Это его высказывание удивительным образом перекликается со словами выдающегося врача древности Гиппократ: «Врач-философ равен богу. Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что необходимо для жизни...».

Все так: «чистота помыслов» — у Чехова, «презрение к деньгам» — у Гиппократа. А если — все наоборот?

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Как я не стал «народным целителем».

После увольнения в запас, я стал немного заниматься (для души) частной практикой (громко и, главное, самоуверенно сказано). Обо мне узнали и пригласили в клинику доктора Л. Назначили испытательный срок.

В первый день выделили трех самых тяжелых пациентов, хотя в этой, так называемой, клинике больных называли (обзывали) клиентами. Моя (конечно, не моя, а многих авторов), методика понравилась руководству. Провел сеанс и с самим доктором Л.

— Да, это очень перспективнейшее направление. Ваш метод,— я скромно опустил глаза,— нам подходит. После испытательного, вместо двух — одного месяца, будем оформлять на постоянную работу. По рукам?

— По рукам!

И в продолжение разговора:

— К нам ходит один клиент. Полгода. Болят суставы. Не можем его вылечить. Не посмотрите его в следующий прием?

— Нет проблем.— И дернуло меня ляпнуть.— Тем более — у него болезнь Рейтера.

Доктор Л. ошарашено уставился на меня. Дескать, откуда. Первый раз слыша о клиенте ту информацию, что он только сказал? Более того, совсем не видя клиента — и сразу диагноз?

— Откуда? И что это — за болезнь?

Вот так — скажешь первое попавшееся, что вертится на языке, и в самое яблочко. Потом сам порой думаешь: откуда? Объясняю ему популярно про эту «экзотическую» болезнь суставов и других органов.

На следующий день ко мне в кабинет входит этот самый клиент... тьфу, ты, входит больной. Персонал «клиники», собравшись в холле, ждет результата. Как же! Не успел прийти, этот бывший военный докторишка, не видя клиента и ставит диагноз. О котором слышать никто не слыхал, ни один наворочено-компьютерный прибор ничего не показал, а он, глянь-ка, что творит.

Тщедушный мужичок протягивает мне распечатку с компьютерно-диагностического аппарата, где около двадцати диагнозов и каждый диагноз гарантирует скорейший летальный исход.

Мельком глянув на эту «филькину грамоту», задаю ему вопрос, совсем не касающийся его суставов.

— Глаза, перед тем, как заболели суставы, гноились?

Больной посмотрел на меня с испугом, как на непонятное, странное явление природы.

— Да, было такое.

Следующим вопросом добиваю его окончательно.

— После глаз, но перед болями в суставах из — простите великодушно за натурализм — конца капало?

Он чуть не убежал из кабинета, в откровенном страхе уставившись на меня.

— Было! — еле слышно произнес он. — Ровно полгода назад. Перед тем, как заболели суставы. И глаза, и этот, член, как его, половой. Но меня никто до Вас об этом не спрашивал.

— Чем лечился? — На «Ты», как принято у славян, называю своих пациентов-больных.

Мужичок подает мне список, якобы, лекарств, которые оказываются на самом деле БАДами (биологически-активными добавками). Очень дорогими, кстати говоря.

— Вот тебе рецепт. Пойдешь в любую аптеку и купишь. Стоит дешево. Со следующего приема начну лечить. Вдобавок свожу к знакомому ревматологу. Бесплатно.

— А куда мне все эти лекарства деть? Какие мне продали здесь? Они же очень дорогие. Я и так на них за полгода весь поистратился.

Не люблю, когда дурят больных, пусть даже клиентов. Особенно, когда обдирают до нитки. Особенно, бедных.

— Выбрось в урну или засунь их доктору, который их тебе прописал... ну, ты сам знаешь куда...

Через полчаса я был уволен, не пройдя испытательного срока. Очень большого срока — в одну неделю...».

Сегодня в нашей стране, к великому, даже величайшему сожалению, и врачи, и больные продают и покупают здоровье. И Чехов на протяжении всего своего творческого пути будет развивать образ врача-стяжателя, который считает купюры и которого он заклеил ставшем нарицательным именем Ионыч.

Врач-предприниматель, врач, торгующий фирменными лекарствами и получающий процент от этой фирмы за удачные сделки, в том числе и сделки со своей совестью,— это разве не противоестественно? Хотя, какая может быть у таких медиков совесть?

С другой стороны, страсть к стяжательству, страсть к наживе — это порок не сколько личности, сколько общества, построенного на принципе купли-продажи. Что и наблюдаем.

Чехов верил в медицину и считал, как и его учителя С. П. Боткин, Г. А. Захарьин, Н. И. Пирогов, что все другие ненаучные способы лечения болезней являются шарлатанством. Спиритизм, гомеопатия, магнетизм, знахарство — для Чехова понятия однозначные: все это — шарлатанство.

А сегодня?

Открой любую газету, любой журнал — сплошные знахари, колдуны, маги, лечащие всякие и всевозможные болезни, спасающие от любых смертельных недугов. Включи телевизор — на каждой программе с утра до вечера, не только реклама лекарств и прочей белиберды, но и советы: пей мочу, ешь кашку, стой на голове. Прибавьте к этому некоторых журналистов и писателей, безответственно распространяющих на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров легенды и вымыслы, преподносящиеся в виде очередной сенсации, о непроверенных и просто темных методах лечения серьезных болезней.

«...Лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их»,— говорит Чехов устами своего героя.

Но и малограмотные врачи, какими бы они ни были добрыми людьми, в произведениях Чехова выглядят жалкими, беспомощными, опустившимися. Чехов очень тяжело переживал малограмотность и невежество многих своих коллег и, обращаясь к М. Горькому, он писал: «Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает, и в 40 лет серьезно убежден, что все болезни простудного происхождения...».

Чехов ни перед чем так не преклонялся, как перед достижениями научной мысли, за которыми он постоянно следил. Он часто выступал против крикливой рекламы и профанации науки и в то же время был поборником санитарного просвещения населения, призывал своих коллег-врачей не игнорировать и не гнушаться этого раздела работы. И сам Чехов выступал в печати с медицинскими статьями.

Про медицину Чехов шутливо говорил, что она — его законная жена, а литература — любовница. Но любовница ни в коей мере не наносила ущерба законному союзу, который обогащал любовь новым содержанием и знаниями.

Чехов неоднократно подчеркивал, что писатель, знающий естественные науки, имеет преимущество перед своими собратьями по перу, не получившими такой подготовки.

Отрывок из очерка Максима Горького «А. П. Чехов»:

«...О своих литературных работах он говорил мало, неохотно; хочется сказать — целомудренно и с тою же, пожалуй, осторожностью, с какой говорил о Льве Толстом. Лишь изредка, в час веселый, усмехаясь, расскажет тему, всегда — юмористическую...

О своих пьесах он говорил как о «веселых» и, кажется, был искренне уверен, что пишет именно «веселые пьесы»...

Но вообще к литературе он относился со вниманием очень зорким, особенно же трогательно — к «начинающим писателям». Он с изумительным терпением читал обильные рукописи...

— Нам нужно больше писателей,— говорил он.— Литература в нашем быту все еще новинка и «для избранных». В Норвегии на каждые двести двадцать шесть человек населения — один писатель, а у нас — один на миллион...»

И еще из очерка Максима Горького:

«Он был врач, а болезнь врача всегда тяжелее болезни его пациентов; пациенты только чувствуют, а врач еще и знает кое-что о том, как разрушается его организм. Это один из тех случаев, когда знание можно считать приближающим смерть...

...О Чехове можно написать много, но необходимо писать о нем очень мелко и четко, чего я не умею...

Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл.

Человек — ось мира.

А — скажут — пороки, а недостатки его?

Все мы голодны любовью к человеку, а при голоде и плохо выпеченный хлеб — сладко питает».

Умер Антон Павлович Чехов в ночь с 1 на 2 июля 1904 года.

АФОРИЗМЫ ЧЕХОВА НА МЕДИЦИНСКИЕ ТЕМЫ:

Водка белая, но красит нос и чернит репутацию.

Даже болеть приятно, когда узнаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления, как праздника.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, это значит, что болезнь неизлечима.

Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неприятное в его жизни.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

МОЙ ЧЕХОВ

Один из немногих больших писателей, Чехов входит в нашу жизнь еще в детстве. «Каштанка». Симпатичная собачка, проявившая верность своим хозяевам и устоявшая перед соблазнами веселой жизни циркового манежа. «Мальчики». Некто Чечевичин, мальчик-гимназист, подбивающий своего одноклассника Володю, пригласившего его погостить на каникулы, к побегу через Камчатку в Америку, за что пришлось покинуть ему гостеприимный дом. Монтигомо Ястребиный Коготь — оставил он на память о себе в тетрадке восхищавшимся «отважным путешественником» девочкам памятную запись. Чуть позже «Ванька». Как жалко было, что посланное Ванькой Жуковым письмо своему веселому дедушке «на деревню» никогда не дойдет до адресата. А потом уже «взрослые» рассказы. Если даже не читали, то видели, потому что многие экранизированы и, как правило, удачно. Автор был бы доволен. «Дочь Альбиона» — про то как русский барин, не стеснясь гувернантки-англичанки, похожей на сушеную воблу, нагишом лезет в воду, чтобы достать запутавшийся в прибрежных кустах рыболовный крючок. Или «Человек в футляре», про некоего Беликова, который добровольно отгородился от мира всегда раскрытым надо головой зонтом и, чтобы, не дай Бог, не простудиться, всегда ходил в калошах. Экранизированы даже небольшие смешные истории, например, о том, как деревенский фельдшер вырвал у мужика здоровый зуб, вместо больного. Или «Злоумышленник», — никак не возьмет в толк деревенский мужик, что, отвинтив болт у рельса на грузило для рыбалки, он создает опасность крушения на железной дороге. Много их. Смотрятся легко, потому что исполнители были все первоклассные актеры — Грибов, Раневская, Гарин, Жаров, а текст — чеховский, простой и легкий, без труда ложится на язык.

А потом приходит черед — «Степи», «Дому с мезонином», «Даме с собачкой». Невозможно не поддаться очарованию языка, образов, настроения. И по прочтении, хоть, может быть, на мгновение, всегда возникает желание стать лучше, искреннее, добрее. Как заметил Пушкин, поэт (и писатель тоже) «...чувства добрые» должен, «лирой пробуждать». Видимо, оттого Толстой назвал Чехова Пушкиным в прозе.

И венцом осознания влияния писателя на ум и сердце станет понимание и принятие «Чайки», «Дяди Вани», «Вишневого сада». Понимание того, что Чехов не развлекает, а приглашает сопереживать, увидеть в обычных поступках, простых человеческих словах скрытые чувства, переживания, улыбку (может быть, оттого автор считал эти пьесы комедиями), слезы. И, скорее, поэтому, когда современные авангардные режиссеры делают из чеховских пьес «видеоряд», заменяют подтекст реквизитными и сценическими эффектами, возникает чувство обиды за Чехова. Современные пиджаки, майки, танцы на столе делают Чехова малоузнаваемым. Не на такое воплощение своих пьес на сцене он рассчитывал. Именно из-за постановки по то-

* Наш постоянный автор, профессор, доктор медицинских наук.

гдашней театральной традиции провалилась премьера «Чайки» в Александринском театре.

Ну, а что касается образов врачей в произведениях Чехова, то представляется, выстроил писатель и врач, основные архетипы людей этой профессии.

Дымов. Наверняка есть такие, кто, поступая в медицинский институт, делали выбор, находясь под обаянием этого почти идеального образа. Он хороший врач, самоотверженный, погибает, спасая ребенка, умирающего от дифтерии гортани. Он увлечен наукой, «будущий профессор», говорит о нем его друг. Чтобы обеспечить жене «светскую» жизнь, работает в двух больницах и ночами сидит над переводами. Работает много. До мелочей женой жизни ему нет дела, но спешит исполнить ее любой каприз.

Ординатор Королев. У хороших профессоров учился Чехов. Г. Захарьин, Ф. Эрисман, Н. Филатов. Они научили его внимательному отношению к больному, пониманию того, что больного следует лечить не только лекарством. Чехов пишет: «Королев понимал, что иногда можно и нужно помочь не лекарством, а словом и вниманием, проявленным не формально, а прочувствованно и сострадательно». Как это слово преобразило «непричесанное, несчастное, убогое существо». По окончании визита Королева провожала его одетая «по-праздничному в белом платье, с цветком волосах», его пациентка. Видел писатель таких врачей среди своих коллег. Конечно, и сам был таким.

Ионыч. Вроде бы поначалу хороший доктор, порядочный человек. Два года он не может ответить на приглашение быть в семье Туркиных, где глава семьи смешит гостей каламбурами, жена его пишет романы и читает их вслух, а дочь играет на фортепьянах, — в больницы было много работы. А начав бывать, влюбляется в дочку, молодую девушку. Объясняется в любви пылко, искренне. Отвергнут. И превращается — всего за четыре года! — в Ионыча, стяжателя, видящего в больных источник наживы. Однако не несчастная любовь была тому виной, поясняет Чехов. Обывательская среда провинциального города убила в нем возвышенные чувства и мысли, заменила их деньгами, наживой. И, как следствие, изменился даже весь его облик, поведение. «...Горло у него заплыло жиром, голос изменился, стал тонким и резким». Что-то похожее и так же быстро произошло с нашим врачебным сословием в постперестроечное время. Общество «перезагрузилось» на деньги. Бессребреником, «не берущим», быть стало даже как-то странно. Могут не понять. А когда врач смотрит в карман больного, то ему уже не до внимательного изучения его жалоб, анамнеза, анализов. Совсем как Ионыч.

И Астров. Этот образ создает уже зрелый мастер. Повидавший многих врачей и почувствовавший, каким должен и может быть русский врач. Даже в гостях у дяди Вани из головы у него не идет мысль о больных. Дважды, в 1-м и во 2-м акте пьесы, он посреди разговора повторяет одну и ту же фразу: «В Великом посту у меня больной умер под хлороформом». Его зовут на фабрику к больному, и он оставляет гостеприимных хозяев и едет на вызов. Работает тяжело, много. «От утра до ночи все на ногах, покою не знаю... За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного», — говорит он няньке, одному из персонажей пьесы. И не смотря на такую изматывающую и старящую его занятость, находит время и силы для составления «картограммы» лесопосадок, потому что болит у него душа за русский лес. Именно в уста Астрова Чехов вкладывает свое знаменитое: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Как многомудрый Гиппократ описал четыре конституциональных типа человека — сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик, так доктор Чехов разглядел в российском врачебном сословии четыре архетипа — Дымов, Королев, Ионыч, Астров. Последний менее известен широкой публике, в том числе и врачебной. Пьесы, в от-

личие от рассказов, не читают, а в театр ходят реже, чем раскрывают книгу. А Астровы есть. Как, впрочем, и Ионычи. На Дымовых и Королевых держится еще отечественная медицина.

Десятилетия спустя приходит время прочесть письма Чехова, воспоминания о нем его друзей и близких. В этих книгах найти и познакомиться с фотоархивом семьи его и его самого. Вглядеться в его лицо, весь облик. Понять, что за человек был писатель и врач Антон Павлович Чехов.

Попробуем посмотреть на Чехова со стороны, глазами его современников, среди которых были разные люди — друзья, почитатели его таланта, и недруги, завидовавшие его раннему писательскому успеху, и из этого калейдоскопа мнений, оценок попытаться составить себе человеческий портрет Антона Павловича.

В качестве одного из источников таких сведений возьмем недавно вышедшую книгу Ф. Ф. Фидлера «Из мира литераторов», Москва 2008, изданной под эгидой авторитетных организаций — Российской Академии наук и Института русской литературы (Пушкинского дома). Несколько слов об авторе. Федор Федорович Фидлер — переводчик, коллекционер и педагог (1859 — 1917) был, как сказано в аннотации, одной из центральных фигур петербургской литературной жизни 1880-х — 1910-х годов. Дневник его запечатлел колоритные (подчас интимные) подробности литературного быта и жизни русских писателей того времени. Однако нас интересовали, прежде всего, сведения о Чехове. В книге много высказываний о Чехове писателей, с которыми общался Ф. Ф.

Вот его первое впечатление о писателе. «Весь его облик дышит простотой и естественностью, но есть в нем какая-то мягкая и спокойная самоуверенность». Это объективная оценка. Мемуарист не был ни другом, ни неприятелем писателя.

Сцена, свидетелем которой был Ф. Ф.: Потапенко дает Чехову сорок копеек. Тот кладет их в карман со словами: «Дают — бери». Это деньги, которые Чехов потратил на извозчика, доставляя по просьбе Игнатия Николаевича домой общую знакомую Авилову (И. Н. Потапенко — друг и соперник Чехова за сердце Лики Мизиновой).

Альбов отправился в Полтаву вместе с Чеховым. «Он такой скупой: на станциях, где мы ели и пили, ни разу не дал на чай ни копейки: мне было стыдно перед официантами». (М. Н. Альбов — прозаик.)

Запись Ф. Ф., которому привелось быть свидетелем разговора у Лейкина. «Чехов развивал свой план дешевого ежесемейника... Денежного вопроса он касался неоднократно и с подлинной страстью». Еще одно свидетельство Ф. Ф. о скупости Чехова. «Вчера я получил в подарок для моего «музея» (большая коллекция фотографий и писем писателей той поры.— Р. А.) интересный документ: расчет Чехова с журналом «Осколки» (указание номеров журнала, в которых печатались его вещи, и количество строк в каждой из них»).

Но вот рассказ другого человека о «скупости» писателя, П. А. Сергеенко. Однокашник по гимназии Антона Павловича поведал Ф. Ф.— что его гимназический друг «был чрезвычайно практическим человеком, «совсем как Гете». Но в то же время весьма деликатен. Он отклонил предложение Суворина (который предлагал на 25 тыс. рублей больше, чем Маркс — Р. А.) заключить договор на издание собраний сочинений. Он сделал это отчасти потому, что уже дал согласие Марксу, но прежде всего из чувства деликатности по отношению к Сергеенко, который был посредником в деле. «Вряд ли какой-нибудь другой человек поступил бы так же, тем более что неожиданная прибавка в 25 тысяч была ему очень кстати» — заключил Сергеенко свой рассказ.

Или рассказ художника Константина Коровина, имевший место в Крыму у Чехова. «Я сказал ему, что хочу купить в Крыму маленький участок и построить себе здесь мастерскую...». «— Маша,— сказал он сестре,— знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе... Слушай, Маша, я подарю эту землю Константину Алексеевичу...»

Филиппов: «Чехов — продукт «Нового Времени». Он не был либералом, держался в высшей степени безразлично. Посмеивался над евреями». (С. Н. Филиппов — журналист, театральный критик, беллетрист. Поместил в «Русском Курьере» уничтожающую рецензию на Чеховского «Иванова», в результате чего театр Корша исключил пьесу из своего репертуара).

Да, Чехова обвиняли в антисемитизме, ссылаясь при этом на рассказ «Тина». Но вот, что записывает Ф. Ф. «Мамин (автор мемуаров не прибавляет к фамилии писателя — Сибиряк. Р. А.) представил Чехову Жихарева и предложил что-либо ему пожелать. И Чехов процитировал самого себя (кажется из «Иванова»): «не женись на актрисе и не женись на еврейке!»... «А сам-то (замечает Жихарев)? Женился впоследствии на актрисе, которая — еврейка (Книппер)». Вот таким «антисемитом» был Антон Павлович.

Весьма запутан вопрос об отношениях Чехова к женщинам. Он равнодушен к красивым женщинам. «...совершенное отсутствие интересных женщин...» — пишет он из Ялты Горькому. Тому же адресату «...мне скучно без людей, без музыки... и без женщин...». С дороги на Сахалин в письме из Томска: «...красивых женщин совсем нет». Умиравший Чехов пишет из Баденвейлера сестре Маше: «Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние». Можно вспомнить его рассказ «Красавицы». С мальчишеских лет Чехов умел оценить женскую красоту.

Но вот свидетельства из книги Фидлера. Они (Чехов и Филиппов) посещали в Ялте бордель, и Филиппов удивлялся, до чего «возмутительно бессердечное обращение позволял себе Чехов по отношению к проституткам». Это единственное свидетельство подобного рода в большой — 800-страничной книге знаменитого мемуариста. Как совместить это «наблюдение» критика Филиппова с рассказом «Припадок», с весьма сдержанным описанием сцены «падения» Анны Сергеевны в «Даме с собачкой». И даже, казалось бы, на что неизысканные любовные отношения у Агафьи с огородником Савкой, однако не только никакого смакования их «любви», но и эта сцена опущена в одноименном рассказе. С другой стороны, Чехов не идеализирует женщину — см. рассказ «О любви». Вспоминаются его хорошо известные и многократно цитируемые слова — «меня маленького так мало ласкали... Поэтому и сам хотел бы быть ласковым с другими, да не умею». Вспоминается также Есенин, его цикл стихов «Москва кабацкая». Люди из провинции, «из простых» (и Чехов, и Есенин — «из мещан») часто сурово относились к падшим женщинам. Не так, как друзья героя рассказа «Припадок».

Любопытно другая запись в дневнике мемуариста. Ф. Ф. пишет: «Он (Чехов) имеет дело почти исключительно с замужними, так сказать, приличными женщинами; два года назад он говорил мне, что никогда еще не лишал невинности ни одну девушку».

Весьма по-разному оценивают характер Антона Павловича знавшие его и встречавшиеся с ним люди.

Баранцевич: «...это был замкнутый в себе эгоист, а как писатель — талант второго ранга». (К. С. Баранцевич — малоталантливый прозаик, одно время был другом Чехова.)

Но вот мнение Мамина (Сибиряка), литературный талант которого нельзя не признать. На вопрос Ф. Ф., хорошо ли он знал Чехова, Мамин отвечает: «Хорошо? Нет. Его никто не знал хорошо. Все, писавшие воспоминания о нем, — лгут. Это был хитрый, лукавый человек. Если он говорил, что пойдет направо, то шел налево. Я раскусил его сразу же после нашего первого разговора!» Эти высказывания были сделаны обоими после смерти Чехова — в 1908—1909 г.г. Если первый, возможно, сделал это из зависти, то второй — скорее всего потому, чтобы был недобрый человек. Ф. Ф. пишет, что на именинах Мамина писатель «позволил себе несколько оскорбительных замечаний в адрес Горького». Но когда ему сказали, что Горький с

симпатией отзывался о нем как о человеке и писателе, Мамин на мгновение смолк. А когда кто-то из присутствующих запел *Солнце всходит и заходит*, «...Мамин начал пищать, выть и рычать».

Слаб человек!

Многие современники Чехова писали и говорили, что он был замкнутым человеком, не пускавшим посторонних в свой внутренний мир. Тот же Баранцевич: «Это был очень скрытный человек, всегда державший камень за пазухой». Другого мнения от этого человека ожидать был бы трудно. Леонид Андреев отмечает нечто сходное в характере Антона Павловича, но понимает его более глубоко: «Он казался холодным, но под этим льдом таилась лава...».

Может быть, объяснение холодности и замкнутости, которые воспринимались окружающими как высокомерие, можно найти в следующем воспоминании И. Л. Леонтьева-Щеглова, писателя и друга Антона Павловича. «...Нельзя выворачивать только пережитое,— говорит ему Чехов,— это ведь никаких нервов не хватит! Писателю надо непременно в себе выработать зоркого, неутомимого наблюдателя... сделать (это) как бы второй натурой». В самом деле, у Чехова не найдешь в его произведениях «выворачивания» им самим «пережитого». Не в пример Толстому, где в «Крейцеровой сонате» выведены не в самом приглядном виде переживания, связанные с его семейной жизнью. Или Достоевскому, когда очевидны в некоторых его литературных героях, например Настасьи Филипповны, черты Полины Сусловой, любовь к которой принесла ему много страданий. В натуре Чехова выработалась зоркая наблюдательность, объективность в изображении действительности, без обозначения своего отношения к ней. Без «убеждений», за что многие осуждали его, но он не менял своей позиции. Характерен разговор Чехова со студентами, свидетелям которого был художник Коровин:

«— Если у вас нет убеждений,— говорил один студент, обращаясь к Чехову,— то вы не можете быть писателем...— У меня нет убеждений,— ответил Антон Павлович...— Как же можно написать произведение без идей? У вас нет идей? — спросил другой студент.— Нет ни идей. Ни убеждений...— ответил Чехов».

Кто хотел, много видел негатива в характере Чехова. Особенно отличились коллеги-писатели. Ф. Ф. был свидетелем разговора Мамина с Альбовым. «Мамин рассказал ему, что был в Крыму свидетелем того, сколько подобоострастно держался Горький по отношению к Чехову, и сколь высокомерно стал вести себя Чехов по отношению ко всем остальным». И Альбов не скупится на выражения: «Это доказывает, что Чехов большой холоп».

Еще одна запись в дневнике Ф. Ф. на ту же «тему». Он в компании двух писателей — Баранцевича и Филиппова. «...я уже предупредил Баранцевича, что Филиппов будет бранить не только все русское, но и русских писателей... в беседке ресторана «Медведь» мы выпили несколько стаканов пива и при каждом писательском имени, которое я (Ф. Ф.) называл, Филиппов восклицал: «Негодяй!» или «Подонок!», или «Мерзавец!», или «Вор!», или «Бездарный наглец!» Порой не лишне знать, кем и в какой ситуации давалась современниками та или иная характеристика историческому лицу.

Многое можно понять и объяснить, познакомившись с тем, как современные Чехову писатели оценивали его талант. Карпов — о Мамине: «Это колоссальный талант, более яркий, чем Короленко и Чехов». (Е. П. Карпов — драматург, писатель, мемуарист).

Отличился и Ф. Сологуб: «Чехов — тоже (талантлив — сравнение с Л. Андреевым.— Р.А.), хотя и он пошловат, поверхностно остроумен и алчен (особенно в своих письмах, которые все так хвалят)». Особенно в своих письмах Чехов предстает человеком деятельным, лишенным всякой пошлости, не хвастающий своими любовными победами, участливым и щедрым, но и бережливым и расчетливым (ведь на его заработки, а они были только литературными, жило целое семейство Чеховых). В частных письмах любой из нас невольно предстает таким, каков есть.

Сургучев: «Подобно тому, как среди врачей есть специалист по левой ноздре, так и Чехов специалист в описании определенного класса людей, к тому же великолепно знающий свое дело». (И. Д. Сургучев — новеллист, романист, драматург.)

Волынский. Ф. Ф. приводит его слова о Горьком и Короленко, которых сейчас совсем не читают: «...они поддались духу момента и стали изображать несуществующих людей («босяков») в искусственной среде; а такого подлинного писателя, как Чехов, будут читать и через сто лет». (А. Л. Волынский — литературный критик, искусствовед.) Угадал Аким Львович, прошло полтора года лет со дня рождения писателя, а читателей и почитателей его не убавилось.

Большое видится на расстоянии. Чехов пришел в Москву и литературу из провинции, неся в себе все присущие ей черты — жажда утверждения, успеха, бережливость до скупости, жесткость до грубости, головокружение от раннего литературного успеха. Ему было что «выдавливаться из себя по каплям». И ему это удалось в большей мере, чем писателям, его современникам. Кто еще из «властителей дум» делал это? В его произведениях нет ни пошлости, ни провинциальной ограниченности, ни жестокости, ни морализма. Впрочем, Чехов и не имел желания быть властителем дум, к чему стремились, да и сейчас кем пытаются стать, русские писатели, подчиняясь ожиданиям публики. Но его позиция — «без идей и убеждений» оказалась востребованной и спустя сто с лишним лет. Безыдейным писателем был Антон Павлович. Век же идейных писателей оказался коротким.

И как врач, не могу не сказать об Антоне Павловиче, как о своем коллеге. Пятнадцать лет было отдано им служению медицине. Это был порой тяжелый, самоотверженный труд. Когда в центральной части России вспыхнула эпидемия холеры и подступила к Серпухову, Чехов попросил местное земство зачислить его участковым врачом. Обслуживал не только свой участок, который включал в себя 25 деревень, но и участок заболевшего коллеги. «Пока я служу в земстве, не считайте меня литератором», — пишет он Суворину. Так мог сказать не дилетант в медицине, каким иногда представляют Чехова, а врач, преданный своей профессии. Читая его письма, находишь весьма грамотные советы и рецепты, которые писатель и врач давал и прописывал своим больным спустя много лет по окончании медицинского факультета. Вспоминает писательница Т. Щепкина-Куперник: «...Я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, жившую в деревне близ станции Лопасня. Она оказалась больна чахоткою. Я очень встревожилась и стала допрашивать, есть ли там доктор, есть ли у него лекарства, и она ответила мне: «Не бойся, родимая, дохтур у нас есть тут такой, что и в Москве не сыщешь лучше. Верст за шесть живет. Антон Павлович. Уж такой желанный, такой желанный, — он и лекарства мне сам дает». Только позже, познакомившись с Чеховым и попав в Мелихово, я поняла, кто был этот «желанный» Антон Павлович». Только резко обострившийся туберкулез легких заставил Чехова по настоянию врачей оставить свою врачебную практику. «...Это будет для меня облегчением и крупным лишением», — напишет он в связи с этим Лейкину. «Облегчением», значит, трудно было слабому здоровьем Чехову нести свой врачебный крест, а «лишением» — потому что любил он это дело — врачевание.

Как часто в биографиях крупных творческих личностей и в воспоминаниях о них приходится читать о психических отклонениях, наркомании, алкоголизме, длительных депрессиях, прерывавших иногда на долгие годы их труд. Ничего подобного не находишь в воспоминаниях о Чехове или в его письмах. Из писем его другим и другим ему, в многочисленных воспоминаниях о нем близко знавших его людей нигде не видно свидетельства склонности к депрессии, унынию, жалобам на непонимание и хулу, хотя и то и другое было. Вспоминаются слова Ф. В. Шеллинга из его Штутгартской лекции: «Люди, не носящие в себе никакого безумия, суть люди пустого, непродуктивного ума». К Антону Павловичу это не относится.

Таков мой Чехов.

Виктория Ткач*

(г. Тула)

В. ВЕРЕСАЕВ И А. ЧЕХОВ — ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

О, литература! Быстрая, стремительная река творческого созидания, избравшая руслом своим неуловимое время и скоротечные человеческие жизни! Сколько могучего и непостижимого в ее водах! Сколько одиноких путников встречаются на берегах ее у негасимого костра творческого общения и вдохновения! И встречи эти наполнены неизменным интересом и уважением собеседников друг к другу. Таким, несомненно, было и общение Викентия Викентьевича Вересаева и Антона Павловича Чехова — врачей и писателей, оставивших неизгладимый след в русской литературе.

Не все воспоминания обретают вечность на бумаге. К сожалению, А. П. Чехов не успел оставить записи о своих встречах с В. В. Вересаевым, о творчестве которого очень высоко отзывался. В. В. Вересаев же достаточно кратко описал в своих «Литературных воспоминаниях» общение писателей. Однако, и эта, свойственная Вересаеву медицинская лаконичность в характеристиках, дает достаточное представление о Чехове — писателе и человеке.

Вересаев всегда видел в Чехове одного из своих учителей, хотя разница в возрасте у них была небольшой — всего 7 лет. Писатели вступают в переписку, а вскоре и встречаются лично. Однако, ранние произведения Вересаева не вызвали одобрения Чехова, и только в начале 1900-х годов, после выхода «Записок врача» и рассказов о крестьянах, отношение Чехова к Вересаеву резко меняется. Кстати, «Записки врача» произвели на Чехова столь сильное впечатление, что он вместе с Вересаевым сочувственно встретил предложение Г. Задеры об участии в создании подобной же книги, посвященной фельдшерам. Издание это, правда, не состоялось. 1 июля 1903 года А. П. Чехов пишет А. Суворину: «Вы читаете теперь беллетристику, так вот почитайте кстати рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа «Лизар». Мне кажется, что Вы останетесь очень довольны. Вересаев врач, я познакомился с ним недавно, производит очень хорошее впечатление». А в письме к О. Книппер от 28 октября 1903 года просит при случае передать Вересаеву, что тот ему «очень нравится».

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«Я познакомился с Чеховым в Ялте весной 1903 года. Повез меня к нему Горький, который был с ним знаком уже раньше. Неуютная дача на пыльной Аутской улице. Очень покатым двор. По двору расхаживает ручной журавль. У ограды чахлые деревца.

Кабинет Антона Павловича. Большой письменный стол, широкий диван за ним. На отдельном столике, на красивом картонном щите, веером расположены фотографические карточки писателей и артистов с собственноручными надписями. На стене печатное предупреждение: «Просят не курить».

Чехов держался очень просто, даже как будто немножко застенчиво. Часто покашливал коротким кашлем и плевал в бумажку. На меня он произвел впечатление удивительно деликатного и мягкого человека. Объявление «Просят не курить» как

* Наш постоянный автор, старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева.

будто повешено не просто с целью избавить себя от необходимости говорить об этом каждому посетителю, мне показалось, это было для Чехова единственным способом попросить посетителей не отравлять табачным дымом его больных легких. Если бы не было этой надписи и посетитель бы закурил, я не представляю себе, чтобы Чехов мог сказать: «Пожалуйста, не курите, — мне это вредно». Горький в своих воспоминаниях о Чехове приводит несколько очень резких его ответов навязчивым посетителям. Рассказывает он, например, как к Чехову пришла полная, здоровая, красивая дама и начала говорить «под Чехова»:

— Скучно жить, Антон Павлович! Все так серо: люди, небо, море... И нет желаний... Душа в тоске... Точно какая-то болезнь...

И Чехов ей ответил:

— Да, это болезнь. По-латыни она называется *mordus pritvoralis*.

Совершенно не могу себе представить Чехова, так говорящего со своей гостьей. После ухода ее он мог так сказать — это другое дело. Но в лицо...»

Из воспоминаний В. В. Вересаева мы узнаем, что Антон Павлович очень понравился ему своей простотой, скромностью и какой-то удивительной деликатностью. Конечно, вежливость и сдержанность Чехова импонировала Вересаеву. И это не удивительно, ведь профессиональная врачебная этика составляла неотъемлемую часть жизни и деятельности обоих писателей-врачей. Медицина всегда была важна для них. Она являлась сферой общественного служения народу, тесного сближения с ним, позволяла видеть горе и радость людей, глубже разбираться в психологии и переживаниях человека. В ряде лучших произведений Чехова отразились его наблюдения в период врачебной деятельности в Воскресенске, Звенигороде и особенно в Мелихове. Итогом наблюдений и раздумий Вересаева явилась его знаменитая книга «Записки врача», которая была горячо принята и поддержана Чеховым — писателем и врачом. И Чехов и Вересаев много писали о земских врачах, которые по характеру своей деятельности ближе всего стояли к народу. Оба писателя с большой теплотой и искренним сочувствием рассказали об этих скромных тружениках, которые самоотверженно и бескорыстно служили народу, помогали людям в тяжелые для них часы и минуты.

Надо отметить, что у писателей вообще было много общего. Одинаковая требовательность к научной достоверности и знания того, о чем пишешь. Верные прогрессивным взглядам и лучшим традициям отечественной медицины, Чехов и Вересаев так же художественно правдиво отражали в своих произведениях нечеловеческие условия существования рабочего народа. Оба с изумительным мастерством и лаконичностью рисовали картину, в которой образ, движение, пейзаж гармонично переплетались с тонким рисунком психологического анализа человеческих чувств и переживаний. Правда, были и расхождения во взглядах, но касались они, в основном, вопросов политических.

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам. Говорили, да это чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговоре на общественные темы начинает зевать. Чего стоила одна его дружба с таким человеком, как А. С. Суворин, издатель газеты «Новое время». Теперь это был совсем другой человек: видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова. Глаза его загорались суровым негодованием, когда он говорил о неистовствах Плеве, о жестокости и глупости Николая II».

Действительно, к началу 1900-х годов в критике укрепились мысли о «новом и очень важно переломе» в творчестве Чехова. Ее подтверждали и рецензенты двух последних произведений писателя — «Невесты» и «Вишневого сада». Особенно это

коснулось «Невесты»: говорили о «новом этапе» его творчества, о том, что даже скептическая нота в финале рассказа не парализовала «яркого, живого, нового». Однако, именно этот рассказ Чехова вызвал у В. Вересаева несколько критических замечаний.

Из «Литературных воспоминаний» писателя:

«Накануне, у Горького, мы читали в корректуре новый рассказ Чехова «Невеста» (он шел в миролюбивском «Журнале для всех»).

Антон Павлович спросил:

— Ну что, как вам рассказ?

Я помялся, но решил высказаться откровенно:

— Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию. И такие девицы, как ваша Надя, в революцию не идут.

Глаза его взглянули с суровой настороженностью.

— Туда разные бывают пути.

Был этот разговор двадцать пять лет назад, но я его помню очень ясно. Однако меня теперь берет сомнение: не напутал ли я здесь чего? В печати я тогда этого рассказа не прочел. А сейчас перечитал: вовсе в революцию девица не идет. Выведена типическая безвольная чеховская девушка, кузен подбивает ее бросить жениха и уехать в столицу учиться, она уезжает чуть ли не накануне свадьбы и там, в столице, учится и работает. Но учится и работает не в том смысле, как в то время это понималось в революционной среде, а в специально чеховском смысле: учится вообще наукам и вообще работает, как, например, работали у Чехова дядя Ваня и Соня в пьесе «Дядя Ваня». В чем тут дело? Я ли напутал, или Чехов переработал рассказ? Интересно было бы сравнить корректурный оттиск рассказа «Невеста» с окончательной его редакцией. Я слышал, что корректурный оттиск этот с чеховской правкою хранится в одном из музеев».

Но замечание Вересаева, видимо, все же заставило призадуматься Антона Павловича и переработать свое произведение. Через два месяца после этого разговора он написал с подмосковной дачи письмо своему собрату по перу: «Дорогой Викентий Викентьевич, я немножко запаздываю. Ваше письмо с карточкой долго искало меня, пока наконец не прибыло на дачу... Большое Вам спасибо! Ваша книжка теперь для меня очень кстати, так как читать мне нечего. Читаю Вас и детскую хронику С. Аксакова; и чувствую себя прекрасно. Кое-что поделяю. Рассказ «Невесту» искромсал и переделал в корректуре. Спасибо Вам еще раз. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов». Если мы заглянем в корректуру произведения, хранящуюся теперь в Архиве ИРЛИ, то увидим, что она испещрена значительными переделками. В последней главе Чехов снял два абзаца, из которых было видно, что героиня рассказа Надя нашла свое призвание в революции. Видимо, автор прислушался к совету В. В. Вересаева, связав судьбу героини только с учебой и работой.

Однако, некоторые расхождения во взглядах писателей не повлияли на взаимное уважение друг к другу. В этом же письме А. П. Чехов открыто и доверчиво делится со своим другом и коллегой сведениями о состоянии своего здоровья: «Был я у профессора Остроумова. Он нашел у меня, кроме сильно попорченного правого легкого, эмфизему, плеврит и проч. и проч., запретил жить зимою в Ялте и приказал жить под Москвою на даче. И я теперь не знаю, кого мне слушать и что делать» (из письма А. П. Чехова В. В. Вересаеву от 5 июня 1903 года). Впрочем, еще тогда, при личной встрече В. В. Вересаев обратил внимание на здоровье своего коллеги, с тревогой предчувствуя неизбежное...

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«За чаем Антон Павлович рассказал, что недавно получил письмо из Одессы от одного почтенного отца семейства. Тот писал, что девушка, дочь его, недавно ехала

на пароходе из Севастополя в Одессу, на пароходе познакомилась с Чеховым. И как не стыдно! Пишете, господин Чехов, такие симпатичные рассказы, а позволяете себе приставать к девушке с гнусными предложениями.

— А я никогда из Севастополя не ездил в Одессу.

Когда Чехов рассказывал, глаза искрились смехом, улыбка была на губах, но в глубине его души, внутри, чувствовалась большая сосредоточенная грусть.

И еще сильнее я почувствовал эту его грусть, когда через несколько дней, по телефонному вызову Антона Павловича, пришел к нему проститься. Он уезжал в Москву, радостно укладывался, говорил о предстоящей встрече с женою, Ольгой Леонардовной Книппер, о милой Москве. О Москве он говорил, как школьник о родном городе, куда едет на каникулы; а на лбу лежала темная тень обреченности. Как врач, он понимал, что дела его очень плохи.

Узнал, что я в прошлом году был в Италии.

— Во Флоренции были?

— Был.

— Кианти пили?

— Еще бы!

— Ах, кианти!.. Еще бы раз попасть в Италию, попить бы кианти... Никогда уже этого больше не будет...»

И действительно, больше писателям не суждено было увидеться. Тогда, в 1903 году, на память о встрече они обменялись своими книгами и фотографиями с дружескими надписями. В экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева бережно хранятся ценные экспонаты, свидетельствующие об искреннем уважении и дружбе писателей — книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» с дарственной надписью: «Викентию Викентьевичу Вересаеву на добрую память о нашем знакомстве в Ялте в апреле 1903 года», а также фотография А. П. Чехова, подаренная «Викентию Викентьевичу Вересаеву-Смидовичу на добрую память». Фотография же В. В. Вересаева с дарственной надписью «Горячо любимому писателю А. П. Чехову. Тула, 20/V 03 г.» хранится в музее А. П. Чехова в г. Таганроге (в нашем музее представлена ее фотокопия). Не меньший интерес вызывает и представленный в экспозиции сборник «Клич», выпущенный в Москве в 1915 году на помощь жертвам войны. В нем опубликовано письмо А. П. Чехова своей сестре М. П. Чеховой, написанное 8 июня 1904 года из Берлина. Редакторами сборника в то время были писатели И. Бунин, В. Вересаев и Н. Телешов. Не исключено, что именно В. В. Вересаев предложил опубликовать письмо ушедшего уже из жизни писателя, характеризующего в свойственной ему ироничной манере заграничный быт. Предметы, подаренные А. П. Чеховым, писатель трепетно хранил в течение жизни, а память о нем увековечил в своих литературных воспоминаниях. Первый очерк «А. П. Чехов» был написан В. В. Вересаевым в конце 1920-х годов; его первоначальный вариант был опубликован под названием «А. П. Чехов и встречи с ним» в журнале «Красная панорама» 1929, № 28. Этот журнал также представлен в экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева. Затем в 1936 году очерк впервые был опубликован в литературных «Воспоминаниях» писателя.

...Писатели и врачи, Чехов и Вересаев, всю свою жизнь отдали беззаветному служению народу, родной литературе, идеям прогресса и демократии. Несомненно, их общение было творчески важным и полезным моментом в творческой деятельности обоих писателей, сумевших объединить в своих судьбах медицину и литературу.

ПОВЕСТЬ

Наталья Гнатюк
(г. Москва)

ДИКАЯ РОДИНА *

Наталья Павловна Гнатюк — мастер спорта СССР по настольному теннису, чемпионка Европы среди молодежи, многократная победительница российских и международных турниров. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и 20 лет проработала в газетах и журналах; в 80-е годы перешла на педагогическую деятельность. Более двух десятков лет руководит детским теннисным клубом, воспитала тысячи учеников, является бессменным президентом Межрегиональной детской общественной организации любителей настольного тенниса, объединяющей 30 теннисных клубов от Череповца до Владивостока. Ежегодно проводит крупные московские и всероссийские чемпионаты и кубки. Автор шести научно-популярных изданий, книги стихов «Я возвращаюсь в мир иной...», сборника рассказов «Игра без правил». В 2009 году вышла ее третья книга «Смерть в начале сентября». Готовится к печати остроюжетный интеллектуальный роман «Никогда не ищи нигде». Член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей России.

Бронзовый жилистый индеец идиолом стоял на колене. Слегка подправляя веслом, удерживал каноэ на глади Химкинского канала и глядел сквозь зеленоглазую Варьку.

— Дай прокатиться,— безнадежно шепнула она.

Индеец оставался невозмутим.

— А ну, дай! — невесть откуда в кулаке у девочки оказался камень.— А то пробыю насквозь твою посудину!

Загорелый гребец в белоснежных шелковых трусах молча вылез на берег, вручил весло ошавшей Варьке и ткнул пальцем, куда стать коленом. Она выпустила камень, стряхнула с ладошки песок и приняла короткое весло. Только парень отпустил борт, каноэ мгновенно, быстрее поплавка, перевернулось, хлопнув Варьку по макушке и погребая ее в бездну Москва-реки.

Девочка отчаянно забарахталась в гуще зеленой воды. Дважды получила днищем по виску и по уху. Нащупала что-то вроде каната, который немедленно выдернул ее, задышающуюся, на поверхность, а затем и на траву.

* Журнальный вариант.

— Артур,— ожил индеец (на широких скулах загорелись красные пятна) и замялся,— Кочубеев.

Она заметила: еще сжимает оцепенело его руку. Пришлось взаимно представиться.

— Варя...

— А дальше? — румянец залил все щеки. Девочка поняла: он тоже стесняется своей фамилии...

Артур осторожно освободил пальцы, подтянул хрупкую лодочку, и, перевернув на вытянутых напружинившихся руках, принялся выливать воду.

— Ты взаправду кинула бы камень?

— А то! — шмыгнула носом Варька, стесняясь облепившего платица и волососулек.

— Дикая ты какая-то, Варя. Казенное добро портить нельзя. А управлять каноем очень трудно. Видишь, насколько острый нос?

Девочка поняла: юноша не намного старше ее. Погладила лакированное днище.

— Я только на седьмой раз поплыл, все кувыркался...

— ...Всякому делу надо учиться,— учительским тоном поддакнула Варька.

Его карие, серьезные, и ее, светящиеся зелеными искрами, глаза встретились. Оба расхохотались.

— Наш тренер... так... именно... и говорит,— задыхаясь, выдавил Артур и, внезапно посерьезнел.— Мне еще десятку сделать надо.

Он залез в каное.

— Не поминай лихом, Варвара Родина. А сейчас гребь, гребь отсюда!

Все смешалась у девочки в голове. Она стащила, наконец, мокрое платье, подоткнула его под бретельку, прыгнула и неспешно поплыла вдоль берега.

Вот отсюда, с этого бугорка, она и отправилась в большой спорт. Отмахивая легкие саженьки, изумляясь: «Ну и откуда он знает мою фамилию? Ведь я ему, кажется, полностью не представлялась?»

Вскоре Варька перешла в спортивный интернат на Водном стадионе.

* * *

«Зинаида Соколова, Варвара Родина, Ольга Косорукова и Александра Забалуева вызываются на старт по седьмой воде!»

Ах, какая у них сложилась четверка!

Загребная Зинка из Ростова, крепенькая, словно мячик для гольфа, и нагленькая, словно мальчик «Дяденька, купи кирпич!», за плечами которого вырастает местная шпана: «А ну дай, шо ребенок просит!»

Оленька Косорукова — обладательница фарфоровых глаз и белоснежной гривы, напоминающей петербургские майские ночи. Всякому хотелось проводить ее до старта или, по крайней мере, научить держать весло.

Сибирячка Александра (руки с древко) — рослая, гориллообразная девица. Сидела за Оленькой, глядя в загорелые лопатки с таким с обожанием, что возникали нехорошие мысли о ее ориентации. Пока команду не познакомили с ее мужем Шибздином. Он не был маловат, напротив — длинен и строен, но миниатюрно сложен, и пальцы отличались изяществом. Шибздик настраивал клавишины. Александра молилась на него. А однажды, после победы на молодежке страны, понесла его на руках. В прямом смысле слова. В общем, Александра просто любила все изящное.

А Варьку определили между Зинкой и Оленькой — в сердце «мотора» байдарки. Да и кого сажать вторым номером! Когда девочки приседали с грифом от штанги, она накручивала себе и по блину. Подтягивались на турнике — ей непременно хотелось ткнуться подбородком в железяку не тридцать, а хотя бы на раз больше. Предлагали обвеситься свинцовым поясом для усиления маха — первая утяжелялась. А

если связать все растянутые для укрепления предплечья и порванные ею куски резины, ими наверняка можно обмотать земной шар. «Упорная ты, Варвара,— с уважением признавал тренер,— будто першерон. Инициативы, правда, не хватает, в «одиночку» тебя не посадишь. А «рабочей лошастью» в «мотор» самое милое дело. И прогребешь до конца, и любой темп поддержишь».

Их вызвали почти на крайнюю воду. Четыре центральные дорожки полагались лидерам. Но для дебютанток взрослого чемпионата страны и это считалось невероятным успехом.

Трибуны затаились. Стало слышно хлопанье флагов на ветру.

Выстрел взорвал тишину. «А-а-а!» — заорали загребные. И пошло, поехало. Сумасшедший раскат в сто гребков в минуту. Раз! Два! Три! Четыре! Раз! Два! Три! Четыре! Вот-вот треснут мышцы спины. Вот-вот порвутся струны сухожилий! За что? Беда! Мука-то какая! Терпеть! Стиснуть зубы крепче и выдюжить...

Мелькнул красный буюк — полдистанции позади. Брызги летят в глаза, весла бесперебойно вспенивают воду. Лети моя лодка, лети! Держать темп, держать!

Твою мать!.. Загребная поймала «леща» — зазевалась, не успела вытащить свое весло, и его накрыло Варвариным, отрубило лопасть. Зинка дернулась вбок...

— Рыпнешься — убью! Рули давай! — не помня себя, заорала Варька и еще громче завопила. — И раз!! И два!! И раз!! И два!!!

Она взвинтила скорость до невероятной. Казалось, лодка не плыла, а копьём пронзала водяной смерч. Зинка скорчилась на носу байдарки, закрыв голову, и Варька совершенно ослепла от летящего в нее водопада.

— Да уймись ты! — Оленькины руки обнимали ее за плечи. — Мы за финишным створом! Стой! Хорош, говорю!

Они не победили в той гонке. Все-таки три «рабочие лошади» — это не четыре. Но они выиграли серебро. И обрели право уважать себя на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Втиснуться в золотистые шведские кроссовочки оказалось непосильно. Пришлось достать раздолбанные, старые, сыновни. Вдобавок пушистая подхалимка Бонька, виляя хвостом, задела Варвару Алексеевну по голени, и та взвыла.

— Абсолютно не вижу причины, — статный хирург тщательно вытер руки. — Кости целы, суставы моложе возраста. Сходите-ка вы, в Центральный ревматологический институт.

Ожидая очереди, она обратила внимание: все вокруг на низком каблучке, большинство в тапках или кроссовках.

— Полных лет сколько?

— Пятьдесят четыре.

— Ну-с, согните ноги в коленях. Болят?

— Нет.

— Выпрямите. Больно?

Лежащей на кушетке Варваре Алексеевне стало смешно.

— Велосипед могу покрутить. — И она продемонстрировала, как прямой, так и обратный, с хорошей амплитудой и скоростью, достойной мастера спорта СССР.

— На что тогда жалуетесь?

— Так дотронуться же больно.

Белый халат всмотрелся в ее лодыжки и забормотал по-латыни. В тарабарщине узнавалось «фасции».

— Спортом занимались?

— Да и сейчас по ветеранам...

— Перегрузки случались? Заболевания? Травмы?

— Ну, как без них...

Она прикрыла глаза.

— Жду тебя, Родина, у выхода со стадиона. Только побыстрее, у меня лекция.

Варька засуетилась. Натянула поверх мокрых шерстяных велотрусов джинсы. Накинула куртку-болонью. Они с Артуром — «индейцем» и «мотоциклистом-спасителем» — прогуляли тогда не только лекцию, но и всю ночь.

Через неделю с перитонитом ее увезла «Скорая помощь».

«Или операция, но тогда не будешь иметь детей. Или новокаиновая блокада. Но придется терпеть. Решай быстрее».

Ребенка она все-таки родила, успев и поколесить по Европе (завесив цинковку над диваном разнообразными медалями) и окончить театральный техникум по специальности костюмера. Родила обдуманно, от женатого главрежа известного в Москве театра, маленького человечка с печальными глазами. Все было прекрасно в его спектаклях, только совершенно не слышно актеров далее третьего ряда партера. Метод назывался «правдивым бытовизмом» и оправдал себя значительно позже, когда додумались цеплять артистам микрофончики.

В единственный роддом, где не блуждали, по слухам, стафилококки, они с мамой, Елизаветой Венедиктовной, доехали на первом автобусе. «Скорая погибель» завезла бы в ближайший, зараженный гроздьями бактерий. А советские таксисты пуще ГАИ боялись запачкать казенный салон. Поскольку «воды» отошли еще в общественном транспорте, Варе принялись колоть стимуляторы. Но десятки схваток заканчивались ничем.

После десяти вечера заступила новая смена. Ее бодро укатали в операционную и сделала то, о чем она умоляла последние семь часов.

— У вас мальчик.

— Не сомневалась.

На край и без того узкой кушетки присела аккуратненькая картинка-медсестричка. Раскрыла распашонку-анкету.

— Фамилия? Имя? Отчество? Адрес? Семейное положение?... Ага, не замужем. Будем оставлять ребеночка в роддоме?

Варя не поверила своим ушам. Сестричка утвердительно повторила вопрос.

Новоиспеченная мать рывком приподнялась и от души вмазала красотке кулаком по зубам.

Разразился жуткий скандал. Впрочем, зашивая по новой, хирург смотрел на нее с нескрываемой симпатией.

— Впервые вижу женщину, которая здесь, подобным образом, защищает свою честь и достоинство.

— Каков поп, таков и приход,— загадочно отозвалась усталая Родина.

* * *

В разгар дефолта — на ее театральную зарплату не то что себя с Андрейкой, а и болонку не прокормить — она надумала на время перебраться в деревню. На остатки «призовых» прикупила в Мещере домик с дырявой крышей по цене дров. Все равно еще одну осень строение не выдержало бы.

Подрядила бригаду алкашей. За два ящика разведенного американского спирта «Ройаль». Конвертируемой валютой тогда был стакан. Как рубль. Бутылка считалась десяткой, а ящик сотней. Ну, а спирт делил затрату пополам, не теряя в количестве и крепости.

Мужики содрали остатки рубероида и, бодро сжимая подмышками позвякивающий аванс, удалились. На следующее утро явился один. Поднял с земли доску, зако-

лебался канатоходцем, удерживая равновесие, и рухнул мордой в траву. Покряхтев, привстал на колено и упрямо потянулся к строительному материалу.

Варвара с интересом наблюдала.

На этот раз мужик свалился навзничь и захрапел. Через минуту открыл вполне осмысленный глаз.

— Стакан дашь?

Она покачала головой.

— Зря. Все равно, кроме нас, никого не найдешь.

С трудом Варваре удалось уговорить мелкого, но жилистого Мишку-лесника.

Через несколько дней мужичонка, справно поколачивая, восседал верхом на коньке свеженькой обрешетки. Варвара любовалась его вспотевшей нижней рубахой.

— Рубероид давай, хозяйка!

Она послушно оглядела гору шершавых, асфальтовых по цвету и весу, рулонов. Натужившись, приподняла верхний. Ковыляя, дотащила до основания высокой лестницы. Взгромоздила на вторую ступеньку. Подсела, выжав неудобную ношу, как гриф штанги, переместила ее на грудь и принялась ползти вверх. Закатывала, толкала, кровотока шеей, выжимаясь ногами и задыхаясь.

— Держи.

Мишка, не оборачиваясь, протянул ладонь.

— О, е-е-е! — описав немыслимый пируэт, строитель повис головой вниз, зацепившись за конек пяткой и дико вытаращил глаза. На ладони «акробата» мерно раскачивалась будущая крыша.

— Ты че дала?

— Рубероид. Сам просил.

Лесник взвыл:

— Чума! Я кусок просил. Четыре метра. А ты цельный рулон приволокла!

* * *

Холодное солнце спряталось за облаком. Предпоследний приют человека накрыла тень. Варвара Алексеевна с ординатором Людочкой полчаса перетапывались возле патанатомички. Похрустывали сапожками: врач модными, со шнуровкой до колена, а она войлочными «Прощай молодость», да и то с расстегнутыми молниями, похожими на спадающие ботфорты. «Ладно еще,— подумалось Родиной,— дала на биопсию кусок руки, а не ноги».

Дверь распахнулась, втягивая клуб снежинок.

«Вот и приглашают» — внутренне усмехнулась она.

Патологоанатом в телогрейке поверх халата, насупившись, вручил листок Людочке и захлопнул дверь.

Ординатор пробежала листок глазами бегло, затем вдумчиво. Румянец постепенно сходил с ее щек.

— Подтвердилось.— Людочка смотрела на нее, как собака на умирающего хозяина.— Но можно повторить биопсию. Иногда случаются ошибки. Вообще, я читала, правда, не часто, но выздоравливают... Ну, если у вас столь редкое, одно на два миллиона человек, заболевание, то почему бы именно вам не вытащить выигрышный билет?

Варвара Алексеевна застеснялась участия. «Ситуации делятся на приятные и полезные» — говаривал их тренер. «Приятного здесь, конечно, ничего нет, зато, если распознали болезнь, с ней можно бороться». Родина не привыкла сдаваться.

Но она начала стремительно худеть.

Сначала по двести, потом на триста граммов в день. В коридоре стояли весы и от скуки взвешивались все. Плотная от природы Варвара с детства мечтала о талии-

рюмочке. Но с калорийным рационом сборной разве снизишь мышечную массу? А тайная диета могла ухудшить важные для страны результаты.

— За четыре дня килограмм потеряла,— сообщила она на обходе.— А когда лечение назначат?

— Может весы сломались, Варвара Алексеевна? — проигнорировал вопрос заведением доцент Геворкян.

Скучать теперь не приходилось. С раннего утра ее крутили-вертели специалисты. Мяли, постукивали, снимали кардиограммы. Делали УЗИ, просвечивали рентгеном. Почтище допинг-контроля брали кровь из пальца и вены на биохимию, сахар и какие-то ферменты.

Утром неумолимые весы показали минус целый килограмм.

Андрей Артурович (она выбрала сыну отчество в память о первой любви и ради спокойствия истинного отца), вернувшись из армии, увлекся компьютерами. Противная его угодил, Варвара Алексеевна наткнулась на диск «Худеющий» по мотивам Стивена Кинга. В нем толстущий мужчина, проклятый цыганкой, ежедневно худел на фунт и очень переживал.

«И здесь переплюнула американцев» — Родина сошла с весов с горьким удовлетворением. Она верила в себя и в удачу. Но щелочка беспокойства расширилась.

* * *

— Слушай, в Испании, кажется, в Болонье...— басила Александра издали, и звук доходил с опозданием,— ...в мае пройдет ветеранская Европа...

Оленькины близнецы оканчивали консерваторию и она, естественно, квохтала над ними. Зинка после той истории скрылась в Ростове, и, говорят, спилась. А Забалуева стала вдовой. Шибздик скоротечно скончался от туберкулеза. Детей у них не случилось. Поскольку Саша была однолюбкой, то и деваться ей, кроме спорта, выходило больше некуда.

— Болонья, вроде, в Италии,— автоматически поправила Родина.

— Один хрен! Я заявляю нас в «двойке». А ты пока лечись, пусть деньги на бюллетень капаят.

— И сколько должно «накапать» на стартовый взнос?

— Сто семьдесят евро. Да, не жмись, я вдова богатая, мне Коленька клавесины оставил...

«Вот как, оказывается, звали Шибздика,— ворочалась под одеялом Варвара Алексеевна.— Получается, живет-живет с тобой рядом человек, а ты даже ничего о нем толком не знаешь. Взять моего Андрея. Знаю я, о чем он думает, чем дышит? А он про меня? Догадывается о предстоящем?»

У них с одиннадцатилетним Андрейкой была своя целина. С восхода до заката они перетаскивали каменюки, обильно росшие на будущей усадьбе. Согнувшись, прижав к животу, волокли их к палисаднику. Убивали сразу двух зайцев: землю под картошку освобождали и дорогу у дома мостили.

Рыли во дворе пруд в сорокаградусную жару и, переведя дух, запускали туда карасиков. Когда в магазин «забыли» завести продукты — в городах еще крохи выдавали по талонам — Варвара на закате забросила «телевизор» — сетку на квадратной раме с узким горлышком и поутру вытащила девяносто восемь — Андрейка считал — подростков рыбок. Разложили на все имеющиеся сковороды. Хватило на три обеда.

Свеженькие доски для обрешетки? В конторе сладко запели: тес и дрова расписаны местным жителям на два года вперед. Пришлось кланяться шоферу с лесопилки.

В сумерках он свалил во двор два куба. А вскоре заявила его крикливая жена-нушка. «Вы че тут, приезжие, мне мужика спаиваете? Щас милицию вызову!»

До рассвета прятали шестиметровые «двадцатки» на чердак. Варвара корячилась, меняя плечи, под центром доски, а сын придерживал хлопающие концы.

Зимой шишковали: надевали лыжи, брали санки и шли по заснеженной целине в лес. Годились только полновесные еловые шишки. Местные старатели варварски рубили колючие верхушки. Притоптав полянку, наламывали легкую добычу в мешки. А Родины совестились, срывали нижние, свисающие шишки. Поэтому к весне, когда приехал заготовитель из степных краев за семенным материалом, они сдали лишь полтонны, получив по восемь рублей за килограмм. На эти деньги развели кур и кроликов, и два года прожили вполне сносно.

Каждый день Андрейка на лыжах, велосипеде или пешком отправлялся за шесть километров в школу на центральную усадьбу. «Ломоносов ты мой» — вздыхала Варвара и подкладывала сыну кусочек повкусней.

Однажды замела метель. Сбила легкую пыль с сугробов, покрутила поземкой, качнула на пробу тонкие ветки, а затем пошла гнуть вершины вязов. Варвара спохватилась и, прикрываясь от ледяного ветра, зашпешила в школу. По дороге и дубы принялись кланяться в полный рост. В пустом классе она нашла голодного сына и двух первоклашек из промежуточной деревни. Их оставили пересидеть непогоду. Тем временем за окнами поуспокоилось. «Возьмемся крепко, мы по краям, а вы, малыши, между нами. Только, чур, рук не отпускать». Отошли с километр. Вдруг потемнело, взвыло, снова забило снегом в глаза. Да еще как! Варвара совершенно ослепла. Она боялась: кто-то оступится. Свались за обочину — и накроет, занесет, лишь к весне найдут. «Вра-гу не сда-ет-ся наш го-о-рдый «Ва-ряг», — запела-заголосила Родина, совершенно не понимая ни что, ни зачем поет, таща за собой детей и глотая тяжело сползающие по щекам слезы-градинки. Андрейка мужественно пытался подпевать, но слова уносило ветром. Песня кончилась. «Все!» — решила Варвара. И тут, на долю секунды, над головой пробилось тусклое солнце. Они стояли возле чьей-то калитки...

«Ты не права, мамочка, — раздался откуда-то издалека тихий голос. — Извини, ты дала мне очень многое. Во-первых, жизнь, во-вторых...»

Варвара, к сожалению, не дослушала, ибо снова летела вперед. Лопасты ее весла пропеллером вспенивали синюю итальянскую воду. За спиной весело и отчаянно орала Александра, а синьоры по обе стороны канала кидали вверх разноцветные сложенные шляпы.

* * *

«Хирургия крови». За дверью встретил ряд узких высоких нелюбимых топчанов. Не в пример широкому дивану: развались хоть наискосок, хоть поперек. Она вздохнула. Незнакомая медсестра в зеленом халатике подала руку, и Варвара Алексеевна с опаской взобралась наверх.

— Евгений Михайлович Тареев, чьим именем, собственно, и названа наша Клиника нетрадиционных заболеваний, создал метод пульсотерапии с применением электрофореза более тридцати лет назад, — привычно вещал очкарик-крепыш, поглядывая на длинную пластиковую трубочку. По ней неохотно стекала в прорезиненный мешочек Варварина темная, почти черная, кровь. — Возможно, его вдохновили наши космонавты. Сестра, физраствор!

Крепыш ловко отсоединил мешочек, перевязал горловину и с удовлетворением приклеил на него бумажку с ее фамилией.

— Сейчас мы поместим его в центрифугу и дадим перегрузку больше, чем у космонавта. Если у них она составляет максимум, допустим, тринадцать «ж», то мы раскрутим до тридцати.

Он отошел к окну, где стояла, похожая на стиральную, большая машина. Врач засунул кровь внутрь и шелкнул тумблером. Агрегат загудел.

— Проснитесь, Родина! — очкарик водил перед ее носом полупрозрачным мешочком.— Видите, ваша кровь расслоилась?

На дне ярко светились красные эритроциты. Наверху колыхалась желтоватая плазма. А посередине отколовшимися республичками извивались разводы, «нитки» и комочки.

— Вот этих вредителей мы и отрежем вместе с плазмой. Потому и называется «хирургия крови». А ваши чудесные эритроциты вернем на место.

— И все?

Врач отвернулся.

— Почти. Добавим еще лекарства.

Три часа она пролежала под капельницей и на ослабевших ногах, поддерживаемая медсестрой, вернулась в палату.

Раз шесть за ночь прибежала Людочка, мерила давление, глядела собачьими глазами, интересовалась самочувствием.

— Дайте поспать,— взмолилась Варвара Алексеевна,— пожалуйста.

* * *

Мама родная, земля тебе пухом! Кого чемпионка не перевидала в палатах! Старушку-дворянку с давлением под триста. Баптистку, очумелую от проповедей...

Ранней весной Варвара Алексеевна присела, сметя варежкой снежок, на лавочку в дворике клиники, радостно шурясь от пронзительной синевы. Рядом ютилась на краешке поникшая, с припухлыми щеками, дама примерно ее возраста. Она, не отрываясь, смотрела в одну точку. Родина проследила ее взгляд. По чахлой прошлогодней травинке, торчащей из корки серого снега, полз рыжий муравьишка. Он почти достиг раскачивающегося кончика. Но вдруг под порывом ветерка слетел вниз. Пошевелил булавочной головкой и вновь, замирая при дуновениях, устремился ввысь.

— Напрасно, дружок,— хрипло промолвила дама.

Варвара Алексеевна вгляделась и предположила:

— Вы тоже после пульсотерапии?

Та промолчала. Потом выдавила:

— Каждый квартал. Вот уже седьмой год.

Она отошла на несколько метров, обернулась и обреченно махнула рукой:

— Бесполезно. И не бросишь...

«Подсадили на крючок, на иголку, не ходил бы ты, сынок, в самоволчку!» — звывла Варвара. Конечно, Родина привыкла сражаться с внешними врагами. Соперницами, волнами, невезением, ненастьем, трудностями, лишениями. Но разве можно победить саму себя?

* * *

Мир состоял из ступенек. Заполировано-мраморных в Пенсионном фонде и цементно-ущербных в больнице. Кабриолетно-возвышенных в «Лайнах» и шатко сколоченных у овощного ларька Абрека. Экономно пологих в подъезде «хрущевки» и недостижимых, будто коммунизм, в автобусах и электричках. И совсем заоблачных на стремянке. Впрочем, Андрей привел в дом Пусика, смешливую белобрысую девушку, и высокие хозяйственные хлопоты отпали.

Времени образовалось предостаточно. Утром взор Варвары Алексеевны перебегал по слоям протискивающегося сквозь облака солнца. Днем жмурился из-под жалюзи на огненный шар. А вечером скользил по бело-розовой пастиле заката. И всякий раз, с утра до вечера, он наталкивался на сидящего возле своей драгоценной палатки ветхого Абрека. Его выкатывали в коляске на рассвете. Накрывали ноги пледом или пристраивали над ним зонт. И укатывали заполночь.

Смуглые мальчишки из палатки периодически подносили ему мятые купюры. Тот, жадно слюнявя, пересчитывал их, бережно укладывал в крокодиловое портмоне. И тут же с удовлетворением прятал в нагрудный карман фланелевой рубашки, застегивая молнией.

Между тем, жизнь в увольнениях (от «пульса» до «пульса») сузилась до спальни, коридора, кухни, окна и лавочки у подъезда. Трижды в день она привязывала к палочкам, которые раньше назывались ногами, подходящую погоде обувь и брала поводок. За зиму она похудела на пятнадцать килограммов, но не ощутила долгожданного удовольствия. Болезнь до костей сожрала ее сильные икры и крутые бедра. Поэтому Варвара Алексеевна предпочитала общение с собакой. Та понимающе ждала, пока хозяйка, держась за стенку, дойдет до дверей и нажмет волшебную кнопку кодового замка. Терпеливо провожала до лавочки и только тогда устремлялась проверить личные газоны и послания знакомых дворовых собак.

Бонька появилась у них аккуратно перед деревней. Приятельница вручила ее из дверей электрички. Беленький пушистый клубок, поскуливая, уместился на Варинной груди.

— Осторожней! У нее там шина на лапке... Я бы оставила, но ты знаешь, у меня колли...

Двери сомкнулись. Поезд умчался, оставив после себя горьковатый запах измены.

— Уж я-то тебя не брошу, — шепнула Варвара псинке в торчащее черное ухо. Другое, белое, безжизненно висело. Сколько они с Андрейкой ни массировали, ни перевели фиксирующих пластырей. Пришлось смириться. Потом даже понравилось. Ни у кого нет такой задорной собаки: одно ухо вверх, другое вниз.

Лет через семь, после закрытия ветеранской Регаты в Анталии, не старые еще байдарочницы в шортиках и топиках возвращались в отель. Варвара, жестикулируя, описывала Забалуевой особенности своей любимицы. Та кивала с высоты своего роста и смеялась.

Собачка оказалась ласковой, кокетливой и невероятно хитрой.

Каждое утро Бонька прибегала к Варварину дивану и вылизывала, что высовывалось, нос или пятку. Если ей хотелось вкусенького, принималась по привычке прихрамывать и жалобно поскуливать. С возрастом придумала новый фокус. Пусик, перед тем, как убежать в институт, непременно кормила ее. Затем вставал Андрей и деловито наполнял опустевшую к тому времени миску. Наконец, очередь доходила до Варвары Алексеевны — ее служба в театре закончилась, а магазины могли подождать. Бонька, свесив голову на бок, печально сидела над блестящей миской и постукивала по ней лапкой. Возмущаясь жестокосердием молодежи, Варвара Алексеевна в третий раз угощала животное. Дело раскрылось, когда хитрюга перестала влезать в ошейник.

Вместе с тем ей с юности нельзя было отказать в отваге.

Поднявшись из подвального магазина, Варвара отстегнула Боньку, выпрямилась и ужаснулась. На нее надвигался «двухстворчатый шкаф». Гигантского мужика тянул за собой белый кобель с упругим бойцовским хвостом.

— Не бойтесь, — неожиданно тонко пискнул мужчина, — Сэм не тронет.

В сей же миг пес мигом рванул строгий поводок и взвился в прыжке. Хозяин поскользнулся и, выпустив ремень, опрокинулся навзничь. А Бонька, несравненная Бонька, издав ликующий визг, оттолкнулась тонкими лапками и повисла на шее монстра. Сэм в недоумении, мотая головой, осел на подмороженный асфальт.

* * *

Другой пес, симпатичный «бандит» Черныш, нарисовался в деревне лютой предновогодней ночью.

За ставнями гудели то ли провода, то ли вьюга.

— Не-а, мам, собака воеет,— уверял прилипший к стеклу Андрейка.

— Пойду, гляну.— Варвара с трудом оттянула воротину.

Посреди улицы слегка шевелилось темное существо, на глазах заметаемое снегом.

Она вынесла ему горячих щей, но пес зарычал. Варвара пожала плечами и оставила миску неподалеку от ворот.

Через день Черныш прихрамал сам. Как он смог освободить лапу из капкана, никто не знал.

На сей раз хлебосольная хозяйка поставила плошку у самых ворот. Через два дня кастрюлька перекочевала к крыльцу. Затем Варвара распахнула дверь.

— Посмотри на наше житье-бытье..

Черныш легкой трусцой пробежал сени и кухню, заглянул в спальню, где на него зашипела Бонька, и стремглав выскочил во двор. Независимость он ставил на второе место после еды. Или на первое?

По весне Варвара застучала пса на воровстве. С аккуратно зажатым яйцом в зубах Черныш выбирался из курятника. В сердцах стегнула кобеля прутиком. Тот обиженно зыркнул, но не выпустил добычу, а по-пластунски уполз под закрытыми воротами.

Больше со двора ничего не пропадало. Зато он оттягивался на свежевании кроликов! Внутренности и пушистые головы прямо исчезали в бездонной пасти. Он нажрался до такой степени, что его вырвало.

В остальном пес оказался покладистым и компанейским. Скалясь белыми клыками, охотно сопровождал Родину за грибами, малиной, клюквой и отбивал от чужих стай.

На Троицу Варвара купила в сельпо бутылочку «Амаретто», в гордом одиночестве томившуюся на подчищенных полках.

В сумерках зажгла свет на крыльце, вынесла табуретку и поставила на нее фирменный ликер в окружении бутербродов с салом. Присела на ступеньку, задумалась, и тихонько завела: «Что сто-ишь, кача-ясь, то-о-нкая ря-би-на?» Ранняя звезда зажглась на небосводе. Кролики мирно хрумкали в клетках. В углу кашляла крольчиха. Ей была пора окотиться. Варвара пригубила из граненой рюмочки и пошла посмотреть. Крольчиха яростно трепала лапой ухо. «Подстилку надо менять» — укорила себя Родина и расслышала странное бульканье.

В освещенном квадрате крыльца на задних лапах восседал Черныш. В передних он зажал бутылку с ликером и, запрокинув голову, щурясь от удовольствия, погусарски глотал миндальный эксклюзив из горла.

— Так ты еще и алкоголик?

Узнав от соседей, что в бытность щенком, местные мужики забавы ради вместо воды частенько наливали ему в блюдце самогон, Варвара сменила гнев на милость.

— Ладно, беспризорник, играй с Бонькой!

«Леди» и «хулиган» подружились. Несмотря на разность воспитания и габаритов. Сметливая сучка с комфортом пережидала под брюхом Черныша, пока хозяйка распекала ее. А мохнатый здоровяк «непонимающе» вилял хвостом.

Случалось и ему исчезнуть на тройку дней, но он всегда возвращался к обожаемой малышке. Та нарочито принималась кокетничать с соседским кобельком. Черныш закладывал уши на холку, оскаливался, обращал паскудную мелочь в позорное бегство и, гордо выпятив грудь, приближался к ней.

Боня зализывала его бесконечные бонвиванские раны, а Черныш (с его-то аппетитом) никогда не рвался первым за брошенным им куском колбасы.

— Мам, он исправляется.

— Посмотрим, сынок.

Оформив документы по продаже дома, Варвара принялась пристраивать гренадера.

— Он все в доме сожрет,— не соглашался Савельич (продавший когда-то кроликов).

— Сам пропитается на стороне. Ну, когда-нибудь миску похлебки нальете. А он дом сторожить станет. Никого не подпустит. Только на цепь, пожалуйста, не сажайте. Я вам за него гуся оставлю.

Последний довод пересилил.

* * *

Тявкнула и захромала к дверям собака, залился звонок, и Варвара Алексеевна оказалась в крепких объятиях Саши Забалуевой.

— Ну-ка, доньку, повернись!

Родина понурилась.

— Нет, ничего. Я думала — хуже. На какой дозе сидишь?

— До четырех таблеток согнала. Но врачей успокаиваю — до шести.

— Инвалидность?

— Вторая...пожизненно.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок. Чаю дашь?

— Рассказывай про Италию! — Варвара Алексеевна в нетерпении подперлась кулачком над блюдцем с клубничным джемом. — Бронза? Серебро? Неужели золото? Сейчас шампанское в морозилку кину!

— Уши от мертвого осла выиграла. Меня по компьютеру с полячкой свели. Она весло из воды тащит, как сгущенку из банки. Покажи лучше свои хоромы.

Они заглянули, сопровождаемые бдительной Бонькой, в комнату Андрея.

— Внуков ждешь? — оценила подруга смесь компьютерных причиндалов и дамских штучек, расставленных повсюду, кроме компьютерного уголка.

— Какое там! — отмахнулась Варвара Алексеевна. — Видишь, тесно.

— Тебе в свое время ничто не мешало... А это что за прелесть? Можно? — Забалуева безошибочно выбрала из строя Пусиных медвежат, зайцев и черепах именно ее куклу.

Перелистывая давнюю дипломную работу по истории костюмов эпохи Людовика XIV, Родина наткнулась на вложенный кусочек парчи. Разглядывая бесконечно переливающийся лоскуток, ей на ум пришла идея. Целую неделю она, разорив запасы, исколов пальцы тончайшей иголкой, вдохновенно расшивала королевский камзол и украшала бархатную шляпу страусиными, выдернутыми из настоящего пера, волосками. Затем на лампочке-болванке принялась за голову из папьемаше. Под чуткими пальцами лицо куклы почему-то все больше начинало походить на Андрея. В результате получился Людовик XIV с лицом сына, подаренный ему же на день рождения.

— Ведь ты талант, Варька, — подруга внимательно рассматривала «короля» со всех сторон.

Та порозовела и от смущения перевела тему.

— Кстати, Саш, я тебе за стартовый взнос должна. — Она направилась в свою комнату. — Я тут наоткладывала с пенсии. Двадцать евро не хватает, но я вышлю...

— ...Мешок шишек! — Забалуева осторожно вернула Людовика-Солнце на место. — Нашего мэра благородство задушило, он всех омских гребцов проспонсировал на перелет и пятизвездочный отель. Так что мне поездка всего в три сотни обошлась. Можешь не заморачиваться... Ты лучше скажи: по фотографии на заказ куклу, похожую на определенного человека сделать можешь?

— Ну, я же не мастер...

— И мастер, и художник, и творец. Уж я-то разбираюсь. На-ка, глянь. — Она достала из записной книжки фотографию мужчины, похожего на Шварценеггера.

— Сердечный друг?

— Глупости не городи. Один у меня был, есть и будет — Коленька. Это мэр наш.

У него юбилей намечается, вот я и подумала... Он к нам с добром и мы так же. Между прочим, шанс должок отработать...

* * *

Горячий воск капал в блюдечко с родниковой водой. Грузная баба Маня, наклонив горящую свечку над поверхностью, читала молитвы. Изредка поднимала взлохмаченную голову к расставленным по кухоньке иконкам и истово крестилась.

Приходилось тоже поднимать пальцы ко лбу. Разумеется, Родина была крещеной, но подобного в СССР не афишировали. И, как многие спортсмены — суеверной. Для такого важного мероприятия она отыскивала крестильный крестик на потемневшей мельхиоровой цепочке.

«Стыдно из всех молитв помнить только «Отче наш, иже еси на на небеси...» Эх, раньше надо было учиться!».

Мысли испуганно изменили направление.

«А зачем велели принести пятилитровую баклагу? Над сколькими еще блюдцами сидеть?»

Воск разливался по центру, принимал замысловатые очертания и застывал. Лепешка толстела.

— Аминь! — к удовольствию бывшей спортсменки поклонилась в пояс баба Маня и табуретка под ней угрожающе закричала. Она аккуратно слила остатки жидкости в бутыль. Завернула восковой слепок (предварительно осенив себя крестным знамением) в марлечку и закутала в звенящую фольгу от шоколадки. — Чтоб не экранировал, — пояснила знахарка. — Теперь, болезная, слушай внимательно. Станешь пить и умываться водой из бутылки. А в полнолуние выйдешь голой на ближайший перекресток, снимешь фольгу и закопаешь слиток. В нем твой сглаз.

Варвара Алексеевна представила себя на скрещении Ленинградского шоссе с улицей Кирова.

— А в другом месте нельзя?

— Исключено, — отрезала продвинутая баба Маня, но, пожевав губами, смягчилась.

— Ладно, городская, пойдешь к Москва-реке и бросишь по течению.

— Поможет?

— Все будет. Но не все сразу, — загадочно подытожила ведунья.

Полночи Варвара Алексеевна металась по пустынному берегу. Ей мерещились плывущие по реке пароходы и баржи, атлеты на водных лыжах и барахтающиеся на мелководье детишки. Нет, ну, никак не могла Родина скинуть на них свое зло.

«Может, в канализацию?» — разгуливая, перебирала она варианты. Фантазия тут же подкинула ответ в виде сверкающего, но смертельно опасного санузла, которого не спасут никакие «Доместосы».

Под утро, когда полная луна начала таять в белесом рассвете, Варвара Алексеевна оказалась возле небольшого химического заводика. Его многие годы обкладывали штрафами за слив отходов в речку, метко прозванную в народе Нехорошкой. Однако заводское начальство и в ус не дуло. Платить штрафы выгоднее, чем запустить очистную систему. Так и ржавела над мутной водой рядышком пара труб. Из одной выбрасывалась всякая гадость. А вторая не втягивала ничего.

Больше не сомневаясь, она засунула слиток в как раз для этого и предназначенную пустую трубу.

Интересно, что вскоре заводик закрыли. Участок выкупили «новые русские». Быстро все разгребли, перестроили, очистили речку, открыли сауну, бильярдную и бары. Однако новоявленный Пейнтбольный клуб просуществовал ровно до того дня, пока тяжелым шариком с краской случайно не выбило глаз местному авторитету

Ленчику. Приехали, завывая сиренами, крепкие парни в камуфляже и скрутили осиротевших братков. Через год на живописном берегу Хорошки открылся семейный пансионат.

Вот и не верь после этого колдуньям!

* * *

По сокращению дозы, замедлилось и прекратилось худение Варвары Алексеевны. Ее лодыжки в объеме расширились на пять миллиметров. Отек больше не душил. Она поворачивала голову и самостоятельно, закинув рукой ногу на ногу, завязывала шнурки.

— Помните,— наставляла прокуренная Геворкян,— вы перенесли шестнадцать операций. Вам трижды полностью поменяли плазму. Снижение суточного преднизолона должно происходить очень-очень медленно. По четвертинке-восьмушке в месяц. На последней порции в две таблетки остановитесь. При малейшем ухудшении отступайте. Берегите себя.

Родина вняла. В ожидании выписки, предвкушая встречу со Шварценеггером, стащила из ящика дежурного поста острейший глазной скальпель — под столовым ножом крохотные таблетки хаотично крошились. Взамен Варвара Алексеевна оставила пятьдесят рублей.

«Арнольд, так Арнольд!» — решила, не мудрствуя лукаво, новоиспеченная мастерица, разложив слева от себя оставленную Сашей фотографию, а справа остро отточенный тем же скальпелем карандаш с листом бумаги.

Сначала намеревалась изобразить доброго Терминатора — из второй серии — во время явления на Землю. Но спохватилась и обтянула его бедра джинсами. На супермощные плечи накинула кожанку. Глаза прикрыла темными очками. Косясь на фото, добавила индивидуальных черт: ямочку на подбородке, косую морщинку на переносице, родинку над бровью и, подумав, «приковала» обрывком собственной золотой цепочки кейс к мощной руке. Не базуку же носить Терминатору-мэру!

Она отправила хрупкую посылку со стюардессой рейсового самолета и забыла о ней. У экс-чемпионки намечалось более важное событие.

* * *

Свадьба! У Варвары ее никогда не было, и она напросилась на выкуп невесты.

Лимузин, длинный, будто трамвай и элегантный, словно лебедь, подкатил рано утром. Андрей, красивее Алена Делона, галантно усадил Варвару Алексеевну на один из кожаных диванов. Чего только не предусмотрели в салоне! Кондиционер и телевизор, дорожный бар с торчащими импортными горлышками и даже аквариум с золотыми рыбками. Разноцветные лазерные лучи, лаская глаз, бегали по потолку и тонированным стеклам.

Сын, как смог, спел серенаду под одиннадцатым этажом Пусиного места прописки. Подружки невесты, оглушая трещотками и ложками, задавали каверзные загадки и постоянно требовали выкуп. Хорошо, накануне Андрей предусмотрительно намял пачку десятков. Дружку жениха Денису пришлось туго. Он отдал три тысячные бумажки и, вспотев, склонился к Варварину уху.

— Больше не взял. А интересно, эти деньги хоть отдадут молодым?

— Не знаю. Должно быть.— Ее тоже смущал размах свадьбы. Накануне она сняла со счета остатки полученной за дом суммы и, немного смущаясь, вручила тонковатый конверт сыну. Теперь у нее не осталось ни рубля. На последнюю инвалидную пенсию она прикупила себе недорогой, песчаного отлива брючный костюмчик.

Разумеется, Варвара Алексеевна всплакнула в ЗАГСе, слезы у нее всегда были

наготове. И потом, когда сын вынес на руках воздушную, словно безе невесту, осторожно осыпаемую Пусиной родней зернами пшеницы и лепестками роз.

Она от души прохромала по брусчатке Красной площади низенькими, но все-таки каблуками. И нафотографировалась под недавно пущенными фонтами возле отстроенного после пожара Манежа, стараясь попасть во второй ряд и в профиль. Затем свадьба устремилась в зарезервированное кафе. На традиционный запуск голубей и вешание семейных замков времени не оставалось. Родина первой выскочила из лимузина — ей предстояло вручать каравай молодым. Мать невесты держала блюдо с медом, а отец бокал с водой. Они не впервые выдавали дочек замуж — Пусик младшая — и благоразумно пропустили гуляние.

Каравай, увенчанный солонкой, оттягивал руки.

— Дайте помощь, Варвара Алексевна,— Денис подставил ладони под блюдо, и она продержалась до перерезывания натянутых перед входом разноцветных лент.

Тамада неустанно предлагала все новые забавы. Вспотевшие новобрачные (то при свечах, то под оркестр) послушно целовались, а друзья резво зарабатывали плюшевых мишек и зайчиков.

— А сейчас,— провозгласила усердная «заводица» в пестром переливающемся сарафане,— каждый может кое-что положить вот сюда. Она торжественно потрясла перед гостями голубым и розовым ползунками. Все полезли за кошельками, а Варвара Алексеевна вышла в дворик.

Распустив хвост веером и скребя им раскаленный асфальт, молодой голубь, гукая, обольщал избранницу. Поодаль их сопровождала, по-видимому, старая голубица. Слишком уж рьяно наблюдала за происходящим. Родина вздохнула и полезла за сигаретами.

На следующий день молодые уехали в свадебное путешествие, оставив мать присматривать за дряхлой Бонькой.

* * *

На стол веером высыпались фотографии неизвестных людей, переложенные восемью стодолларовыми купюрами. Столько деньжищ Варвара не видала со времен сборной.

«...Твой гонорар за вычетом взноса и расходов по пересылке,— писала Александра в приложенной записке.— Мэру очень понравился Терминатор. Он решил заказать тебе для нашего краеведческого музея знаменитых омичей: капитана речного пароходства, знатного шахтера, оперного певца... Сама разберешь по фото. Чуть не забыла, как всегда. Шеф предупредил: поскольку заказ оптовый, за каждую портретную куклу его вассала получишь лишь по 500 \$. Сечешь фишку? Не ровня холоп барину!.. Думаю, забавы тебе хватит надолго. Крепи здоровье! Целую Андрюсика, Пусика и Бонюсика. Твоя неугомонная Александра».

Покупки едва уместились на столешнице. Там оказалось почти все, чего жаждала Варварина душа. Муфельная печь так и рвалась из стискивающей ее пестрой импортной коробки. Пирамидки брикетов разного пластика пересыпались множеством необходимых инструментиков. Причудливыми мотками проволоки. Шевелящимися, будто живыми, свитками наждачной бумаги. Разноцветными коробочками с бусинами, скрепками, пудрой, щипчиками. Душистыми пузырьками с лаком. Сверкающими рулончиками фольги. Акриловыми красками на любой вкус... Центр роскошной барахолки запыхавшийся Андрей прикрыл вафельным тортиком «Причуда».

— Можно обмывать покупки.

Варвара Алексеевна задумчиво покачала на ладони один из тяжеленьких брикетов с надписью «Fimo».

— Надо же! Представь, знакомые спросят: «Чем занимаешься?» А я отвечу с присущей скромностью: «Фимичу помаленьку».

* * *

Покойная Елизавета Венедиктовна, изрядная мастерица выпечки, видно передала дочери талант по наследству. У Варвары Алексеевны не случилось брака. Томная балерина, как положено, светилась фарфоровой белизной, щеки шахтера оттенялись полоской антрацитовы пыли, а доярка получилась, что называется «кровь с молоком». Краски филигранно ложились на ровные обжиги.

Когда кукла бралась диктовать, Родина, закрывшись на замок, принималась вполголоса с ней спорить или соглашаться, возражать или спрашивать совета, приводить доводы или отчитывать.

Вглядываясь в фотографии и никогда не следуя им буквально, она пыталась понять характер своего героя и подметить в нем «изюминку». Не будучи профессионалом, смело экспериментировала с пропорциями. Например, поднятая в замахе фуэте правая нога балерины была заметно длиннее. Но это лишь рождало предвкушение будущего стремительного круговращения.

Бонька обычно сворачивалась калачиком в ногах. Пригнувшись, Варвара рассматривала ее все с большей печалью. Она и не заметила, как пластилин в ее пальцах начал принимать форму любимицы.

Спустя месяц она выставила на всероссийском салоне композицию «Барышня и Хулиган». Несравненный Черныш по-прежнему горделиво выпячивал грудь, а юная кокетка Боня лукаво улыбалась из-под его брюха. Жюри присудило ей первую премию.

* * *

Жало скальпеля нацелилось прямо в сердце. Варвара решительно набрала полную грудь воздуха и взметнула смертоносную сталь...

— Не надо, мама! — крепкие руки Андрея обхватили ее со спины, пытались вырвать оружие. — Ты не старая еще! Выздоровеешь! Найдешь свое счастье, красавица, солнышко, не надо...

Варвара вырвалась, крутанулась в кресле и недоуменно подняла ясные изумрудные глаза.

— Что ты, сынок, я примериваюсь — позу уточняю.

Андрей не часто навещал мастерскую. Не обращал внимания на прикрытую легкой тканью возвышенность на столе. То, что сейчас открылось его взору, вызвало к осмыслению.

Байдарка неистово рвалась к победе. Еще летели в глаза спортсменкам потревоженные ими брызги — бисеринки на тончайших проволочках — и шелковая кильватерная струя, трепеща, убегала к старту.

Загребная, крепенькая, словно мячик для гольфа, скорчилась на носу лодки, в безысходном отчаянии обхватив голову руками с зажатым обломком весла. Зеленоглазая девушка за ней, с искаженным лицом замерла в яростном замахе. Далее взметнулось холодное пламя белоснежной гривы, напоминающей петербургские майские ночи. Замыкала четверку, высясь скалой, суровая Афина-воительница.

Такого мощного сплава горя, негибамости, красоты и силы он еще не встречал.

— Как думаешь... — сглотнул комок в горле Андрей, — назвать эту оптимистическую трагедию?

Варвара неспешно вернула импровизированное весло-скальпель на блюдечко с одинокой таблеткой — собиралась сегодня отделить крошку. Губы, пробуя, дрогнули, и впервые за последние годы она одарила сына своей неподражаемой, неувядаемой улыбкой.

— Я назову ее «Вперед, Родина!»

Алексей Яшин

(г. Тула)

**СТРАНА ХОЛОДА
(ДЕТСТВО В ГИПЕРБОРЕЯХ)**

(Главы из повести*)

УТРО БЕЗ РАССВЕТА

Николка проснулся так же мгновенно, как и заснул накануне. Уже прошлым летом он умел четко отличать сон от дневной яви и даже еще раньше, когда мартовская оттепель только-только заменила собой долгие февральские метели — но тогда все же он путался... Только хорошо помнил, как после прошлогодней оттепели над их островом долго-долго носились ветры, море штормило, небо не прояснялось. А затем на весь их мир пали бесконечные туманы, нескончаемые и тоскливые даже для малых детей. Наконец и солнышко стало проныривать в разрывы облаков, уже не зимних, свинцовых, но высоких, не сплошных, к полудню скручивавшихся в барашки, неровно плывущие по синему небу. «Вот и май наступил, а тебе, Николка, через неделю пять лет исполнится», — сказала мать.

Сейчас-то он уже мог словами объяснить и метели с оттепелями, свертывание серого неба в веселые облака-барашки... Но год с лишком назад Николка все это понимал не словами, но как-то по-другому. А когда взрослые, мать, отец, брат Толька, говорили про те же метели, оттепели, облака, то все эти слова по отдельности Николка хорошо понимал, но они пролетали мимо, ничего для него не значили в связи с тем, что творилось за стенами дома.

— Ты, Николка, — говорила тогда мать, добро улыбаясь, — тугодумом растешь. Я-то вот себя сызмальства, с трех лет помню, а тебе вот пять только что исполнилось, а ты как в тумане еще! Смотри, кто в жизни-то тугодумом растет, того сверстники обгонят и всегда поперед тебя будут скакать, а ты за телегой плестись будешь, и то, если вицей** тебя погонять будут.

Сидевший за столом большой комнаты, она же спальня Николки, Тольки и Славки, и заряжавший порохом и дробью латунные патроны для ижевской двустволки отец хмыкнул:

— А куда торопиться? Самое дело время до школы оттягивать сколько можно. Потом-то жизнь быстро полетит, если только войны навроде давешней не выпадет ему; вот где все медленнее угольной баржи тянется! Потом и ты архангельская, не чухонка, что ваши соседи, и я *калуцкий* из староверов-поповцев, не полутатарской, стало быть, крови, не лопарь тутошний, как Седалин, а значит, оба мы и Николка полные русаки. Был вот умный немец, канцлер Бисмарк, еще до империалистической, так сказал, что русские долго лошадь в телегу запрягают, зато потом быстро скачут.

* Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 351 с. (Библиотека журнала «Приоские зори»).

** Прут — в смысле розга (северн., архангельск.). — Прим. авт.

— Ужо время-то покажет. Больно баско * этот Высморк говорит.

...Эти слова отца и матери Николка запомнил, особенно про грядущую школу, которой его иногда пугали старшие братья: Толька и Юрка, которого взрослые маячники звали Жоркой; настоящее же его имя значилось как Георгий. И еще его занимал таинственный фриц, явно недобитый фашист Бисмарк. Может потому, что сразу вспоминал свои зимние насморки?

А вот сейчас, этим утром он не только ясно отделял сон от яви, но и словесно понимал: себя и все округ он осознанно помнит с неполных пяти лет. Это его нисколько не огорчало. Да и мать, как он уже подспудно понимал, сожалела о беспамятстве больше для разговора: с кем еще в доме поговорить по-бабьи, часами? Отец молчалив, когда не на вахте на маяке, то читает или мужскими хлопотами занят: баню топят, патроны заряжает и на охоту ходит... да мало ли дел у маячника в доме и за его порогом? Юрка и Толька уже в подростки вышли, да кроме лета все время в городе, в школе, в интернате при ней. Толька и на невеликом острове умудряется куда-то исчезать летом на весь день, а Юрке-Георгию этой весной шестнадцать исполнилось: выправил себе в Полярном паспорт и, не доучившись, решил бросить школу и поступать в мурманскую среднюю мореходку, а если не получится, то пойти матросом в тралфлот. Пока же до конца лета уехал на родину матери — близ Плесеца Архангельской области — проводить бабушку Татьяну, совсем уж плохой ставшую. И с чего бы? — Еще и семидесяти не исполнилось. «Должно быть болезнь какая пристала, — сокрушалась мать, — ведь восемь лет ее не видала с этим Севером проклятушим: с маяка да на маяк перебираемся, вот и Седловатый уже четвертый, да дети один за другим рождаются...».

Николка проснулся, как и не засыпал: он уже и это понимал — особенность сна в двухмесячный полярный день. Хотя только десять дней, как вернулись всей семьей из отпуска, проведя почти два месяца на отцовской уже родине, в калужской деревне, где день и ночь нормальные, как и здесь по весне и по осени. А зимой все наоборот: одна бесконечная ночь; здесь тоже нет заката и рассвета, границы между сном и бодрствованием условны, но если летом в сон проваливаешься от усталости, то зимой весь условный «день» клонит ко сну; но засыпаешь долго и с трудом, нагоняя на себя эту необходимую усталость. Чудно устроен здешний мир! Раньше Николка может быть и не задумывался об этом. Наверное, ибо сам себя не помнит. А вот этим годом, прожив два месяца в калужской деревне, на Большой земле, как говорят маячники, он уже имеет с чем сравнивать. И еще стал понимать: во всяком деле все надо с чем-то сравнивать, а если не с чем сопоставить, то принимай как есть. Кто-то живет, как Николка, на острове, другой — на полуострове Рыбачьем, который с их Седловатого не углядишь даже с высокой башни маяка-сирены, но который не так уж и далеко, как говорит отец... А сколько людей на Большой земле? — Ужас прямо; Николка научился недавно считать до ста, но там их явно больше ста.

И еще он стал замечать: когда проснешься — летом ли, зимой, или в промежутке между ними, — то как бы два мальчика в тебе сидят. Один, бодрый и беспричинно всем на свете довольный, рвется соскочить с койки, перебежать комнату и через открытую уже настежь дверь оказаться на кухне, откуда явственно доносится могучий дух скоропелых шанег со свежей засахаренной морошкой — теста для них осталось со вчерашнего дня, когда мать ставила хлеб с запасом на две недели. Но выпечной аромат явно перешибала яичница с салом; даром что из яичного порошка, разболтанного в молоке — опять же из порошка. «Где родился, там и пригодился», — смеялся отец, когда Николка в деревне с неохотой ел яишню из настоящих куриных яиц, а в те два дня, что он сам-двое с отцом провел в гостях у его тетки в Калуге, из гусиных (семейство тетки

* Красиво, гладко (то же самое). — Прим. авт.

проживало на самой окраине около речки Яченки), сравнивая ее явно в пользу привычной, порошковой. Дескать, к чему привык, то и вкусным кажется.

Это первый, дневной Николка стремился к кухонному столу. А вот второй, только что в видениях своих рассекавший зеркальную гладь залитой солнцем реки Угры в отцовской деревне — а на самом деле только-только научившийся барахтаться «пособачьему» на мелководе — все вертелся и вертелся в койке, кутаясь в одеяло, даже стараясь, закрыв глаза, вдругорядь вернуться в столь занимательный сон-утеху. Увы, первый Николка потрепал второго, согнал с него сонную лень и стал полновластным властелином. Он спустил ноги, далеко не достающие до поля, глянул вправо-влево: все три кровати стояли в ряд у широкой стены большой комнаты: Николка посредине, справа — Толькина, слева, почти впритык к косяку двери, ведущей в уличный тамбур, — Славкина.

Ни тринадцатилетнего Тольки, ни трехлетнего карапуза Славки не значилось. Окно в комнате — напротив входной двери — выходило, как уже знал он от взрослых и Тольки, на южную сторону, солнца из него не видно, но комната залита светом, а со стороны кухни не чувствуется табачный запах: значит, отец уже ушел на маяк, стало быть и утро уже не раннее. А если летом утро без рассвета, то угадывать его можно только по яркости света из окна, табачному дыму или его отсутствию, съедобных запахов с кухни. По часам Николка ориентироваться еще не умел, но не обо-значенное числами время уже хорошо отличал — вот как раз по сложному сочетанию домашних действий. Даже не задумываясь.

Кстати, и отец, и Толька пробовали учить его узнавать время по часам, но из этого ничего не получилось: во-первых, принайтованные в комнате над столом, чуть слева от окна, часы, размером побольше миски, с хромированным ободом, под толстым стеклом, были с двадцатичетырехчасовым корабельным циферблатом — как пояснял отец, то есть казенные, положенные по уставу в маячных домах. «Это потому, — говорил отец, — что в морской службе нет дня и ночи, утра и вечера, а есть сутки, а в них четыре восьмичасовые вахты, две полусуточные или одна суточная. Есть еще склянки внутри вахты...» Так что говорить о Николке, если даже мать и востроглазый Толька, определяя время, особенно после полудня, что-то в уме вычисляли. Во-вторых же Николка умел считать предметы до ста, но цифр, кроме нескольких, не ведал. «Пойдешь в школу, в интернат, так там тебе все растолкуют, — приговаривала мать, когда он просил научить его цифрам, — раньше своего времени и цыпленок не закудахчет, и телок не замычит».

Видно мать утреннюю готовку закончила, вышла с кухни с ведром, направляясь через большую комнату к уличной двери: выплеснуть в яму, что выкопала в промежутке между домом и баней.

— Рано не рано, а уже десятый час. Так Толька-то с середины ночи ушел на Меловую бухту к утреннему отливу с острой камбалу ловить. Вчерась-то много я теста сготовила, вот и шаньги испекла, и еще осталось, а отец велел к вечеру, как с маяка придет, рыбак с камбалой запечь. Вот Толька и отправился; должен уже скоро и заявиться.

— А Славка? Иль с ним уплелся?

— Мал он еще рыбачить-то. Ему счас баско на даровое, как бы виноградом с разнофруктами у Гусаровых не объелся, еще животом замается.

— Какой виноград, — выпучил Николка глаза, даже подумал, что он все же еще не проснулся, сон продолжается причудливый.

— А такой вот. Ночью катер к пирсу причалил, по мегафону вытребовали начальника маяка. Федоров прибежал и почту получил, а потом слышу — проснулась от голосов — он уже в тот же мегафон кликает обоих Гусаровых. А потом, как на улицу-то вышла, видала: Паша с Веркой гуськом от пирса к себе идут. Он-то сам две посылки

большие несет, а она — одну. С полчаса же назад Вера к нам приходила, принесла в миске виноград, пару персиков и абрикосов еще; вон-ось они на столе в кухне, иди ешь, я все помыла.— И рассказала, что катер пинровский* шел из Полярного к себе. Они на почте днем все свое получали, а там упросили к нам на Седловатый завезти скоропортящиеся посылки из Ташкента — Гусаровым от тамошней родни. Почтарши и все скопившиеся письма нашим маячным, и газеты Федорову с Трофимом заодно им всучили. И нам Вера по-соседски два письма занесла: одно из Калуги, другое — от Юрки. Вот отец придет — будем читать; одна боюсь — вдруг что нехорошее...

— А чего Славка-то?

— Так к себе Вера-то увела, чтобы вволю фруктов поел. Они ведь без детей живут; она и говорит: вот накопим денег на дом, вернемся в свой Ташкент, так начну через два года на третий рожать. Скучают оба по мальчикам-то, хоть на Славку посмотрят в доме, порадуются. И в отпуск из экономии не ездят.

...Может Гусаровы и порадоваться не могли на сопливого Славку, но вот он-то, Николка, истинно был рад такому началу дня без рассвета: как с куста свалились виноград и персики!

ВЕЛИКИЙ ОСТРОВ СЕДЛОВАТЫЙ

Николка не помнил, как они перебрались с маяка Палагубского на Седловатый: ему тогда еще не было пяти лет — начала осмысленного памяствия. Но осталось первоначальное удивление новому жилищу. На Палагубском, материковом маяке близ Полярного, они занимали две небольшие смежные комнатки в общем маячном доме, а здесь — отдельный дом, да еще с обоих торцов — сарай и баня. Целое хозяйство, как посмеивались отец с матерью. Да и дом-то какой! — По длине поделенный перегородками с дверьми на три кубрика, как называл отец по-флотски: большая комната, где ребят поселили с их койками, опять же уставленными отцом по корабельному порядку строем вдоль торцевой стены; слева — входная с улицы дверь, да двойная для тепла, с квадратным тамбуром; справа — окно и стол. По летнему времени все три окна дома с выставленными и снесенными в сарай обеими внутренними рамами; только внешние оставлены. Прямо напротив Николкиной койки в противоположной стене-перегородке — дверь на кухню, а чуть левее двери — русская печка боковиной в комнату выходит, а у самой стены — лежанка, приступок печи, самое фартовое спальное место зимой. По праву старшинства его раньше занимал Юрка, правда, только на зимних каникулах. В следующую же зиму все две недели каникул там будет блаженствовать Толька. А вообще-то до наступления школьной учебы в Полярном и в прошлую зиму, и в грядущую — это Николкино лежбище, если только отец его не занимает в позднюю осень, в мартовскую оттепель и в раннюю весну, когда его мучает обостряющийся ревматизм, заработанный, наряду с залеченным наскоро в полярнинском госпитале язвой и туберкулезом, за четыре года войны.

Кухня по ширине одинакова, конечно, с большой комнатой, но по длине дома вдвое меньше, да чуть не половину занимает печь; у правой стенки — кухонный, он же обеденный, стол, а в левой, не занятой печью, — окно. В другой кухонной стенке-перегородке — дверь в родительскую комнату, где справа — третье и последнее в доме окно, а слева во всю длину комнаты перегородка с дверью, ведущей в маленькую кладовку. Здесь также все расставлено вдоль стен: родительская кровать с блестящими спинками из круглых изогнутых железок, шкаф, этажерка с книгами и люлька с Сережкой, которому к осени исполнится годик.

* То есть принадлежащий ПИНРО — Полярному институту рыболовства и океанологии; расположен на острове Кильдине.— Прим. авт.

После недавней поездки в отпуск в отцову родную деревню Николка спросил у матери, дескать, почему наш дом и изба тетки Насти, отцовой сестры, такие разные: у нас дом длинный, печка посредине, а в деревне одна большая комната с трех окнами, в одном углу такая же печь и неотгороженный закут кухни, из которого дверь ведет в сенцы.

— А это в деревнях так принято, — отвечала мать, — комната одна, чтобы тепло от печи ее грело, а в сенцах зимой холодно, но теплее, чем на улице. У нас же печь посредине дома, тепло в обе комнаты идет, да окна с тройными рамами его держат. Это же Север!

...Николка, с которого после слов матери о приходе Гусаровой мигом слетели всякие размышления о сне и яви, для приличия поплескался у рукомойника на кухне и устроился за столом. Честно съел свою половину винограда, оставив вторую Тольке, затем яичницу-омлет, а пару маленьких шанег запил чаем. Чаем сразу на несколько месяцев запасались в Полярном, причем отец признавал только китайский, очень вкусный, особенно если к чаю мать налиwała блюдце сгущенки. Свой же законный персик и пару шанег, сложенных ягодными верхами друг к другу, Николка незаметно от матери утащил в большую комнату: с собой на улицу взять. Выходить летом из дома без чего-либо съестного — это все одно, что босиком выскочить на улицу зимой! Дел-то сколько надо переделать? И всех циферок на суточных часах не хватит... если бы в конце концов в начале условной ночи непобедимо в сон не потянет. Не то что обед, а и ужин дома Николку может не дожидаться! Остров-то такой великий, что если дело требует твоего присутствия за Вороничной сопкой, на Южном мысе, самой удаленной от дома точке Седловатого, то голос матери, дескать, где вас, ироды, носит, полсуток уж близко к дому не подходили, ужо вицей отстегаю — марш обедать! Или ужинать — смотря по времени. — Так и то этот голос можно услышать, если на острое или на воде вокруг полная тишина. Но откуда ей взяться, тишине-то? Беспредельно на горке, на северной оконечности Седловатого, где громадина маяка-сирены и Большой маячный дом, запускают дизеля, все перебирают, ремонтируют, готовят к долгой трудовой поре — от первых осенних туманов на море до весенних штормов, да все ночи оба дизеля поочередно в работе стукотной.

А если и они сейчас, летом-то, замолкают к вечеру, либо днем на час-другой, что время обеда, то еще громче дизельной стукотни с моря заглушающие дальний голос матери звуки-шумы: то торговые суда и рыболовецкие сейнеры, идущие в Мурманск и от него на выход в море, подолгу гудят басами, не хуже осипшего в зимний мороз начальника маяка Федорова, разминаясь на встречных галсах. Николка уже хорошо понимает: это для него Кольский залив немереной ширины, а для судов, не говоря уже о военных кораблях, крейсерах тем более, даже в тихую, ясную погоду требует осторожности и маневров, как казенными словами поясняет отец, приучая Николку к флотской точности в словах.

Но суда и корабли посигналят, да разойдутся и замолчат. Тут бы матери, воспользовавшись нечаянной тишиной, и напомнить про иродов, еретиков и остывающие щи, но не везет ей: только перестал вопить противным механическим взвизгом большой пароход с чудным флагом на надрубочной мачте — половина красная, а вторая — белая, — как со стороны Полярного, слева обогнув остров Большой Олений, курсом на правую обочину их Седловатого быстрым ходом выскочили сразу три подлодки: одна «щука» и две новенькие, округлые, размером поменьше. А в пяти кабельтовых от острова, забирая все вправо, но совсем рядом с берегом Седловатого, ход замедлили до черепашьего и прегромко застучали, забухали. Даже гранит острова под ногами дрожит, а зеркало залива мелкой рябью покрылось.

«Это, Николка, они дизеля опробовали и на полную мощность врубили. Но энергию не на гребные винты отдают, а на зарядку аккумуляторов», — пояснял отец.

Дальше Николка и сам уже хорошо знал: выйдут подложки из залива в Баренцево море, обогнут полуостров Рыбачий, свернут влево и на траверсе Норвегии заглушат дизеля, уйдут под воду и дальше ходко на аккумуляторах двинутся, куда им ихний адмирал в Полярном указал.

...И так круглые сутки; на море для кораблей нет дней и ночей, утра и вечера — ни для гражданских судов, ни для военных кораблей.

Вот для чего маячному пацану, выбегающему летним утром из дома, непременно следует захватить пару-тройку шанег или пирожков с начинкой — что бог послал, либо же пару кусков черного хлеба, а между ними — прослойка из тонкого порезанного шпика или пласта вяленой трески. Не помешает вдобавку пяток печенюшек либо флотских галет. В чем все это богатство до полудня держать — не вопрос: маячная пацановская одежда с толком подобрана. Лето — не зима, но и не калужская деревня с дневным солнцепекотом и ночной духотой, если ввечеру дождь с грозой не случился. Одним словом — днем здесь приятное тепло от нагретых солнцем скал струится, а в светлое ночное время скалы поостынут, и с моря зябкостью тянет. Переодеваться по два-три раза не с руки, раз и пообедать недосуг домой забежать, поэтому, как любит повторять отец, матрос меняет форму одежды только четыре раза в год — по сезону, а не переодевается, как граф, к завтраку, обеду и ужину.

— А солдат?

Отец снисходительно хмыкнул и добавил в том смысле, что «он в пехотах не служил», тамошних нравов не знает, но вроде как и у них что-то похожее. А Николка и сам уже знал, что так: в кино, что раз в месяц, если море не штормит, на маяк привозят, да и в отцовской деревне летом вволю в клубе насмотрелся, солдаты летом маршируют по пыльным дорогам в гимнастерках с неуставно расстегнутыми верхними пуговицами, а через плечо и наискось по груди у них шинельные скатки. Значит, форма одежды на любые причуды даже летней погоды.

Скатка не скатка, но фуфайка, что по-казенному называется телогрейкой, а еще стеганкой, самого малого размера, что нашлась на маячном складе, да еще мать полы и рукава подрезала основательно и пуговицы перешила на зауженье, всегда на плечах поверх сагиновой рубахи, а под ней и майки. А шаровары из чертовой кожи, на резинках и шитая округлыми узорами тюбетейка — по наследству от Тольки, с прошлого года щеголяющего в модной кепке-восмиклинке с пуговкой, завершают наряд, форму номер три по-флотски. В карманы же фуфайки и полпуда еды можно положить...

Вот с обувкой прошлым же летом произошла у маячных пацанов полная революция, как назвал это событие Толька. А случилось вот что. До той поры Николка, как и Толька с Юркой, седалинские Васька с Танькой, федоровские Витька с малолетней Настеной, по осени и весне шлындали в сапогах, в основном резиновых. Только Юрка и Васька, имевшие ноги покрупнее, щеголяли в кирзачах; меньших размеров в полярнинском магазине не имелось. А летом переобувались во что полегче; Николка носил явно девчачьи боты с пуговичной защелкой.

Конечно, имелись у него и ботинки, но в них разве что в отпуск ездить, а здесь только хорошо по дому форсить да вокруг него круги нарезать. А так — и наполовную сопку не заберешься, а к крутому берегу-обрыву и близко не подходи: как на лыжах съедешь в воду. И кирдык, как говорит Гусаров на ташкентском языке. Опять же и дня их не поносишь, как всю кожу поверху изрежешь гранитным щебнем. Остаются позорные боты, а если стремно, то парься в резиновых сапогах.

...Да, Паша Гусаров прошлым летом — а сами они с Верой приехали на маяк зимой того же года — точно совершил революцию и окончательно разрешил злободневный вечно вопрос о ребячьей летней обуви.

Всему причиной в начале прошлого лета оказались чаячьи яйца. Это для Николки и его сверстников, выросших на маяках, лучшей яичницы, чем из порошка нет на

свете. А взрослые-то, кроме Седалина, выросли в иных, теплых местах, как, например, отец близ реки Угры в своей деревне Дворцы, где в каждом дворе по два-три десятка кур квохчут и яйца каждый день несут. Вот почему в самом конце мая — начале июня, когда чайки уже снесли яйца, но насидеть их не успели еще, маячники снаряжаются за ними. Дело это опасное, поэтому не только Николке, но и Юрке с Толькой даже мечтать об участии в экспедиции не приходится.

Но и чайки не дуры и свои яйца, размером с гусиные, но только в крапинку, на их Седловатом, где нет высоких утесов и имеются люди, они не кладут, а выбирают для этого дела маленькие скалистые островки, разумеется, безлюдные. И вообще без какой-либо живности. Прошлым летом Николка был еще слабодумом, поэтому спрашивал у отца и Тольки: чайки от людей прячутся на скалах да на островках? Обстоятельно разъяснил отец:

— Чайки яйца несли и высиживали еще за миллионы лет до появления человека. Но и кроме него много охотников за яйцами: песцы, росомahi. Выдры и те из воды на берег выбираются для такой охоты. Только тюленям несподручно далеко от берега на сушу удаляться. Поэтому-то чайки и выбирают, опасения ради, для гнездования островки, где никакой дичи нет. А с человеком они в этих местах познакомились всего лишь лет тридцать назад, но уже успели во враги зачислить.

Так вот, собрались прошлым ранним летом, еще никто из маячников в отпуск не уезжал, на большой моторке, на которой в тихую погоду в Полярный ходили, по яйца чаячи на ближний необитаемый островок Медвежий, что в три раза меньше их Седловатого. Хотели были чуть подальше, на большой остров Зеленый, да Федоров засомневался: мол, там уже из поселка в Сайда-губе, что при рыбзаводе, мужики все гнезда разорили.

Договорились — потом отец дома со смехом рассказывал — с утра собраться у пирса в Языковой бухте, да каждому не забыть по длинной палке, чтобы от разъяренных чак отбиваться, захватить. Федоров же ракетницу возьмет на случай, если птицы совсем оборзуют и всей стаей вздумают нападать.

— И вот,— рассказывал отец вечером того же дня поездки, с аппетитом поедая с большой сковороды чаячью яичницу с салом,— собрались и ждем Пашку Гусарова; не кричим его, видно, идет от дома. Подошел — и мы все в хохот: штаны заправлены в шерстяные носки чуть не до колен длиной, а на ногах обыкновенные галоши, только с двумя дырками на заднике, а через них продернута бельевая веревка, заплетенная на голяшке. Словом, лапти да и только. Трофим смеется: «Ну-у, Паша, тебе бы в кино сниматься про войну с гоминдановцами.— Прямо боец Народно-освободительной армии Китая образца сорок восьмого года».

А Пашка-то не понимает в чем дело, но дошло: «Про галоши что ли? Так у нас дехкане в пригородных районах только так и ходят. Удобнее обувки не придумаешь: ноги не потеют, вес легкий и по любой крутизне не поскользнешься. А у таджиков и афганов так и вообще основная обувь. У Верки тетка в республиканском потребсоюзе работает счетоводшей, так говорит: половина всех галошных фабрик в Союзе на Афганистан и других зарубежных азиатов работают. В Европе они из моды вышли, разучились там галоши лить, только у нас их производство и осталось».

Мать с Юркой и Толькой было рассмеялись, но отец уже серьезно продолжал:

— ...А прав Гусаров-то. Мне вот Жора Асатурьян, с которым на Торосе в войну служил, тоже говорил: у них в Армении по горам в чувяках галошных ходят, надевают на шерстяные носки или на онучи и веревкой оплетают. Лучше самого народа в таких делах житейских никто не придумает! Хватит ребятам летом париться в резиновых сапогах и ботах; как моторка в Полярный пойдет, так купи на всех галош, а носков шерстяных ты им за зиму по три пары связала.

И вот Николка уже второе лето, выходя из дома на вольный промысел, заправля-

ет свои шаровары в длинные серые шерстяные носки, ступни вставляет в галоши с ярко-малиновым ворсистым нутром и заплетает концы тонкой бечевки, продернутой через два отверстия, на пятке, крест-накрест до середины икр ног. Хорошо! И тяжести никакой не чувствуешь, ногам не жарко и не холодно, а как ловко в таких чоботах на самые крутые скалы взбираться!

Только снаряжился Николка и шагнул к двери, как загудел зуммер телефона, что висел на кухне над обеденным столом; мать — видно ему было через открытую кухонную дверь — сняла с рычага трубку. На всякий случай притормозил, любопытствуя: чего это отец с маяка позвонил с утра, сам недавно из дома выйдя? И не напрасно:

— Колька! Отец говорит, что седни Седалину корову привезут.

Мать рассмеялась, и за ней, скорее за компанию, и Николка. Вот новость так новость, всем новостям новость! Таких событий на его короткой памяти еще не было.

К телефону в доме уже все привыкли, хотя появился он только в начале прошлой осени. Впрочем, для Николки нововведение явилось скорее нежелательным: теперь, если ты находишься на горке, то есть в маячной северной оконечности острова, то мать запросто его обнаружит: позвонит отцу на маяк, либо Глафире, жене Седалина, а то и Федоровской Клавке — и мигом засекут и передадут приказ о явке домой. А приказы на острове, территории военно-морской, даже пацаны не обсуждают. Так приучены.

Но даже и с телефоном все же велик остров Седловатый... ох, велик!

ТЕЛЕФОН НА ОСТРОВЕ И ЧЕРНОМУНДИРНЫЙ ПОДПОЛКОВНИК ШУЛЕЙКО

Великий-то великий, но такой неопределенной мерой Николка только в прошлом году удовлетворялся. Сейчас же, подросши и поумнев, какой-никакой счет до ста освоив, хотелось поконкретнее знать размеры острова. А в прошедшей только что отпускной поездке и вовсе в конфуз перед деревенскими ребятами попал: расспрашивают его об острове, а каких, мол, он размеров? Николка же только руками разводит, даже не может на прямой вопрос ответить: больше деревни Дворцы или меньше?

Начал расспрашивать всезнающих взрослых, но от отца ответа не получил: не вовремя обратился, не в духе тот был, видно, мать опять щи сварила не по-отцовски, то есть чтобы капуста не разварена, мясо ровными кубиками, а в даже до краев налитой тарелке хорошо просматривалось бы ее дно — никакой мутности.

Сосед Гусаров, хотя и окончил в Ташкенте, как он сам рекомендовался, гидрометеотехникум, пожал плечами: дескать, еще не промерил весь остров ногами. Решился к самому Федорову обратиться. Тот подозрительно прищурил глаза:

— Э-та тебе зачем? Я вот с Андреяном поговорю: совсем он вас распустил! И выброшь все из головы. Остров — это военная часть, в гидроотдел флота входит, и размеры его есть секрет, военная тайна. Узнай ты их, так в отпуск поедете — всей деревне разнесешь. А я за все и отвечай; подполковник Шулейко с меня три шкуры спустит.

...Осталась одна надежда на Тольку. А тот и сам заинтересовался:

— Да-а? Так измерить же можно. Ты погоду, далеко не уходи, я сейчас сажень на скорую руку сколочу.

«Что такое за сажень? И как великий остров можно измерить...» — сгорал от любопытства Николка, слоняясь поблизости дома, не отходя далее озера Гранитного, что рядом с маячным бревенчатым складом, что всего в сотне шагов. И при этом зорко поглядывал за Толькой, что-то мастерившим на хоздворе, как отец называл вытоптанный пятачок с торца дома, что ближе к входной двери, между стеной его и баней. Здесь прямо у незаконной стены уложена бунта коротких бревен, а рядом

кóзлы для их распилки; тут же стоймя стоял чурбан, похожий на большой барабан, для колки дров. Бревна эти, выброшенные морем на берег в весенние и осенние шторма, отец с Юркой и Толькой там же на берегу пилили и, затянув петлей из крепкого фала*, сволакивали к дому с пологого берега напротив Бурой скалы.

...На обязанности же Николки с этого лета лежало перетаскивание уже готовых поленьев малыми, по возрасту его, охапками вокруг всего дома в дровяной сарай, располагавшийся с другого торца дома.

Понять суть Толькиной работы он не мог, как не может человек, даже многоопытный взрослый, что-либо сообразить о предмете, ему неведомом. Только цепко отмечал про себя: ага, брательник, порывшись в разном дровяном хламе, что не годился на дрова, но на всякий случай складываемом обок бревен, выбрал пару реек, одну из них подпилит, уровняв в размерах, и померил по себе: как раз до плеча. Вытащил из кучи еще одну рейку, покорооче. Затем зашел в дом и вынес оттуда молоток и величайшую отцову ценность: метровую металлическую линейку, отсвечивающую на летнем солнце как гибкое узкое зеркало. Застучал молотком. Уже не в силах сдерживать любопытство, Николка без зова приблизился к хоздвору.

— Вот и сажень,— продемонстрировал довольный Толька изготовленный прибор: две длинные рейки, сколоченные одними концами, а вторыми разведенные почти на два Николкиных роста и закрепленные посредине поперечной рейкой.

— А-а что это?

— Ты, Николка, тугодум,— явно подражая матери, ответил Толька,— я же говорю: сажень, расстояние мерить. Между концами расстояние полтора метра, на два, как положено у землемеров, длинных реек не нашлось, но и этого хватит. Вот смотри,— и Толька пошел от дома, ловко на ходу выкручивая саженью кренделя, ставя поочередно заструганные концы ножек по выбранному направлению: на Гранитное озерцо.

— Полтора, три, четыре с половиной...— в такт поворотам шагомера повторял он,— нет, с этими полторашками обязательно собьешься; лучше считать на разы, а потом их умножить на полтора...

Николка ничего не понял в счетных упражнениях брата, но на разы и сам умел доста считать. Эк удивил! Зато он хорошо помнил строгий запрет начальника маяка на всякие попытки узнать размеры острова, о чем тотчас и напомнил Тольке.

— А мы на горку и не пойдем, а Федоров с нее раз в год по понедельникам спускается, да и то только к пирсу...

— Как же мерить-то остров в длину, если не горку не заходить?

— А так; длина острова по линии «юг — север» измеряется от Южного мыса до Носового, а наш дом как раз посредине этой линии... плюс-минус метров пять, не больше.

— Откуда знаешь?

— Опять же оттуда; надо иногда взрослых мужиков слушать и запоминать, они иногда и умные вещи говорят. Вот когда телефонные провода с горки, от маяка к нам с Гусаровыми тянули, так Колчедыкин, что за разметку отвечал, делал промер рулеткой, а я ему помогал. Он и планчик нарисовал и говорил мне, что наш дом-то и посредине острова в длину.

Николка прекрасно знал холостяка Трофима Матронины по прозвищу Колчедыкин — хромает на левую ногу с лошадиной стопой, как говорит отец, но все одно не мог сообразить: даже если их дом посредине, то как же измерить длину острова, не заходя на маячную горку?

— То ли ты еще мал годами, а может и бестолочью уродился,— задумчиво по-

* Плотная веревка канатного типа.— Прим. авт.

глядел на него брат,— измерим от дома до Южного мыса и умножим на два! Да и с горкой-то было бы сложнее: учитывать перепады высоты, а на нашей низине только одна Вороничная сопка, и та небольшая. Все, пошли. На вот тебе мою записную книжку и карандаш. Я считаю и как дойду до ста — ты на этой вот странице чистой ставь крестик... это-то хоть умеешь? Будешь моим, э-э, ассистентом. Все, двинули.

Через полчаса Толька довертел своей саженью до Южного мыса, лишь дважды немного отклоняясь от курса: слева обогнул ближе к дому Гусиное озеро и справа — самую вершину Вороничной сопки. В последний пролет счет до ста не дошел, поэтому Толька лично записал в книжку нужное число остатных шагов сажени.

— Та-ак,— размышлял он, возвращаясь с Николкой рядом и саженью на своих двух плечах растопыркой вперед,— а сейчас поперек измерим; и опять самая ширина, это и на глаз видно, будет проходить между нашим домом и Гусиным озером, с запада на восток от скалы с обрывом до противоположного берега, за домом Гусаровых, оставляя справа зенитные землянки. Поторапливайся, надо к обеду закончить. Сегодня мать обещалась щи с бараниной сварить. Очень я баранину уважаю, на Палагубском к ней по привычке. И кисель из засахаренной морошки с утра затворила.

К обеду не только успели замерить ширину, но Толька, морща лоб от умственных упражнений и даже справляясь со школьным учебником («Надо, понимаешь, учесть перепады высот и всякие огибанья»), пошабашил:

— Все, вот и размеры: в длину километр почти равно, а в самом широком месте — четыреста шестьдесят метров. Плюс-минус, конечно, какой-то имеется. Теперь, Николка, можешь спать спокойно: и военную тайну Федорова сами узнали, и профессию землемера освоили! Пускай теперь подполковник Шулейко сон потеряет: вычислены размеры секретного острова, ха-ха-ха!

...А как протягивали телефонные провода под руководством Трофима — Николка и сам хорошо помнил. И даже из разговоров отца с матерью знал: почему маяк, маячный дом и их с Гусаровым отдельные дома соединили телефонами. Просто в середине прошлого лета, тож при незаходящем солнце и распрекрасной погоде в неурочный час вынырнул из-за Южного мыса как-то незаметно подкравшийся гидроотдельский белый катер и скоренько пришвартовался у скалы-пирса в Языковой бухте. Да так скоро, что Федоров едва-едва, запыхавшись, успел сбежать с маячной горы.

К его ужасу прибыл сам подполковник Шулейко, начальник политотдела гидроотдельской службы флота — гроза и кара, редко милость для всех маячников Кольского залива и всего побережья Кольского же полуострова от норвежской границы, от Печенги, Рыбачьего, далее Кильдина и вдоль Терского берега, мимо Поноя и с загибом вовнутрь побережья Белого моря до самой Кандалакши.

К ужасу — потому что обычно в этот срединный летний месяц Борис Никифорович отдыхал от трудов праведных в Крыму в военном санатории или заглядывал на родную Полтавщину. Как потом слышал Николка из рассказа за обедом ухмыляющегося злорадно отца, его старинный, еще с довоенной службы, враг Шулейко остался без южного пляжа и полтавского сала по причине не столь давней кончины Иосифа Виссарионовича: «Сейчас в верхах и не только в них сумятица, вот и все маломальские начальники стараются не отдаляться от своих кресел». Мать внимательно слушала, боязливо оглядываясь на ребят, дескать, рано им все это слушать, еще сболтнут что где не надо...

...Но весь-то ужас и был в том, что лишенный отпуска Шулейко решил отравить жизнь всем маячникам вверенного его политопеке гидроотдела флота. Холодно кивнув головой Федорову, в сопровождении двух черномундирных, как и он сам, капитанов, он молча проследовал на маячную горку, остановился, чуть запыхавшись от подъема по крутой лестнице без перил, велел, не оборачиваясь к стоящему за его спиной Федорову, собрать личный состав. Тот взял под неналичествующий на его

голове козырек и крикнул околачивающемуся чуть поодаль седалинскому Ваське: «Мигом вниз за Андреем и Гусаровыми!»

При имени Андрея Шулейко досадливо поморщился, но тут же вскинулся:

— Ка-а-к? На объекте постоянной готовности личный состав мальчишки собирают? И почему на самом маяке никого нет?

— Так, товарищ подполковник, время летнее, светлое, погода хорошая, а дизеля оба на регламентном ремонте...

— Ма-алчать! Это как оба дизеля? А если срочно маяк надо задействовать, а?

— Так ведь лето...— изобразив тупость на лице, пробовал оправдываться Федоров.

— Никаких лет, а вдруг чрезвычайная ситуация? Запомни, Федоров: хотя ты у меня на хорошем счету, но заруби себе на носу, что маяк, как хорошая б..., всегда должен быть готов к работе. Даже на случай солнечного затмения!

Но на сам маяк Шулейко не пошел, ибо техника — не по его компетенции, а на агитплощадке перед большим маячным домом, где стояли пара скамеек, шит с пожелтевшей наглядной агитацией и детские качели, впрочем, серьезных размеров, поодаль, провел политзанятие: общую часть для всех и отдельно закрытую для маячных партийцев: Федорова и Седалина.

Зная, что Борис Никифорович отменный едок, Федоров еще загодя кивнул жене, выглядывавшей в окно, а после закрытого партсобрании почтительно пригласил Шулейко со спутниками отобедать, заранее извиняясь за простоту стола.

После духмяного, жирного, наваристого борща и запеченного палтуса, клюквенного морса и пирожков с морошкой Шулейко несколько отошел и продиктовал одному из капитанов:

— Енгошлыков, запиши в замечаниях: выйти с предложением в техотдел об установлении на маяках Седловатый, Торос, Сальный, Береговой и на обоих Кильдинских — Северном и Западном внутренней телефонной связи,— и, обращаясь к Федорову, добавил:

— Не так скоро, думаю, но из техотдела все для связи завезут, а по поводу дизелей устно предупреждаю. Имей в виду, на себя ответственность беру.

И верно, к концу августа уже не «адмиральский» белый, но техотдельский катер-«аркашка» доставил на остров пяток списанных, но исправных, корабельных телефонных аппаратов с индукторами, одетых в толстостенные стальные корпуса... и только. «Телефонного провода на базе нет,— коротко пояснил старшина катера,— сами чего-нибудь сообразите».

Не привыкать-стать, Федоров сообразил быстро: налил из лично опечатываемой канистры со спиртом для протирки рубинов маячного прожектора армейскую фляжку... чуть подумал, принес из дома порожнюю четвертинку и ее затарил. После чего сел в моторку и отправился в недалекий путь на левый берег залива в Медвежьей губе, где стояла артиллерийская часть.

В зоне полного «сухого» закона фляжка с гаком-четвертинкой принесла Федорову целую бухту армейского телефонного провода, которую, надев по центру на палку, с кряхтением подняли на горку и занесли в маячное здание Гусаров и Матронин, как самые молодые; здесь даже врожденная хромота Трофима в расчет не принималась. За ними, поскольку время еще было каникулярное, гурьбой шли все ребята острова, крайне заинтересованные в появлении провода — вечного пацановского дефицита; они на ходу оценивали достоинство его, а также изустно прикидывали: сколько им достанется обрезков. Получалось, что много. Федоров степенно вышагивал обок несунув и отдавал распоряжения Матронину, уже назначенному старшим по телефонизации, учитывая, что Трофим имел полное среднее образование и после школы, не призванный по инвалидности в последний год войны, некоторое время работал в Соломбалах, портовом пригороде Архангельска, на узле связи электромехаником.

— Пока, Трофим, дожди не зарядили, нарисуй-ка планчик проводки и сваргань для установки на маяке распределительный щиток. Вот тебе вводная, а остальное сам, как специалист, додумаешь. Действуй!

Целых две недели Трофим Матронин, которого на это время заглаза перестали звать Колчедыкиным, был самым важным человеком на острове, так что руку поутру мужикам подавал, неохотно вынимая ее из кармана брюк, только увидев уже протянутую здоровающимся. Даже Федоров с усмешкой, но с серьезным лицом приветствовал его: «Трофиму Батьковичу наше нижайшее!»

Для начала Трофим с устного разрешения начальника собрал маячников и самовольно сбежавшуюся ребятню, включая самых малолеток Николку и федоровскую Настену, что на год его моложе, на агитплощадке и разъяснил диспозицию:

— Значит так, мужики... извиняюсь и женщины, конечно, коммутатор я установлю в дежурке машинного зала, а от него три отдельные ветки: на промежуточный мостик — внутри маяка проводка; вторую, навесную без промежуточной опоры, — от мостика в Большой дом, а там по квартирам; договоримся так: один звонок — Егору Михайловичу, два — Седалину и три — мне. И самая длинная ветка — в низину: от маяка вниз вдоль лестницы, далее прямоком на склад, от него в дом Андреяну, а потом к Гусаровым. Там тоже отзываться по звонкам: склад — четыре, Андреяну — пять, Гусаровым — шесть.

— Все уши прозвонит, — недовольно отозвался Паша, — раз ветка отдельная, так и сделай нам также: один-два-три!

— Э-э, Паша, хотя вы с Верой и имеете среднеспециальное образование, а мыслите нелогично. Коммутатор задуман так, чтобы *абоненты телефонной сети* не только имели связь с маяком, но и друг с другом в любом варианте: первый, то есть Егор Михайлович, допустим, со складом — четвертым, когда там кто есть; пятый Андреян с Седалиным вторым и так далее. Понятно?

— Угу, — недовольно согласился Гусаров шестой...

Но здесь вступился хозяйственный Седалин, он же маячный завхоз и завскладом:

— Это что же — и столбы телефонные городить на низину будем? Так это работы на несколько месяцев: коробка под столбы рубить*, камни с берега тоннами таскать, а где столько леса калиброванного под столбы взять?

— Чай мы не в городе, — снисходительно пояснил Трофим, — машины не ездят, а провод не оголенный, как на обычных телефонных линиях, но для полевой армейской связи: его и топором не перешибешь, а изоляция рассчитана даже... — Тут Матронин по ядовито расплзшимся улыбкам на лицах мужиков, в том числе даже не воевавшего, но служившего срочную Гусарова, сообразил, что зарпортовался...

— Ты, Трофим, за советскую власть нас не агитируй, сами знаем что за провод. Так прямо по земле *будешь тянуть* ко мне и Паше? — Николка услышал голос отца. Но и Матронин снова обрел начальническую рассудительность и не меньшую язвительность:

— Нет, Андреян Матвеевич, тянуть буду не только я, но и все мы вместе. И тянуть, как ты выразился, не по земле, а с провисом в полметра-метр на самых простых козлах шалашного типа. Объяснять дальше? Или опять про родную нашу власть напомним?

Здесь Николка краем глаза отметил: старшие ребята, Юрка, Толька и седалинский Васька, услышав про достоинства телефонного провода, переглянулись, обреченно махнули руками и развернулись идти прочь от агитплощадки. Заинтересовавшийся таким странным поведением пацановских авторитетов Николка пошел за ними, но на ходу все же дослушивал:

* На тамошнем безземелье, где на скалах — и то в лощинах-низинах — в лучшем случае десять-двадцать сантиметров торфа, столбы ставят в специальные бревенчатые срубы-короба, в него ставят столб основанием и сруб заполняют камнями, обычно без раствора. — Прим. авт.

— ...Не особенно-то про власть рассуждай! Сам понимаешь, что в стране траур по великому Вождю, а ты... Смотри, хоша и не партеец, но попадешь в черный список к Шулейке! Вот как Андреян еще с довойны там накрепко прописался.

И, уже покрывая смешки маячников на его слова об Андреяне, Федоров загадочно улыбнулся, чуть подумал, но досказал:

— И все же Трофим, если захочет, всегда с хорошей инициативой выйдет. Так вот, по этим же проводам ко всем вам будет с шести до двадцати четырех каждый день радиотрансляция идти от маячного приемника. Так что бабы в Полярный как поедут, так пусть в Циркульном магазине громкоговорители покупают. А нам с Гусаровым и Трофимом тоже хватит тратиться на батарейки для своих радиоточек. Правда, на время телефонных разговоров радио будет замолкать — тут Трофим какую-то хитрость автоматическую придумал, но — без этого никуда не денешься, не тянуть же на пол-острова по три провода кряду? Да и не хватит по три-то и целой бунты...

— А чего ушли-то? — Николка, дослушав про радио, очень обрадованный этим, догнал братьев и Ваську.

— А то, что этот провод годится только чтобы Гитлера с Черчиллем и с Эйзенхауэром впридачу вешать, — сплюнул Юрка, — я сразу заподозрил, хотя бунта толем* и была обернута, по тяжести. Э-э-х! Жалко. Ни для какого стоящего дела не годится.

— Почему?

— Слушай, малбй, ты иди-ка по своим детсадовским делам, коли они у тебя имеются, а будут линии тянуть — сам увидишь.

...Действительно, когда на острове закипела телефонная работа, мужики начали разматывать бунту и резать провод по длине линий, Николка подобрал первый же обрезок и, подражая Юрке, тоже сплюнул. Нд-а-а, никуда не годится: никаких тебе под оплеткой-изоляцией пучков цветных, мягких проводков, что братья привозили на каникулы из Полярного, а единый, в полторы спички толщиной свитый стальной провод, жесткий и, как пружина, не сгибаемый.

— Пап, — спросил Николка отца, — а почему провод-то такой жесткий и пружинит?

— Армейский потому. В кино, наверно, уже видел, как солдаты такой разматывают между окопами и командным пунктом. А вокруг мины рвутся, снаряды, бомбы с самолетов. Провод же все это должен выдержать — связь обеспечивать. Взорвется в метре от него мина, отшвырнет провод на десяток метров, тот изогнется, напряжется, но не порвется. Вот так-то!

По этой причине он потерял было всякий интерес к телефонной сутолоке, но Трофим совсем разошелся и уже командовал напропалую взрослыми и малыши. Додумался до того, что, размечая линию прокладки провода на низине, стал на верхней площадке лестницы на горку таким фертом, а ребят расставил по примерным местам установки козел и сверху в мегафонный раструб командовал:

— Витька! Два шага вправо и три назад. Васька! Хватит болтаться, стой смирно. Николка! Стань спиной к двери склада, отсчитай пять шагов и замри.

Даже Тольку привлек, а Юрка специально из дома не выходил, чтобы не позориться. Отец, шедший на вахту на маяк, притормозил около Николки и со смешком сказал, адресуясь более к выходившему в это время из дверей склада озабоченному чем-то Седалину:

— Прямо по Гоголю: а поставить квартального Пуговицына, как длинного ростом, для благоустройства на мосту!

Седалин, прочитавший во взрослой жизни только две книги: устав караульной

* Рубероид. — Прим. авт.

службы на срочной в тридцатые годы и устав же *ВКП(б)* пять лет назад при вступлении в партию,— опасливо посмотрел на грамотея и промолчал.

...Так и не сбылась во время телефонной горячки Николкина мечта переделать свой плохонький однолезвийный складной ножик, к тому же разболтанный донельзя, в почти что финку. Толька брался довести все до ума: заклепать лезвие в ручке — переделать складной ножик в нескладной, с жестко закрепленным лезвием в ручке; само лезвие переточить в маячной мастерской на электрическом точильном круге под боевой фасон и там же отшлифовать до зеркального блеска; на боках ручки также заклепать медные планки — для тяжести и объема... Но все это великолепие он хитроумно обещал проделать только после того, как брательник раздобудет цветных проводков, чтобы, как он выразился, «придать товарный вид», оплеть ими ручку. А без этого и смысла нет возиться. «Я в Полярном пучок для тебя нашел, но кто-то из интернатских спер»,— объяснял Толька, скашивая глаза в сторону.

Хорошо ему говорить, ведь у самого-то настоящая финка с цветным плексигласовым набором, отшлифованная, с лезвием столь заточенным, что волос на лету режет! Да еще в чехле-ножнах с петлей под брючный ремень, что мать на машинке прошила, а выкройку сам Толька вырезал из голенища старого ялового отцова сапога; тот и сам из него заплатки на задники валенок вырезал. А заготовку для финки Толька из Полярного привез: подобрал около помойки ресторана «Ягодка» столовый нож с поломанной накладной костяной ручкой.

— О-о! Хорошая сталь, золлингеновская,— сказал отец, вертя нож в руках,— как же, как же, помню: в сорок шестом в «Ягодку» из германских репараций до чертиков сколько всякой посуды понавезли. Финку будешь делать? Так завтра с утра на маяк приходи: дизель на суточный прогон после переборки будем ставить, так что хоть целый день точило можешь крутить. Да и Колун, хотя это не его дело, завтра с Седалиным на Большой Олений на моторке пойдут — до ночи; там старший Седалин пятьдесят лет отмечает.

Хотя тогда Николке, в отличие от Седалина-старшего, что маячничает на Большом Оленьем, стукнуло не пятьдесят, а ровно в десять раз меньше, но он уже знал, что Колуном отец зовет в домашнем общении начальника Федорова.

...А без ножа, желательно финки в ножнах на боку, пацану на острове и делать нечего, зазря только из дома выходить и обувь трепать. Даже свистульку из обрезка ветки куста не сделать, не говоря уж о луке со стрелами. «Вот пойду в школу в Полярном, наберу цветных проводков, а еще лучше цветной пластмассы, найду около «Ягодки» золлингеновский нож и сделаю финку получше Толькиной — с канавкой на лезвии. А вырасту, так и вовсе меч выточу из стальной полосы, которыми пол под дизелями выстлан. Как у Александра Невского, что в кино, которое на той неделе на остров привозили».

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Александр Астраханцев
(г. Красноярск)

Астраханцев Александр Иванович, родился в 1938 г. в дер. Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Закончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт им. Горького. Более 20 лет проработал на стройках г. Красноярска на должностях от мастера до заместителя начальника домостроительного комбината. Автор 7 книг прозы, выходивших в Москве и Красноярске. Очерки, рассказы, повести и романы публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Енисей». Отдельные рассказы выходили в сборниках «Лучший рассказ года» (Москва, Новосибирск и др.). Живет в г. Красноярске.

В ПОТОКЕ ДНЕЙ **от *adagio* к *presto***

В автобусе на переднем сиденье — мама с малышкой на руках, трехлетней девочкой. Мама — флегматичная молодая женщина с миловидным, но статичным сонным лицом и гривой темных волос; малышка же — явно не в маму: хрупкая, с голубыми жилками сквозь полупрозрачную кожу на висках, со светлыми реденькими локонами, с большим, почти уродливым ртом, огромными серыми глазами, и — очень живая. Она смотрит в окно, тычет в стекло пальцем и без конца дергает мать: «Мама, мама, матина!», «Мама, мама, батени кан!» Мама, не глядя, равнодушно кивает головой: «Да, машина... Да, башенный кран».

Но вот рядом с ними села еще одна молодая мама с мальчиком лет четырех. У мамы мальчика — осмысленный, живой взгляд; мальчик — спокойный, воспитанный, с мамой разговаривает как равный; чувствуется, что они понимают друг друга с полуслова.

Девочка моментально преобразилась: отвернулась от окна и стала дружелюбно улыбаться мальчику, — но тот посмотрел на нее равнодушно и рассеянно — как на неразумного младенца.

Девочка стала то подмигивать ему, то прищуриваться, то широко распахивать

глазищи, всеми силами стараясь привлечь его внимание, безусловно зная о привлекательности своих глаз — сама ли догадалась об этом, или при ней о них говорили? Она использовала весь свой запас мимики, чтобы привлечь внимание мальчика... Интересно, у кого эта оболстительница переняла приемы? Явно не у мамы. Или родилась с ними? А мальчик, ничего в этом еще не понимая, решил, видно, что она — просто глупая кривляка, и отвернулся.

Девочка же, перестав кривляться, стала возбужденно лопотать что-то ритмическое, покачиваясь в такт — похоже, декламировала стихи, ни к кому не обращаясь и все же бросая время от времени в его сторону быстрые взгляды, явно проверяя впечатление. Но мальчик и тут — никакого внимания. Тогда она просто взяла и изо всех сил заверещала. Терпеливая мама не выдержала: встряхнула ее как следует и рывкнула: «А ну, хватит!» Но девочка даже не обратила на это внимания.

И, наконец, до мальчика дошло, что эти выступления посвящены ему — он повернулся и посмотрел на нее хоть и сдержанно, и снисходительно, и чуть-чуть свысока, но — приветливо, поощрив легкой улыбкой.

Что тут стало с девочкой! Она сползла с маминых широких колен, встала на сиденье, ерзая и оттесняя ее, держась за спинку кресла, и со сверкающими глазами, со счастливым лицом запела что-то и стала неистово прыгать. Мать прикрикнула на нее; девочка не слышала — она была упоена победой, она торжествовала, она исполняла некое подобие победного танца!

Но вот женщина с мальчиком встали и на очередной остановке вышли. Девочка была в отчаянии: она дергала маму, она трясла ее за плечи: «Пойдем, пойдем!» — и когда та объяснила, что еще не их остановка — у нее хлынули слезы: она разрыдалась. Это была истерика. Мама, наконец, разгневалась и отвесила ей шлепок; девочка продолжала реветь, рвалась из рук, колотила мать ручонками, возмущенно бормотала что-то, захлебываясь, пуская пузыри, и выглядела отнюдь не испуганной материнским гневом — а, скорее, разъяренной; и плакала, и капризничала она не от боли — от обиды, что ее не понимают.

Время было дневное, ехали в автобусе, главным образом, женщины с кошелками и старушки. Они смотрели и на девочку, и на мать с осуждением: вот, дескать, распустила ребенка... Занятые своими заботами, невнимательные, они, как, впрочем, и мамаша, совершенно не поняли, что на их глазах протекала захватывающая человеческая драма с вечным сюжетом: Она и Он, Он и Она.

А передо мной долго еще стояли глаза девочки, словно два наполненных до краев стакана, готовых пролиться, и я гадал: что же с ней станет, когда вырастет? Затюкают ли ее, сломают, сумеют впрячь в лямку будней — или, чтобы сохранить свое «я», ей придется все время рвать путы, ломать преграды, и она станет необузданной и будет постоянно врываться в чужие судьбы, ломать их и корезить? А может, станет нежно любящей женой и хорошей матерью со всеохватным чувством материнской любви? Или — хищной блудницей? Или мощное и страстное ее, ничем пока не замутированное, не испачканное, незащищенное, искрящееся драгоценным камешком либидо перельется в творчество, и ей предстоит многое свершить?

Нет, думал я, слава Богу, что, вопреки прогнозам пессимистов и скептиков, человеческой жизни на земле пока что не грозит иссякнуть, по крайней мере, в ближайшие тысячи лет — здоровые, мощные инстинкты все-таки подскажут ей выходы из всех тупиков и вывезут.

На душе было немного тревожно, но — хорошо.

* * *

Рано утром — еще чуть брезжил серый свет — я ехал в аэропорт: сидел на заднем сиденье такси, завалившись в уголок, и подремывал.

Посреди совершенно пустой улицы на обочине стояли двое: мужчина и женщина; женщина отчаянно махала рукой — «голосовала». Шофер собрался, было, проскочить мимо, но женщина кинулась в отчаянии ему наперерез, и если бы шофер мгновенно не затормозил — ей-богу, не миновать несчастья.

Он скрипнул зубами и выругался. А женщина, как ни в чем не бывало, подлетела к машине, распахнула переднюю дверцу и, стараясь расположить шофера виноватой, заискивающей улыбкой, успев при этом еще и мельком глянуть на меня, стала торопливо говорить:

— Извините, ради Бога! Вы в аэропорт?

Именно эта улица шла в направлении к аэропорту.

— В аэропорт,— играя желваками и не поворачивая головы, угрюмо ответил шофер.— Вам что, жить надоело? Но меня зачем в это впутывать?

— Простите, я вас умоляю — мы ужасно торопимся, мы опаздываем! Возьмите нас! — просила женщина, прижав к груди руки.

— Спрашивайте у пассажира! Машину заказывал он,— сухо сказал шофер, продолжая смотреть прямо перед собой.

Я не стал возражать.

Женщина моментально повеселела, скомандовала топтавшемуся позади нее мужчине: «Вася, садись!» — и, шурша плащиком, впорхнула на переднее сиденье. Спутник ее забрался на заднее, рядом со мной, и как-то сразу заполнил собой все пространство, так что мне стало даже немного тесно. Пока он устраивался, пружины под ним жалобно скрипели и попискивали. Грузный мужчина.

Поехали дальше.

А новые пассажиры тотчас забыли о нас с шофером, окунаясь в свою ауру; оба, похоже, не спали всю ночь: на их утомленных лицах лежали тяжелые тени, а глаза в красноватых веках возбужденно блестели.

Женщина повернулась и через спинку кресла протянула мужчине открытые ладони; он протянул ей свою лапу; она взяла ее, быстро приложила к ней губами, затем положила ее на спинку кресла и придавила подбородком, со счастливой улыбкой глядя на мужчину. Блуждая глазами по его лицу, она ласкала его взглядом, она поела его, она им лакомялась.

Лицо у мужчины было простое и грубое. Но что-то же она в нем нашла? Обоим было где-то между тридцатью и сорока.

— М-м-м? — вопросительно хмыкнула она, кивнув ему и шире распахнув улыбающиеся глаза, спрашивая взглядом о чем-то, понятном только им.

— М-м-м,— утвердительно кивая и тоже улыбаясь в ответ, пророкотал мужчина грудным, урчащим баском.

— М-м-м! — женщина строго погрозила ему пальцем.

— М-м-м,— продолжал улыбаться в ответ мужчина, отрицательно помотав головой. Затем, не в силах, видимо, удержаться от нахлынувшего чувства, потянулся и, скрипя пружинами, свободной рукой заграбастал женщину за шею. Однако женщина вывернулась из его неловкого объятия и прикрикнула:

— Ну-ка, сиди спокойно! — а затем укорила: — Тут же люди, Вася! — причем в укор ее было столько горячей нежности, словно она давала понять, что если б не «люди», уж она бы ему дала волю — или бы сама тотчас перебралась к нему на колени, в его тяжелые руки. И уже с восхищением, даже не проговорила, а пропела, качая головой: — Ну, медве-едь! Ну и медве-едь!

— А Люська меня вчера тоже медведем обозвала,— прогудел мужчина.

— Так ты и есть медведь! — и прыснула: — Хи-хи-хи.

Мужчина помолчал и вдруг ни с того ни с сего мечтательно заявил:

— Приеду — в баньку схожу. В баньку охота.

С лица женщины сошла блаженная улыбка, глаза ее затуманились — казалось, она возвратилась с небес на землю.

— Смотри, к Алке не ходи! — озабоченно сказала она. — Она только и мечтает, чтоб напоить тебя и в постель затащить!

— Та-ань! — мягко упрекнул ее мужчина, сам взяв теперь ее руки в свои. — Не надо мне Алки — мне с тобой хорошо.

В глазах ее, глядящих на него, боролись теперь радость и страдание — она прощалась с ним, она смотрела на него уже издалека-издалека.

И вдруг запела.

Пела она, помнится, простую и старую-престарую песню: «В далекий край товарищ улетает, родные ветры вслед за ним летят...», — и пела тихо-тихо, одному ему, однако при этом — вдохновенно и выразительно, очень точно выводя мелодию, глядя на него все так же затуманенно и печально.

Мужчина послушал-послушал, поерзал немного и тоже запел, подтягивая женщине, и у него это получалось тоже совсем неплохо: тихий густой бас его ненавязчиво вплетался, подобно органным аккордам, в голос женщины, обрамляя его, контрастируя с ним и делая объемным. Чувствовалось, что они не впервые поют вместе — так слаженно, так дружно, так хорошо они пели.

Машина, вырвавшись из города, мчалась по шоссе, с гулом взрезывая тугой стоячий воздух, а мужчина с женщиной пели и пели, забыв про все на свете; оказывается, простую и старую-престарую песню можно петь так, словно она — вдохновенный гимн любви.

* * *

Входишь в пустую квартиру, только что оставленную жильцами; от них остались лишь эхо в гулких комнатах да мусор и обрывки бумаг на полу. Что это были за люди, чья жизнь протекала здесь?

Каждый человек — если и не горячая звезда с косматой короной, с брызжущими протуберанцами лучистой энергии, то уж, во всяком случае, неизвестная, никем до конца не пройденная и не разгаданная планета со своими материками, морями и океанами, с лужайками и ручейками, с горными вершинами и дремучими лесами, кишачими зверьем. Планеты, проходящие мимо и исчезающие из вида. Иногда единственными тоненькими тропинками в их судьбы остаются письма, брошенные на полу в пустых квартирах. Единственные интимные свидетельства, остающиеся после них.

Бывает интересно заглянуть в эти анонимные для меня письма. И не стыдно — такая профессия: разгадывать, открывать и проследживать судьбы.

В моих архивах лежит несколько таких случайных писем. Вот одно из них, без начала:

«... хоть бы письмо нам с Игорем написал когда, и то будем рады. Ты ведь знаешь, Петечка, как меня тянет к тебе. Была бы одна, села б да поехала, не глядя куда — хоть бы посмотреть на тебя, и то бы легче. Ты мне те разы говорил, что не можешь без меня, что, мол, тянет тебя ко мне, мол, будто присушила или приворожила чем. Я тебе верила и себя не жалела для тебя, миленький мой, а сейчас тянет меня, ну вот тянет меня всю, не могу без тебя, и не могу ничего с собой поделывать, и никого мне не надо, одного тебя, а ты вот взял и уехал. Ну *приедь*, хоть на Новый год, хоть к маме своей поедешь когда, так заскочи. Ничего мне от тебя не надо, ни денег, ни подарков никаких, лишь бы увидеть твое лицо, голос твой услышать. Если не *приедь*, то я после Нового года *приеду* сама, хоть на день, посмотреть на тебя, слово от тебя услышать ласковое. Не гони меня тогда, ладно, Петь?

А, может, ты уже там женился? Тяжело мне будет это знать, лучше и не знать во-

все. Но я выдержу, ничего твоей жене не сделаю, ты меня не бойся, живи, будь счастливый, если на то пошло, но Игоря и меня иногда вспоминай и хоть пару слов, но черкни когда, если больше ничего не можешь.

Галька, сестра твоя, говорит, что живешь ты там как попало, неухоженный, и пить будто начал. Зачем же так, Петечка? Ты ведь хороший и не пил же, с нами живя. Меня слушал, а я ведь добра тебе хотела. А тебе казалось, что давлю на тебя, твое мужское самолюбие унижаю. А женщина — она знает, что надо, и если уж любит, то все делает, как тебе лучше.

Ты вот меня укорял, а я тебе сто первый раз скажу: не виновата я! Пусть я была не твоя сначала, что ж тут такого? Нынче многие так: сначала семейная жизнь не складывается, расходятся, а потом встречаются суженых и живут, и еще как живут! Так и мы с тобой, встретились, и как еще жили, не псу под хвост! И не надо мне, что не расписанные были, хоть мать меня и поедом ела. Но ты уходил неизвестно куда и снова приходил, а потом меня же упреками мучил, что не знаешь, мол: может, я с десятью была. Неужели ж я такая? Кто-то тебе, может, и сбреднет про меня что худое, так ты не верь, Петечка, разве мало злых людей да врагов у одинокой-то? Многие тут подкатывались уже после тебя, уговаривали: мол, кому это надо, одной куковать? А никому, одной мне. Конечно, я веселая в обществе — что попеть, что потанцевать, а никто не знает, как мучусь, и никто не скажет, что я на кого-то свое горе вешаю. А что за Колькой замужем была до тебя, так это же смех, а не замужество — в восемнадцать-то лет жених с невестой! Короче, попались мы в первый же раз, глупые. Я тебе, между прочим, все это как на духу рассказывала, ни капельки не скрыла. Игрой у нас с Колькой все было, а игра вон куда завела. Родителям-то что — им бы только детей с рук, а нам — жить. Потом он — в армию, а я родила. Он из армии вернулся, какой был, а я уже взрослая стала, два-то года намучившись с Игорешкой на руках. А теперь вроде как с двумя возись. Он же и недоволен стал, будто я ему жизнь сломала. Он, видите ли, еще света не видел, не со всеми перегулял. Учти, Петенька, сама его погнала в шею, раз не понимаем друг друга, и, считаю, правильно сделала. Не мужик еще. И Игорешки ему не надо.

Учти, Петечка, я ни с кем не гуляла после, хотя многие добивались. А ты сам сколько ко мне подкатывался да подмазывался, вспомни-ка! И какие слова говорил, и ласковый какой был — я же все-все до словечка помню и каждый денек с тобой пересказать могу. А когда ты мне нужен стал — то вроде как испугался: слишком много тебе моей любви, слишком горячая она. Конечно, я не очень-то красивая, и фигура у меня средняя, но у каждого свой талант. И тебе меня досыта хватало. А я вот полюбила тебя крепко, и сама не ожидала от себя такого, а тебе боязно стало, что сгоришь в моей любви, что раз я такая — значит, порченная, с любым, значит, пойду, что затяну тебя как в омут. Не бойся меня, миленький, ты же знаешь, я ведь всякой умею быть, и всех женщин тебе заменю, а самой мне ну вот ничегошеньки не надо — лишь бы ты сам был! Вот приехал бы — я бы тебя всего-всего, до пальчиков ног исцеловала бы, как деток малых целуют, всю бы себя отдала — пей на здоровье! И баловала бы тебя — только бы и света у меня в окне, что ты да Игорешка.

А если не хочешь, Петечка, не надо, насильно мил не будешь, и сами проживем. Но хоть письмо бы мог написать, не трудно же?

И еще к тебе просьба: пришли фотку. Ту, что у меня была, твоя же сестра Галька стырила. Была бы хоть какая — я бы глядела, и то легче.

Почему ты не пишешь? Обещал ведь — а как сделал? Бросил слово на ветер. А я тебе все равно писать буду, если даже тебя там уже нет. Верю, дойдет.

И еще раз прошу: ну приедь хоть на денек, хоть на часочек — поглядеть на тебя, рукой дотронуться. И фотку все-таки пришли — все легче жить будет.

Креко-крепко целую тебя всего, всего, всего.

Твоя навечно Катюха».

* * *

Целое лето, долго и мучительно я расхаживал с женой. А тут еще позвонили: умер товарищ. Надо идти хоронить.

Я давно его не видел и не мог представить себе мертвым — все во мне протестовало против его смерти, и идти не хотелось. Вот не несли туда ноги. Но идти надо — велят долг и обычай.

Пошел. А августовский солнечный день, сухой и теплый, и знать не знает о чьей-то смерти.

Уже почти дошел до места: вон его дом, вон окна. Даже страшно представить там сейчас смерть и тлен. И так тяжело на душе, так тоскливо, так трудно сделать последние сто шагов.

Сел на скамью среди жухлой травы и чахлых кустов посреди просторного двора — собраться с силами для встречи со смертью, которая, начиная с сорока, бьет и бьет, как артобстрел, по сверстникам, выкашивая по одному. Она ведь бьет и по мне. Однажды на рассвете и ко мне придут и прочтут приговор. И ни снисхождения не будет, ни отсрочки. И станешь считать минуты и часы, и торопиться надышаться и наглядеться на этот милый сердцу свет.

И вдруг прямо передо мной — все произошло в течение секунд — воробей сбил в воздухе крупного летящего жука, свалился вместе с ним на землю и стал остервенело в пылу охотничьего азарта расклеивать его, еще живого, судорожно скребущего жесткими лапками воздух.

В это время откуда-то из-за чахлых кустов выскочил большой и рыжий, как молния, кот и прыгнул на воробья. Воробей взлетел, бросив жука уже в воздухе, но кот в отчаянном прыжке, растопырив лапы и вертя хвостом, как пропеллером, взвился вслед за воробьем на целый метр, последним отчаянным усилием протянул лапу, зацепил его когтями, запихнул в рот, приземлился и двумя прыжками удрал в кусты.

Я даже не успел открыть рта, чтобы шугануть наглеца, и только потом, когда он уже исчез, удивился, как неожиданно, жестко и неприкрыто приходит в природе смерть.

Неожиданно моему телу стало нестерпимо больно, будто это меня терзал воробей, и меня нес в зубах кот. Но одновременно — какая-то странная легкость и покой. Господи, да ведь все мы непреложно смертны; все — такая маленькая и трепетная частичка природы! Ты родился, процвел и умер — и уже величайшее счастье, что ты «проявился», «сподобился», был «включен» и «отмечен».

Ведь я это знал еще семилетним деревенским мальчишкой, потому что все наглядно и ежедневно проходило перед глазами: соития, рождения, смерти, да вот подзабылось здесь, в городе, где люди становятся по отношению к природе наивно самонадеянны и в то же самое время, трусливо страшась смерти, бьются над разгадкой тайн бессмертия. Одни, чтобы подойти к проблеме фундаментально, громоздят между собой и ею целые отрасли знаний: онтологию, танатологию, эсхатологию; другие ищут отгадки в религии, мистике, оккультных науках, готовые за глоток бессмертия продать душу кому угодно — да только кому их души нужны? Третьи решают вопрос практически: бегают трусцой, стоят на голове, изобретают специальные снадобья и диеты и опять же создают целое созвездие наук: геронтологию, диетологию и проч. И все-таки никто ни на шаг не приблизился к разгадке бессмертия, все равно каждому суждено шагнуть в смерть.

Жизнь оплетена трагизмом, как багрово-черной траурной каймой, и только когда осознаешь это, когда видишь, как смерть терзает близких, и чувствуешь ее легкое ледяное дыхание в ухо — именно тогда по-настоящему оцениваешь жизнь и тепло родных тебе существ.

Мне хочется тогда думать не о Боге, не о душе и бессмертии, а о родных существах, о том, что мы, люди, вместе с нашей гордыней и нашими страхами — всего лишь малая часть большого и общего. Что все мы на земле, от одноклеточной водоросли до человека — от одного корня на одном дереве жизни; у всех — двойная спираль ДНК, закрученная по одному принципу и из одного материала, все выросли из одной клетки на одной кочке посреди океана воды и воздуха и потому должны чувствовать родственную связь со всем и боль каждого живого существа, каждого растения, и все — безмерно любить и беречь это наше большое и общее, из чего проросли и куда уйдем: все мы так похожи на цветы в поле, растущие из собственного перегноя — только цветы, бегущие по полю на тоненьких шатких ножках, беспечно поднимая глаза к солнцу...

Вот о чем думалось мне на той скамье посреди двора. Я встал и уже спокойно пошел через двор в дом напротив, на очередную встречу со смертью.

КОЕ-КАКИЕ МЫСЛИ О ПРИРОДЕ И ВООБЩЕ

Уважаемая редакция!

Пишет вам неизвестный читатель из Сибири, с далекой таежной реки Тянигус. Эту речку вы не найдете на карте: длиной она всего около ста км от истока до устья, шириной, как говорится, в два куриных шага, и ни единого населенного пункта на ней нет, так что более точных координат о себе сообщить не могу. Да они к делу и не относятся, потому что я хочу всего лишь высказать несколько мыслей по поводу дискуссии на страницах вашей газеты. А сам я для вас интереса не представляю — человек не передовой, и даже наоборот: в данный момент не в ладах с милицией, поэтому предпочитаю держаться в тени.

Ну, чтобы не быть совсем уж безымянным, зовут меня, предположим, Константин Пряхин. А, может, и еще как — неважно. Мне полных двадцать семь лет, из них восемь учился в школе, еще два года в техникуме (не доучился), два года — в армии, и три года сидел (надеюсь, понятно, где). Ну, работал еще в разных местах с перерывами. После отсидки попал, как говорится, в дурную компанию, с которой связался еще «там». Пытался честно трудиться, не получилось. И вот один неосторожный шаг, и ты зарабатываешь еще восемь-десять лет. Дело путаное, так что ворошить его тут не будем. Скажу только, что в компании меня самого подколоть собирались, да вышло не по-ихнему. Но сидеть придется как миленькому — ранее судим. Короче, родственники погибшего подали в суд, а я не выдержал — дал тягу. Так что, с одной стороны, меня ищут менты, с другой — родственники погибшего, с третьей — прошлые дружки, и поди, докажи им всем, что не верблюды.

Пишу вам не потому, что каюсь или жалуюсь на судьбу, или боюсь возмездия. Может, и каюсь, и кляню свою нестойкость характера, но до этого вам дела нет — пишу все это, только чтобы объяснить, почему сюда попал. Места здесь глухие: как говорится, тайга — прокурор, медведь — хозяин, милиция свой нос не сует, и самое большое начальство — действительно Михал Потапыч: он тут, за сопкой, живет, и мужик, в общем-то, спокойный, только страсть как любит муравьев зорить и жрать их яйца, а когда они облепят ему морду — ревет на всю тайгу. Но мы друг другу не мешаем, правим сообща; стало быть, Тянигус — уже вроде как не монархия, а республика. Шучу.

А теперь хочу высказать свои мысли. Я имею склонность их развивать — это заметила еще моя школьная учительница литературы по прозвищу Дрататья. Если вам понравится — могу расширить контакты, т.е. писать еще, потому что мне здесь приходят мысли, и я рад поделиться. Знак, что вам понравилось, будет, если вы их напе-

чтаете. Ну не обязательно все, а хотя бы некоторые. Мне газеты приносят, и вашу тоже, и я их читаю. Живу, как фраер, в общем.

Вот мой автопортрет: оброс бородой, смахиваю на геолога. Или на интеллигента. Большой крест на груди ношу. Для понту.

Вы спросите: а как и чем я живу в тайге? А вот как. Тут через каждые тридцать-сорок км охотничьи избушки. Если, скажем, один охотник умирает, другому настоящему охотнику запахло занять ее: свою строит. Вот и живу в одной такой. Печка есть, полати, пол. И банька по-черному рядом, у ручья. Культура, одним словом!

Теперь о прочей жизни. Думаете, если в тайге нет населенных пунктов, она, значит, безлюдная? Фуиньки! Только живя здесь, можно понять, какой настырный этот русский человек — от него никуда не спрячешься: прет и прет через этот дуролом. В тайге, в дуроломе этом, попробуй только, оступись: нога — хрясь, и хана, зверюги растащат по жилке, по косточке. Погибнуть — ни за понюх, а он, этот человек, лезет и лезет из любопытства в самую-то глухомань, и чем глуше, тем ему кайфа больше. И по одному ходят. Теперь я понимаю, как была Сибирь освоена, как наши до самой Америки дотопали. Вы, конечно, скажете, что это сброд, бичи по-нынешнему. Да, бичи. Но, сидя в кабинете, ничего не откроешь.

В общем, первым у меня нарисовался Кашей. Это я его так назвал. Смотрю как-то, шлепает мужичонка; за спиной алюминиевый короб литров на шестьдесят. Я ему: «Давай, земля, к моему шалашу. А выпить найдется, так дорогим гостем будешь. Как там власть? Стоит?» — «А кто она тебе? — спрашивает, хитрюга. — Сестра, ай теща?» Подошел, разболочка, стер пот со лба. А ни ружья, ни даже порядочного ножа с собой: прямо как у себя дома — любой из наших сейчас бы начал над ним свою власть качать. Харчишки раскладывает; достает, в самом деле, бутылку, меня приглашает.

А у меня как раз тоскливо было с харчем: хлеб да черемша, — но чайник с теплым пойлом всегда на таганке стоит. Выпили с ним, разговорились. Он ягоду берет и возит продавать в город. Спрашиваю: а стоит ли овчинка выделки? Ближняя остановка поезда — сорок км, да и то если прямо через перевал. Стоит, говорит, и — точную арифметику мне: возле дороги ведро в день наширкаешь — хорошо; короб наполнить — неделю надо. А ежели нетронутая она — шесть ведер в день напластать — и делать нечего, плюс два дня — дорога туда-обратно. Четыре дня выгадываешь. Вот и ищет нетронутые места.

Я и подумал: мне такая компания кстати. Говорю: давай, буду собирать, а ты таскай и продавай в городе; навар — пополам; приноси мне продукты, курево, водяру, газеты и журналы; для этого ты, мол, должен принести полиэтиленовые мешки — ягоду в ручье хранить. Предупредил только, чтобы зубы на замок и хитрить со мной не пытался. Кое-чем припугнул, кое на что намекнул. И пошло дело; кооператив заработал.

Потом еще двоих принял. Первый из них — Вовка. Я его Смоктуном окрестил: он, когда жрет, смочет, чавкает, значит, а я нервный, терпеть этого не могу, и чтоб постоянно не поминать: «Не смочки!» — вот тебе кликуха: «Смоктуны», — и носи на здоровье. А как появился-то: лежу вечером у костра, азобышек потягиваю, кайф ловлю перед сном, слышу треск в кустах. Неуж Хозяин, соседушко? — думаю. И встретить нечем. Головню в руку взял, жду. Смотрю: вроде, человек из кустов выломился, подходит осторожно. «Можно, — спрашивает, — ночь у костра покемарить?» — «Разрешаю, — говорю. — Покемарь». Он молчком присел, разулся, прилаживает носки сушить. Приглядываюсь: вроде, пацан еще, и совсем не таежник: штанишки хэбэ, пиджачок, на ногах плетенки, с собой — ничего, как будто он мне в городском парке встретился. Только мокрый по самое не могу. Но черт его знает, чего ему тут надо? Поди, набедокурил дома да сбежал подальше от отцова ремня? По фене ботает, но не

натурально — кино мне тут гонит. Посидел, вынул из кармана сухарь, почавкал, сходил к ручью, напился. Начинаю прошупывать — от прямого разговора уходит: «Да тэ-эк...», «Да ничего...» Ну, думаю, ладно, молчи. Пошел в избу спать, его не зову — на кой он мне: есть и такие, что за краюху хлеба замочит. Оставил дверь открытой, лег, сплю вполглаза. Пацан раскочегарил костер, лег возле него, ворочается... Вышел на зорьке, смотрю: ужаслся весь, как собачонка, лежит калачиком прямо на земле у потухшего костра — даже жалко его стало, ей-богу.

Я чай заварил, сел завтракать, его не зову. Тот проснулся, сидит. Сухарей, видать, больше нет, и зубами от холода клацает. Потом встал. «Ну, я пошел», — говорит. Я ему тогда: «Нет, стой! Что-то мне твоя ряха не нравится. Может, сейчас пойдешь и заложешь? А я не хочу, чтоб меня закладывали. Знаешь, что с такими делают?»... Сопит молча.

«Сядь!» — говорю и показываю глазами на чурбак рядом. Поялся, сел. Спрашиваю — отвечает, а самого аж корежит — не любит, видать, когда ему рака за камень запускают. А мне чихать: любит — не любит? — мне знать надо, с кем дело имею... «Так что привыкай, — говорю, — придется тебе, при твоей-то жизни, к нашему брату притыкаться. А наш брат такого фраерства не то что не любит — оно ему, как все равно красная тряпка быку: дразнит». А история у него, оказывается, простая, как одиножды один: их, гавриков, у матери трое, сама — проводница на поезде, то на работе, то в загуле, отец по тюрьмам затерялся. Так мой гостенек, оказывается, зимой на буровых кантуется, а летом бродяжит. Сейчас идет смотреть, какой нынче кедровый орех уродился — хочет с кем-то шишковать по осени. «Ладно, — говорю, — садись завтракать, потрекаем». Предложил жить у меня, сказал условия. Он согласился; только, говорит, можно кореша приведу? Ух, ты, думаю — ловок! Потом понял: один он меня боится. «Какой такой кореш?» — спрашиваю. «Да-а, — отвечает, — тут один ошиивается возле железной дороги. Москвич». — «Ну, — говорю, — веди, посмотрим, что за москвич». Ушел, через два дня вернулся, привел. Посмотрел я: точно, москвич — он москвич и есть, я их за километр чую: ученый, видать, да недоученный маленько; там их миллион, таких, по вокзалам кантуется. Лысый, облезлый, сюсюкает по-московскому, болтает много без толку: все-то он знает, про все слышал, — и весь пришибленный какой-то, а водку пьет — так аж дрожит. Спрашиваю его: «Ну, и как сибирская тайга?» — «Да ну ее, — говорит, и дальше — складно, но матерно. — Только, — говорит, — водочкой и спасаюсь: засадишь — страху нет, ляжешь под пенек и спишь, как ангел».

Угостил обоих как следует — у меня уже снабжение налажено: Кашей бесперебойно работает. «Но, — говорю, — тунейдцами у меня не будете!» И начали жить, как в сказке: Смоктун с Москвичом ягоду рвут, Кашей только успевает таскать коробами в город. Иногда Москвич или Смоктун по очереди с ним ездят. Когда разрешу. Проветриться.

Сначала красная смородина шла, потом жимолость, сейчас черника идет, потом малина будет, потом черная смородина, потом брусника, потом орех... Ягоды — завались, организация у меня четкая: день работаем, два гужемся, отдыхаем: ждем Кашея. Подозреваю в себе крупные организаторские способности.

Не без ЧП, конечно. Как-то поехал Москвич с Кашеем в город, деньги у Кашея выманил и пропил, а сказал, что потерял. Пришлось учить уму-разуму — три дня потом кровью сморкался. А как иначе?

А то Смоктун намерился смыться. Москвич же его и продал — испугался один на один со мной остаться. А мы договорились до белых мух жить обща, потом разбежаться. Тоже поучить пришлось.

А то еще Москвичу со Смоктуном показалось, что я их сильно эксплуатирую — настоящее восстание подняли, р-революционеры. Сидим это однажды, ужинаем, бутылочку прикончили, все так хорошо, мирно, и на тебе: вдруг, слово за слово — сце-

пились: как поперли они на меня! Я, соответственно — на них. Они — за ножи, я — за топор. Смоктун изловчился, достал меня дрыном по голове, я упал, они навалились, ногами побуцкали, связали. Наутро протрезвели — давай извиняться и по новой договариваться. Договорились, развязали, выпили мировую.

Сейчас дожди наладились. Балдеть обрыдло, уже опухли все. Смоктун с Москвичом в очко режутся, а я вот почитал вашу газету и письмо вам решил замастурить: возмутило меня некоторое, и вот какие мысли хочу высказать.

Мы, конечно, с вашей точки зрения, нетрудовой элемент, паразиты. Паразиты, мол, и спекулянты. А я считаю, что наш труд вполне эквивалентен деньгам, которые вы платите за наш товар, как говорится на языке политекономии — тоже изучали кое-что в свое время. Вы на базаре, когда покупаете у Кашея ягоды, всяко его обзовете: шкуркой, куркулем, жмотом. Но к вам же никто в карман не лезет — возьмите да соберите сами! Нет, вы толстые, вы боитесь свои мягкие жопы растрясать, а ягодку таежную любите. Поэтому сколько мы с вас запросим, столько и дадите. Вполне можно спекулировать на вашей слабости и сделаться миллионерами, была бы охота. Расчистить маленько тропу, пригнать мотоцикл, и — вози ягоду тоннами: ее тут, я прикинул, три четверти пропадает. Орехи — те на пятьдесят процентов, остальное белкам да кедровкам остается. Грибы — на все сто, никто их тут не берет, идешь и пинаешь, как футбол, а потом и пинать надоедает. Интересно, почему у вас грибы на базаре? Надо, чтобы Кашей узнал. Тоже, поди, денег стоят? А скорей всего их там у вас совсем нет, дефицит.

В общем, можно запросто заработать на вас миллионы — я тут прикинул, и мы поспорили на этот счет. Но все сказали, что скучно это: копить миллион. А я так даже не знаю, что с этим миллионом делать, кроме как пожрать, выпить и одеться поприличней. Напишите в вашей газете: как его можно употребить с толком? Или вам слабо написать про это — пусть лучше сгниет все? По-вашему, знаю, хорошо бы создать здесь какой-нибудь «Тянигус-трест» по добыче даров природы. А если трест, то обязательно пришлете директором туза-ворюгу на «Волжанке», а у него — пять человек замов, секретарши, кадровики, а потом на карте нашей Родины появится новый поселок в пять тысяч жителей, какой-нибудь Светлогорск, а ни природы, ни даров уже не будет, все выкорчуют, вытопчут и разворуют.

Кстати, про природу, про экологию вашу тоже — трубите, трубите в каждой газете: кто-то вам воздух портит, воду, землю. Прямо даже смешно читать. Кто тебе портит-то? Я к тебе обращаюсь, к тому, кто эти статейки пишет да во всяких комиссиях заседает! Ты же сам себе все портишь! Ты на чем на работу ездишь? На машине? Или хотя бы в автобусе? А ты каждый день на работу пешком ходи, вот и будет воздух чище. Ты ведь, наверное, толстый, жрешь много? А ты жри поменьше — знаешь, сколько земли чистой сохранишь? И в тепле-то ты любишь жить, и при электричестве, да каждый день под горячим душем или в ванне мыться, и чтобы квартира твоя вся мебелью была заставлена. А откуда все берется? Папа Карло на бумаге, что ли, рисует? Ты хочешь, чтоб на всем этом твой сосед экономил, а сам бы ты жрал и тратил все это от пуза? Дураков ищешь? Не найдешь — все нынче если и не умные, так хитрые. Вот и дыши собственной вонь, и пей собственные помои — на кого обижаться-то?

Или вот еще. Так много сердобольных стало! Чуть не в каждой газете: одному какие-то лесные орхидеи жалко — мало осталось, другому жалко бездомных котиков, третьему — лебедей: читал, как целым городом однажды пару лебедей спасали. Интересно! А как насчет того, чтобы человека пожалеть? Того самого, которого давят, калечат каждый день на улицах, на заводах, на стройках? Понятно, что ни Смоктуна, ни Москвича вам не жалко. Хотя почему бы не пожалеть? Недоделанные они и тоже судьбой обиженные. Но вот написал бы кто-нибудь из вас хотя бы маленькую статью

ечку: как, мол, мне жалко простого стропала Ивана Ивановича Иванова, которого придавило вчера плитой на стройке! Или даже про неизвестного прохожего, которого на улице машиной сбило. Не напишете ведь, слабо вам написать — никому не интересно! Ну, хорошо, неинтересно. Тогда хоть отведите в газете маленький уголок и сообщайте каждый день, кого угробили вы за день. Но каждого помяните, и я поверю в вашу жалость! А пока нет, не верю: играете в свои игры. Только кому мозги пудрите? Мне? Или себе?

Знаю, ткнете в меня самого: чья бы, мол, корова мычала — сам человека убил! Ну, предположим. Но меня-то закон преследует, найдет — не помилует; да я сам себя казню, я в бегах, я прячусь, как лесной зверь, от погони. А у вас ваши начальники, которые одним движением руки убивают, калечат, душат людей отравой — они же сидят себе в креслах, а вокруг них — шума-то, разговоров! А пусть бы побегал, как я, от закона. Эх вы, балаболки!

Вот он, ваш город и ваши правила жизни. Я понял кое-что, живя здесь. Может, и пишу затем, чтоб вас подразнить, в кошки-мышки сыграть: ау, поищите меня! Самому-то идти навстречу своей судьбе неохота. Хоть и чуется сердце, что скоро мне крышка. Мало чего я получил от жизни, но ни за какие деньги не нужны мне ваши блага, чихал я на них, потому что город — это когда много людей, а жить, когда вас много, вы не умеете. Там, где много людей — всегда кто-то впереди, а кто-то сзади. Ну, состояние того, кто впереди, понять легко. Можно понять и того, кто посередине. А как — того, кто сзади? У кого не хватило чего-то, чтобы быть хотя бы посередине? Да еще если он понимает, что ему чего-то недодано? Вроде бы и от голода не страдает, и выпить найдется, но, думаете, уже облагодетельствовали его этим? Он же страдает. Он все равно страдает, запомните это! Ему не нужны ни ваши доказательства, что все равны, ни ваш дешевый хлеб, чтобы не подохнуть с голоду — он презирает вашу жалость и ваше равнодушие, и ваше презрение тоже. Ваши города заставляют жить по вашим законам, стремиться куда-то, а когда все стремятся в одном направлении, тут-то и оказывается, что все устроены по-разному, что не могут все одинаково. А если я не хочу никуда стремиться? Если я не хочу со всеми одинаково?

Вот здесь, в тайге, стремиться некуда — везде кругом она, матушка. Здесь нервы успокаиваются, здесь не чувствуешь себя сивкой, бичом или уголовником — здесь просто начинаешь чувствовать себя собой.

В общем, природа — это лучше всякого курорта. Слабо вам придумать что-нибудь взамен ее. Слабо взамен — и города, и всякие занюханные ваши чудеса и радости, и ваши удовольствия! Эх, если бы навсегда остаться в лесу! Но не можем уже навсегда, ни я, ни Смоктун, ни Москвич — порченные уже, вечные квартиранты на этом свете. Тыкаемся, как слепые щенки в сучье вымя, а оно — пустое, оно не для нас: чужие мы на земле, брошенные, не свое место заняли. Вот так-то!

Это моя последняя мысль на сегодня. Хватит, день кончается, темнеет. Другие мысли сообщу в следующем письме. Понятно, что мысли мои вы не напечатаете — скажете: бред сивого мерина. Вы грамотные и толстые и, конечно, думаете поэтому, что самые умные, что по-другому уже и думать нельзя. Но я-то тоже кое-что понял. Например, что человек хитер, но природа умнее человека. Только она слаба. Так жизнь устроена — есть тут какой-то тайный закон: умному сила не дается. И вы, дураки, задавите ее. Навалитесь разом и задавите своей дурной силой. А я хочу открыть вам глаза.

*С пламенным приветом — житель великой сибирской реки
Тянигус Константин Пряхин, в народе — Талда.*

Анна Лео*
(г. Москва)

РЕВОЛЮЦИОНЕР

Степана Апонте Мария Иволгина увидела впервые, когда училась на третьем курсе педагогического института. В педагогику шли ребята, не прошедшие по конкурсу в другие вузы и желавшие избежать почетной службы в родной армии. Многие это понимали, и никто никого не осуждал, а вот Апонте выбрал профессию педагога осознанно.

Об этом узнала подруга Марии, Света Иванова, всегда всем и всеми «живо» интересовавшаяся. Она-то и поведала, что молодой человек уже отслужил в армии, а фамилия у него такая от отца — то ли испанца, то ли мексиканца.

Потом Светка еще узнала, что учится тот отлично и, наверное, по этой причине никакого участия в общественной жизни группы не принимает. Никто не видел, чтобы он выпивал или посещал дискотеки.

А Степан Апонте был «видным молодым человеком», как любила говаривать мама Марии, Наталья Ильинична, о людях с привлекательной внешностью. Самое же необъяснимое заключалось в том, что он, при всей своей привлекательности — черных кудрях до плеч и лучистых карих глазах, откровенно избегал общения с женским полом.

Мария, по натуре скромная и застенчивая, считала Степана недостижимой «звездой».

Молодые люди иногда сталкивались — в коридорах института или в библиотеке, и девушка порой ловила на себе внимательный взгляд Степана, но кто на кого не смотрит?

Шло время. Мария уже училась на пятом курсе, когда на одной из перемен к ней подошел однокурсник и со словами:

— На, — сунул в руки записку.

— Что — на? — не поняла девушка.

Однокурсник был человеком нервным, поэтому просто испепелил ее взглядом.

— Ты, что не видишь — это записка? Привыкли тут из себя недотрог строить!

И, развернувшись на каблуках, демонстрируя презрение ко всему женскому роду, удалился с гордо поднятой головой.

В записке назначалось свидание в семь часов вечера у кинотеатра, неподалеку от Мариинного дома. Девушка в задумчивости держала послание и не знала, что и думать — никакой подписи не было.

Пожав плечами, она направилась разыскивать Светлану. Та, узнав о записке, ка-

* Наш постоянный автор

тегорически заявила, что подруга обязана пойти на встречу — ведь это так романтично и интригующе!

— Ты идешь на свидание и стоишь около кинотеатра, а я — неподалеку. И, если записку прислал какой-нибудь нахал, то сразу прибегу к тебе на выручку.

Светлана гордо выпятила тощую грудь нулевого размера.

Последние часы перед свиданием Мария думал только об одном — кто написал эту записку?

Она не стала следовать излюбленному приему девушек — опаздывать, а пришла к кинотеатру ровно в семь часов. Каково же было ее удивление, когда перед входом она увидела Степана, который кого-то ожидал. А ждал он ее!

Когда Степан, улыбаясь, поздоровался с ней, она почувствовала себя такой растерянной и счастливой, что даже забыла подать условный знак Светлане, что все в порядке. Степан сказал, что он взял билеты на семичасовой сеанс и, если Мария не возражает и они немного поторопятся, то успеют к началу фильма.

О чем была картина — Мария даже не пыталась вникнуть. А когда Степан провожал ее до дома, то девушка впервые с чувством досады подумала о том, что жить так близко от кинотеатра нужно только в детском возрасте. На прощание, пожав ей руку, он попросил номер домашнего телефона. Ни блокнота, ни ручки ни у кого из них не оказалось, и она занервничала. Степан, заметив это, успокоил ее, сказав, что память на цифры у него отменная.

Мария еще долго смотрела ему вслед и думала, что это просто сон — он больше никогда не повторится.

Дома звонил телефон.

— Это, скорее всего, трезвонит твоя взбалмошная подруга. Она сегодня через каждые пятнадцать минут названивает, — недовольно проворчала Наталья Ильинична.

Мария сняла трубку.

— Ну, ты даешь! — просто завопила на том конце провода Света.

Она хотела знать все о прошедшем свидании, а что Мария могла ей рассказать? Что она не помнит не только названия фильма, но и ни одного слова из того, о чем они говорили. Весь мир был заполнен только им! Как эти чувства можно передать словами! Подруга же истолковав односложные ответы Марии, как нежелание что-либо рассказывать, обиделась и повесила трубку.

Не прошло и четырех месяцев после их первого свидания, как Степан и Мария подали заявление в ЗАГС.

Свадьба была скромная. После росписи гости направились в небольшую квартиру Марии, где, отпраздновав событие с самыми близкими друзьями, молодые и начали счастливую семейную жизнь.

При более близком знакомстве со свекровью, Тамарой Ивановной, молодоженой женщиной, правда, нервной и болезненной, Мария узнала историю возникновения латиноамериканской фамилии мужа.

— Я, — рассказывала Тамара Ивановна о своей жизни, — в конце семидесятых преподавала научный коммунизм в Плехановском институте. Там и познакомилась с моим будущим мужем Хосе Апонте.

В Союз, он приехал по настоянию отца, преподававшего в университете Аякучо. Это, деточка, один из беднейших районов Перу. И вот, их таких, воодушевленных идеями Че Гевары и Мао, обучалось у нас в институте несколько человек. Я занималась с ними факультативно по более углубленной программе, чем предполагала программа нашего вуза.

Вскоре мы с Хосе стали жить вместе. У меня ни минуты сомнения не было в том, что я уеду с ним в Перу и приму участие в основании Новой Республики Новой демократии — государства, защищающего коренное население — индейцев, — в этом

месте в голосе Тамары Ивановны послышались горделивые нотки. — Но случилось то, что должно было случиться. Я забеременела. Узнав об этом, Хосе очень обрадовался, но решительно настоял на том, чтобы я осталась дома,— продолжала рассказ свекровь. — Он на родине давно уже не был и на тот момент толком ничего не знал о событиях, что там происходят. И мы решили, что рожать я буду здесь, а Хосе за это время обустроит нам приемлемый быт там, в Перу. Он не мог остаться со мной до рождения Степушки. Его приезда требовало руководство организации — название ее, по конспиративным соображениям, он так мне и не сказал. Мой Хосе улетел один. А в положенный срок родился Степа,— здесь лицо Тамары Ивановны просияло.— Я назвала его в честь своего деда.

— С того момента, как мы расстались, я получила от мужа две весточки: о том, что он благополучно долетел, и короткое письмо-записку — в ней говорилось о передвижении их отряда на новое место дислокации, откуда писать ему будет очень сложно. Первое время мне еще передавали приветы от него, но потом и этот скупой родник новостей иссяк. Я думаю, что Хосе арестовали и посадили в тюрьму. Иначе бы он обязательно дал о себе знать. Я была зла на него, а потом подумала: может, человек там мучается, а тут я его еще и клянчу?

И стала я тогда Степе об отце рассказывать как об исключительном человеке: он во имя высоких идеалов отказался от простого счастья — быть любимым и воспитывать сына.

Я абсолютно уверена: все эти годы мой муж продолжает любить и думать о нас, но в силу каких-то трагичных обстоятельств не подает о себе вестей. Ведь Хосе Апонте — человек, осознанно выбравший тяжелую и благородную жизнь, заслуживает уважения родных людей. По крайней мере, он — достойнее многих отцов, тех, кто не только не заботится о родных детях, но еще умудряются жить за счет своих жен и беспорочно пьянствовать.

— Знаешь, деточка, а Степа — вылитый отец. Такой же красавец и умница. Я твердо верю в то, что когда мой муж вернется и увидит нашего сына, он будет гордиться им,— в этом месте Тамара Ивановна вздохнула.

— Я всегда говорила сыну о нашей семье только позитивно. И о том, как должны складываться отношения между людьми, где присутствует и красивая романтика, и высокие идеалы,— откровенничала перед Марией свекровь,— потому что не хочу выглядеть в его глазах обычной женщиной с неустроенной личной жизнью. Не рассказывать же ему о том, как я бегала, «высунув язык», с одной работы на другую, чтобы прокормить себя и его. Степа должен гордиться родителями!

Мария тоже вздохнула. Она вдруг подумала, а что, если Степану вдруг захочется пойти по стопам революционного отца? Что она тогда будет делать? От такой мысли ее прямо в жар бросило. Славу Богу, сейчас другие времена, и образ Хосе Апонте побледнел и исчез из Мариного сознания.

Прошел год после свадьбы. Мария торопливо шла по улице с предчувствием, что должно произойти что-то нехорошее в ее жизни.

Хотя, вроде, ничего ужасного не случилось. Просто ей передали, что, когда она вела урок, звонил Степан. А звонил он только в экстренных случаях, и в голову Марии полезли всякие тревожные мысли.

«Неужели его на практику решили отправить в Тьмутаракань? У него ума хватит — он и сам может попроситься! Или Тамара Ивановна заболела (свекровь страдала частыми мигренями), а может, он сам?»

В общем, когда Мария вошла в квартиру, она приготовилась к «концу света», но, отворив дверь, застала тихую идиллию.

Степан на кухне обедал, а напротив сидела теща, и они, обсуждая, видимо, что-то веселое, смеялись.

Увидев в проеме дверей Марию, Наталья Ильинична кивнула:

— А вот и наша Мария пришла. Доченька, садись кушать, все еще горячее.

На эти слова обернулся Степан, и от того, как засияли его глаза, сердце женщины счастливо забилося.

— Да нет, спасибо, я не хочу. Я бежала домой, думала, что-то случилось, а вы тут сидите и спокойно воркуете?

Наталья Ильинична встала.

— Вы тут поговорите, а когда надумаете чай пить, то позовете.

Она вышла из кухни, прикрыв за собой дверь. Мать и дочь были не только внешне похожи, но и характер имели одинаковый. Спокойный и уравновешенный.

Мария заняла ее место за столом и вопросительно посмотрела на мужа.

— Ничего плохого не произошло. Я позвонил, чтобы ты одной из первых узнала о том, что мама получила от отца телеграмму с просьбой, чтобы я приехал к нему.

«Вот оно и случилось... Вот и появился призрак отца Апонте с просьбой отомстить за все человечество», — промелькнуло в голове Марии.

Видно, эта мысль отразилась на ее лице, потому что Степан с раздражением заметил:

— Отец прислал мне билет и небольшую сумму денег. Я уже созвонился с посольством и там меня заверили, что никаких проблем с гостевой визой не будет. И вообще, что произойдет, если я познакомлюсь с отцом? Мать тоже не видит в этом ничего страшного. А ты сидишь с недовольным лицом.

— При чем здесь мое лицо? Я не собираюсь тебе ничего запрещать. Ты — взрослый человек, но только я не понимаю, зачем тебе туда и в самом деле лететь? Не знал ты его все эти годы и прекрасно себя чувствовал. А как же я? Как я тут без тебя останусь?

— Ну, начинается, Мария! Я тебя полюбил не только за твои прекрасные глаза, но и за то, что ты очень умная и добрая. А вот такими словами ты меня начинаешь разочаровывать.

Он хотел что-то еще сказать, как в дверь позвонили.

— Пойду открою. Видно, это моя мать пришла.

Он оказался прав. Едва поздоровавшись с невесткой, Тамара Ивановна прошла с ним в комнату. Свекровь любила проводить с сыном конфиденциальные беседы за закрытыми дверями.

Мария знала, что разговор между матерью и сыном будет долгим, и решила навестить Свету, благо та жила через два дома по соседству. Ей захотелось с кем-то посоветоваться: как вести себя в данной ситуации?

У Марии, кроме матери (отец умер, когда ей было три года), родственников не было. А вот со Светкой они вместе ходили и в детский сад, и в школу, и даже поступили в один институт. Ближе, чем семья Ивановых, у Марии никого не было.

Светлана была незамужем и жила вместе с матерью и братом, с ее слов, вернувшимся в родительский дом после «неудачного похода за счастьем».

Брат Светланы был старше девушек на десять лет и, в отличие от сестры, словно состоявшей из колючих треугольников, натуры экзальтированной, Сергей Иванов оставался спокойно-круглым и уютным. Если Светка — худющая и высокая, то Сергей — небольшого роста, с залысинами на голове и полноватый. Несмотря на такую непохожесть, их роднило одно: сестра и брат были людьми исключительной доброты.

По началу Мария стеснялась Сергея. Он вечно подшучивал над всеми. А над сестрой и ее подругами, в первую очередь. Потом привыкла, и, не обращая внимания на его подковырки, любила слушать советы и истории — их у Сергея Иванова всегда находилось множество на все случаи жизни.

И теперь, выслушав эмоциональный рассказ Марии по поводу злополучной телеграммы, он сказал:

— Господи, ну из-за чего, собственно, трагедию делать? Ну, пускай слетает мужик к своему отцу.

— Ну, о чем ты говоришь? — Светлана аж захлебнулась от возмущения. — Это ж тебе не в Рязанскую губернию на электричке съездить, а в Перу — к черту на куличики лететь. Там еще со времен Че Гевары какие-то революционеры ползают. Людей крадут. Просто ужас какой-то!

— Ну и темный же ты человек, Светка, а еще детей учишь. Пора тебе знать, да и твоей подруге не помешает задуматься о том, что человек, который находится, по моим подсчетам, в джунглях или по-ихнему в сельве больше двадцати лет и за это время ни разу не навестил семью, то там, в Перу, не так все просто.

— А ты возьми и просвети нас, темных! — предложила Светлана.

— Просвещаю. Только я не уверен, что отец Степана в той организации находится, о которой я читал. Названия я, к сожалению, не запомнил. А тебе свекровь ничего не говорила, к какой партии принадлежит ее муж? — обратился Сергей к Марии.

Та покачала головой.

— Ну, ладно, бог с ним. Всю эту информацию я из научных журналов вам пересказываю, а там — кто его знает.

Дело в том, что из заявлений их местных теоретиков следует, что не пролетариат по учению Маркса двигатель прогресса, а крестьяне, которых надо только воспитывать надлежащим образом. Вот тогда эти перевоспитанные крестьяне и сотворят мировую революцию. Они разрушат города, как источник зла, и будут заниматься натуральным хозяйством и духовно очищаться.

Ну, может, с какими-то другими крестьянами и возможно было поэкспериментировать, но с южноамериканскими, на мой разум, вряд ли. Они же все, как один, вырачивают наркотики в джунглях. Эти «сельскохозяйственные культуры» контролируются мафией, которая держит население в ежовых рукавицах и идет на все, чтобы только сохранить бизнес; и, по-моему, те революционные элементы, которые долгое время находятся там, спелись с мафией и забыли для чего, они, собственно, в джунглях и сидят. Ведь на Перу приходится две трети мировых доходов от кокаина. Они эту коку все, как один, употребляют. Дети ее вместе со специальными листьями вместо жевательной резинки жуют. А хотите, я вам лучше одну историю расскажу, которая у меня в армии приключилась?

Девушки хотели.

— Дело было так. Назначили меня как-то в караул — охранять гауптвахту. Стоять на посту надо часа два. Скука страшная, а напротив моего поста в камере находился один паренек. Его на двое суток посадили. Ночью он здесь сидел, а днем его и других, что в соседних камерах находились, отводили на стройку работать.

Паренек этот был, как сейчас принято говорить, из благополучной семьи: отец и мать — профессора, врачи. Ну, вот, значит, подзывает он меня как-то к своей двери и предлагает, мол, давай поговорим. А мне тоже скучно стоять, я ему говорю: ну, давай, старших никого поблизости нет, болтай — не хочу.

Первым делом я спросил его, за что, мол, сидишь, а он мне отвечает: домой захотелось, вот и побежал, но не получилось. Вот тогда-то меня и понесло.

Говорю ему, что это за мотив такой для побега, вот, если бы у тебя цель была, например — помочь революционному движению наших братьев в Латинской Америке, тогда понятно.

Я же не знал, что он на голову сдвинутый, а он меня и так спросит и этак. Я от такого внимания и дальше все рассказываю, что знаю. В общем, закончил я дежурство и забыл про этот разговор.

А через два дня он и еще один, такой же ненормальный, сбежали из части в машине со строительным мусором. В общем, переполох был страшный: искали их месяца три. Приезжала в часть его мать. Естественно, плакала, говоря, что она доверила армии сына, а они недосмотрели и тому подобное.

Наш командир стоял от бешенства с багровым лицом и оправдывался. Ну, самое удивительное, что этих гавриков нашли. И где бы вы думали? В Аргентине.

— Да как они туда умудрились попасть? — чуть ли не одновременно воскликнули подруги.

— Как они добрались до южного порта нашей тогда еще необъятной Родины, это мне неизвестно. Но народ у нас сердобольный: видно, кто — одежкой помог, кто — продуктами.

В порту эти бедолаги нашли корабль с испанским названием и пробрались на него. Но как они там умудрились спрятаться, а главное — как попали на корабль, я этого до сих пор не пойму. Обнаружили их только в одном из портов Аргентины.

Сначала они попали в полицейский участок, а когда там разобрались, что они — русские, сообщили в посольство. Представляете весь кошмар ситуации в то время? Доставили их самолетом в Москву, а потом и в нашу часть для дальнейших разборок. Ну, а те на допросах и сказали, что они совершили побег, чтобы помочь местным революционерам в борьбе за их правое дело.

Я тогда был ни жив ни мертв, когда узнал об этом. Подумал, сейчас они скажут — кто их надоумил на такие подвиги. Но, слава богу, все обошлось. А бедолагам этим, как ты соизволила выразиться, революционерам по три года дали в дисциплинарном батальоне.

— А к чему ты эту историю рассказал? — спросила Светлана брата.

— Да так, вспомнилось просто. А вообще-то, девочки, я вам вот что сказать хочу. У каждого мужчины должно быть дело, в котором он себя чувствовал бы настоящим мужчиной. Поэтому, может, и не стоит Степана отговаривать от поездки?

Он открыл холодильник и достал бутылку пива.

— Ну, ладно, вы здесь сплетничайте, а я пойду, футбол посмотрю.

Когда Сергей ушел, Светлана сказала:

— Да не слушай ты его, мужчины вообще в этой жизни ничего не понимают. Я имею в виду практическую сторону нашего бытия. Тоже мне «настоящим мужским делом», — передразнив интонацию брата, продолжила она. — Твой, наверное, забыл, что ему и институт заканчивать надо, и семью содержать? Тоже мне, скажи на милость, какой «Овод» выискался. А ты потребуй: пусть институт сначала закончит, а потом хоть на Северный полюс отправляется. А лучше знаешь, что, — Светлана понизила голос до шепота, — скажи, что беременна.

Мария отшатнулась от нее.

— Ты с ума сошла! Это же подлость. Степан мне этого никогда не простит.

— Ну, как знаешь. Останешься одна, тогда не до рассуждений будет, что я твоего Степана не знаю? Весь себе на уме, слово по-простому не скажет. И что ты в нем нашла, ведь, кроме внешности, ничего особенного — холодный, как каменная глыба, и выпендючий.

Так ничего и не придумав, чтобы отговорить мужа от путешествия, Мария распрощалась с гостеприимным домом Ивановых.

В этот поздний вечер ни Степан, ни Мария больше не заговаривали о том лететь или не лететь Степану к отцу. Мария решила для себя, что, если она любит этого мужчину, то должна разделить с ним все его устремления и начинания.

Видно, в благодарность за ее чуткость в оставшиеся дни перед отлетом Степан старался все время проводить с женой, ласково целуя ей руки и признаваясь в любви, не стесняясь ни ее, ни матери, которая теперь находилась, по мере возможности, с

сыном. С невесткой Тамара Ивановна старалась без особой нужды не разговаривать, после того, как поняла, что та не одобряет поездку Степана в Перу.

Наконец все формальности были выполнены и с визой, и с отсутствием студента Апонте на занятиях в институте, и наступил тот момент, когда Мария, Степан и Тамара Ивановна прибыли в аэропорт.

Мария до последней минуты надеялась и ждала, что вот-вот произойдет нечто такое, что в одночасье разрешит все проблемы, и Степан никуда не поедет. На аэровокзале она все прислушивалась, что вот-вот объявят о том, что рейс Степана отменяется и переносится на неопределенный срок. Однако ничего этого не произошло, и самолет Степана улетел по расписанию.

Они быстро и холодно попрощались — невестка и свекровь. Мария на нее не обижалась. В эти минуты хотела только одного: никого не видеть.

На следующий день пришла телеграмма со словами: «долетел хорошо, меня встретили. Я всех целую и чтобы никто не плакал, так как скоро буду дома».

Прошел день, за ним — другой, пролетела неделя, за ней — другая, подошел к концу месяц, а от Степана не было никаких вестей.

Мария ходила на работу, смотрела телевизор, болтала со Светкой по телефону, а сама все время думала: вот день прошел, вот два дня, вот неделя на исходе, вот и месяц, где же ты, Степа? Ведь ты знаешь, как я жду тебя?

А на исходе второго месяца позвонила Тамара Ивановна и уставшим от слез голосом сообщила Марии, что получила письмо от сына.

В нем говорилось, что он жив, здоров и хочет остаться с отцом еще на полгода. Ему предложили поучить местных ребяташек, а также выступить с несколькими лекциями о тех событиях, которые произошли в его стране, которая так уверенно шла к победе коммунизма, но так почему—то не дошла. Степан согласился задержаться в Перу. Ему неудобно подводить отца, который, знакомя его со своими друзьями, отзывался о нем, как об очень ответственном человеке.

Степан просит мать, чтобы она оформила ему академический отпуск в институте, а также передала Марии, что он ее очень сильно любит и вспоминает о ней каждый день, но так как они сейчас уходят в джунгли, то нет ни какой возможности написать и ей письмо — его уже торопят. Он желает всем крепкого здоровья и надеется на скорую встречу.

— Представляешь, Мария, как в жизни все повторяется? А обо мне ни слова. Как ты там, мать, мол, живешь? Только одни указания! Ну, еще привет от Хосе передал. Только я не понимаю, что тот сам пару строк черкнуть не мог? Хотя кто этих мужчин поймет... Наверное, он с отцом позже мне приглашение пришлет. Ведь, если мой муж жив и здоров, значит, я могу туда приехать. Как ты думаешь? Ах, да ты же не знаешь всех нюансов отношений в нашей семье. Ну, всего тебе хорошего.

И Тамара Ивановна положила трубку.

Мария в полном смятении побежала к Светлане, где, между всхлипами, поведала о телефонном монологе свекрови.

Иванов задумчиво вертел в руках нож и без конца предлагал ей попить холодной водички.

— Знаешь, надо дать телеграмму, что ты умерла,— категорическим тоном заявила Светлана.

— Но доступ к телу продолжается,— пробормотал Сергей.

— Что ты там говоришь? — Светка подозрительно посмотрела на брата.

— Да так, анекдот один вспомнил по поводу похорон.

— Рассказывай,— потребовала та.

— У одного мужика была жена сомнительного поведения, а того, как назло посылают в длительную командировку. Он к соседу, а тот ему не волнуйся — поезжай,

я, как что замечу, так сразу дам телеграмму, мол, жена умерла, и они тебя там сразу отпустят домой. Ну, а потом придумаешь что-нибудь. Мужик со спокойной душой и уехал, а спустя несколько дней, сосед послал телеграмму с условленным текстом. Там прочитали и подумали, что жестоко так будет сообщить человеку без всяких подробностей о таком горе и отправили телеграмму с вопросом: когда, похороны? Сосед, прочитав телеграмму, подумал: может, тот забыл уговор, и послал другую — с таким текстом: «Когда похороны не знаю, но доступ к телу продолжается».

— К чему ты это клонишь?

— А к тому, что нечего заниматься ерундой! Более идиотского совета ты дать не могла? А когда Степан вернется, что он о Марии думать станет?

— А ничего плохого думать не станет, я в этом уверена. Он хоть и толстокожий, и непробиваемый в своем упрямстве, но человек неглупый — посмеется и все.

— И все?

— Да, и все! Надо же как-то действовать.

— Не слушай ты, Мария, никого, — обратился снова к Марии Сергей. — Степан тебя любит и обязательно вернется. У каждого человека могут быть разные обстоятельства, которые он не сможет в силу каких-то причин пересилить на данный момент. А потом наше посольство там есть, да и правители наши всегда на дружеской ноге со всякими режимами и диктатурами. Все в порядке будет. Ничего со Степаном плохого не произойдет.

На этой оптимистичной ноте Мария как-то успокоилась, Светлана перестала строить всевозможные планы и стала непривычно тихой и задумчивой.

Все стали пить чай с пирогом, который, со слов Светы, она, как чувствовала, что придет Мария, испекла совсем недавно.

Прошло несколько дней. В один из вечеров раздался звонок в дверь квартиры Марии. Открыв дверь, она обомлела — на пороге стоял молодой человек с похоронным венком, на лентах которого было золотом написано: «Любимой жене Марии от вечно скорбящего мужа».

— Кто здесь Мария Апонте? Ой, извините. Кто-нибудь из ее родственников есть в доме? Нужно в доставке расписаться.

— Давайте, я распишусь.

Прочитав подпись, молодой человек посмотрел на нее ошалевшими глазами.

— Да, молодой человек в жизни еще не то бывает.

Когда она закрыла дверь за посыльным, раздался голос Натальи Ильиничны:

— Доченька, это кто был?

— Не волнуйся, это дверью ошиблись.

Мария подошла к окну и стала смотреть на улицу. Она различала за домами свет от огней кинотеатра, где она впервые была со Степаном и горько улыбнулась.

«Глупая Светка, и какая она все-таки своевольная гадость! Сказали не делать — нет сделала. Не прощу ее вовек!»

Мария плакала и думала:

«Как мне теперь написать, а главное — куда: что моя смерть — это шутка. Решат, что в нашей стране одни сумасшедшие живут. А что Степа подумает? Он должен чувствовать, если меня любит, что я жива и что жду его, а не присылать венки. Хотя, кто его знает. Ведь вот как с его отцом получилось. Жаль, что у меня даже ребенка нет, как у Тамары Ивановны».

В эти минуты Марии казалось, что она и в самом деле умерла.

А на следующий день Светлана плакала и умоляла ее простить за эту «дурацкую» телеграмму. Она была готова хоть сейчас лететь в Перу и искать Степана...

— Да, ты права, когда говоришь, что я сначала делаю, а потом — думаю. Но я же хотела как лучше! И вообще-то ты не очень сердись на меня. Дело в том, что это тебе

посольство венков прислало. Они мне вчера звонили и «доложили о проделанной работе». Степан ничего не знает и не узнает. Я вроде, как на деревню дедушке, телеграмму отправила. Я же его адреса не знаю, вот я прямо в посольство телеграмму и отнесла. А ты думаешь дипломатам в посольстве делать нечего, как таких революционеров, вроде твоего Степана черт-те где разыскивать?

Подруги помирились. Мария любила Светлану. Ведь поступки последней происходили не по злобе, а, наоборот, от желания оказать ближнему услугу. Только вот какие последствия от ее услуг могут быть — хорошие или плохие, об этом Светка никогда не думала.

Уже на пороге, прощаясь и хлюпая покрасневшим носом, Светлана заметила:

— А венок красивый приволокли. Жалко, что ты ленточки уже сняла.

Ее спасло от затрешины — она ее явно заслужила — то, что в этот момент напротив стала открываться дверь.

Светка показала ей язык и чинно, неся венок перед собой, стала спускаться вниз по лестнице.

Мария весь день прятала венок в своем шкафу, чтобы мать его не увидела. Пусть теперь Светка отдувается. Хоть выносом венка она накажет эту бестолочь. По пути (а в этом Мария была уверена) ее соседи вопросами замучают: «Для кого это вы Светочка венок приготовили?». Теперь как раз все с работы возвращаются, так что на сегодня применение ее энергичной натуры найдено.

Прошло месяца четыре после отъезда Степана, когда как-то вечером, сидя у телевизора, Мария услышала:

— Как сообщает корреспондент РАИ, во время проходивших в течение последних двух суток столкновений сил правопорядка с сендеристами один боевик был убит. Перуанская полиция уничтожила три лагеря боевиков антиправительственного движения «Сендеро луминосо», расположившихся в джунглях в трехстах километрах от столицы страны Лима.

Мария бросилась к телевизору и увеличила звук.

— В этой связи министр внутренних дел страны заявил, что, «как он полагает, сендеристы будут полностью разгромлены»....

Она подошла к телефону с желанием позвонить свекрови и Ивановым, но в задумчивости опять села назад в кресло.

«Что это за антиправительственное движение и боевики? Тамара Ивановна говорила о том, что ее муж — коммунист и борется за лучшую жизнь для своего народа, а не какой-то там террорист. Что-то я ничего не понимаю...»

Однако Мария решила никому не звонить. Вот если ей кто сам позвонит, тогда она и сообщит об услышанном, а если нет, так и не зачем лишний раз об этом Перу говорить. Наверняка эта организация никого отношения к Степану не имеет.

А ей за весь вечер так никто и не позвонил.

Приближался праздник — Восмое марта. Друзья решили собраться дома у Марии. Наталья Ильинична замечательно пекла пирожки. Поэтому рассудительный Сергей, который обожал вкусно поесть, предложил, что лучше есть пироги с пылу с жару, а не тащить по улице, мол, не тот вкус будет. Светка пригрозила удивить всех каким-то изысканным салатом, а за Сергеем оставались цветы и шампанское.

Накануне Мария поехала провести Тамару Ивановну. Отношения их за эти месяцы заметно потеплели. Теперь, когда Степана не было рядом, то Тамаре Ивановне не было нужды бороться с невесткой за внимание сына, а одиночество — штука страшная.

А когда бедная женщина, наконец, поняла, что в Перу ее никто не ждет, а может, и никогда не ждал, вся сила ее любви, сконцентрированная годами в ожидании счастья, переросла в злобу и ненависть к Хосе Апонте. Все разговоры об отце Степана начинались теперь со слов «подлец, бандит, подонок». Движимая обидой за свои

мечты, Тамара Ивановна, спустя столько лет, наконец, докопалась до «конспиративной деятельности» бывшего возлюбленного.

В этот визит Марии свекровь, прижимая от волнения к груди худые руки, прочитала невестке целый доклад по поводу деятельности перуанца Апонте.

— Представляешь, деточка, эта же экстремистская организация «Сендеро луминосо». Они, как наши народовольцы, такие же террористы. Сколько народу перебили — просто оторопь берет. Они даже в восемьдесят шестом году взорвали бомбу в нашем посольстве. Только и мечтают создать рабоче-крестьянское правительство. Одни уже насоздавались! — она усмехнулась.

— А я тоже хороша. Единственного сына отправила к человеку, который, может, и есть самый главный ихний головорез. Так мне и надо! Нечего было считать себя самой умной. Я же после научного коммунизма философию преподавать стала. И вот какой я вывод сделала: все эти философы — пустобрехи и неудачники. Только один взял и свою теорию в жизнь претворил. Это — Карл Маркс, и я перед ним преклоняюсь! И я хотела, чтобы Степа стал выдающийся человеком. Если не у нас, так хоть в другой стране.

Мария, не уловив логики говорившей, с изумлением спросила:

— Вы имеете в виду вторым Карлом Марксом?

— Деточка, не надо иронизировать. Я не сумасшедшая. Я говорю о масштабах личности.

Когда Мария передала свой разговор со свекровью Светке, у той глаза из треугольников превратились в квадраты.

— Знаешь, жаль, что твоя свекровь не поехала в Перу. У них там сейчас было бы все в порядке.

А Наталья Ильинична, услышав об этом, посоветовала дочери навещать Тамару Ивановну как можно чаще. «Мало, что женщина целыми днями, сидючи одна, может себе напридумывать?»

Но сейчас на праздник Мария не стала приглашать свекровь, чтобы ее заумными речами не портить настроение другим гостям, да и чего греха таить — и себе самой.

Все сидели уже за столом, когда в дверь позвонили.

— Я пойду, открою,— вызвалась Светлана.— Вот мы удивимся, если это Тамара Ивановна приехала!

Через секунду из прихожей раздался пронзительный визг Светланы. Наталья Ильинична побледнев, схватилась рукой за сердце. Сергей с Марией вскочили с мест. Один — чтобы бежать к сестре, вторая — за каплями матери, когда в комнату вошел... Степан с висящей у него на шее и визжащей Светкой.

Он разомкнул руки девушки и, подойдя к Марии, обнял ее. Услышав его такой родной запах, она только теперь поняла, как устала от долгих месяцев безвестности и ожидания. Мария не плакала. Она оживала.

Мария видела, как осунулся и исхудал ее Степа, и сердце ее наполнялось неизвестным ей до сегодняшнего дня чувством ненависти ко всему перуанскому народу.

Присутствующие целовались, обнимались и радовались встрече. Тамаре Ивановне о возвращении сына решили сообщить утром, чтобы не волновать ее на ночь. Хотя — какое это волнение? Только радость для материнского сердца, но так решил сам Степан.

А потом, когда все понемногу пришли в себя от неожиданной встречи, Степан им поведал о своих приключениях.

— Я с самого детства только и слышал разговоры о такой прекрасной стране, как Перу. Какая там удивительная природа, трудолюбивые люди, которые только и мечтают, чтобы освободиться от этих чертовых угнетателей всевозможных мастей! Втолковывали мне, что я такой же исключительный и возвышенный, как старший

Апонте.

А мать? Она, видите ли, жена героя. И воспитала меня одна, и осталась одна, больше ни за кого так и не вышла замуж, и я-то думал, что это все ради великой любви, которой пришлось пожертвовать во имя высоких идеалов. А оказалось все намного проще.

Ну, какому нормальному мужику захочется иметь в доме жену с амбициями заучившегося себялюбия, которая всех умнее и всех возвышеннее? Естественно, кто мог жениться на моей мамаше? Только идиот. Вот таким идиотом и оказался мой папаша, а когда понял во что влип, так и прикрыл побег революционными бреднями.

— Зачем ты говоришь такой вздор! Ты же сам знаешь, что все было не так! — неожиданно даже для себя заступилась за свекровь Мария. В эти минуты она любила все человечество.

— Да, ребята, простите, что я так о матери. Это от усталости. Ну, вот и я,— продолжал дальше Степан рассказ,— чтобы не уронить высокое имя Хосе Апонте готовился стать борцом за справедливость. Пошел в педагогический институт исключительно ради того, чтобы вывести население той далекой страны из неграмотности. Не позволял себе ни с девушками встречаться, ни по клубам всяким тягаться, даже в армию пошел с мыслью — вынесу ли я все то, о чем говорят, что в нашей армии твориться. Да... Думал, сейчас вот прилечу на свою историческую Родину, освоюсь, побуду некоторое время, а затем возвращусь домой, окончу институт, и вместе с Марией вернусь назад, в Перу. (В этом месте Мария с гордым видом окинула взглядом всех присутствующих за столом.) Мне казалось, что у революционеров — все справедливо, что нет такого безобразия, какое творится среди наших реформаторов.

Ведь в Перу чего только нет из полезных ископаемых! Побыв там, я даже теорию вывел, что, чем богаче страна природными ресурсами, тем глупее народ. Иначе чем объяснить бедственное положение народов не только в латиноамериканских странах, в Африке, да и в других местах, где вся таблица Менделеева в земле находится?

— Ну, а я думал, что глупее нашего народа нигде нет,— вставил всезнающий Сергей.

— Не обольщайся, я тоже так думал. Ну и посмотрелся я там на этих революционеров — все они из-за денег друг друга застрелить готовы. Правильно моя умная мамочка говорит, что революции делаются безграмотными людьми в теории, которые изначально закладывают конфликт в перевороты. Вот у нас всегда все революции проходят под лозунгом «грабь награбленное!» И я уверен, что и здесь скоро придут люди, которые потребуют у нынешних воротил так называемого бизнеса отдать украденное. А народ у кого это все забрал? Что свое прихватил, а что и чужое. И мечты об идеальном обществе стали испаряться из моей головы со скоростью звука. А тут еще их самый главный, с брюхом таким и с черной бородой, ну словом, с рожей оперного злодея, сказал моему отцу: надо проверить сначала революционный дух твоего сына, прежде, чем ему доверить учить тамошних ребятишек.

Под местными ребятишками, подразумевались пацаны по двенадцать — четырнадцать лет, которым резать человека — что раз плюнуть. Мой отец хоть там и не последний человек, но перечить этому толстомордому не стал. И отправились мы вместе с ним и еще с парочкой от мороженных по самое «не могу» к подножью Анд на асьенду, как мне сказали, пасти гуанако.

— А что это за чудище? — спросила Светлана.

— Это такие животные вроде ламы. У них шерсть и пух очень ценятся,— объяснил всезнающий Сергей.

— Правильно. И вот я сижу на этой ферме, до нее еще добирались несколько дней через пустыню, в обществе двух грязных индианок — они мне по очереди норовят глазки состроить — и еще какого-то сброда, то ли обкуренного, то ли наню-

хавшегося и, вы знаете, так мне захотелось домой, что не передать. Думаю еще несколько дней побуду и сбегу.

Цивилизации там никакой. Воды вдоволь нет. Из еды — сыр да лепешки с какой-то зеленью. Каждый день — то какие-то мешки грузим, то — какие-то мешки разгружаем.

А отец мой, этот революционер, здоровущий мужик, да и не дурак, как я успел убедиться, то перед одними пресмыкается, то перед другими — угодливо-вежливый. Смотреть противно. Мы с ним как-то все обговорили на первых порах по моему прибытию, а в последующие дни так только незначительными фразами перебрасывались. Понял, наверное, что все это мне не по нраву придется.

Дальше, все, как во сне, произошло. Как-то ночью проснулся от стрельбы. Грохот стоял со всех сторон. Это до нас добрались правительственные войска. Согнали всех в одну кучу и документы требуют. Каждого осматривают, записывают данные и в машины в наручниках грузят. Дошла очередь до меня. И тут отец раз в жизни выполнил отцовский долг. Защитил сына. Он сказал, что я — турист, которого они захватили с целью выкупа.

Меня посадили в машину, но без наручников. Если я — турист, то куда не денусь. В ту ночь я отца видел в последний раз.

Около месяца меня допрашивали, думали, может, я что-то скрываю, а только потом в наше посольство сообщили.

Я еще в посольстве около недели находился, что-то там с визами делали. После всех этих проверок посадили меня, наконец, в самолет, и вот я здесь с вами.

Степан вздохнул.

— Нет, ребята, может, идеи коммунизма еще и живы, но лично я больше в революционеры не пойду. Я думаю, миром и без нас есть, кому управлять. А наше дело быть счастливыми.

— А как все же та организация называется, где ты за благо народа хотел жизнь отдать? — спросила любознательная Светлана

— «Сендеро луминосо», что означает «Сияющий путь». Но их правительство за последние годы крепко потрепало, так что организация разбилась на группы, и мой революционный папаша сейчас находился в группе под названием «Просегир». Все хватит об этих борцах! Давайте лучше..., — Степан хотел продолжить, но его перебил Сергей.

— Правильно, Степа. Пускай они там делают, что хотят. У нас здесь проблем хватает. Давайте выпьем за то, чтобы все остальные революции совершались только на кухнях граждан, да и то мысленно.

Все одобрительно загудели и стали чокаться, а Мария подумала, что, хоть больше революционный дух Хосе Апонте и не угрожает спокойствию ее дома, но разговоры о нем останутся еще на долгие, долгие годы. Отец все же...

Александр Томазов
(г. Тула)

Томазов Александр Александрович, родился в городе Туле 9 мая 1982 года. После окончания школы закончил автомеханический колледж транспортного строительства, а затем получил диплом Тульского государственного университета по специальности ПТМ и О. Работал по профессии. Писать начал в 2004 году, лелея мечту о создании большого интересного рассказа, который и закончил через три года. Далее переключил свой интерес на короткие, но емкие произведения, которые, вкупе с поэзией и музыкой, составляют его творческую жизнь.

ЕСЛИ ТЕБЯ НЕ БУДЕТ...

Сквозь синие шторы солнечный свет приобретал голубоватый оттенок. Невесомые пылинки плыли по воздуху, вдруг меня направление, вдруг останавливаясь в воздухе, ведомые, послушные неведомой силе. Я лежал, открыв глаза и наблюдая эти странные перемещения, одновременно прислушиваясь к ее дыханию, спокойному и размеренному. Мозг был все еще в двух состояниях... одно состояние понимало, что пора вставать, другое же упрямо не хотело этого делать, подавляя все силы и волю, заставляя лежать. Это было удивительно приятно. Удивительно приятно было лежать в теплой постели, подоткнув под себя одеяло, защищающее от прохладного воздуха, царившего в комнате, до слез приятно было чувствовать на своей руке голову любимой, которая продолжала спать, что было вовсе не удивительно. Шел седьмой час утра. Никогда раньше по собственной воле не просыпался я так рано, но сегодня что-то поменялось. Что-то случилось, что-то, что заставило меня проснуться. Я не мог понять, что именно. Лишь странное, отдаленное чувство страха засело в сердце, покалывая и мешая полностью расслабиться и быть счастливым. Так продолжалось некоторое время и постепенно стихло. Наступил момент, и я смог вздохнуть полной грудью, осознав, что все вернулось на свои места. Понял, что стал самим собой. Перевернувшись на бок, некоторое время, прежде чем поцеловать, глядел на нее, любуясь. Она спала спокойно, волосы разметались и лежали на подушке, образуя сложный узор. Одеяло едва прикрывало плечо, спускаясь ниже и свешиваясь с кровати.

— Милая,— прошептал я, наклоняясь к ней и целуя.— Милая, просыпайся,— проводя ладонью по ее чудесным локонам и накручивая их на пальцы, я чувствовал ее запах. Еще не открыв глаза, она потянулась и поцеловала меня в ответ.

— Еще так рано... почему ты проснулся?

— Я не знаю. Просто проснулся и все. Давай просыпайся тоже, мне скучно. Как ты спала?

Она зевнула, прикрыв свой рот с прелестными ровными зубками правой ладонью, и потянулась, сев на кровати.

— Ты знаешь, сегодняшняя ночь прошла прекрасно! Я давно не спала так сладко, как сегодня. Мне кажется, мы начинаем привыкать друг к другу... ну, ты понимаешь, что я имею в виду?

Я знал, о чем она говорит. Мы относительно недавно поженились и стали спать вместе, но всегда, непосредственно перед сном, отодвигались друг от друга. Каждому нужна была свобода, чтобы свернуться калачиком и спокойно уснуть. А вчера мы уснули в обнимку и проснулись сегодня обнявшись, так что эту ночь можно считать первой, которую мы провели полностью вдвоем...

Наши отношения развивались быстро, и еще быстрее росла наша любовь. Иногда это даже пугало меня, так сильно я становился зависим от нее. Образ любимой не отступал перед моим взором ни на миг, в каждой девушке я видел ее. Проходя по улице, я слышал запах ее волос, находясь в пустой машине — слышал ее речь. И уже не представлял себя без другого моего «я», коим являлась она. Ругались мы редко; собственно это была не ругань, а притирки, без которых немыслимы никакие отношения, и после которых они были еще слаженнее. И что самое удивительное и прекрасное — с ее стороны я чувствовал то же самое. Как будто зеркало отражало мои чувства, возвращая их увеличенными втрое. Тонкое понимание моей души — вот что отличало ее от других. Вот что возвышало ее над всеми!

Моя работа была такова, что домой я появлялся поздно вечером, когда звезды на небе были уже зажжены. Дома парился под тряпками, чтобы не остыл, ужин, любовно приготовленный моей ненаглядной, и сама она томила в ожидании. Обычно, во время ужина, мы негромко переговаривались, обсуждая прошедшие за день события, споря и соглашаясь друг с другом, иногда я одерживал верх, иногда нет. Спокойная размеренная жизнь затягивала нас все глубже и глубже, не давая поводов для беспокойства и волнений, полностью расслабляя. Смутно, очень смутно трогало лишь то, что мой организм начинал переставать чувствовать себя одним целым, если ее не было рядом. Становилось грустно, спокойствие куда-то уходило, и ее место занимала еще невнятная, неопределенная тревога.

В тот день мы шли к ее маме, которая жила всего в трех кварталах от нас. С самого начала пути разгорелся спор: я хотел купить вишневый, ну, на худой конец, яблочный пирог. Всегда, заходя в гости к теще, мы пили чай с лимоном, разговаривая о ценах, соседях и, конечно, о политике. Естественно, что наши суждения ни коим образом не могли повлиять на ход истории, но, черт возьми, как приятно было перемалывать косточки всем этим государственным деятелям! И вполне трезво я заключил, что под такие разговоры пирог с чем-нибудь кисленьким будет в самый раз. А моя дражайшая половина и слышать об этом не хотела. Ей нравилась клубника, да-да, та самая клубника, которую все представляют в чаше со сливками. Но ведь это же чересчур!

Клубничные пироги никогда не бывают в меру сладкими, я заявляю это со всей ответственностью. Сладкий, даже приторный вкус не доставит такого удовольствия, как сладко-кислая вишня, это же любому ясно. Но, как я сказал, мои суждения, на сей раз в расчет не принимались, и пришлось покориться. Мир между нами восстановился в тот момент, когда в моей руке почувствовалась тяжесть большой коробки, сверху на которой была нарисована огромная, ярко-красная ягода. Взявшись под руки, шли мы по залитой солнцем улице, и все вокруг было чудесно, как в насыщенном, до невозможности реальном сне. Теплый воздух, согретый солнцем, обдувал нас, и казалось, временами я слышал слабый аромат клубничной фермы. Я даже увидел спелую клубнику, но, присмотревшись, понял, что это горит красный глаз светофора, приказывающий нам остановиться. Мысль о пироге навязчиво сидела в моем

мозгу... несомненно наша ссора из-за такого пустяка поразила мою душу. Я тайком взглянул на лицо своей жены. Она премило щебетала о чем-то, даже не догадываясь о том, что происходило в моей душе. Ее длинные ресницы трепетали, очаровывая, и сама она была прекрасна.

Улыбнувшись, я перевел взгляд и увидел облака, плывущие по синему небосводу, гонимые сильным ветром, который был там, высоко-высоко. Черными точками мелькали птицы, со свистом рассекающие воздух своими крыльями. Им-то не было дела до пирогов, до клубники и вишни, до наших отношений, до светофора, который все еще держал нас, не давая пройти. Они вольны лететь туда, куда им вздумается. Как это прекрасно — иметь свободу выбора. Но, не менее прекрасно, если эта свобода, хоть немного, но ограничивается любимым человеком. Ты уже думаешь не за одного, а за двоих, чувствуешь — за двоих, и живешь — за двоих... Ты и она — одно целое, хрупкий механизм, и его существование зависит целиком от вас.

Продолжая размышлять об этом, я остановился у края дороги, давая проход машинам, мчащимся по своим делам, со свистом рассекающим воздух, и посмотрел влево, туда, где шла моя супруга. А она... она продолжила идти вперед, не заметив тревожной красноты светофора. Раздался свист тормозов и светло-бежевая машина бампером ударила ее под колени. Ее удивленный взгляд — последнее, что увидел я перед тем, как слезы застили мне глаза. Коробка с тортом выпала из моих рук и гулко упала на теплый асфальт, меня начало трясти. Эмоции стали накатывать с бешеной скоростью: ярость — первое, что овладело мной. Я бросился к водительской двери, вытирая на ходу слезы, руки судорожно сжались в кулаки. Но через долю секунды сумерки оставили меня, а взамен пришло нечто более страшное: с моей любимой беда! Я приостановился, и ринулся к ней. И в этот-то момент мое существо начало понимать истины, как будто время остановилось, а затем ускорилося, и стали проходить недели и месяцы... Чувство страха в груди стало разрастаться, заполняя пустотой всю грудную клетку, обжигая мертвым холодом все мое нутро. Мысль о самом страшном... она предательски заползла в мозг, заставив сердце замереть на месте. Мир повернулся вокруг меня, и везде воцарилась пустота. Я висел в этой пустоте. Вокруг было темно, но я видел эту темноту, как будто что-то, изнутри меня, освещало ее. А в голове тяжело ворочались мысли... если она мертва... тогда мне нечего делать здесь, на этом свете. Без нее смысл меня будет потерян, его не будет... меня не будет!.. Все, чем я жил до этого, все, что составляло смысл моей жизни в настоящем и будущем... все это будет утрачено навсегда...

Буквы складывались в слова, слова — в строчки, которые стали вращаться вокруг меня, все быстрее и еще быстрее... я увидел, как всходит солнце, быстро, как в кино... увидел, как весело и беззаботно текут ручьи и огромные реки, меняя очертания своих берегов... как материки сходятся и расходятся... и еще миллионы картин пронеслись передо мной... передо мной пронеслась жизнь... и ни к чему у меня не было интереса без Нее... И вдруг темнота передо мной начала делиться напополам: слева появился свет, подул свежим воздухом и послышался детский смех. Свет пульсировал; приглашая меня войти в него, он свернулся в широкий тоннель; справа же темнота еще более сгустилась, запах, идущий оттуда, был мертвым и сухим; оттуда доносился гул ветра и тянуло холодом... но там была Она... Она парила перед входом и в ее глазах был тот же удивленный взгляд, который я запомнил. Я дернулся к ней и тотчас же свет слева погас и нас окутала темнота...

Очнувшись, я понял, что сижу на асфальте и держу голову любимой на руках. Вокруг были люди, слышался вой сирены кареты скорой помощи... Растерянный водитель стоял рядом, губы его тряслись... и солнце палило нещадно...

Простыня была мокрой от пота. Я не мог надышаться, судорожно втягивая воздух в себя и с шумом изгоняя его обратно. Слезы стекали по щекам, изливались тон-

кой струйкой по шее. Голубой свет луны освещал комнату, звезды виднелись на небосклоне. Первые секунды я не мог понять, что произошло, и лишь спустя время вспомнил. Вспомнил — и слезы вновь хлынули из моих глаз. Я ревел как ребенок, которого обидели, и для которого нет ничего страшнее этого. Откинувшись на подушку, я рвал на себе волосы от того горя, что постигло меня. Мне было тесно, с одного бока меня давила стена, а с другого... Я посмотрел — и мои глаза расширились от счастья. Это была Она! Еще не смея поверить, я дотронулся до Нее... Во сне Она повернулась ко мне и стала искать мою руку своей рукой. Это было полное, абсолютное счастье! Все оказалось кошмаром, страшным сном, одним из тех, которые кажутся настолько реальными, что это кажется нереальным.

С тех пор я поменялся. Моя Любимая не понимает, почему я иногда подолгу молчу... почему иногда плачу во сне... Почему подолгу гляжу на нее, не в силах отвести взгляд, и она засыпает под ним. И просыпается, когда мои глаза изучают ее тело... А я начинаю осознавать одну вещь. Нет теперь моей жизни. Есть Наша жизнь. По крайней мере у меня. И это страшит, потому что теперь я вдвое уязвим, вдвое слабее. Но все-таки, черт возьми, как приятно ощущать в себе двоих!..

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...

Валерий Иванович Богушев родился в 1956 году в г. Калининграде. В 1978 году окончил Воронежский политехнический институт и начал работать в НИИ электромеханики. Полтора года проработал инженером в геологоразведочной экспедиции на Крайнем Севере. Служил офицером-двухгодичником в Советской Армии. В 90-е годы участвовал в разработке и освоении новых моделей электронной техники. В настоящее время работает ведущим инженером на одном из предприятий г. Воронежа, сотрудничает с газетой «Промышленные вести».

Помимо местных изданий — журналов «Воронеж» и «Подъем», еженедельников «Берег», «Здравствуй», «Вечерняя газета», «Страж Отчизны», «Воронежские вести», «Юго-Восточный экспресс» и др., — печатался в «Литературной России», «Литературной Газете», а также в хабаровском журнале «Наши семейный очаг». Постоянный автор «Приокских зорь».

Он поставил свой «МАЗ» в гараж и зашел в бухгалтерию.

— Здравствуйте, можно у вас справку о зарплате получить? Хочу ссуду в банке взять.

— Да, конечно,— приветливо взглянув на него, сказала девушка, сидевшая за компьютером.— Как ваши фамилия, имя, отчество?

— Бережков я Павел Алексеевич.

Девушка была самая обыкновенная, со светлыми волосами до плеч и серыми глазами. Из джинсов сзади выглядывала тонкая полоска трусиков, как бы приглашая дорисовать в воображении то, что скрыто от взгляда. «Надо же, до чего дошла мода»,— мысленно усмехнулся Бережков. Во времена его молодости такая откровенность в одежде и не снилось никому... Девушка пощелкала клавиатурой, распечатала справку на принтере и вышла подписать у главного, улыбнувшись и мелькнув под коротким свитером полоской смуглого живота.

Павел Алексеевич стоял у стола и ждал. Монитор был включен, и по зеленому полю проплывала на разных уровнях набранная крупными красными буквами одна и та же фраза: «Я тебя люблю!»

— Интересно, кто это счастливчик? — пошутил Бережков, когда девушка вернулась, кивнув на экран.

Она улыбнулась смущено, сказала, что просто так развлекается, и торопливо закрыла фразу, вызвав из глубин компьютерной памяти какую-то скучную бухгалтерскую таблицу.

— Недавно работаете у нас? — спросил Павел Алексеевич.

Она охотно рассказала, что закончила юридический техникум, учится заочно на экономическом в университете и боится, что ее не оставят после испытательного срока из-за учебы.

— Все будет хорошо,— успокоил ее Бережков.

Он увидел ее еще спустя два месяца на новогодней корпоративной вечеринке в кафешке.

Она, запыхавшаяся и сияющая, вернулась с танца за свой столик, где он с электриком Дмитрием Александровичем, высоким и прикольным мужчиной за сорок, успел познакомиться и выпить за любовь с двумя ее подругами. Садясь, она словно нарочно задержалась в наклоне так, что в вырезе блузки была видна грудь, и с не сходящей с губ улыбкой назвала свое такое соблазнительное имя, похожее на тающий во рту кусочек шоколада,— Даша.

— Ну как, удалось взять ссуду? — спросила она.

— Да, уже и потратить успели. Купили машину.

Снова выпили и вышли покурить в закуске перед входом в кафе.

Потом опять сидели за столиком допивали вино «за вас и за нас».

— Ты кого выбираешь? — спросил вполголоса Дмитрий Александрович.

— На танец?

— На танец и вообще. Думаешь, девушки нас только для танцев за свой столик пригласили?

— А для чего же еще? Мы им в отцы годимся.

— Ну, Алексеич, ты отстал от жизни. Ладно, как хочешь, Я выбираю Анжелу. Не возражаешь?

— Да нет...

А когда они с Дашей остались вдвоем за столиком, она сама позвала его танцевать. Это был быстрый танец, но она не примкнула ни к одному из кружков.

— «...Я скучаю по тебе»,— подпевала она нежно и озорно колокольчиковым голосом. Ее серые лучащиеся глаза смотрели зовуще и ласково. Пожалуй, может быть, и не влюбленно, но влюбляюще — это точно! Даша словно приглашала в мир молодости, полной надежд и радостного многообразия выбора. Она гипнотизировала взглядом, и он не мог оторваться от чуть пьяных, озорных, невинных, соблазняющих глаз в ободке обведенных тушью ресниц. В этот миг он чувствовал себя счастливым и готов был простить судьбе все предыдущие несправедливости — от равнодушия девушек в юности, когда больше всего хотелось нежности, до еще не зарубцевавшихся в памяти нескольких лет всеобщего развала. Он ощущал сейчас только упоение от ее близости и от осознания того, что чем-то ее привлекает. Чем может нравиться молоденькой девушке выдавший виды мужчина? Влечет ли их недоступный и многообразный опыт разочарований и любви, поражений и побед, который отражается в чертах лица, манере разговора и жестах? Или манят блески золотой пыльцы навсегда исчезнувшего времени? Или, предчувствие предстоящего? А может, она сейчас опьянена вином и весельем, и ей хочется любить всех...

Танец закончился, но она не ушла, осталась с ним. Началась новая зажигательная песенка.

А он вспомнил, что другая гибкая и грациозная девушка, не отрывая от него взгляда, подпевала точно так же много лет назад на дискотеке в автодорожном техникуме:

*Кто тебе сказал, кто придумал,
Что тебя я не люблю?*

И где теперь та сладкоголосая, сводившая всех с ума студентка?!

Песня еще не закончилась, когда Даша увлекла Бережкова в укромный уголок за раздевалкой. Он ощутил ее долгий поцелуй и горячее щекотное дыхание в ухо:

— Поехали ко мне.

— К тебе? А это удобно?

— Да ты не волнуйся. Мы с подружкой квартиру снимаем. Она на все праздники уехала домой в деревню...

Они стали встречаться. Не часто, но зато сколько радости доставляли и ему, и ей эти тайные короткие свидания. Взгляд у Павла Алексеевича стал светиться уверенностью и бодростью, как в молодости, а Даша призналась, что в его объятиях чувствовала себя так спокойно и сладко, как ни с одним из прежних молодых людей.

— А много у тебя их было? — спросил как-то Бережков простодушно.

— Какая тебе разница? Я же всем им предпочла тебя.

Если назначенное свидание по каким-либо причинам срывалось, Даша не находила себе места...

...И, наконец, она не смогла делить любимого мужчину с кем бы то ни было, и поставила ультиматум: или я, или жена. Судьба давала Павлу Алексеевичу шанс все начать сначала. Но кроме жены был еще сын, который через год заканчивал школу. После мучительных и тяжелых раздумий Бережков выбрал свою семью...

Он болезненно переживал разлуку. Тянуло зайти в бухгалтерию, просто увидеть Дашу и поговорить, но он сдерживал себя.

В первую субботу августа у него был день рождения. С утра давило беспокойное чувство, что как-то незаметно стукнуло уже сорок шесть. То и дело звонил телефон...

— Да, слушаю, — сказал он, в очередной раз сняв трубку.

— Павел, милый, я поздравляю тебя и желаю, чтобы все у тебя было хорошо, — это была Даша.

— Спасибо, — удивленно ответил Бережков, и, убедившись, что жена гремит на кухне посудой, добавил. — Мне очень приятно. Правда, Даша. Не ожидал... Я думал, ты меня совсем забыла.

— Никогда! Месяц назад на работе случайно увидела в окно, как ты курил в беседке, грустный такой, и всю ночь до трех часов плакала. Со мной ни разу такого не было. Я хочу, чтобы ты знал, что я ни о чем не жалею.

— Я тоже. Мне было очень хорошо с тобой... Видел тебя как-то с парнем на улице. Ты сейчас с кем-то встречаешься?

— Да. Отбила у одной барышни, — в ее голосе прозвучали грустные нотки. — У нас все серьезно. Раньше и не думала об этом, а теперь очень хочу семью. Ребенка.

— Желаю тебе счастья.

— Спасибо. Целую, целую, целую тебя.

Он повесил трубку.

— Кто звонил? — спросила жена.

— С работы...

— Молодцы, не забыли. Давай на стол накрывать. Скоро гости придут.

— Да, пора, — машинально ответил он и раскурил горячую сигарету...

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ТРОПОЙ ЛЮБВИ

Рослый, видный, с копной темных, вечно косматых, непослушных волос, Владимир Снегирев был коренным сибиряком, потомком первых казаков — переселенцев с Дона и Поволжья. Таких аборигены Енисейской губернии называли чалдонами. Общительный, услужливый, он со всеми находил темы для разговора, у деревенских мужиков был гвоздем всякой программы. Они липли к нему, словно шмели на сахар, и вечно роились в снегиревском родовом доме да в кузне, где длинными зимними вечерами Владимир отливал себе новые чугунные ворота по рисункам деда Прохора. Работа кропотливая, тонкая, не допускающая никакой спешки. Но, когда нужно было хорошенько остудить отлитый кружевной фрагмент вязи, он успевал-таки кому-то приварить отвалившиеся от саней полозья, кому-то починить лыжи или кухонную утварь.

Разного народа собиралось: посадить — лавок не хватало. Запозднившиеся сидели в просторной рубленой избе на земляном полу, подоткнув под себя, кто обрезок доски, а кто всякое рванье да лоскуты старой кошмы.

Селяне, ожидая своей очереди к кузнецу на починку всякой всячины, вдоволь наговаривались о своем житие — бытие. Иные и дела-то к Снегиреву не имели, но им здесь все было, как медом помазано. Желанно и душевно. Затем и приходили, чтоб мужички промысловые будни обсудить, охотничьи байки послушать да самим кое-что рассказать. Расходились мужички по домам за полночь, частенько гонимые под свои родные крыши незлобивой женой Владимира Людмилой.

По праздникам ли, на шумных гуляньях, когда Снегирев, лихо распластав ромашковые меха старенькой гармошки, едва успевал гукнуть аккордами, товарищи уж торопили: «Давай музыку, Снегирь! Чо мешкаешь-то, заждались голоса твоего. Которую неделю не слыхивали. Поскорее давай!». И так до конца застолья не было ему никакого продыху: «Спой да спой». Он послушно напевал им тихим с хрипотцой голосом, раскатистым, будто Кочома* на порогах, одну за другой казачьи песни.

Были в поселке мужики позвонче, поголосистей, но все, кричали и стучали ладошками по столу, требуя Снегирева, а, заслышав его голос, казаки несмело, нестройно начинали подтягивать, подвывать ему. Потом умолкали. Затаенно шевеля обветренными губами, раскачивались всем телом на строганных листвянках, улыбались, нет-нет да смахивая увесистыми кулаками быструю, талую слезу души.

Дома Снегирев жил тихо и смирно, ни в чем не навязывая своего главенства. Безмерно любил раскосую красавицу Людмилу, однажды темной летней ночью выкраденную им из богатого чума.

Отец девушки, уважаемый знатный оленевод Эмидак Монго, пообещал ее в жены известному в Приангарье охотнику Онкоолю Момолу. Степенный, знающий себе и

* Кочома — название реки Подкаменной Тунгуски, впадающей в Енисей, в древней Тунгусии.

своему слову цену, Монго слушать не хотел о другом зяте. И вовсе не потому, что Момоль давал за невесту сто молодых оленей, десять ящиков водки и пятьдесят баргузинских соболей, а на годовщину свадьбы обещал дарить Эмидаку каждое лето по шкуре медведя да трех сохатых в придачу. «Подумай, дочь! — уговаривал ее Эмидак. Завидный жених из древнего рода желает тебя в жены. Он такой же, как и мы — эвенк, потомок тунгусов, сын тайги. Преданно служит ей и нашему народу. А как ты собираешься жить без Энин-Буга, прародительницы нашей оленихи-мамы?».

Но к тому времени Владимир и Людмила уже так полюбили друг друга, что не могли дожидаться дня свадьбы. Познакомились они в эвенкийском поселке Байките на слете молодых передовиков Эвенкийской нефтеразведки. По сценарию организаторов слета буровик Владимир Снегирев, а среди своих просто Вовка Снегирь, в фойе клуба должен был петь под гитару популярную комсомольскую песню «Главное, ребята, сердцем не стареть». Напротив стояла черноволосая девушка с горящими звездочками-глазищами и откровенно, восхищенно смотрела на симпатичного гитариста. И тут Вовку накрыло такой жгучей, страстной волной, что у него вмиг запершило в горле, а потом и вовсе куда-то пропал голос. А рвалось и металось его бедное сердце! Оно, казалось, вот-вот вырвется из плена тела, возгорится и прильнет к крутой, пляшущей от волнения груди чаровницы.

Парень и вовсе задохнулся, забыл слова песни. Смущенно извиняясь перед ребятами и девушками, тесно обступившими его, Снегирь, мало помня себя, сунул в руки виновнице его провала гитару и спешно потянул ее к выходу.

...Долго бродили они по звенящим солнечным улицам и никак не могли наговориться, рассказывая о себе самое сокровенное, потаенное, желаемое. Вечером Вовка, передовик-буровик, провожал Людмилу к причалу, где в назначенный час уже стояла моторная лодка «Баргузин» ее отца Эмидака Монго.

Потеряв рассудок от нахлынувших, неподвластных ему чувств первой влюбленности, предстоящего расставания, представить не мог, как теперь дышать и жить без этого лесного чуда. Его и только его чуда — Людмилы-Людочки. Долго не раздумывая, сел вместе с ней в лодку, и через час на берегу Подкаменной Тунгуски предстал перед строгим взглядом ее отца.

Тот уничтожающе сердито встретил незваного луча*. Владимир вовсе не ожидал такого знакомства. Оробел и сник.

Эмидак, грозно размахивая руками, что-то прокричал пожилому лодочнику-эвенку, и тот незлобно толкнул парня в сторону реки: «Уходи, уходи домой!».

Влюбленные успели ухватиться друг за друга руками. Вовка шепнул Люде, что его буровая вышка, здесь, неподалеку от их стойбища, и он будет ждать ее каждый вечер на берегу реки у Лунной косы.

На первом же свидании Люда сообщила о непреклонном решении отца породниться с Онкоулем Момолем. Свадьба назначена на середину лета. О том, что дочь полюбила другого, Эмидак и слышать не хотел. В ответ на отцовскую грубость и непонимание Людмила наотрез отказалась подчиниться его воле. Впервые они горячо поссорились.

«Не позорь имя мое и рода! Я дал слово — сдержу его. Потом будешь благодарить меня за достойного мужа!» — на этом Эмидак прервал разговор, считая судьбу дочери решенной.

Спасая любовь, Владимир с Людмилой решили устроить побег, понимая, что он возможен только в отсутствие Эмидака. К счастью, тот собирался уйти на дальние стойбища для пополнения стада дикими оленями.

— Надо не упустить Богом посланную нам удачу! Возьмем с друзьями отгулы, и под видом рыбацкой артели подежури́м у реки, ожидая отъезда Эмидака,— радовал-

* Луча — русский, с эвенкийского.

ся безумно влюбленный Снегирев.

Но ничего из их затей не вышло бы, если бы выбор дочери не одобрила и не поддержала мать Элана. Чуткий и умный, Эмидак отцовским сердцем почувствовал что-то не ладное и под всякими предложениями тянул время, неотлучно оставаясь в чуме. А оно таяло и таяло, словно в небе легкое облако. Считанные часы разделяли Людмилу и выбранного ей жениха Онкоуля.

Элана, будто бы угождая мужу и в честь приезд жениха, готовила невесте богатое приданое, а на самом деле благословила единственную дочь на совсем другую жизнь и судьбу, о которой когда-то сама мечтала. Но ее счастье так и осталось несбыточным сном. Мать спешно набивала кули с постелью и посудой, шкурами и пушниной, шила новые дорогие одежды лесной темноокой фее.

Эмидак же дотянул до последнего дня, до сумерек, но так и не ушел в тайгу, а уплыл в райцентр Байкит встречать прилетающего утром дорогого зятя Онкоуля.

Этой тревожной и звездной ночью мать проводила дочь, враз повзрослевшую, зареванную, но безумно счастливую в неведомый путь. Ее кровинка Людочка, стоя в лодке, долго обеими руками, как крыльями, махала кричащей, мечущейся по Лунной косе в рыданиях матери.

Дочь отдалялась с любимым дальше и дальше от родного берега. Ее покачивающийся на серебристых волнах силуэт вскоре и вовсе исчез. Надолго. Навсегда...

Когда жена сообщила Владимиру о второй беременности, он, кружа ее в крепких объятиях, непривычно громко пел и плясал.

Их счастьем, казалось, не будет конца.

— Завтра же пошлю аргиш* к Эмидаку. Пусть твои отец с матерью переезжают к нам нянчить внуков. Хватит деду дуться на нас. Скоро уже третьего наследника подарим, а ему все нейдет. Не молодые, чтоб одним жить.

И только утром спросил:

— А можно ли тебе, мое солнышко? Врачи и первенцев нам не разрешали рожать!

На что Люда игриво ответила:

— При моей-то силушке — грех, Вова, не рожать! Не беда, что медики страшат отрицательным резус-фактором, большим риском для меня и малыша. Наши-то детки, смотри, какие! Растут как на дрожжах.

— И то, правда. Быстроногие первенцы, как кедрята на южном взгорке, подрастают час от часу. Скоро им по два годика исполнится. Мужики! А тебе, любимая, знаю, хочется снова насладиться материнством. Давай, радость моя, рожай! И десятерых прокормлю.

Снегирев любил своих черноглазых баркачан**. Они напоминали ему то шаловливых медвежат, то птенцов болотного черныша: с белым низом и сизым верхом. Смелых, крикливых. Не проходило и двух недель, как молодые чернышата начинали летать. И эти, снегирия, на одно лицо, встали крепко на ножки — и года им не было. Только мать знала, кто из них кто. Толю от Коли отец отличить не мог. Но папа хитрый. Быстро сообразил и Толе стал прикалывать сзади к рукаву маленькую булавочку. Люда удивлялась:

— Днем и ночью с ними, а только недавно по вечно торчащим волосикам на макушке у Коли стала их уверенно различать, а ты как-то быстро...

— Я ведь — папа, кровь подсказывает! — улыбался довольный своей смекалкой Владимир. Но при первой же стирке его хитрушка обнаружилась.

— Вов! Это твоя «зарубка» чуть палец мне насквозь не проколола! Сознаться — больно бить не стану, — и примирительно потрепала его всклоченные вихри.

В редкие часы общения с малышами молодой папа млел от счастья. Он полно-

*Аргиш — перекочевка, с эвенкийского.

** Баркачан — медвежонок, с эвенкийского.

стью отдавался на откуп их неумным фантазиям. Резвые сынишки зарывали его в песок. Ставили на четвереньки и до полного изнеможения катались на отцовской спине. Раскрашивали под собачку, зайчика и Вини Пуха...

Уже уставших, но не утомившихся малышей отец усаживал на колени и весело читал им «Уйгурские сказки». Потом серьезно расспрашивал, кто что запомнил. Мальчишки наперебой улюлюкали. Гомонили на весь дом. Но папка терпеливо, участливо выслушивал их лепет, поддакивал, будто что-то понимал в их бесконечной веселой трескотне, нежно гладил пушистые, смоляные головки.

Семья Снегиревых жила в глухом таежном поселке Кулумбе тесно прижавшейся к быстрому руслу Подкаменной Тунгуски. Владимир работал мастером на буровой в версте от дома, за Рыбачьим мысом. Серебристая кормилица пикой упиралась в небосклон, нанизывая на себя по ночам монисты игривых звезд. Она давала пропитание кулумбовским семьям. Здесь зарабатывали на хлеб с маслом все местное — мужское и женское — население.

Владимир никогда не разрешал Людмиле работать где-то. Сам сполна обеспечивал семью всем необходимым. А ей хватало дел и по дому. Подрастающие малыши требовали особого внимания и забот.

Теперь уж до родов оставалось два месяца. Надо бы снова слетать в Байкит к врачам, но погоды стояли нелетные: жгучий под пятьдесят морозище да с северным иглистым ветерком. В таком адском холоде металл и тот сам по себе крошился, как сталинит при ударе. Вертолетчики отсиживались дома, лишь по несколько раз за день выбегали на крыльцо и, вглядываясь в мглистое небо, вымаливали у него милости.

...В тот день радужно искрящая алмазная изморозь заполнила все воздушное пространство над тайгой и заимкой. Пробивающееся к земле блеклым, рваным блином солнце чуть светило на заснеженные дома. И только дымящиеся печные трубы да лабиринты протоптанных в один-два следа коридоров обозначали в безбрежном снежном царстве живущих своей привычной жизнью дома северян.

Когда у Людмилы внезапно начались схватки, муж был на буровой. Соседей не дозовешься, и она, наскоро одев притихших ребят, вышла на улицу. Кружилась голова, отнималась спина, резала ножом боль внизу живота. «Неужели роды...». Потом мало что помнила. Ее с детьми догнала чья-то санная повозка и отвезла в медпункт. Повар с буровой передал фельдшерице Марии Ивановне с рук на руки теряющую сознание Людмилу с ее примороженными малолетками, а сам помчался к Снегиреву.

В переднем углу конторы нефтяников на сколоченной из тесаных досок тумбе стояла единственная в заимке старенькая рация, которая неплохо работала при умеренно низких температурах. Но тут радист, как ни старался, настроить ее не мог.

А значит, на санитарную авиацию из Байкита фельдшерице рассчитывать не приходилось. Не раз в таких случаях Мария Ивановна справлялась сама. Но сегодня все складывалось против роженицы: отрицательный резус — фактор, несовместимый с отцом, кровотечение и... кома. Малыш родился чудом, измученный, обессиленный сопротивлением сильным рукам Марии Ивановны, вытянувшим его из тьмы...

Мама Люда уже была не с ним...

Малыш на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал. И снова по-щенячьи скулил и плакал. Словно опротестовывал свое насильственное появление на белый свет без мамы...

Мария Ивановна, вырастившая троих детей, по-матерински привязалась к незаслуженно обездоленному судьбой Андрюшке, ласково называя его «снегирьком» и «крестником». Держала более месяца в стационаре, не доверяя никому заботу о нем. В свободное от приема время склонялась над кюветкой беспокойного пациента. Постоянно разговаривала с ним, готовила молочные смеси, купала в таежных травяных настоях. Городским летчикам заказывала разные детские премудрости, которые по-

могали крохе набираться сил и расти, расти.

Вскоре Андрюша по-снегиревски твердо решил смириться с жизнью. Остаться в этом неудобном для него мире, чтобы поближе самому рассмотреть и познать его. Почти не плакал, а чаще искал черными, раскосыми глазенками добрую тетю в белом халате, ждал нежного прикосновения теплых рук. Следил за ее передвижениями по кабинету и наверстывал упущенные блага сном. Просыпаясь голодным волчонком, аппетитно опустошал молочные бутылки. Малыш крепчал!

Отец тоже был рядом с сыном Андрюшей, оставляя старших двухлеток на попечение рано овдовевшей, бездетной сестры Сони, решившей на время оставить солнечные Сочи и помочь брату подрастить трех сыновей. Владимиру пришлось уйти с буровой и учиться быть детям мамой и папой.

Потомственный охотник, мастер на все руки, ставил детей «на крыло» один. Без мамы Люды...

Подрастающие сыновья во всем охотно помогали отцу. Их сытно кормила тайга, и баловала осетринкой да стерлядкой Подкаменная Тунгуска. Часто промышляли всем семейством на таежных угодьях, добывая шкуры, меха на теплую одежду для себя и на продажу заезжим скупщикам.

Владимир любил тайгу особой любовью, как может любить только добрый и чистый человек. Оберегал ее на своих угодьях от всяких напастей, заботился о птицах и зверье.

С раннего детства отец приучил сыновей почитать зеленую кормилицу, заклинал исполнять лесные заповеди: «Понапрасну — не губи! Беззащитным — не вреди! На дармовое — не жадничай!»

Не только словами, но и поступками показывал своим снегирятам, как надо любить таежный мир.

...Однажды он привез в дом маленького лосенка, названного им Валькой. Малыш едва стоял на высоких, дрожащих и непослушных ногах. Скорее всего, был он у лосихи вторым теленком, по воле какого-то случая отбившимся от нее. Тогда Владимир случайно наткнулся на него и, рискуя собой, высвободил его из плена коварного распадка.

Вальке было меньше недели от роду. Оголодавший и слабый, он отчаянно пытался выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк, обламываясь, крошился и снова тянул его в студеною талую воду. Не произойди эта встреча — ему бы не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в теплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. И уже на следующее утро шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал, тузил забор. Полюбил тетю Соню, почему-то считая ее своей матерью. Стоило ей спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставлял забавы. Пострелком мчался к ней и начинал облизывать всю, где только мог достать, тычась по тете Соне симпатичной мордочкой. А когда она выносила лосенку пойло — молоко с кусочками размоченного хлеба — он едва не сшибал «мамку» с ног, на лету засасывая края ее цветастого фартука. Вскоре от таких «наездов» от бедолаги остались жалкие, жеванные лохмотья.

Прислонив ведро к забору, тетя Соня ногами и руками пыталась удерживать ведро в стоячем положении. Валька же всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормежке, старался поддать коленом долгожданному кормильцу — знай, мол, хозяйина! — и только потом окунал в него ушастую мордочку. Изредка телок высовывал ее, чтобы хлебнуть воздуха, при этом громко сопел, фыркал, мотал головой.

В такие минуты откладывались дела, и семья с восторгом наблюдала за ним. К концу трапезы Валька был от копыт до холки в молоке и крошках. Пойла хватало на всех: лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печати телячьей нежности и признательности.

Осенью Владимир навсегда разлучил сыновей с любимцем. Увез Вальку в род-

ные таежные дебри: на дальнее зимовье за Медвежью гору.

Быстроногого, сильного, упитанного, с заметно отрастающими бугорками-рожками.

И как-то, год спустя, они вновь повстречались на узкой, каменистой лосиной тропе.

Владимир узнал его издали. Но Валька остановился первым.

Здрав голову, лось долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными, влажными, волосатыми ноздрями глубоко в себя втягивал летящий от него ветерок. В раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь крупом к поросшему лишайником скальному выступу. Замирал, словно что-то сопоставляя и припоминая.

Опытный охотник остановился в десяти шагах от могучего красавца, протянул ему руку и тихо позвал: «Валька! Валька...» И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль, лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись вплотную, несколько раз обжег его, потом приосанился, мотая головой, словно хвастаясь высокими, ветвистыми рогами. Добродушно хоркая, сопя, хукая, как в детстве, осторожно прижался к Владимиру торсом. Лопатистым, розовым языком стал бережно лизать ему руки, лицо и фуфайку.

В холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны.

Расчувствованный благодарной памятью, Владимир дрожащей рукой гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду. «Ну-ну, попрос ты, сынок...»

Зверь замирал от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал за длинные уши, тербил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по сильным, стройным ногам.

Они долго и близко общались, наслаждаясь неожиданной и счастливой встречей, понимая друг друга на языке идущих от сердца звуков и выразительных телодвижений.

Разошлись в разные стороны медленно, неохотно, будто наперед зная, что никогда уже их тропы не пересекутся...

Прошли годы, и дети Владимира Снегирева выросли, зажили самостоятельными семьями, но отец по-прежнему нежно любил их, заботился, продолжал напутствовать в письмах и при встречах.

... В ту горестную весну, навсегда разлучившую сыновей с отцом, старшие близнецы Анатолий и Николай Снегиревы бороздили моря капитанами дальнего плавания вдали от родной Куюмбы, младший — Андрей — работал, как когда-то отец, в Эвенкийской нефтеразведке бурильщиком.

Владимир Снегирев погиб в тайге не в смертельной схватке с диким зверем, с которым прожил свой век бок о бок во взаимоуважении. Его убила шальная браконьерская пуля, бездумная рука жестокого, ненасытного человека. Нет, не человека. Нелюдя.

Сыновья помнят и любят отца, как в далекие годы своего непростого взросления. Помнят и стараются идти по жизни им проторенной тропой — тропой любви.

Сергей Крестьянкин*

(г. Ровно — г. Тула)

ПЕС ИНТЕЛЛИГЕНТ

Моей дочке Кирочке посвящаю

Возвращался я как-то летним вечером домой к другу (я тогда у него гостил несколько дней).

Шел неторопливо, заложив руки за спину, о чем-то задумавшись.

Неожиданно что-то мохнатое коснулось моих рук. Автоматически их отдернув, я остановился и затаил дыхание.

Огромный пес проплыл рядом и, остановившись чуть поодаль, уставился в мою сторону.

Я огляделся. Хозяина пса нигде не было видно. Четвероногий спокойно сидел и наблюдал за мной.

Медленно подойдя к собаке, присмотрелся. Это была довольно крупная, абсолютно черная, сливающаяся с ночью, немецкая овчарка с кожаным ошейником и вполне спокойным нравом.

— Что же ты меня напугал, дружище? Разве можно так неожиданно проявлять знаки внимания к незнакомым людям.

Пес приподнялся и помахал хвостом, как бы прося прощения.

— Ладно, я вижу, что ты все прекрасно понял. Не расстраивайся. С кем не бывает. Ты извини, я не могу тебе уделить больше внимания. Меня ждут. Спокойной ночи.

Махнув ему на прощание, я зашагал дальше. Но, уже сделав несколько шагов, услышал за спиной частое дыхание. Мой знакомый пробежал мимо и остановился впереди, шагах в пяти.

— Ну, что ты? Мы же с тобой уже попрощались,— недоуменно проговорил я.

Но «сливающийся с ночью» внимательно, как мне показалось, посмотрел на меня, помахал хвостом и побежал рядом.

Вскоре я свернул на боковую дорожку и подошел к дому.

— Ну, вот я и добрался. Спасибо за компанию. Мне было очень приятно с вами познакомиться и общаться.

Пес, не моргая, смотрел мне в глаза.

— А то может, зайдешь в гости? — совсем как человеку предложил я. Он, казалось, только этого и ждал — вильнул хвостом и проскочил мимо меня в подъезд.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Вместе с треньканьем звонка в квартире раздался лай Тишки, слышались шаги, и дверь распахнулась. Брови Ирины Ивановны (мамы моего друга) взметнулись вверх, в глазах читался немой вопрос. Я поспешил ее успокоить.

* Наш постоянный автор.

— Знакомьтесь,— переступая порог, проговорил я.— Это мой новый знакомый, с которым мы познакомились минут пятнадцать назад. Очень воспитанный и культурный. Сам вызвался проводить меня до дома. Я не удержался и пригласил его в гости.

— Ну, если пригласил,— сказала Ирина Ивановна,— то неудобно держать его в дверях. Тишка, замолчи — это гости. Заходи,— пригласила она моего спутника. Мама моего друга была любительницей животных и к тому же обладала чувством юмора.

Пес степенно вошел. Осмотрелся и сел возле двери.

Тишка не унимался. Подбегал и, гавкая, отбегал обратно. Мой сопровождающий не проявлял никакой агрессии, внимательно наблюдая за действиями хозяйской маленькой собаки. Переведя взгляд с нее на хозяев, как бы спрашивая: «Мне ей что-нибудь ответить или лучше промолчать?»

После нескольких попыток напугать незнакомую собаку, Тишка с чувством исполненного долга тявкнул, последний раз для порядка и стал медленно приближаться к гостю, помахивая хвостом и принимаясь. Овчарка поднялась, (Тишка подпрыгнул и отскочил в сторону), приветливо помахала хвостом, подтверждая свои добрые намерения по отношению ко всем присутствующим. Тишка фыркнул, улегся на свой коврик в углу, положил морду на передние лапы и стал спокойно наблюдать за неожиданно появившимся своим собратом.

Мой знакомый, не входя, заглянул в одну комнату, затем в другую, потом подошел к кухне и принялся.

— Ты совершенно прав, дружок,— сказала Ирина Ивановна.— Пригласили в гости, а сами ничем не угощаем.— С этими словами она прошла на кухню, достала кость из супа, немного сыра, положила все это в миску, в другую налила воды и поставила перед гостем. Тот неторопливо все съел и выпил, помахал хвостом, слегка гавкнул и подошел к входной двери, как бы говоря: «Засиделся я тут у вас. Домой пора».

Я открыл ему дверь. Он переступил порог. Обернулся. Пару раз гавкнул. Мы помахали ему руками, пожелали счастливого пути. Тишка тявкнул со своего коврика. Черный пес вильнул хвостом и растаял в ночи.

— Какой интересный экземпляр,— подвел итог мой друг.

— Да, среди людей-то нечасто встретишь такой воспитанности.— Изрекла Ирина Ивановна и, задумавшись, добавила: — Словно английский лорд в гостях побывал. Учись, Тишка!

Но Тишка усиленно делал вид, что давно задремал и все происходящее его совершенно не касается.

г. Ровно

БУХАНКА

*Моей бабушке М. А. Щичилиной,
участнице трудового фронта посвящая*

Вторая мировая война завершилась победой Советского Союза над Германией. Враг был полностью разгромлен и капитулировал. После всеобщей эйфории от долгожданной победы страна вступила в полосу восстановительных будней, серых своим однообразием и монотонностью, но радостных оттого, что не слышно выстрелов и взрывов, небо чистое, не пахнет гарью и видны результаты созидательного труда.

Постепенно заводы и фабрики начинали работать, выдавая свою продукцию, такую необходимую государству.

Расчищались завалы, сносились полуразрушенные здания, ремонтировались те, которые еще можно было отремонтировать, вывозился мусор, рыли котлованы под

строительство новых домов.

Мирная жизнь шла своим ходом и набирала обороты. Даже не шла, а вернее будет сказать, бурлила и клокотала.

Люди наслаждались наступившим послевоенным временем, хотя, порой, по привычке еще вздрагивали от любого случайного грохота. Но тут же вздыхали и улыбались своей вьевшейся привычке, которая некоторым не раз спасала жизнь.

Очень многие не вернулись с полей сражения. Почти в каждой советской семье были такие.

Люди остались без крова над головой, ютились в бараках безо всяких удобств и в общежитиях, где в лучшем случае были туалет и холодная вода.

Миллионы детей остались без родителей. Они скитались по чердакам и подвалам в вечном поиске еды.

Заработали магазины, но не каждый мог себе в них что-либо купить — цены кусались. Поэтому многие шли на рынок, где приобретали хоть и не новые вещи, но вполне добротные и по приемлемой цене.

Рынок.

Самый разгар торговли. Народу не протолкнуться.

Здесь можно было продать и купить все. Одежду и сапоги, туфли и шляпы, тульский самовар и трофейный немецкий самокат, табуретки, кастрюли, ложки, книги, собак и кошек, кур, гусей, картошку, лук, хлеб...

Ваня давно уже нарезал круги вокруг продуктовых прилавков, уж очень сильный запах подзабытый, а порой и вовсе не известный, но такой манящий, не мог оставить мальчика равнодушным, потому что не ел он со вчерашнего дня, да и то, что удалось поесть так, одно название. Тем более что перед глазами мелькало столько продуктов. Свежее мясо, домашняя колбаса, тушенка, сыр, молоко, творог, сметана, хлеб... черный, с поджаристой корочкой, такой аппетитный.

Ваня сглотнул, облизываясь. Не было больше никаких сил, чтобы удержаться. Взгляд приковался к буханке, которая нагло выставила свой запеченный хрустящий бок. Ваня представил, как он отламывает, нет, откусывает огромный кусок от этого черного хлеба и начинает его жевать и тот, хорошо пропеченный, хрустит на зубах, открывая взору ноздреватую мякоть и источая сильнейший, сногшибательный, одурманивающий аромат свежайшего рукотворного продукта.

Мальчик почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Состояние ему было знакомое, такое не раз с ним приключалось от голода.

Ноги сами понесли его вперед.

Он взял буханку, которая его притягивала словно магнит, дрожащими руками, посмотрел на нее широко открытыми глазами и сглотнул слюну.

— Ты, что, пацан? А ну, положи на место! — крикнул продавец.

Окрик продавца заставил Ивана очнуться и вернуться из страны мечтаний в действительность.

«Что он сказал? — подумал мальчик. — Разве можно положить на место эту буханку? А как же поджаристая корочка?».

Ваня прижал хлеб к груди обеими руками, весь сжался и метнулся от прилавка.

— Держи вора! — послышалось вслед убегающему пацану.

Бежать сквозь толпу было сложно. Но еще сложнее было в этой ситуации на ходу откусывать от буханки и заглатывать большие куски, давясь и кашляя.

В голове мальчика крутилась только одна мысль: «Съесть, как можно больше. Ведь когда еще придется поесть — неизвестно».

Он слышал гомон вокруг себя и топот шагов приближающейся погони.

«Меня могут догнать. Будут бить и, наверное, очень сильно и если останусь живым, то хоть наемся. А если забьют до смерти, то тогда уж все равно».

Ваня споткнулся: толи камень под ногу попался, толи кто-то подножку поставил. Растянулся в пыли, но хлеб из рук не выпустил. Подняться сил уже не было. Он откусывал и почти не жуя, проглатывал.

Погоня его настигла.

Ваню начали бить по спине, по голове, по лицу, по ногам. Рванули за шиворот, поднимая с земли, порвали ворот рубахи. Он снова плюхнулся наземь. Одной рукой мальчик пытался закрыться от сыплющихся ударов, а другой крепко прижимал к себе остатки буханки, отрывая от нее куски и быстро, на сколько это было возможно, глотал.

Вокруг все шумели, кричали, ругали. Но для Вани это стало однообразным гулом, который почему-то все удалялся и удалялся, словно ему в уши начали затыкать вату. Он уже не рвал хлеб зубами, хотя все еще крепко прижимал его остатки к своей груди. Губы распухли, из носа текла кровь, глаз заплыл от синяка. Иван лежал в дорожной пыли безучастный ко всему, не чувствуя боли. Смотрел здоровым глазом сквозь какую-то пелену, наверное, слез, на солнце и думал: «Все-таки поел... Как хорошо...»

Гомон голосов усиливался. Его перестали бить.

Он услышал лай собак, и кто-то крикнул:

— Фашисты!

«Фашисты? — В голове мальчика шумело. — Значит опять нужно прятаться. Хотя в прошлый раз, когда немцы пришли в нашу деревню мы с мамой спрятались в сарае на сеновале, и фашисты нас отыскивали только с помощью собак. Правда, чуть позже нам и еще нескольким людям удалось сбежать... Но ведь война же давно закончилась, какие могут быть фашисты? И почему тогда гавкают собаки?»

Ваня попытался сфокусировать свой слух, дабы понять, что же происходит вокруг.

— Что же вы, как фашисты! Взрослые мужики навалились. И кого бьете? Мальца! — пытался защитить Ваню баритон.

— Он — вор! — крикнул кто-то.

— Да вы посмотрите на него. Ему от силы лет десять, — попытался объяснить присутствующим все тот же голос — баритон.

— Да какая разница. Он буханку хлеба стянул и пытался улизнуть, — размахивал руками, объясняя толпе, разгоряченный продавец.

— То, что он украл — это не хорошо. Это очень плохо. Но давайте разберемся, — повел свою речь Ванин защитник. — Разве он украл ради баловства или шалости, или может быть для продажи? Нет. Он утащил не что-нибудь: золотые часы или шапку, а — хлеб. И на бегу он ел его, потому что этот маленький мальчик просто-напросто голоден и, может, голодает уже не один день. Где он живет? И есть ли у него родители?

Гомон в толпе прекратился. Люди уже не выкрикивали, стояли и молча слушали.

— Сколько после этой войны детей-сирот бродит по дорогам в поисках еды и ночлега, пытаясь хоть как-то выжить. А вы готовы этого пацаненка из-за какой-то буханки растерзать. Мы фашистов разгромили, а вы еще хуже оказывается. Ты живой, малец?

Ваня открыл глаза. Вернее попытался это сделать, и левый глаз открылся на половину, а правый открыть не удалось, так как он полностью заплыл от удара.

— Тебя как звать-то?

— Ваня, — с трудом проговорил он сквозь распухшие губы.

— А родители твои где? — допытывался мужчина, который его защищал.

— Батяня на фронте в сорок третьем погиб, а мама от голода этой зимой умерла. Нас с Машкой кормила, всю еду нам отдавала, а сама умерла.

Продавец хлеба пожал плечами, махнул рукой, что-то пробурчал, развернулся и

пошел к своему прилавку.

Народ начал расходиться.

Ваня приподнялся и сел здесь же прямо на дороге. Вытерев рукавом запекшуюся кровь из под носа, он облизал распухшие губы. Наполовину оторванный ворот рубашки болтался сзади вдоль спины.

— А Маша — это сестра твоя? — продолжал задавать вопросы мужчина, который спас его от расправы.

— Да, младшая. В подвале меня ждет, несколько домов отсюда.

— И сколько же ей лет?

— Шесть.

— А тебе-то самому сколько? — протянул руку мужчина, помогая Ване подняться на ноги.

— Девять.

Вернулся продавец хлеба и обратился к мальчику:

— Ты, это вот, что... Не серчай. Погорячился я. На-ка, вот возьми.

Он протянул Ване еще полбуханки и банку тушенки.

Ваня недоверчиво посмотрел на того одним глазом, не торопясь брать дары.

— Бери-бери, — успокоил его мужчина, который защищал.

Мальчик схватил продукты, прижал их к себе, развернулся и быстро стал удаляться. «Не поймешь этих взрослых. То морду бьют, то едой заваливают. Как бы не передумали».

— Ты, это... Не серчай! — кричал ему вслед продавец. — Нешто мы не люди! И вообще приходи, буду тебя подкармливать!

Но Ваня ничего этого уже не слышал. Он быстрым шагом пробирался по рынку, спеша к своей сестренке и думал: «Надо же, целая банка тушенки... Машка-то как обрадуется!»

г. Тула

ОВОА ДУРАКОВ — РЕАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Около трех недель прошло с тех пор, как молодое пополнение прибыло в войсковую часть 04669 «Ж».

Скоро должна будет состояться присяга. А пока все они находились в карантине.

Учились подниматься по тревоге, быстро одеваться и становиться в строй. Времени на все это было отведено сорок пять секунд. И если поначалу многие новобранцы не укладывались в эти нормативы, то через две недели ежедневных тренировок почти все вновь прибывшие справлялись с этим заданием за полминуты. А один очень резвый по фамилии Сорманюк проделывал это за 19—20 секунд, от чего каждый раз вызывал бурный восторг и одобрительные возгласы старослужащих товарищей, которые приходили посмотреть на обучение молодежи. И когда все убедились, что это не случайность, что Сорманюк каждый раз одевается быстрее всех и всегда первый становится в проходе между кроватями один из «стариков» сказал:

— Запомни меня. Завтра утром подойдешь к моему столу в столовой — я отдам тебе свое масло. Это будет тебе наградой за быстроту.

Кроме этого учились аккуратно и ровно заправлять койки, каждое утро подшивать свежие подворотники, ходить строем, мыть полы в казарме и еще много чего учились делать, чтобы на ближайшие два года успешно влиться в коллектив воинской части и быть достойной сменой, готовящимся к демобилизации своим старшим товарищам.

По сложившейся традиции с новобранцами перед присягой приходил знакомиться генерал-майор Кирпичев. Он расспрашивал, как служит, с какими труд-

ностями столкнулись, сильна ли ностальгия по дому, какие есть пожелания.

К приходу Кирпичева солдат естественно готовили, чтобы показать ум, сообразительность, четкость выполнения команд нового пополнения.

И вот как это происходило.

Молодежь — человек двадцать — рассадили в Ленинской комнате. Присутствовали: командир роты старший лейтенант Исаметдинов, командир взвода старший прапорщик Лукашук и начальник гауптвахты подполковник Терещенко.

Терещенко объяснял:

— При появлении генерала поступает команда от взводного «Взвод встать!» Вы должны быстро и четко встать по стойке смирно, пока генерал не выслушает доклад о происходящем и не разрешит сесть. Затем он начнет с вами беседовать. Каким образом? Показывает на кого-то рукой и говорит: «Вот вы, товарищ солдат...» Что нужно сделать?

— Нужно встать! — крикнул кто-то.

— Во-первых, с места не выкрикиваем. Во-вторых, правильно, нужно подняться, но еще и представиться: рядовой Иванов, Сидорелли, Онищенко. Если все понятно, то репетируем. Вот вы, товарищ солдат, — указал он рукой на солдата, явно выглядевшего старше всех остальных.

— Рядовой Химера, — поднимаясь, представился тот.

— Это, что, фамилия такая? — удивился подполковник.

— Так точно.

— Ну, допустим. Как служитесь?

— Нормально.

— Никто не обижает?

— Никак нет.

— Откуда вы?

— Из Тернопольской области.

— Ну, от Ровно это не очень далеко. Домой тянет?

— Тильки трохи.

— А лет сколько?

— Двадцать четыре. Я закончил институт.

— Ну, вот и отлично. Садитесь. Где-то примерно так. Четко, внятно и громко отвечать. Репетируем еще, чтобы при виде генерала кого-нибудь столбняк не хватил. Вот вы, пожалуйста.

— Рядовой Дураков, — громко крикнул, вставая солдат с лицом очень похожим на Савелия Крамарова.

В комнате заржали.

— Так. Кто-то решил со мной в шутки пошутить. Я чувствую, что это первый кандидат, после принятия присяги, на посещение заведения, под названием гауптвахта. Запомните, товарищи солдаты, что дураков у нас в армии нет и не может быть по простой причине, что нам доверено оружие и сложная техника. И вскоре будут поставлены боевые задачи, которые нам предстоит с вами решать. Для этого и работают призывные комиссии, отбирая в армию самых достойных, умных и крепких.

— Да это его фамилия настоящая! Дураков Владимир! — выкрикнул кто-то с места.

Подполковник уже не стал делать замечания по поводу этого выкрика, а обратился в полголоса к стоящему рядом старшему прапорщику:

— Это, что — правда?

— Да, есть в моем взводе солдат с такой фамилией, — подтвердил Лукашук и захмыкал носом, предчувствуя, что сделал что-то не то, тем более, что это он лично отбирал призывников и вез их в часть.

— Как же его с такой фамилией призвали? — полусшепотом промолвил опешивший начальник гауптвахты. — Хотя это ладно. Вы-то куда смотрели, когда брали его в нашу часть?

— Он такой крепкий юноша. Мне показалось — будет работающим, добросовестным, — стал оправдываться взводный.

— Так. С этим надо что-то срочно делать, — начал соображать Терещенко. — Поставьте его завтра в наряд на кухню или куда-нибудь. Обеспечьте работой и пусть он добросовестно трудится подальше от глаз Кирпичева. Все ясно?

— Так точно! — подтвердил старший прапорщик.

— Садитесь, товарищ солдат. Обращаюсь ко всем. Есть еще кто-нибудь с неприличной фамилией?

Таких не оказалось. Или постеснялись признаться.

Подполковник глубоко вздохнул, после чего продолжил готовить солдат к завтрашней встрече с генералом.

Ровно — Тула

ПОШУТИЛИ

— Мне нужно забежать к одному знакомому, — сказал Николай своим товарищам. — Вы мне билет, пожалуйста, купите, а я подойду к отходу поезда.

За две минуты до отправления Николай ворвался в вагон и отыскал своих попутчиков.

— Ой, ты знаешь, мы заговорились и совсем про тебя забыли и не купили билет. Поезд отошел от перрона.

— Что же делать будем? Ведь сейчас контролеры пойдут!

— Прячься под лавку, где чемоданы хранятся. Немного неудобно, но ничего — придется потерпеть. Когда проверка закончится, мы тебе скажем.

— Ваши билеты, — обратился контролер к молодым людям.

— Пожалуйста, — протянул листки Олег.

— А третий на кого? — поинтересовался мужчина.

— С нами товарищ едет.

— А где он?

— Видите ли, — вмешался в разговор Степан. — У него свои причуды. Можно сказать — хобби. Он берет билет и, как только заходит в вагон, сразу залезает под лавку.

— Зачем? — опешил контролер.

— Я же вам объясняю — это его хобби.

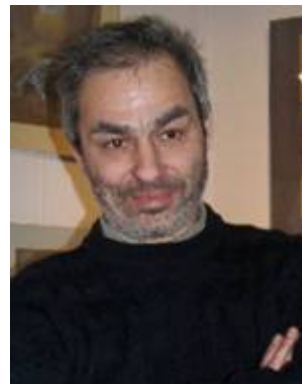
— Да вы сами можете в этом убедиться, — добавил Олег.

Они подняли лавку. Глаза у контролера округлились, и даже рот слегка приоткрылся. Проверяющий все еще надеялся, что это — шутка. Но, там скрючившись в неудобной позе, действительно сидел человек. Ситуация была до того комичная, что все присутствующие при этой сцене и пассажиры, и Олег со Степаном, и даже контролер не удержались от смеха. Не до смеха было только Николаю. Весь в паутине и мятой рубашке он укоризненно качал головой и прищурился, как бы говоря: «Сегодня вы меня разыграли. 1:0 в вашу пользу, но я вам это припомню. Будет и на моей улице праздник!»

Контролеры уже давно прошли. Наступил вечер. Люди укладывались спать. Но то там, то здесь в вагоне слышался всплеск громкого смеха или тихое хихиканье.

Илья Криштул
(г. Москва)

ЗВОНОК НА РОДИНУ

Валь, привет, королева! Это Ира с Москвы! Как у вас там? Да у нас-то чего... Слушай, я чего звоню, уже извелась прям вся. Вчера с мамкой говорила, представляешь, она говорит — Батуева рождает. Я не могу, говорю, какая Батуева, та, что у рынка живет, что ли, а нас разъединили, связь эта дурацкая. Ты-то знаешь, какая Батуева? Как нет? А чего ты там делаешь-то, если не знаешь ничего? А Маринка не Батуева? Нет? А кто? А-а... Да все нормально у нас, я ночь не спала из-за Батуевой этой... Муж? Да что муж... Идиот. Значит, у рынка все-таки Батуева, если не Маринка. Не рожала она? Черненькая такая, в дубленке? Нет, ну я в полном шоке вся... А кто тогда? А та Батуева, что возле магазина красного? Тоже не Батуева? А может, она фамилию взяла и рождает себе, а ты сиди здесь как дура почему зря! Ты нам звонила? Когда? Мы вчера в кино ходили. Да не знаю я, я всю дорогу про Батуеву эту думала. Да хорошее кино, убили там кого-то в конце. Мужу понравилось, ему-то наплевать, что жена места себе не находит. Сидит вон, идиот. Слушай, ну что ж за Батуева такая... Главное, я ж прошлый год приезжала, помнишь, никакая Батуева никого не рожала... А баба Катя у нас не Батуева? Да знаю, что восемьдесят два, может, решила бы как... Деньги-то какие дают за второго, а у нее штук десять... Ну не знаю прям, все из рук валится... Приезжая, может, какая, приехала да рождает, а? И Ленка не Батуева? А ты спроси у нее. Вчера видела? Не рождает она? Ну я не могу, я так в больницу попаду, с Батуевой этой... Да что как дела, плохо дела. Муж вон сидит на диване, идиот... У вас там Батуева какая-то рождает, я в шоке вся, а ты «как дела?»! Не могу с тебя, нервов не хватает! Может, учительница новая Батуева? Физрук? А он не Батуев? А жена его? Вдруг она тайком рождает, под чужой фамилией, что б муж не узнал? Нет, надо отпуск брать и ехать. У вас там все перерождают, а вы будете сидеть, как клуши деревенские. Столько дел, но ехать придется. Я эту Батуеву найду. Муж еще идиот, сидит вон на диване, жрать просит. Одна мысль — пожрать, а ты тут хоть обжорайся, ему все равно. Верка у нас не Батуева? И у мамки занято весь день, с кем они там болтают... Да какая погода, Валь, тебе поговорить не о чем? Смотри, эта Батуева родит и будет тебе почему зря! Как — тебе все равно? Нет, ну я в полном шоке с тебя! А если б эта Батуева твоим дитем была? Вот-вот, собираешь, что ни попадя, все равно ей... Я, представляешь, вчера харчо готовила, думать стала про эту Батуеву, один рис остался, вся вода выкипела... Этому идиоту дала — не жрет. У него ж забот никаких. Вот если б алкаш какой-нибудь знакомый рожал, тогда что ты — забегал бы! Одно слово — идиот. Сейчас снова мамке набирать буду. Может, ты сходишь до нее? Скажи, что я «скорую» вызвала из-за Батуевой этой! Весь валидол, скажи, вы-

пила почему зря!! Скажи, что она меня в могилу сведет вместе с Батуевой своей!!!

Валь, ну что, сходила? Ну не томи, говори быстрее! Как — никто не рождает? И Батуева не рождает? Нет никакой Батуевой? А баба Катя? Что ж вы меня доводите почему зря, я сутки уже не ем, не сплю! Нет, ну я прям расстроилась вся, представляешь... Только нормально пожила в полном шоке и все, на тебе — никто никого не рождает... И не умер никто? Жаль... Может, хоть посадили кого? Нет, Валь, я не могу с тебя, с тобой и поговорить абы как не о чем... Ладно, пойду идиоту этому харчо впахивать... Как-как, разбавлю водой да впахну. Сожрет, куда он денется, идиот же... Ладно, пока... Если чего узнаешь — сразу звони! У нас-то тут, в Москве, тишина, никаких новостей, если только Медведев куда поедет... Вся жизнь — у вас!

ИНТЕРВЬЮ

Писателя Хвостогризова, автора популярных воспоминаний о своих встречах со знаменитыми людьми, трудно застать дома, в тиши рабочего кабинета. Вот и на этот раз наш корреспондент наткнулся на него в подмосковной Балашихе, на презентации точки по торговле бахчевыми. Г-н Хвостогризов с радостью согласился ответить на несколько вопросов, заметив при этом, что вообще-то он прессу не жалуется.

Корр.: — Г-н Хвостогризов, вы известны читающей публике прежде всего как автор замечательных мемуаров. Вы действительно общались со всеми людьми, о которых пишете?

Х.: — Я не общался. Я с ними дружил. И с Иосифом, и с Никитой, и с Леной... Мы были одна компания, вместе выпивали, дрались, играли в футбол, ухаживали за девушками — тогда это было модно. Я и писать начал только для того, что бы огладить этих людей от так называемых «друзей», от тех, кто делает деньги на святых именах. В книге «Мой Высоцкий» я много пишу об... не знаю, как их и назвать-то. Например, некто Влади. Да она с Высоцким не была даже знакома, мне Володька сам говорил! Он очень любил меня, ведь я — сейчас об этом уже можно говорить — автор почти всех его песен. И «Баньку», и «Охоту», и... и другие его песни написал я, Володя просто перепел их, я ему разрешил. Он очень тогда нуждался в деньгах. Так же, как и Леннон, об этом я написал в книге «Мой Леннон». Я, кстати, был женат на его сестре.

Корр.: — Почему же вы скрывали это?

Х.: — Причины я раскрыл в книге «Мой Есенин». Сейчас об этом уже можно говорить, — я ведь очень много стихов подарил Сережке, и про пальцы в рот, и чего-то там про живую старушку и... и другие его стихи. Мне не жалко, а он очень тогда нуждался в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: — Но ваше имя практически неизвестно широкой публике...

Х.: — Недавно я написал книгу «Мой Ленин», там я как раз размышляю над этим. Ильич многое дал мне, но в первую очередь он научил меня скромности. Я в долгу не остался и — сейчас об этом уже можно говорить — еще в марте надиктовал ему «Апрельские тезисы». Он очень тогда нуждался в деньгах. Нас познакомила Крупская, я в то время был женат на ее сестре.

Корр.: — С кем еще вы были знакомы?

Х.: — В книге «Мой Пушкин» я пишу об этом. Ван Гог, Чайковский, Булгаков, Шаляпин, Марадона, Фишер... Мы были одна компания, вместе выпивали, дрались, играли в футбол, ухаживали за девушками — тогда это было модно. Петя Чайковский, правда, этого не знал и ухаживал за мальчиками, сейчас об этом уже можно говорить. А в футбол лучше всех играл Ван Гог, однажды в пылу борьбы ему даже оторвали ухо... Помню, как я учил Фишера играть в шашки — он потом, и это из-

вестный факт, стал чемпионом мира... А как гениально Шаляпин пел сочиненные мной романсы — и «Баньку», и про пальцы в рот, и... и другие знаменитые мои романсы... Я в то время был влюблен, посвятил любимой девушке стихотворение «Я встретил Вас...», Сашка Пушкин увидел, выпросил... Или это был Коля Гоголь... Они очень тогда нуждались в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: — А много книг вы написали?

Х.: — Да, и об этом я рассказал в своей книге «Мой Наполеон». Мы ведь дружили с Боней с детских лет, много разговаривали, спорили... Я как-то сказал ему, что стану писателем и стал, а он метался и — сейчас об этом уже можно говорить — хотел стать то ли кинологом, то ли киноведом... В общем, чего-то медицинское. Помню, как я отговаривал его идти войной на Россию... Чем закончился этот поход, можно узнать из моей книги «Мой Кутузов». Наполеон, кстати, всегда нуждался в деньгах. Я был женат на его сестре.

Корр.: — С Кутузовым вы тоже встречались?

Х.: — Да, с Мишкой мы были, как в поговорке — «не разлей водка». Сейчас об этом уже можно говорить. Я звал его «адмирал Нельсон», уж не знаю, почему. Когда я рассказал об этом самому Нельсону, он очень смеялся, хотя постоянно нуждался в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: — А сколько раз вы были женаты?

Х.: — Много. Об этом я пишу в своей книге «Моя д'Арк». У нас была огромная, всепоглощающая любовь, но она — и сейчас об этом уже можно говорить — трагично оборвалась, сгорела... Я не виню Жанну, это были счастливые годы, но, мне кажется, она больше нуждалась в деньгах, чем во мне. В книге «Моя Клеопатра» я более глубоко раскрываю тему женского предательства. Кстати, после смерти Клепы я женился на ее сестре.

Корр.: — А над чем вы работаете сейчас?

Х.: — Я пишу книгу «Мой Христос».

Корр.: — Вы...

Х.: — Да. Я был женат на его сестре. Молодые мы были...

Тамара Дик
(г. Алексин)

КАКОГО ЧЕРТА ТЫ ПРИШЛА

Марина проснулась от резкого и настойчивого звонка в дверь. Предположив, что это кто-то из ее детей, она быстро накинула халатик и прошлепала босыми ногами к двери. Звонок повторился. Так настырно звонили только дети. Им всегда было некогда, всегда они куда-то спешили и забегали к матери лишь на минутку. Но, распахнув дверь, Марина неожиданно увидела перед собой Дину Сергеевну. У Марины даже занемел рот, открывшийся для приветствия. Приветствия не вышло, и она растерянно отступила назад, впуская в прихожую нежданную гостью. «Какого черта пришла эта фифа?! Что ей надо с утра пораньше?» А она-то, наивная, подбежала, открыла и даже в зеркало не посмотрела, как выглядит после ночи. Ну конечно же, лохматая, босая, наскоро накинутый халат, из-под которого торчит ночнушка. Марина непроизвольно пригладила назад волосы и потуже запахнула халатик. Она пыталась понять, что же надо этой женщине? Наверное, пришла ругаться? Но Дина Сергеевна приветливо улыбнулась, и в ее черных, глубоких глазах появилось что-то таинственное, невысказанное. Марине не хотелось, чтобы эта женщина у нее здесь плакалась или ругалась. А то еще хуже: будет кричать на весь дом, раздувать из мухи слона. Что ей надо? Ведь ничего же не было! Но какой-то бесенок изнутри напомнил, как она была равнодушна к мужу Дины Сергеевны, когда они на Петров день гуляли с коллегами на даче. Чертов бесенок напомнил, что и Виталий тянулся к ней, где-то даже не скрывая этого. «Значит, эта фифа что-то усекла или почувствовала и вот пришла разбираться». Ощувив, что стоит на холодном полу, Марина переступила с ноги на ногу и, заставив себя улыбнуться, выдала костяным языком:

— Вы, Дина Сергеевна, проходите в комнату, присаживайтесь в кресло, а я чай поставлю да малость себя в порядок приведу.

— Да, да, не беспокойтесь, я уже прошла,— расположившись в кресле и осматривая комнату, женщина добавила:

— Чай — это хорошо... Божественный напиток.

Марина поняла, что если гостья не отказалась от чая, то разговор должен быть долгим. И снова бесенок толкнул в ребро, что это все за ее нечистые мысли, за ее фарс. Ишь, замахнулась на чужого мужика! Вот сейчас она за все и ответит. Нет, ни за что она отвечать не будет. Между ней и Виталием ничего не было! Они просто давние старые друзья. Ну, разговаривали, ну, смотрели друг на друга. И все-таки: «Зачем она пришла? Что медлит?» Марина быстро стянула волосы на затылке, выпустив на лоб забавную челочку, нанесла на лицо минимум макияжа и, довольная, что она не хуже этой фифы, поспешила собрать на стол. Чай пили в комнате за журнальным столиком. К счастью, у Марины остались сладости, и целая еще была вазочка с фруктами. Понимая, что в грязь лицом не упала, что все оказалось на высшем уровне, Марина чувствовала себя перед гостьей смелее и увереннее.

— Может, винца понемножечку, а?

— Нет. Мне нельзя,— тихо ответила Дина Сергеевна.

«Ах, ей нельзя! А что ей можно?» Еще на даче Марина отметила, что жена у Виталия симпатичная, но уж очень худая. Но с другой стороны, и фигурка есть, и грудь присутствует.

— Божественный чай,— проговорила гостья, отпивая из чашки маленькими глоточками.— Спасибо, Марина Владимировна, просто замечательный чай.

А Марина подумала: «Не чай же ты пришла дуть, черт побери! Ну, выкладывай же, наконец, зачем пришла?» Но гостья не спешила, смаковала маленькие глоточки чая и чему-то улыбалась, а когда поднимала глаза на хозяйку, огромные, черные, которые из своей бездонной глубины выплескивали такую тоску и обреченность, то у Марины леденело все внутри. «И что она такая? Все ведь у нее есть: и квартира, и дача, и дом за городом. Сын женился, отдельно живет. Муж бизнесмен, бешеные бабки приносит. И чем недовольна? А если ко мне претензии какие, то мне ее муж не нужен, я женатых мужиков не совращаю. Чужого мне, хоть убей, не надо!» Но бес изнутри снова напомнил Марине, как на даче, случайно оставшись вдвоем, Динин муж молча взял ее руку и нежно поднес к своим губам. Она не сопротивилась этому, только не знала, куда деть глаза. Смущаясь, Марина то устремлялась взглядом вдаль, где за резными макушками леса садилось солнце, то осматривала на столе наполовину съеденное кушанье, то опускала взгляд в наполненный шампанским бокал. Да, конечно, Виталий ей нравился, чем-то притягивал, обвораживал. Может быть, в какой-то прошлой жизни они были знакомы, или их сближал один и тот же знак зодиака? В этот вечер они просто разговаривали, шутили, а оставшись одни, замолчали. Марина высвободила свою руку и, склонив голову, стала рассматривать ее, будто бы Виталий не поцеловал, а поранил. Все тот же бес напомнил Марине, как в тот тягостный момент, она порывалась сама обнять Виталия, но где-то здесь была его жена с черными, как омут, глазами, и надо было сдержаться. «Быть может, она колдунья? И сразу поняла, что к чему? Только у колдунов и ведьм бывают такие глаза. Поэтому она сегодня здесь, чтобы защитить достоинство своей семьи и прочитать мне нравоучение, а может быть и набить морду. Только что-то эта мадам не торопится».

— Хорошо у вас, уютно, глаза отдыхают,— продолжала гостья с какой-то печалью и медлительностью.

— Да что вы! Бросьте! Теснота, старая мебель.

— Все равно уютно. Высокие цветы, столько зелени... это так экзотично смотрится.

А Марине вспомнилось, как Виталий снова взял ее руку и прикоснулся сухими, горячими губами. Тогда она все-таки прижалась к нему и услышала учащенное биевание сердца. И тут же замерла, испугавшись чего-то, будто воровала, забирая самое дорогое, самое нужное. И эти сухие губы, и стук его сердца забирали ее изнутри. Сосало под ложечкой, кружилась голова и, то ли от выпитого вина, то ли от чего еще, подкашивались ноги.

— Я люблю цветы, вот и выращиваю,— опомнилась Марина, заметив, что гостья договорила последнюю фразу и с интересом смотрит на нее.— Я их обожаю.

— Я тоже люблю цветы,— мечтательно отозвалась Дина Сергеевна и, опустив глаза, добавила,— я хочу, чтобы на моей могиле всегда они цвели.

Марина от неожиданности выронила чайную ложку. Она зазвенела, зацепив блюдце, и упала на пол.

— Ну что вы! Нам до этого еще далеко. Давайте чаю еще налью. Берите конфеты, зефир... Совсем ничего не едите...— засуетилась хозяйка дома, точно ее ударили тугим кнутом.

«С чего это она про могилу заговорила? С ума сойти! И какого черта она пришла? Что у меня своих дел нет, как только с ней сидеть чаи распивать».

— Марина Владимировна, вам нравится мой муж? — последовал конкретный вопрос, озадачив хозяйку еще больше. Но собеседница говорила об этом спокойно, разворачивая конфету, словно речь шла не о муже, а о какой-нибудь незатейливой вещице.

«Опа! Вот оно началось! Что ответить? Что она так смотрит? Как рентген, до самых печенок. Точно ведьма! Но надо что-то ответить этим колдовским глазам. Надо же! И слов подходящих нет».

— Дина Сергеевна, а фрукты-то кушайте...

— Вы не ответили на мой вопрос. Вам нравится Виталий, мой муж?

— Что ты, Дина! — переходя на «ты» и опуская отчество, повысила голос Марина. — С чего ты взяла!

— Знаю, нравится. Виталий не может не нравиться. Он всегда имел успех у женщин.

— Не... не...

— Я его тоже очень люблю.

— Н-не понимаю, зачем вы о нем? К чему все это?

— А что тут понимать? У меня больные легкие. Я умираю и хочу оставить вам своего мужа. Так мне спокойнее будет.

— Ты... ты... что, подруга, свихнулась?! Надо же такое придумать? — заикаясь и не владея собой, Марина вскочила на ноги.

— Да вы садитесь. Нельзя же так вспыхивать. Точно так же взорвался и Виталий, — и когда хозяйка снова присела на краешек кресла, Дина продолжала ровным, спокойным голосом:

— Врачи сделали все возможное, но результаты неутешительные. В лучшем случае, мне осталось несколько месяцев.

Гостья спокойно и хладнокровно смотрела на хозяйку дома. Черные глаза ее были непроницаемы. В них уже не было ни тоски, ни горести, ни уныния. Все скрылось в черном омуте колдовских глаз.

— Но... — Марина попыталась что-то возразить, как-то опровергнуть страшные слова собеседницы и, не найдя нужных слов, опустила голову.

— Я хочу, Мариночка, — все так же спокойно говорила гостья, — чтобы вы с Виталием были счастливы, как была счастлива с ним я.

— Но... но...

— Это моя последняя воля. Прощайте, — Дина Сергеевна поднялась и быстро направилась к двери.

Марина сидела подавленная и опустошенная, не в силах остановить гостью. Она, было, встала, подалась вперед, чтобы задержать Дину, обнять, прижать к себе ее худенькие плечики, но как это сделать, она не знала. Отяжелевшие ноги не хотели слушаться. «Какая она сильная, выдержанная. А я-то ее фифой называла!..» В прихожей захлопнулась дверь, и Марина осталась одна в надвинувшейся щемящей тишине, не в силах сойти с места. А за окном качали высокими верхушками тополя, доносились детские голоса, светило жаркое летнее солнце. И опять противный бесенок хохотнул изнутри: «Ну что же, бери, Мариночка, как подвезло! Тебе отдают Виталика! Бери же, бери!» — ехидно подначивал бес. Марина больно закусил губу, аж до крови, чтобы противный бес там, внутри, заткнулся. Она так не может, она так не хочет. Это не правильно! В ушах набатом звенели последние слова Дины: «Я хочу, чтобы вы были счастливы... были счастливы... были счастливы...» Слезы предательски подступили к глазам. Она хотела смахнуть их, но, не сдержавшись, разрыдалась, упав в кресло. Сквозь слезы она, как ненормальная, срывая голос, закричала, глядя на захлопнувшуюся дверь:

— Какого черта ты пришла!!!

Илья Луданов
(г. Узловая)

ПУТЬ

Имеет высшее экономическое образование (НИИ РХТУ им. Менделеева; ф-т «Экономика и управление»). Работает корреспондентом отдела новостей в ТК «Каскад» г. Узловая. Печатался в сборниках авторов местного значения. В Интернете можно найти в журнале «Органон», в интернет-журнале «Пролог». Состоит в интернет-сообществе портала «Что хочет автор», «Проза.ру». Издался в сборнике «Лауреат 2008» конкурса «ЗПР». В 2008 г. стал лауреатом литературного конкурса «Золотое перо Руси» (серебряная фарфоровая статуэтка в номинации «Интервью» за произведение «Ясный день»). Летом 2009 года выпустил сборник произведений «Ясный день».

Я проснулся с восходом солнца. Потом, открыв глаза, долго смотрел в окно. Я видел как за лесом медленно, но грациозно разгорается рассвет, небо становится ярче, как оттуда, где минуту назад ничего не было, исходит все больше света, пока диск солнца цвета жизни, не показался над верхушками чернеющих на его фоне деревьев.

Тогда я встал. Разогрев воду, заварил чаю, а потом, сидя на пороге дома в тишине рождавшегося дня, наблюдал, как все вокруг, вот-вот выйдя из тени, только и ждет первых лучей, что осветят этот мир, давая жизнь, пил горячий чай и думал. О своем — и обо всем.

Мне чего-то не хватало. Чего-то не сразу заметного, даже не видимого, но очень для меня важного. Без этого я не чувствовал свою цельность, будто часть меня была еще где-то, но звала к себе, и я очень, больше всего на свете, хотел найти ее, ощутить, что я — человек, и у меня есть все, что должно быть для жизни. Это, чего не хватало, было моим другом; оно, чувствовал, звало и вело куда-то, где я не был, где ничего не знал, но понимал, что чтобы получить недостающее, ощутить его в себе, надо обязательно пойти туда, и видел, что, оставаясь на месте, я останусь тем, кто я есть сейчас — со своими мыслями и своим будущим, и даже, как будет казаться, может быть, буду счастлив, но потом, когда уже мое время пройдет и я снова останусь один, пойму, что я не тот, кем хотел быть, я не то, чем желал себя видеть, потому как во мне чего-то не хватает — оттого что я раньше, когда мог, а главное — когда желал, не пошел тем путем, куда звала душа для того, чтобы обрести всего себя.

Как хорошо, подумал я, что я понял это сейчас, когда все впереди, и время будто есть, и я все могу. Надо было спешить, тянуло меня сильно, но я не торопился. Вздобрился холодной водой, вернулся в дом, решая, что же взять с собой.

Солнце окончательно поднялось, осветив все вокруг. Потеплело. Роса высыхала на глазах, когда я вышел из дома почти в таком же виде как когда сидел на пороге, лишь сменив обувь и взяв на первое время воды. Я не взял с собой ни вещей, ни оружия. Я знал, что должен вернуться и не собирался ни с кем воевать. Смысл моей

жизни был правдив и прост. Я хотел мира и знаний. И лишнее мне было ни к чему. Уходя, я дал себе слово, что надо обязательно вернуться к вечеру, до того как солнце скроется за другим краем земли и вокруг снова станет темно.

Когда ворота старого, мною же бесцельно заброшенного дома остались позади, мне вдруг стало не по себе — первый раз в жизни я уходил из дома. С каждым шагом становилось все страшнее, я все больше сомневался в том, стоит ли мне идти, и не лучше ли все оставить как есть. Не так уж все плохо и было, даже хорошо — тихо и мирно, и не остаться ли тем, кем я был, ведь таким я родился, и не мог вот так сразу себе сказать, зачем мне куда-то идти и почему надо изменяться, обретая что-то новое, чего мне вроде как не хватало. Но чувствам и мыслям хотелось большего и лучшего, и именно поэтому я назывался человеком.

Сомнения же не оставляли, и я даже чуть было не повернул обратно, стоя на пригорке, перед тем как повернуть за угол и потерять свой дом из виду. Но что-то тянуло, что-то звало и, хоть и вернуться было так легко и — знал — будет мне дома снова хорошо и тепло, я увидел, что тогда ничего не изменится, и я, оставив все как прежде, со временем почувствую, как дом мой станет для меня уже не тем; увижу, как он будет стареть, трещать и осыпаться, пока я тихо не уйду из него, став здесь совсем чужим, и не понимая, что он есть для меня. Представив все это, я отвернулся от дома и еще решительнее, еще смелее, хоть мой страх и остался со мной, повернул за угол и пошел.

Сначала было весело: светило солнце, пели птицы, дорога была прямая и даже чуть под гору, и будто сама толкала меня вперед, и я удивлялся тому, как все хорошо получалось, думал, что ничего страшного в этом нет и что так теперь и будет, и что я, найдя в себе силы уйти из дома, в награду за смелость получу ровную, до горизонта видимую дорогу без поворотов, прямую как стрела, и путь мой будет полон радости, и я получу все, чего хочу.

Так думал я пока не заметил, что солнце над головой светит не так уж ярко, да и дорога идет в гору. Впереди показалась полоска темной зелени, и скоро я стоял на опушке леса, в тени первых деревьев и смотрел на уходящую в темноту леса дорогу. Я подумал, что это как-то неправильно, не так как я представлял себе линию судьбы нового дня, и тут понял, что далеко не на многое я сейчас влияю, и правлю моей судьбой не я сам, и что здесь я по-настоящему один, даже если бы был в толпе таких же, как и я, и что вижу совершенную ошибку: я смотрел на свою дорогу под ногами, радуясь солнцу, что светило над головой и надеялся на лучшее, совсем потеряв из виду вопрос, куда ведет и куда может привести меня моя дорога. И теперь в совершенной растерянности я стоял перед темнотой неизвестного леса и не знал, как мне быть дальше и что делать. Снова сомневался и чем больше страх разрастался во мне, думал: а не остаться ли хотя бы здесь, здесь еще светло и вокруг хоть что-то видно, и там ли, во тьме, то, что я ищу и, может, это совсем не та дорога (больно уж внезапна и неприятна становится), по которой мне надо идти, если я уже раньше, только под ноги себе смотря, мог сбиться с пути?

Но тут я понял, что не знаю что делать, потому что делать нечего. Где я есть — там я и есть, и теперь не важно, сам ли я пришел сюда или меня привела судьба, но что есть, то есть, обратно не повернуть, время прошло, и надо идти. Стоя, я теряю свое время, а еще ни до чего не дошел, и дорога у меня теперь одна — вот она, впереди, и куда бы я не шел — все не зря, все мое, и надо верить — к лучшему, все всегда что-то даст, что-то свое принесет, нужное и неповторимое, и может быть, это и окажется тем, что мне нужно, или я когда-нибудь пойму, что искал именно это, а просто не знал того сначала, не было у меня опыта видеть.

В лесу было тише, и птицы пели другие и где-то далеко. Лишь на опушке с соседнего с дорогой дерева сорвалась сорока и диким криком оповестила лес о моем приходе. Хотя лес, казалось, об этом уже знал. Здесь было страшно, я ничего не по-

нимал, мало что видел, но с первых же шагов стало очень интересно и загадочно. Старая дорога часто петляла между массивами леса, все куда-то поворачивая, и часто, свернув, я уже не видел места где только что был. Я знал, зачем я иду, но не знал, куда иду и лишь догадывался, где нахожусь.

Лес, обступив, поглотил меня, и хоть с виду места все время менялись то березами, то соснами, то дубравой, все здесь было наполнено царившим вокруг влажным древесным духом, и я скоро привык к нему. По ходу своего пути я свылся с темнотой и тишиной, с внезапностью поворотов, резкими короткими звуками леса и манящей неожиданностью дороги. Даже больше: со временем я стал ловить себя на мысли, что начинаю понимать эту темноту и тишину, ощущать застывшее время и сам ход дороги, да и вообще — весь лес в целом, и могу объяснить себе, зачем это все здесь, так как оно есть, что я здесь и к чему иду. Я не знал, куда иду, но чем больше шел, тем лучше представлял себе место, куда должен прийти и даже будто узнавал его черты.

На пути встречалось очень многое и разное, и я никогда не угадывал — что, хоть и знал, что что-то быть должно, но чем больше изучал, познавал, тем больше понимал, и видел пользу и для себя, и для мира в каждом встречном дереве или кустике, бугре или яме, в любом порыве ветра или случайном и редком луче солнца, вдруг пробившемся через потолок листвы и на миг осветившим дорогу впереди. Я понял, что все здесь не зря, все это здесь было очень давно, все имело скрытую силу и истинные знания, и учило меня, когда я приходил к нему. Я только должен был хотеть ощутить и понять. Во мне должно было гореть желание дышать жизнью. И тогда я постигал.

Уверенно проложенная кем-то ранее дорога в поле и лесу, сворачивая и петляя, стала все больше зарастать, до меня пробитые стопами и колесами колеи исчезали, и скоро трава все окончательно скрыла, и я теперь ориентировался лишь по прорубленной в лесу просеке. В один момент дорога, постепенно исчезая в траве, растворилась в лесных зарослях и больше не подталкивала и не направляла меня, а я, не в силах вернуться, все шел, пока хоть как-то, по каким-то приметам и следам людей было куда идти.

Но вот впереди показался просвет, и я вышел на большую лесную поляну всю поросшую колючей малиной. И сразу заметил, что дальше поляны прорубленной просеки в лес не было, как не было дальше и никаких следов. Проложенная ранее старая дорога кончилась. Но пути назад не было, легко и потеряться и запутаться, и надо было либо оставаться здесь на поляне, где было и солнце, и тепло, или идти дальше в лес, где я ничего не знал, в еще большую темноту и неизвестность, туда, куда меня что-то, но уже тише чем раньше, тянуло, и где должно было быть то, чего мне не хватало.

На поляне было хорошо, и я присел отдохнуть. Только пить хотелось, а вода, что я взял с собой, заканчивалась. Я набрал горсть сладкой малины в рот и, разжевывая ягоды, зажмурился от удовольствия. Ягоды были в самом соку и придавали силы. Среди бушующих раскидистых кустов я вдруг наткнулся на большой, старый и гнилой пенек. И тут понял, откуда среди таинственного леса взялась эта светлая, греющая и полная сладкой малины поляна, на которой заканчивалась дорога. Это была огромная старая вырубка. Годами люди на тракторах и машинах, визжа пилами, валили здесь лес, обрывая рост вековых громадин и прочищая себе дорогу срезом тонкого молодняка. Потом люди ушли, и время стерло их следы. Остались только диски старых пней от тех деревьев. Среди них молодой лес разрастался очень неохотно.

На этом лесном кладбище теперь было так хорошо. На сколько хватало глаз, надо мной было единственное место в лесу, где светило солнце, грея прямыми лучами тело, и от этого окружающие края леса казались еще темнее. От уже некоторой усталости я прилег отдохнуть и немного разомлел на солнце, сидя на мягком, приятном и сухом мху.

Через некоторое время очнулся и сказал себе, что вот уже сколько прошло, солн-

це в зените, и скоро начнет склоняться к западу, а я еще не только ничего не нашел и не обрел, но даже не догадывался, что же такого, самого на всем белом свете нужного, мне найти надо.

Тогда я протер глаза, огляделся, встал и снова вошел в тень леса.

Стало еще тяжелее: никакого подобия дороги не было и в помине, все поросло самыми густыми, какие я только видел, совершенно невообразимыми зарослями, через которые надо было со всех сил пробираться, обдирая руки и царапая лицо. Было очень жарко и душно, с меня ручьями катил пот, и страшно хотелось пить. Со всех сторон приставали вечно голодные комары-кровососы, а чуть ли не на каждой ветке висящая паутина лезла в лицо, отвратительно прилипая к коже.

Так я продирался, двигаясь по ровной местности, но тут, когда кущи резко исчезли, и я было обрадовался концу мучений, вдруг почувствовал как куда-то проваливаюсь, даже лечу, и покатился вниз с крутого склона по крапиве и кустам.

Очнулся я на дне глубокого оврага в хлюпающей грязи, проклиная тот миг, когда решил вообще куда-то идти, и понял, что еще никогда не оказывался в таком гадком и низком месте.

Кругом было гадко, и вокруг ползали одни гады. Стало страшно, страшно при мысли, как я, всегда себя высоко держащий в прямом смысле, скатился так низко, и стыдно перед собой за ту наивную радость, когда увидев в стене кущей просвет, я, ни о чем не думая, ненужно торопливо рванулся вперед. Никогда я себя так плохо не чувствовал, но как человек многие годы мыслить себя заставляющий, вдруг... заинтересовался.

Интересно, подумал я, как ты, ко всему, казалось, готовый, по виду — далеко идущий, и по паспорту — самостоятельный, считающий себя вполне взрослым для того, чтобы идти в лес, поведешь себя здесь, как справишься, что победишь или перед чем-то сдашься, что придумаешь или чему ужаснешься, а главное — выберешься ли? Так что же делать?

Во-первых — встать!

Лежа в кустах в болоте на спине, я ощущал лицо и увидел на ладони вязкую смесь черного и красного — крови и грязи. Потом повернулся, оперся рукой на землю и привстал на колени. перевел дух и немного огляделся, насколько хватало глаз. Вокруг было очень тихо, и ни единый кустик не шелохнулся. Тогда я сделал еще одно, сложнее сейчас и такое легкое в обычной жизни усилие и, вздохнув и вздрогнув, встал на ноги.

Почувствовал себя слабым, грязным, больным, но живым и все же свободным. Увидел впереди струившийся тонкой лентой ручеек, растекавшийся под ногами в лужу грязи, и пошел по низу оврага, вдоль ручья.

Чуть пройдя, увидел бьющий в стороне из-под земли родник, нагнулся, и стал долго и жадно пить. Полегчало. Ноги крепче стояли на земле, и я пошел быстрее и увереннее. Идя вдоль потока воды, я должен был хоть куда-то прийти и, правда, в конце концов, вышел к небольшому лесному озеру. Воды в этом озере было хоть и много, но от застоя она вся испортилась, покрылась ряской и травой, и эту воду не то что пить, но даже мыть руки в ней было противно.

Озеро находилось как бы на дне огромной чаши. От всех ее берегов вверх шли крутые склоны подъемов и, чтобы продолжить путь, надо было обязательно карабкаться по склону наверх. Не то чтобы выбора совсем не было, но любой из вариантов был подъемом: положе или круче, но тут хоть деревца, не колючая малина, не жгучая крапива и не склизкая почва под ногами, да и посуше кое-где, и коренья. И не обойти, и назад никак — еще там, в овраге поклялся не возвращаться, пока не поднимусь — и думать, думать надо, на какую кручу карабкаться. Тут не ошибиться надо, тут возможностей не так и много, тут упал, так второй раз можно и не подняться —

силы человеческие не бесконечны.

Но подкупила все же пологость справа: не так круто, и хоть и трава, не ветки, но того же света как будто больше. И я полез. Все силы собрал и полез, только не остаться бы, только бы не в болоте, только б без жижи под ногами, там где нет вони, не вместе с гадами ползучими, не среди уродов. Вон сколько их тут: и не все, вроде, мерзкие, а глаза — скользкие, предательски холодные. Этим гадам болото их кажется центром мира, прекраснейшим местом на Земле; им и света не надо — хладнокровным, они на солнце ссыхаются, задышаются, свет их слепит. Но я-то болото от чистого поля и свежего ветра, слава богу, отличаю, а потому — лезу, карабкаюсь, руками землю загребаю...

Но просчитался, не угадал. Не земля подвела — за стебелек маленький, полусухой схватился, на неживом — доживающим — удержаться решил, и слету — вниз снова, в болото, в грязь, к гадам.

Как очнулся и не помню, вода видно в нос затекать стала, дыхание, на вздохе, прервалось, тут уж не сила, сама жизнь на дыбы встала, взбунтовалась, и рывком вытащила из воды, на берег, на склон, и руки и ноги шевелиться заставила, а голову — думать.

Полежал, пришел в себя, снова встал. Подумал, что просто повезло: как головой не на камень, как не захлебнулся, как на ноги встать смог?..

Но встал, вдоль по берегу прошелся, гадов, шипящих и трещащих, послушал, и даже смешно стало над собой; нервический такой смешок. «Дурак ты, — говорю себе, — что ж ты, простак, полез туда где ниже? Лезть-то надо туда, где ухватиться есть за что».

К другому склону подошел, вверх посмотрел — и высоко, и круто, но и деревца, и веточки, и корни торчат из-под земли — как-никак помощники верные мои. Но и тут не сразу полез, присмотрелся, как лучше ногу куда поставить, за какой корень старый рукой зацепиться, за какую ветвь ухватиться, как ползти лучше — не по прямой оказалось, а извилисто надо. Даже наверх прямой путь оказался не всегда верен.

Не было бы внизу болота, махнул бы не глядя, а тут и так сил нет, и время заканчивается — кто знает, сколько у меня времени осталось? А тут идти надо, не сидеть. Хорошо это слишком — сидеть, заснешь тогда среди мерзости, в болоте; так можно и не проснуться.

Одну руку сюда, ногу вот здесь, шаг за шагом, метр за метром, в землю вжимаясь, света не видя. Тяжело, боже, как же все так тяжело! Кто бы мог подумать? Я себе и представить не мог, как страшно и тяжело может быть. Кажется, никогда это не кончится, и ты вот сейчас не выдержишь. Особенно один. Гады болотные вокруг одни только.

Снизу смотрел — высоко было, когда лез впереди ничего не видно, да и сил не было смотреть, а только думал, как еще шаг сделать, продвинуться как. И не заметил, как подъем кончился, и вот я вдруг и сам наверху, на ровном светлом месте сижу, руки и лицо об траву вытираю, и — дышу, дышу чистым, свежим, ароматами цветов и лесных смол, пропитанным воздухом. Как же хорошо! Руки не двигаются, ноги от усталости не ходят, но как же хорошо после подъема, после грязи всей этой, подняться и вздохнуть, лечь на землю и смотреть на небо, сил для дальнейшего набираясь!

Сколько лежал, не помню, не до счета времени было, но как встал с облегчением, как только вокруг посмотрел, так и понял, что понятия не имею, где нахожусь, совершенно не представляю, куда идти, и так устал, так вымотался и столько всего насмотрелся, что теперь хочу только одного — домой.

И уже не до чего, не до того, что было, и не до того, что так искал и обрести хотел, дела не было, а только до дрожи жутко домой хотелось, в духом Родины пахну-

щие места, к той земле, от которой тепло, к тому ветру, что так свеж, к зеленой траве, к чистой воде, к жаркому огню, к уюту дома, к месту, где я был самым собой, где всего хватало, и ничего не надо было, и где я видел себя свободным и счастливым.

— Господи, вот оно, вот! — сказал я себе. — Что же это я раньше до этой простоты не додумался? Все время о чем-то себе думал, все какие-то вопросы и проблемы решал, все кого-то слушал и с кем-то спорил, а самого главного и такого ясного не понимал! Как же это я?

И что же теперь? Не знал зачем и к чему идти, но чувствовал куда мне надо, и шел, и ноги несли... Куда идти — знаю, зачем — понимаю, а идти не куда, вокруг все — одно, все массивы, все деревья, все места, и сторон света я не вижу здесь. Я долго стоял и думал. Только не вниз и не вверх мне, не сидеть и не кружить, прямо идти надо, только прямо, и ни за что не сворачивать, четкий вектор должен быть. И дорогу искать надо, если сам не знаешь куда идти. В лесу любая дорога куда-нибудь выведет. А дорог по склонам и по болотам нет. Только по земле. Значит, прямо — просто прямо.

Вслух себе повторил, подтвердил, и пошел. Снова кущи густые, сушняк, бурелом, но проходить теперь их легче, я уже знал, как здесь надо идти, как с крапивой обходиться, как за колючки не цепляться. И комары кусали и мошка в глаза лезла, и паутина липла, но насколько теперь это было легче, когда привык этому, что и внимания почти не обращал... И шел все быстрее, и хоть и дороги не было, не малые расстояния пересекал, единое направление находил по стволам деревьев, по длине ветвей, а главное, чутьем, знаниями, что обрел, и опытом, что пришел ко мне со временем. Овраги переходил по стволам упавших деревьев, по лесу шел как можно тише. И прямо, не сворачивая, по заданному себе направлению.

А как сомневался! Сколько гадал: не ошибаюсь ли? Как свернуть хотелось туда, где лес реже, где казалось просветов больше. Но чувствовал, не скоро еще конец леса, не конец еще моему пути, и не так вот тебе все и сразу. Дорогу найти ты еще должен. Не видел я ее и не знал, есть ли она и где, но верил, что должна быть, не может ее вот так просто не быть, не для того я столько прошел, столько в себе и для себя открыл, чтобы теперь заблукать здесь и погибнуть среди нескончаемых деревьев и кустов. Не справедливо это, не по той, высшей, справедливости... Польза еще должна быть, если жив.

И вышел. Не увидел, а просто света вокруг стало больше и под ногами земля тверже. Хорошая дорога — проезжено, протоптано. И повеселело, полегчало, понял, что не зря все, все для дела.

Идти вот только куда? «Никого слушать не буду, — решил себе строго, — доволились, добегались, допрыгались... ни на какой луч света или тень впереди не куплюсь! Нагляделся, набродился! Себя слушать! Только себя! Свой голос, голос божий внутри. Ни на что внимания не обращать, тут и свету и солнцу доверия нет, столько фальши!»

И повернул. Не куда-нибудь, а так, просто, куда захотелось, где самому показалось. И пошел, не быстро и не медленно, как самому лучше было, чтобы все узнать, важное понять и нужное запомнить.

Вспоминал я теперь, что и учили, и говорили, и даже читал я об этом, и ощутил, и внял, и помогало во многом, но вот в самом главном, пока сам носом не ткнулся, в кровь пока не разбился, не ошибся, не упал, а потом не поднялся, не увидел, где свет, а где тьма, где дьявол, а где ангел, где ложь, а где правда, где истина моя — ничего так и не понял.

И шел теперь к счастью, к идеалу, где все — оно. Без вмешательства со стороны, без влияния извне. Без отклонения, без предпочтений, без привычек и без подчинения. Свободным в окружающем мире и с верой внутри. Мне не надо было как-то ид-

ти, с кем-то и в чем-то быть согласным, чтобы шел я туда, куда хотел. Внутренне я был с собой, и в этом была вся правда. Правда была в свежем ветре, в синем небе, в теплом солнце; в простоте и смысле; в душе и разуме.

Скоро, и снова для себя неожиданно, я вдруг вышел из леса. Впереди до горизонта стелилось чистое поле, и я, задохнувшись от этой чистоты пространства, побежал по нему. Невдалеке, на самом пригорке, рукой подать, я увидел мой родной дом. За ним, выводя контуры крыши и стен, садилось солнце. Я смотрел на мой дом за сегодня уже второй раз, но теперь совсем другими глазами.

Немного пройдя вперед, я оглянулся на лес. Верхушки крон краснели на закате. В глубину леса уходил неизвестная темнота. Я сказал ему «спасибо». За все: за грязь и рвань, за падения и подъемы, за острые камни, за втягивающее болото, за темноту и за тишину, за редкий, но сладостный луч солнца сквозь ветви, за родник воды среди непролазных, неизвестных кущей... Ты был строг и суров, но ничто большему меня не научило, чем твоя вопрошающая, требующая неизвестность. И за это — спасибо тебе. Тихое, ясностью отвечающее спасибо.

Я смотрел на дом перед собой и шел к нему. Никогда я не чувствовал себя лучше. Сколько же надо пройти, чтобы научиться дышать? Сколько понять, чтобы почувствовать вкус свободного ветра на губах? Всем существом своим ощутить наличие в жизни смысла? Не понять, не узнать его — почувствовать!

И не важно, сколько шагов до дома, что передо мной — я уже видел себя в нем. Видел, как подхожу к стареньким воротам, как рукой земли касаюсь и чувствую тепло этой земли.

Я дома. Наступил вечер и я вернулся. Успел. Чувствую тепло моей земли, дыхание знакомого ветра, кожу ласкает приветливый луч солнца на закате. Много в этом дне было, потому что пошел — не остался. Он — как кусок жизни. Много прошел, никогда столько не ходил. Сколько чего видел — не пересказать, сколько чего познал — словами не передать.

Здесь для меня что-то изменилось, и не то что стало другим, а как-то я сам себя здесь не так как раньше теперь ощущал. Стал искать чего раньше не хватало, за чем, казалось, и пошел, и — не нашел, но не потому что этого нового не было, а потому как все настолько сильно наполняло меня, и так все переменялось, что увидеть и выделить хоть что-то бы невозможно. Я был полон, насыщен, и без прошлых изъянов. Я улыбнулся — это было так важно.

В доме кто-то был. Я никого не встретил, но ощущал его присутствие во всем окружающем. Этот мой друг — в нем я не сомневался — еще не пришел, он был еще в пути, но уже чувствовался здесь, все для него было готово, и я ждал его появления в своей жизни. Слишком долгим было одиночество. Я воссоздал и восполнил себя, был свободен, но по-прежнему одинок, и не кому было сказать все о чем я думаю, и я помнил о нем, он был мне нужен, я представлял его себе и ощущал его рядом.

Я сел за стол, достал бумагу, взял ручку и подумал о том, что если когда этот друг появится в моей уже более полной жизни, мне будет что сказать ему, или дать прочесть.

ПОЭЗИЯ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

PERSONALIA

Наталья Валентиновна Квасникова родилась в городе Абакане в 1963 году. Очень скоро родители переехали в Кострому, а затем в Москву, где окончательно обосновались на педагогической почве. Самые активные годы формирования личности, то есть с 3-х до 14-ти лет, провела на берегах Волги, которую преданно любит и считает своей поэтической крестной. В настоящее время преподает физику в московском политехническом колледже, а в остальное время уделяет много внимания литературному творчеству, пишет стихи, статьи и рассказы. Член Союза писателей России, член Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат одноименного журнала по итогам 2008 года, лауреат Литературной премии имени А. С. Грибоедова, автор трех книг и различных публикаций, в том числе в «Приокских зорях», «Антологии современной поэзии», том 2, и в «Антологии современной прозы», том 1. В данной подборке стихов рассказывает о дорогих ей местах, людях и немного о себе.

ВОЛГА

Дрались две чайки на просторе,
Не поделив попутный ветер.
Они недолго были в ссоре
И помирились, не заметив.

Затем они летели долго,
Синхронные в своих движениях,
А солнце вызвездило Волгу
Лучей дробленным отраженьем...

А Волга так широкоплеча,
Глядит крестьянкой Аргунова.
К ней, точно муж, приходит вечер
И красной шалью дарит снова.

* * *

До слез благодарна России,
Что именно в ней родилась,
За яркость неистово-синих,
По-русски распахнутых глаз,

За то, что живу по-московски
И слово родное люблю.
Я знаю твои перекрестки
И кланяюсь в пояс Кремлю.

Я — здешняя. В этом и счастье.
На Красную площадь приду
Не в гости, и в звездах парящих
Свою отличу я звезду.

* * *

Александровский сад порыжел.
В нем гостит моложавая осень.
Сочной зелени вышел предел,
И ее уж деревья не носят.

Ветер смеха бушует кругом.
Дети, говор, влюбленные пары.
Магнитола поет за кустом,
Или слышится голос гитары,

И фонтан все звенит, как струна,
Устремляется радуга в воду...
А какая ждала тишина
Здесь, должно быть, в военные годы!

ПОРТРЕТУ ПРАДЕДА

Николаю Ефимовичу А.

Расскажи мне о своей
Неизвестной жизни.
Сколько грешных было дней
И — без укоризны?

Много, много ты успел.
Мне запало в душу,
Что мальчишкою в толпе
Ленина ты слушал,

И последнего царя
Видел ты, не прячась.
Усмехался, говоря,

Как он был невзрачен.
Мне поведай о себе,
Чтобы длилась память,
Две войны в твоей судьбе,
Фото в узкой раме...

БАБУШКА

*Памяти Аксеновой
Ольги Николаевны*

Из неба выпала звезда
И чиркнула в ночи.
Сказала бабушка тогда,—
Мол, человек почил...

И стало мне не по себе,
На сердце дождь пошел.
Стеклянный груз всеобщих бед
На плечи лег, тяжел,

А бабушка, меня поняв,
Ладонью хлоп о стол!
«Не хнычь» — сказала, сбросив шарф,
Не тем поможешь, мол...

Достала шашки, и затем,
Азартны и легки,
Всю ночь мы с ней,— от всех проблем,
Играли в поддавки.

* * *

Мама девочкой была...

У открытого окна
Летним вечером она
Пела в комнатке своей:
«Соловей мой, соловей!..»

Часто бегала тайком
По морошку босиком.
Ножки бедные соьбет,
Но морошки полон рот...

Мама девочкой была...

Как увяжется порой
Вслед за старшею сестрой,
Как ребячью их гурьбу
Занесет на Тошибу...

Ребятня купалась в ней
Меж бурунов и камней,
И ярилась, как судьба,
Злая речка Тошиба.

Мама девочкой была...

* * *

Картина дочери моей,
Заря весенняя на ней.
Щемящей юности полно
В горячих красках плотно.

Картина дочери моей.
Играет радуга на ней,
Короткий дождь уже забыт,
И город солнечно блестит.

Картина дочери моей.
Вдруг что-то изменилось в ней.
В два цвета кроткий натюрморт,
Салфетка с кружевом и торт...

* * *

Вновь — весна... неровной погоды промахи,
Молод ветер, лжет нагло вато,
И почти звучит аромат черемухи,
Будто голос, чуть хрипловатый.

Вот летит скворец, серебрится по черну,
Счастье посвистом призывая...
Я приглядываю за юной дочерью,
По себе сужу, как бывает.

* * *

Я ночь люблю за синий снег,
Фонарные столбы,
Бросающие круглый свет
Оттенков голубых.

Люблю я ночь, когда цвета
Весенние чисты,
Окрошкой мелкого листа
Обрызганы кусты.

Когда звучит из зрелых трав
Июльский звон цикад,
Люблю я звезд высокий нрав,
Сменяющих закат.

Я осенью люблю в ночи
Щекастую луну,
Листву, что, падая, звучит
Сквозь мглу и тишину.

АРБУЗ

Всходило воскресенье,
И зыбилась с утра,
Хоть день стоял осенний,
Упрямая жара.

Арбуз мы ели сочный,
И сок его проник
Не только в эти строчки,
Но в душу напрямик,

А был он темно-спелый
И сладостно краснел.
Я лучшего не ела
За весь земной удел.

Наталья Мурко
(г. Тула)

ТИХО БРОДЯТ СУМЕРКИ

Наталья Мурко, выпуск ТулГУ 1996 года, строительный факультет, отделение ТГВ, профессиональный журналист, печаталась в региональной периодике «Аргументы и Факты» в Туле, «Тульские Известия», «Труд» в Туле, редактор газеты о культуре и искусстве «Ярило». Родилась в 1973 году на полуострове Камчатка. Стихи и проза публиковались в альманахе «Тула» и газетной периодике. Готовится к изданию поэтический сборник стихотворений. Есть уверенность, что литературные поиски Натальи найдут отклики в сердцах читателей, потому, что это искреннее. Безусловно, здесь каждый сможет найти и что-то свое, близкое и понятное только ему одному.

* * *

Тихо бродят сумерки
В городе ночном,
Фонари сутулые
Мокнут под дождем.

То ступают переулками,
Медленно скользя,
То ведут шагами гулками,
Где ходить нельзя.

Или знают тропы тайные,
Нет для них преград,
То, как странники случайные,
В окна застучат.

И нежданный и непрошенный
Будет чей-то гость.
Плащ промокший, на пол сброшенный,
Глянцевый, как дождь.

* * *

На всем печать воспоминаний,
Во всем познания печаль.
Мне больше ничего не жаль,
Теперь я не боюсь изгнаний.

Угрюмый путник одинок,

Разбиты, кровоточат ноги.
Прошел он множество дорог,
Но больше не зовут дороги.

Дождем осыплется айва
На дно иссохшего колодца.
Пришла пора за лучик солнца
Вернуть земле ее права.

МАХАОН

Большая бабочка, зеленый махаон
Ко мне летит и крылышками машет.
На небесах хрустальный перезвон,
И все прекрасно в королевстве нашем.

Залит багровой краской небосклон,
В тени упрятался сезон ромашек.
Я не тоскую, я не тронут, не влюблен.
И умирать, мне кажется, не страшно.

Вот только тишина со всех сторон
А время — развороченная пашня,
И только будто музыка иль стон —
Большая бабочка, зеленый махаон.

ПОЛЕТЫ В КОСМОСЕ

Если б не было звезд,
Мир сошел бы на нет,
И давно был бы
Просто разрушен.
Снова падает тихо
Мерцающий свет
На мою
Обожженную душу.

Пусть врезаются звезды
В расплавленный мозг,
Твой полет
И последний и первый.
И пусть капает медля
Растаявший воск
На мои напряженные нервы.

И наверно пройдет
Даже тысяча лет.
Я сорвусь, я раскаюсь,
Я струшу,
Только звезды лить будут
Свой медленный свет

На мою обнаженную душу.

* * *

Снова буду один в пути,
Вслед за мною увяжется ветер,
И я долго буду идти,
И усталый усну на рассвете.

А приснится мне, как на заре,
Пробуждаются серые нивы,
Путник, спящий на пыльной траве
Под кустом придорожной крапивы.

ВЕТРОНОМЫ

Есть у ветра свои привычки,
Вот и я непутевый такой,
То меняю ключи на отмычки,
То не помню дороги домой.

Ищут ветра в пути ветрономы,
Изучают его следы,
От вокзалов и аэродромов,
До куда-то упавшей звезды.

Есть у ветра свои заботы
Расправлять кораблям паруса,
Крылья мельниц крутить в охоту,
И гулять по полям и лесам.

Снова просится сердце в дорогу,
Ветер в поле легче найти,
Ветер в спину — большая подмога,
Ну а все-таки — он впереди.

* * *

Я тихо ухожу,
Почти что не спешу,
Мне не куда спешить.

Туда где снег лежит,
Все на ветру дрожит
И нечем дорожить.

Я после расскажу
Как призрак поброжу,
Скупая рвется нить.

Не вам принадлежит.
Не вами саван сшит.
И некого винить.

Владимир Резцов
(г. Тула)

СОНЕТЫ
(1979—1981)

СОНЕТ № 1

Что я нашел в тебе — и сам не знаю.
Как просто было жить мне не любя!
За что теперь таким огнем сгораю?
Зачем случайно встретил я тебя?

Удачливым любовь дарует силы.
Не повезет — она смертельный яд.
Одна за муки — мавра полюбила,—
Меня ж любить, страдальца, не хотят!

Что б я ни делал — мной пренебрегают;
Уйду — легко забудут. Плох роман!
Моей любви она не принимает.
Судьбой мне, видно, жалкий жребий дан.

Но, пусть порой в слезах моя подушка,
Я не сопьюсь из-за тебя, свистушка!

СОНЕТ № 2

Я видел сон нелепый и прекрасный:
При лунном свете среди бела дня
Мне встретился в лесу зайчонок красный;
Задумчиво смотрел он на меня.

Я видел, как к заснеженной вершине,
Стремясь, бежала горная река.
Я видел пальму, росшую на льдине,
И Драйдена в воротах «Спартака».

Смеялись птицы радостно и звонко,
А медвежонок пел: «Я встретил вас...»
И маленького красного зайчонка,
Прижав к груди, я от лисицы спас...

Весенней сумасбродною порою
Приснилось мне, что я любим тобою.

СОНЕТ № 3

Японец рубит груды кирпичей
Шершавою мозолистой рукою.
А мне не подобрать к тебе ключей,
Ты от меня за каменной стеною.

Попробуй-ка ее преодолей!
Японец, попытайся, ты двужильный...
Напрасные потуги, дуралей:
Где нет любви, там каратэ бессильно.

Не разломать тех дьявольских замков,
Вовек не распахнуть заветной двери;
Бездушную, как камень, нелюбовь
Не разнести ударом «маэ-гэри».

Но без любимой как на свете жить?
О, только б эту стену мне пробить!..

СОНЕТ № 4

Тупая боль всему наперекор
В моем мозгу предательски засела.
Я голову бы сунул под топор
Лишь для того, чтоб только не болела!

В груди пожар губительный возник,
Отчаянием душу опалило.
Я сердце дал бы насадить на штык
Лишь для того, чтоб так оно не ныло!

О милости бессмысленно просить.
Исход печальный мне легко предвидеть.
Я б дал себя охотно ослепить,
Чтоб больше чудных глаз твоих не видеть!

О, как бы я хотел, чтоб не страдать,
Вселенною бесчувственной стать!

СОНЕТ № 5

Весною мне коварная природа
На раны густо посыпает соль.
Я не люблю весну. Боюсь ее прихода.
Она всегда мне причиняет боль.

Мне горькое давно постыло зелье,
А сладкий вкус, к несчастью, незнаком.
Страшит неотвратимое похмелье,
Прощание с волшебным, дивным сном.

В десятый раз — и все одно и то же.
В груди иссяк запас душевных сил.
Пусть страдает тот, кто помоложе,
А я свое, как видно, отлюбил.

Летите мимо, радужные сны!
Я ухожу. Устал я от весны...

СОНЕТ № 6

Ты, что дороже жизни мне была,
Ты, что давала пылкие обеты,
Зачем в мужья немилого взяла?!
Кольцо на палец, как петля, надето...

Пью за тебя, продажная любовь,
Хотя скрывать приходится тошноту!
От омерзенья стынет в жилах кровь,—
Я лишний гость на свадьбе по расчету!

Предавшая подруга!.. Бог с тобой...
Уйду с дороги, зла не пожелаю,
Хоть не смогу забыть измены той,
Кого любил, а ныне презираю!..

Но на обмане сам себя ловлю:
Я презираю ту, кого люблю...

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Я РОДИМЫМ РАЗЛИВОМ ДЫШАЛ

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в семье военного летчика-фронтовика. Отец погиб в 1954 году во время учебных полетов на МиГ-17. В 17 лет пошел работать. Окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Служил в армии. Вернувшись на гражданку, работал на фабрике и заочно учился на филфаке пединститута. Около тридцати лет трудится в городской газете. Член Союза журналистов с 1984 года. Вышло десять поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора». Член Союза писателей России с 1993 года.

* * *

Я родимым разливом дышал
Я глядел на раздольные воды.
За душой у меня — ни гроша.
Но в запасе — бесценные годы.
Над волнующим блеском волны
Все хотел разглядеть ваши лики.
Ни богатым не стал, ни великим.
Снится жизнь — от весны до весны.

ВОЛКИ

Уходили волки от погони
На осенней утренней заре.
Каждый в стае, словно вор в законе.
Шкура в озаренном серебре.
Никогда охотником я не был.
Не ловил в прицеле чей-то страх.
Все мы волки под печальным небом —
Лишь свистит вселенная в ушах.

ОТЕЦ

Отец, ты карьеристом не был.
И в летчиках — кто карьерист?
Свистел твой МиГ-17 в небе.

Я с детства помню этот свист.
И что тебе азарт карьеры,
Коль сходу в глубине небес,
Ты звуковые брал барьеры —
Старлей советских ВВС.

МЕТРО — 2003 ГОД

Когда гламурное лярво —
Стране знакомые все лица —
Сплетясь в бесстыдный хоровод,
С размахом царским веселится,
В проходе стольного метро
В полубезумье алкогольном
Десантник спившийся Петров
Ползет по грязи, как по полю.
Дым поражения над ним.
Резвятся богачи и лярвы.
Ползет солдат, ползет к своим...
Своих — ни спереди, ни сзади.

УДАЧА

Брал за хвост я удачу,
Но вырывалась удача.
Улетала она —
Золотого сиянья порыв.
Может быть я об этом
Когда-нибудь
Тихо заплачу,
Стариковские слезы
На старый пиджак уронив.
Эти слезы
Я с детства запомнил.
Так плакал
Мой дядя укромно,
На вечерний приступок
Веселого дома присев.
Пел Утесов о море,
Любимец, тех лет
Всенародный,
И шумело застолье
Во всей повоенной красе
И в какой там старик
Изболелся тоске и тревоге —
Было мне не понять.
Но я видел в тот вечер остро,
Что сиял рядом с ним
Луч закатный

САНТА ЛЮЧИЯ

Дорога гудела.
Сквозь тьму неся гул.
Любимая пела,
Чтоб я не уснул.

И в дали ночные,
Болидом свистя.
— О Санта Лючия —
Давил скоростя.

Мы смерть проскочили —
Не раз и не два.
О Санта Лючия —
Сияли слова.

Но все отлучилось
В свой срок навсегда.
— О Санта Лючия —
Сгорела звезда...

* * *

За городом — на поля,
Словно тяжелый лист,
Брезент растянуть моля,
Падал парашютист.
Вечерняя синева.
Осенних синиц пересвист.
Утром прошла молва —
Разбился парашютист.
У всех есть такой момент
С разницей лишь в одном:
Кто-то кричит про брезент,
Кто-то молчит о нем...

* * *

Говорите
Прямо,
а —
не вроде.
Все равно ли
трезвый,
во хмелю —
я люблю
туман и дым
В природе.
В остальном
я это —
не люблю

Ольга Бугримова
(г. Тула)

БЕРЕГИНЯ

Дипломант Всесоюзного смотра народного творчества за цикл стихов на патристическую тему. Многие годы работала заведующей библиотекой, награждена нагрудным знаком «За заслуги в культуре» Министерства культуры России, автор книги «Ива неплакучая».

БЕРЕГИНЯ

Ты была ему женой и другом.
Вдохновеньем, музыкой, весной.
На тебе все замыкалось кругом,
Но Вселенной был супруг Толстой.

Ты его талант оберегала,
И в тени у гения жила.
Славы громкой вовсе не искала
Берегиня, графская жена.

Он роман творил, ты создавала
Мир покоя, теплоту, уют.
И друзей его обогревала,
Находивших у тебя приют.

Секретарь, советчица и критик...
Столько разных лиц в одной судьбе.
Мудрая София и политик...
Мир его принадлежит тебе.

ГОВОРЯТ: СЕРЬЕЗНА И УМНА

Говорят: серьезна и умна,
И талантами Господь отметил.
Почему же, люди, я одна?
Кто мне на вопрос простой ответит?

Мне советуют попроще жить,
Изредка схитрить для пользы дела,

С сильными для выгоды дружить,
Вокруг пальца обвести умело.

Дураков при власти лишь хвалить,
И «лизнуть» уметь порой, где надо.
И тогда не буду я хандрить,
Что со мною нет кого-то рядом.

От советов этих я в тоске.
Лицемерить я не научилась.
И «лизать, где надо», не по мне.
Ну, такой вот гордой уродилась!

Углубившись в множество дилемм,
Долго я над ними размышляла
И решила: лучше быть ни с кем,
Чем со многими, но с кем попало.

ДИАЛОГ СО СТАРОСТЬЮ

Если старость в окно постучит,
Не застигнет меня в одночасье.
Знаю, Музой во мне зазвучит.
И осенним, вдруг сбывшимся счастьем.

И старуха при встрече со мной
Вмиг поймет — здесь о ней и не слышно.
Извинится: «Идти на покой
Тебе рано. Ошибочка вышла».

Я ее не пушу на порог
И не дам ей в себе развернуться.
Упрекну: «Мало ль в свете дорог,
Пред тобой, где готовы прогнуться?»

Ты со мной не веди диалог.
Пред тобой не ропщу я смиренно.
Помогают мне люди и Бог,
И все добрые силы Вселенной.

А душа, затерявшись средь звезд,
Вольной птицей захочет остаться.
Запрещаю за тысячу верст
Тебе, старость, ко мне приближаться!»

Диана Кан
(г. Новокуйбышевск)

ИЗМЕЛЬЧАЛИ МЫ, ИЗМЕЛЬЧАЛИ...

Кан Диана Елисеевна — член Союза писателей России, автор сборников стихотворений «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Обреченные на славу», а также многих публикаций в московских и региональных изданиях России. Лауреат всероссийских литературных премий. Живет в Самарской области.

* * *

Измельчали мы, измельчали...
Мы не те, что были вначале.
Где косая сажень в плечах?
Где Перунов огонь в очах?
Где предания отчего края?
Расклевала картавая стая...
Где любовь, что веками нам снилась?
Триаршинной косой удавилась.
Алой лентой кровь утекла...
Вот такие, мой друже, дела.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.
Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»
Это что ж за любовь, идущая
Из библейских темных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?
Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.

Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.
И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же кинжал и маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»
Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся — жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Пора отрешиться от чепухи —
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.
Был ввысь устремлен белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора — и осенний налив
Строптивые ветви склоняет.
Часами над милою Волгой-рекой
Сижу — само благонравие.
Неужто надо — за упокой,
Чтобы закончить за здравие?
Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрога.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.
Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздья.
А там, где была я еще вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

*«...Разве можете перестоять нас?.. Ибо имеем мы
пищу от земли...»*

«Повесть временных лет» о белгородском киселе

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрыляется Русь.
Православная русская вотчина —
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина — речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.
Здесь разбойные тропы найдены...

Не зазорно здесь — так твою мать! —
Заявляться незванно-непрошенно
За семь верст киселя похлебать.
Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.
Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.
Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взащей.
Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?
Ну так что ж?... И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, неулыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.
Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку включь.
Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.
...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

ВЬЮЖНАЯ СОНАТА

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слез,
Бредет по оренбургским тихим улочкам,
Бредет-бормочет странное под нос.
Никем еще ни разу не целована

И ни в кого еще не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходившая с ума.
В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжною вуалью пряча взгляд,
Она бредет, наивная и мудрая —
Совсем как я так много лет назад.
Она бредет навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стежки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит: «Что хорошего?..»
И снова я ответить не смогу.
Сейчас свернет с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стежек снежных вязь...
В таинственное-странное-рассветное
Уйдет, в сонате вьюжной растворясь.
Стишками, между стежек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими
Она не озабочена пока.
Она бредет, покуда безымянная...
Она не знает, как она слаба!
Она в бреду бормочет что-то странное —
Еще не рифма, но уже — судьба.
И некому сказать наивной дурочке,
Пока ее мечтания тихи,
Пока пустынны утренние улочки,
Что это — гениальные стихи!

Евгений Семичев
(г. Новокуйбышевск)

КРЕМЛЕВСКИЙ ОБЕД

Семичев Евгений Николаевич — член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Российский развилоч», «Соколики русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх» и др. А также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Лауреат всероссийских литературных премий. Живет в Самарской области.

* * *

Кремлевский обед
Я вспомнил полустанок свой,
Затерянный в степи.
Бачок вокзальный питьевой
И кружку на цепи.
Такие были времена —
Душой не покривлю —
Была прикована страна
К Московскому Кремлю.
Переживала моя степь
Наследие войны...
Потом и с кружки сняли цепь,
И сняли со страны.
Я вспомнил детство, дурачок,
С печалью на челе,
Когда увидел тот бачок
На празднике в Кремле.
Чем он меня затронуть смог
Весенним ясным днем?
Ведь в нем все тот же кипяток,
Заваренный Кремлем!
И только не было цепи,
Как будто с детством связь
В послевоенной той степи
Навек оборвалась.
Официантов стройный ряд,
Застывший вдоль стены.
У этих праздничных ребят
Лицо моей страны.

И одноразовый стакан
Дрожит в моей руке.
И пролетарии всех стран
Глядят на Кремль в тоске.
Кремлевский праздничный обед
В глазах моих застыл,
Как белый вольный Божий свет,
Что в детстве красным был.
И я своей душе сказал,
Что это торжество
Напоминает мне вокзал
Из детства моего.

* * *

Над вселенской бездною
Голуби воркуют...
Подражают бездари —
Гении воруют.
И Шекспир загинул бы
В пламени Аида,
Если бы не кинул бы
Драматурга Кида.
Если б он не выиграл
В карты свои пьесы,
Кто бы где бы видывал
Этого повесу?
Чем плохим родителем
Пропадать без вести,
Лучше быть грабителем
Без стыда и чести.
Золотая истина
В небе обитает.
Что и кем написано
Лишь Создатель знает.
Колея безбожная
Испокон кривая.
Испокон осторожная
Слава мировая.

* * *

Зашипела, словно кобра...
Ну, теперь не жди добра!
Как меха раздула ребра
Та, что вышла из ребра.
Шаркнув ножкой перед нею,
Преподнес я ей цветы.
Но не любят эти змеи
И не ценят красоты.
И летит степной букетик

За окно на белый свет...
Здесь не греет и не светит
Щедрый дружеский привет.
Улыбаюсь ошалело.
Дверью хлопнув от души,
На прощанье прошипела:
«Захлебнитесь, алкаши!»
Я сто лет не видел друга.
А она... она... она...
Подколодная змеюга!
А еще — его жена!
Друг сидит, повинно мнется
И кривит свои уста.
Что-то нынче нам не пьется —
Водка, видимо, не та.
Он прищурился от солнца,
Глубоко вздохнул по ней.
Стал похож он на японца.
А японцы любят змей!

* * *

Дожди идут косые...
Осенним хмурым днем
Я и Попов Василий
В ГосДуме водку пьем.
Василий — очень юный
Лирический поэт.
А я литературный
Крутой авторитет.
Я промываю глотку,
А у него дебют.
Как поросят, под водку
К столу нас подают.
Литературный ужин.
Лирический банкет.
И никому не нужен
Здесь никакой поэт!
Василий лирой доброй
Ласкает всех подряд.
А я читаю «Кобру» —
Я изливаю яд.
Твои стихи, Василий,
Прожгли меня до слез.
Ты — соловей России,
А я дворовый пес.
Меня судьбина злая
Приставила к перу.
Я, как собака, лаю
На праздничном пиру.
Но я не шибко гордый,

Когда в стакан мне льют,
Хотя моею мордой
О стол казенный бьют.
Обидно за Россию —
Нет у меня другой...
Поэт Попов Василий,
Будь счастлив, дорогой!

* * *

О Тютчеве стихи писал
В разгар грозы в начале мая.
А Тютчев небо сотрясал,
Мои стихи не понимая.
В лучистом небе голубом,
Как бы резвяся и играя,
Он на меня обрушил гром
И молнии метал из рая.
В чем я душою покривил
Перед тобой, могучий Тютче,
Что ты передо мной явил
Свой лик мрачнее грозной тучи?..
Поэзии Архистратиг,
Ты мечешь огненные мысли.
Чтоб грешный дольний мир постиг
Пылающие Божьи выси.
Пока ты буйствуешь в раю,
Грома небесные вздымая,
И я у бездны на краю
Люблю грозу в начале мая.

* * *

Русь на голову больная
Тяжело с исконных пор.
Горячо по ней стеная,
Кровью харкает топор.
Что ни век — петля и плаха
Строят смердов вдоль стены.
И как шапка Мономаха
Кремль на темени страны.
Что ни день — хоть чет, хоть нечет —
На любом земном веку
Русь башку больную лечит,
Кровь пуская мужику.

Владимир Родионов
(г. Узловая)

СИНИЙ СУМРАК

Родионов Владимир Иванович. Окончил Узловский техникум железнодорожного транспорта, позднее — ВЗИИТ. В 2001 году опубликовал первый сборник: «Души незримый труд», в 2002 году — второй: «В округе поля Куликова». В 2004 году — третий: «Ностальгия». В 2005 году был принят в Союз писателей России. В 2006 году появилась четвертая книга: «Живу, а кажется — тону».

Печатался в местной и московской периодической печати, а также в коллективных сборниках Тульских писателей.

СИНИЙ СУМРАК

Синий сумрак сквозь чистые стекла —
Как весна бесшабашно права!
Даль промыта, с морозцем просохла,
Резкой грусти полны дерева.

Март. Двадцатые числа. Столетия
Для пространства — мгновенью равны,
Также тянутся к солнцу и свету
Все четыре его стороны.

И черед, и размеренность быта,
И явленья торопкие все
Светлой тайною жизни сокрыты
И раскрыты в доступной красе.

Надо только неспешно взглядеться
В эту синюю вечную даль,
Чтоб почувствовать трепетным сердцем
Торжествующей жизни печаль...

* * *

Занедужила природа —
Снова непогодь и дождь.
Болью русского народа
Ты, наверное, живешь.

В нас, покорных по натуре,
Коль в стране царит разбой,
Зреет медленная буря
И томится непокой.

Русь моя — моя икона!
Лик твой вписан в образа.
Нынче поле Куликово
Катит свет в мои глаза.

Тут духмяны, как обычно,
Все овражные бока,
И клубнично — землянично
Здесь на многие века.

И земляца, как земляца,
Только веры никакой
В то, что снова возродится
Край, воистину, родной.

И в душе такая хмурость,
И в душе такая боль,
Будто вечное замкнулось
Над расхристанным тобой.

* * *

Туман вечерний рыжеват.
На перламутровых глубинах
Небес такой творится ад
От суматохи крыл грачиных!

Мы все заведомо уйдем,
Познав сие почти с рожденья.
Покинут опустевший дом
Земные наши заблужденья.

Но также будет ветер выть,
Суля идущие зазимки,
А люди будут жить и жить,
Как прадеды на старом снимке.

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Сужается круг, и все меньше дорог
Уводят с родного порога,
И выбор, увы, ограничен и строг —
Все чаще нужда и тревога.

Все реже беспечность подружкой ко мне
На лавку вальяжно садится,
А тени бегут и бегут по стене,
Как будто бескрылые птицы.

И рвутся, и мечутся — бедным невмочь —
Познать отраженья устройство,
На волю их выпустит темная ночь,
Удвоив мое беспокойство.

И будет незримо прожитым душа
Бродить в подсознание и дреме,
Свой суд терпеливо и мудро верша
В затихшем к полуночи доме.

К утру рассосется давнишняя боль,
И горечь сосулькой истает,
Но ты навсегда виноват пред собой,
Коль живы и совесть, и память.

Роман Тишковский
(г. Химки)

ИЗ БАЙКОНУРСКОЙ ЛИРИКИ

Член редакционного совета альманаха «Московский Парнас». Член Союза писателей России и Международного Сообщества писательских союзов. Член-корреспондент Академии российской литературы. В 2007 г. МОО Союза писателей РФ «за верность традициям русской культуры и литературы» награжден Золотой Есенинской медалью. В 2009 г. Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов «за патриотическую и философскую лирику в книгах последних лет» — Золотой медалью имени Константина Симонова. В подборку включены произведения из написанных за последние 15 лет на Байконуре.

ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА

Не говори, что жизнь прошла.
Нет, не прошла, а — накатилась
Волной, и вспыхнула душа —
Всему грядущему на милость.
Всему грядущему — на дни.
На ночи — длинны и бессонны,
Когда блуждают меж людьми
Пассаты, бризы да муссоны...

Беспечностью шумят года,
Бегут себе — никак неймется!
И не дано предугадать,
Как *наше дело* отзовется.
Как отзовется каждый миг,
Любое светопреставление.
И где таится меж людьми
Годов глухое преступленье?

Когда идут на абордаж
Минуты, месяцы и годы...
И в дар — никак не передашь,
И не сменяешь на невзгоды.
Глядят и так из всех окон —
Уж не подставить ли подножку?..
Мы ж — не нарушили закон,
А лишь подправили немножко...

Но что терзаться, и молить,
И останавливать мгновенья!
Нам — не дано благоволить
Одно-другое мановенье.
Не говори, что жизнь прошла.
Она — еще не устоялась.
Мысль эта вовсе не пошла,
Но только — поперхнулась малость.

А если где-то что не так —
Все так и вовсе не бывает!
И нам средь лобовых атак
Слюну пускать не подобает.
Да! Не дано предугадать,
Как *дело наше* отзовется.
Но что по этому роптать,
Когда неясно, где — взовьется...

Мы все богаты на года —
Единственное, что нетленно,
Как та далекая звезда,
Что — все же! —
 явится! —
 на смену!

ДВА СОНЕТА

1

Зачем увидел и пришел в восторг?
О чем помыслил, рассуждая грешно?
Легко ль ее души понять исток,
Обласканной чужой рукой, конечно?
Такое — происходит невзначай,
А там, как хочешь, размышляй и бейся.
Разумное — не признак ли плебейства?
Едва ли можно пригласить на чай...
Всему — есть мера. Мера внешних сил.
Алеко, скажем, был не наших правил.
Азарт ее — мне видится честней.
Но почему о многом не спросил?
И неужель я *так* ее оставил?
А все-таки! Ну что таится в ней?!

2

Ах, эта! Где косичка с уголка
Небрежно и задумано прижата.
Насыщена умом ее палата,
А кажется воздушной и легка...
Никто не подтвердит, что мой прогноз
Извилистый — с корявою рукою.

Кому сказать? Кого я беспокою?
Открыться вдруг — как написать донос!
Лежит на лбу задумчивости свет —
Армирован он золотою пробой,
Единство мысли видится полней...
Вот подойду. Вот сброшу тяжесть лет,
Наученный доверенной особой...
А все-таки! Ну что таится в ней?!

ОПЯТЬ

Нет! Не глядеть! Спустить на тормозах.
Проникновенным быть — никак не смею.
Опять я утону в твоих глазах,
А выбраться — так вовсе не сумею.
Ах, если бы дотронуться рукой,
Где шелковистый ниспадает локон!
Опять я прикоснусь к тебе щекой,
И день зайдется в зависти глубокой.
Ну что еще! Привидеться юнцом
И ждать, когда разлука нас подружит?..
Опять я упаду в тебя лицом,
И небо вновь поймет нас и закружит.

ДВЕ ТЕНИ

Две синие-синие тени упали ко мне на колени. Две тени — от дальней дороги, дороги моей — недотроги. Две тени — от зимнего сада, от бывшего томного взгляда, что выжег да взял на поруки такие холодные руки.

Холодные руки заката, что нас обнимали когда-то. Что нас укрывали, укрыли и нам — заменили бы! — крылья... А крылья — сваялись и смялись, а может, — и просто сломались: из наших желаний, хотений — они превратились в две тени.

Две тени — от долгой дороги, дороги к тебе — недотроге! Упали ко мне на колени дорожные смутные тени... две синие-синие тени.

ПСАЛОМ

Не по сердцу — когда обижают.
Не по делу — когда обижаются.
Ненавижу — когда унижают.
Еще больше, когда — унижаются.
Ты — моя вся — и сверху, и снизу.
Ты — моя вся — и справа, и слева.
Да, люблю тебя! Не по ленд-лизу.
Не за то, что ты — не королева.
Мне — твои объяснения — лавина.
Ты — не церковь мне и не мечеть ведь.
Ты совсем — не моя половина

И не треть моя, даже — не четверть...
Но когда ты — уходишь! — в густое
Мелколесье, туманам на диво, —
Все во мне — до бессилья пустое,
Безысходно, и все — неправдиво.

Не прошу, чтоб вернулась. Не надо!
Не прошу себе час утешенья.
Ты в жару — мне! — стакан лимонада.
И всегда — ты! — мое унижение!
...Ненавижу, когда обижают.
Все же лучше — еще обижаются!
Не терплю, если вдруг — унижают.
И до злости, когда — унижаются!

ОТМЩЕНИЕ

Азъ отмщение...
Книга Бытия

I

Отомсти за беспечность мою,
Нежеланье в душе твоей рыться,
За стоянье на самом краю
И желанье — в тебе раствориться.
За пустой и непесенный дар,
За настырность — привлечь и привадить,
Точно я, объявляя пожар,
Пожелал бы все толком уладить, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

II

Отомсти за наивность, и бред,
И навязчивость не по уставу,
За мгновение прожитых лет
Точно я обещаю подставу.
За глухое бессмертье тоски
И бессовестное назначенье,
Когда сердце — совсем на куски,
И из каждого — кровотечение, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

III

Отомсти за бесовский туман —
Точно мир — целый мир! — этим занят.
За наивный бесплодный роман,
Где пролог с эпилогом базарят.
За мое неуменье увлечь
Без фальшивых — тебя! — описаний,
Невозможность у ног твоих лечь
В ожиданье твоих указаний, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

IV

Пусть не падают локоны с плеч,
Но улыбкой нельзя возмущаться.
Ты молчи, отдыхая от встреч,
А я буду — тобой восхищаться.
Милых губ твоих не замечать
Я смогу с небольшим ухищреньем:
Да, я буду молчать и молчать,
Созерцая тебя с восхищеньем.
Но за это меня — не прости, / Отомсти!

ВРАСТАНИЕ

Сиреневая степь —
 в набрызгах тамариска —
О, ветром усмирись, песков земная зыбь!
Врастает зелень в степь,
 в песков сухую сыпь,
До цели — вечно быть, до смысла обелиска...
Но летом жгло плечо, настойчиво и близко,
До жалости легко, до прелести без риска.
— И что мечты! В мешок сомнений ссыпь...

ДВОЕ СУТОК

...Ни окликнуть, ни позвонить.
Без тебя — не в себе двое суток.
И кого в прошедшем винить? —
Не поможет притихший рассудок.
Ни в окошко тебе постучать,
Чтоб улыбкой твоей осветиться, —
От чего бы должно полегчать,
Как святой окропленный водицей...
 Свои помыслы, взяв на крючок
 Даже те, что способствуют плачу, —
 Я по капле сцежу в дневничок
 И поглубже, под сердце, запрячу.
 Потому что весьма тяжело
 Без тебя — ничего мне не слышать:
 Все настолько нескладно легло,
 Будто всюду — чужим чем-то дышит...
Но все это — не стоит кивка,
Как бы хитро судьба не кивнула.
Лишь бы ты — отдохнула слегка,
За два дня, хоть слегка б, отдохнула!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ВЕГА»

«Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами».

Сия сентенция при всей своей парадоксальности, увы, верна по сути: сегодня трудно выявить талант, а выявив, нетрудно погубить. Но в нашем городе поэзию любят: ежегодно празднуемые дни рождения А. С. Пушкина, городские фестивали «Отлично, Тула», поэтические конкурсы и литстраницы, действующие не один десяток лет литобъединения «Голос», «Радуга», «Пегас», лишний раз только подтверждают эту мысль. В то же время число пишущих стихи во много раз превышает число литсообществ, где поэты, особенно, начинающие, могли бы пообщаться с соратниками по духу и таланту, чему-либо поучиться у других и себя показать.

И вот в апреле 2002 года в бывшем ДК металлургов, а ныне Центре досуга и культуры (дир. Левина М. А.), была открыта литературная студия «Вега». Вначале сюда пришли юные дарования, участвовавшие в «посланнической тусовке» «МК» и фестивале «Отлично, Тула!». Затем подтянулись и другие, более старшие и опытные стихотворцы. Не собираясь конкурировать с уже действующими ЛИТО, студия «Вега» отличается от них доброжелательным взаимным обсуждением, вдумчивым анализом написанного и прочитанного, сдобряемого мудрой критикой «мэтра». Уже само слово «студия» предполагает учебу. Дело в том, что некоторые опубликованные на страницах тульских газет стихи, мягко говоря, нередко оставляют желать много лучшего. Это навело известного тульского поэта, члена Союза писателей РФ, Леонида Борисовича Адрианова на мысль помочь начинающим избежать, по крайней мере, элементарных Сцилл и Харибд на выходе в океан поэзии.

Сегодня студии больше шести лет, и многие намеченные цели уже достигнуты. Ну, во-первых, прошли публикации в СМИ, во-вторых, неоднократно были завоеваны первые и призовые места во всех проводимых в Туле конкурсах и фестивалях. Вершиной литературного признания питомцев студии стал прошедший в апреле 2007 г. международный фестиваль современной русской поэзии, где руководитель студии и Наташа Рогова стали лауреатами фестиваля, Александр Бабенко и Владимир Родионов - дипломантами, а стихи еще 12 участников студии вошли в итоговый сборник «Поэзия XXI-го века». В-третьих, мы начали издавать альманах «Артефакт» - вышло 4 номера. Александр Бабенко с Николаем Ральниковым выпустили 3 номера газеты «ЛитераТула», а Марина Лизнева сделала попытку издать журнал. Первые два номера его под названием «Когда есть что сказать» уже вышли из печати. Студийцы дважды приняли участие в проводимом нижегородским отделением СП РФ Павловском фестивале поэзии.

Веговцы часто выступают в школах, библиотеках, колледжах, ВУЗах и музеях Тульской области и Тулы. Помимо авторских сборников, коих уже порядка двух десятков, самое активное участие поэты принимают и в составлении сборников коллективных.

Из всех местных литобъединений только студия «Вега» стала дипломантом Международного фестиваля современной русской поэзии 2007 г. в Туле.

Хочется верить, что данное достижение — не предел. И что самые достойные держат абсолютно верный курс — на СП России.

Сергей Ефанов

ЛАРИСА ФЕДОТОВА

*Автор сборников «Солнечный ветер», «Паруса»,
«Сегодня и всегда».*

* * *

Бреду, души не беря —
Куда бредется.
А Питер встретил без дождя,
Проводит солнцем.
Оставлен в сердце уголок
На суть прозренья,
Чернила для последних строк
И боль спасенья.
На путь отсюда в никуда,
На рай для ада.
Прости меня, моя беда,
Моя отрада.
Вновь над Заневским тишина
Раскрыла двери.
Бреду без отдыха и сна,
Себе не веря.
Греми, архангела труба,
Над Ленинградом.
Прости меня, моя судьба,
Прости, так надо.
А путь — натянутая нить,
Слепая птица.
Ищу, кого благодарить,
Кому молиться
За эту осень без долгов,
За ночь без фальши.
Прости меня, моя любовь.
Мне нужно дальше.

* * *

Все окажется сном. Ты проснешься, не веря себе.
Занавески и стол и цветы — все по-прежнему, впрочем
Наступает весна, и играет на ржавой трубе
Мой пернатый товарищ... А ветер дурное пророчит.

Все окажется сном — облетевший листвою во тьме
Утомленный октябрь; новый год и игрушки на елке...
Я стою у окна и молчу, покоровшись зиме,
И о марте твердит календарь, застревая иголкой.

Все окажется сном...

* * *

Я возвращаюсь в прошлую весну
Авантюристом, выжившим в плену
Рассудочной отчаянной любви.
Кругом еще зима, на реках лед
И лед в душе, и ясно наперед:
Замешано спасенье на крови.

Я возвращаюсь в прошлую беду,
Забыв в осеннем шоковом бреду
Всю боль, все то, в чем слишком виновата,
Где так права последняя строка,
И дуло, притаившись у виска,
Ждет точки, из которой нет возврата.

Авантюристам — легкие пути.
Все получить. Уйти, не заплатив.

ВИКТОР ФРОЛОВ

Родился в 1971 г., Участник коллективных сборников Алексинского литературного объединения «АЛЛО», «Когда земля открыта», «Пою тебе, Алексин», «Свет любви». В альманахах «НЛО» (Новомосковское литературное объединение, 2005г.), «Артефакт» № 4 (Литературное объединение «ВЕГА», г. Тула). Автор трех сборников стихов: «Присядем, поговорим», «Во все, что смотрелось» и «С кем провести время?». Призер первого Алексинского фестиваля поэзии 2002 г. Живет в Алексине.

* * *

Когда слагая по ладам лебединую песнь,
Ничуть не была страшна неподъемная жесть.
Оставил прошлое красноречивый жест;
Не принял на данный момент настоящую спесь.
Хотя возлюбил, но право выбора дал.
И после категорически не выбирал,
Поскольку щедрый так бескорыстно пропал
И самый честный за все грехи отвечал.
А если миролюбивый — вольготно с руки
Считать презренным трусом всему вопреки.
Контрабандисты любезно простили долги;
Вернуть бы законопослушным до мелюзги...
А значит, сложив по ладам лебединую песнь,
Запереть да выбросить ключ, куда не долезть.
Минутная слабость — та же страшная месть...
Вот именно это, пожалуй, стоит донести.

* * *

Под ноябрьский вечер ты выключил ток —
Даже в комнате дождь со снегом...
По которому разу по стенам
Позапрошлым ссорам подводишь итог,
Что ноябрь еще не срок...
И, рисуя в знакомом окне силуэт
В колдовском феерическом танце,
Наблюдаешь все то же злорадство...
Соскользнуло платье в один пируэт
В цветомузыки пересвет;
Она рада, похоже, сама за себя —
Так изысканна, так пластична,
И лирична, и поэтична...
Может, просто она развлекает тебя,
Твоей горести не терпя? —
Веселя, ты быть интереснее мог...
Пусть не гладко вокруг и не ясно,
Но любовь не бывает несчастной.
И в ином измеренье все тот же итог,
Что ноябрь еще не срок...

ИГОРЬ НИКОЛЬСКИЙ

*Родился в 1972 г. Участник литстудии «Вега».
Публикации в газете «ЛитераТула» 2008 г. Проживает
в г. Тула.*

* * *

Освободи меня от мук,
От чьих-то глаз, сердца щемящих.
Пусть безнадежность этих рук,
Останется с мольбой просящих.

Освободи меня от снов,
От веры в боль и неизбежность.
От самых прочных из оков,
Чье имя — нежность...

Остановившись — оглянись,
Пусть видит небо.
Как ты ломаешь свою жизнь —
Не ради хлеба.

* * *

Ирине Н.

Я выходил в ненастный день из дома.
И пропадал за пеленой дождя.
И было все, так ново, незнакомо,
И было все, но только без тебя.

А ты жила в далеком, тихом месте.
 В пустой квартире маятник часов —
 Отстукивал. И заунывной песней,
 Выл ветер за окном, на сотни голосов.
 А ты ждала, ты верила, ты знала,
 Что я вернусь, и дождик говорил,
 Что все пройдет, что это лишь начало —
 Твоей судьбы... Мерилом всех мерил
 Была вода, спадающая с неба.
 Как будто омывая все грехи,
 Она текла, как время... Ведь нелепо:
 «Вливать вино во старые мехи...».
 Ты помнила, откуда эта строчка.
 Была спокойна, но не холодна.
 И что-то тихо напевала дочка,
 И кошка засыпала у окна.

* * *

Вот и все. Видно так суждено.
 Не заметно и буднично пали,
 Стяги нашей мечты. И едва ли,
 Нам поднять их с тобою дано.

Превращая себя в подлеца,
 О расплате не думаешь. Веря,
 Что еще далеко до конца,
 Что обманешь и Бога, и зверя...

Все придет. И в свой час, и в свой срок.
 Ожиданьем живу. Понимая,
 Как же я безнадежно далек,
 От себя самого. Начиная,
 Путь не близкий, бегу второпях,
 Оглянуться не смея, но знаю.
 Ты со мной, Ты «стоишь при дверях»,
 Ты стучишь. Подожди — открываю!

НАТАЛЬЯ РОГОВА

Участница молодежной литературной студии «Вега», обладательница многих наград городских и областных поэтических конкурсов. Автор 4-х поэтических сборников: «Первые уроки любви» (1999 г.), «Венок сонетов Санкт-Петербургу» (2005 г.) и «Вечерний альбом» (2006 г.), «Акварели», вышедшему в коллекции альманаха «Прикосновение» (редактор О. В. Пономарев, 2007 г.). Ее стихи неоднократно публиковались в городской и областной прессе (газеты «Молодой коммунар», «Тула», «Тульский литератор», малотиражной газете ГУП «КБП» «За прогресс»), в болгарской газете «Словото», и периодических изданиях (Всероссийский альманах «Прикосновение», альманахах «Голос» и «Артефакт», студенческом журнале «STUDEO»).

* * *

В предчувствии весеннего дождя
Останусь на мгновение влюбленной.
И прямо на мигающий «зеленый»
К тебе шагну я, целый год спустя.

В предчувствии забытого костра
Смотрю на свечи нашего молчанья.
Твоей гитары робкое звучанье
Дороже слов хмельного серебра.

В предчувствии забытого тепла
На краешке пугливого рассвета
Рифмую наше будущее лето
С полетом лебединого крыла.

В предчувствии дорог, зовущих в ночь —
Дорог седых, вельветовых от пыли,
Я вспоминаю, как меня любили
Те, кто не в силах нам теперь помочь.

В предчувствии ревущей тишины
Я отрекаюсь снова от прощанья.
Тебе я оставляю обещанье
И горький вкус обиды и вины.

В предчувствии любви догонит грусть.
Вдохну неожиданную пугливую усталость.
Весна и нежность — вот и все, что мне осталось,
И я над городом сейчас дождем прольюсь...

* * *

По Пушкинской гуляет вечер.
Спят фонари.
Вцепился сумрак в наши плечи.
Не говори...
Не говори о том, что дальше —
За поворот;
Не говори. Не надо фальши.
Спешит народ...
По улицам уютным Тулы
Бредет весна.
Луна к виску приставит дуло.
Я влюблена.
Как птицу отпускаю на волю
Твою ладонь.
Как много в этом мире боли!..
Меня не тронь.
Вздыхают строками твоими черновики.
А я хочу любить «во имя»,—
Не «вопреки».

СЕРГЕЙ ЕФАНОВ

Родился в 1969 г. Уроженец г. Ефремова, где работал корреспондентом местной газеты «Панорама Красивомечья». В 1993—94 г. публиковался в газете «Вечерняя Москва». В Туле — с начала 2006 года. Сотрудничал с рядом тульских и областных журналов и газет. Весной 2007 года стал победителем областного фестиваля авторской песни «Спеть свою самую главную песню» в номинации: поэт. Пишет стихи, прозу, сказки для детей и взрослых.

Я ОБЕЩАЮ

Все подарки были приготовлены и ожидали своего часа. Прежде чем погрузить их в просторные сани, Дедушка Мороз решил еще раз свериться со списком.

«Кукла для Верочки, плюшевый мишка — Оленьке, Валерику — конструктор... Так, а это что за коробка? — брови удивленно поползли вверх, — в списке ее нет...»

Письма снова были пересмотрены, а подарки дважды переложены с места на место. Для большой плоской коробки адресата так и не нашлось.

«Ладно, сориентируюсь на месте», — решил он. Аккуратно уложил пакеты, коробки и свертки в сани, закрепил их прочной веревкой и тронулся в путь...

Очередной праздничный стишок был рассказан, а детские глазенки засветились счастьем, когда Дед Мороз достал из своего мешка желанный подарок. Это был последний адрес в уходящем году. Дедушка вышел из подъезда. За углом его ждала запряженная тройка с невестребованной большой коробкой в санях. Кони уже били копытом: им не терпелось сорваться в обратную дорогу. Почуввав знакомый запах, они дружно повернули морды, реагируя на хруст снега под валенками. Неожиданно шаги затихли, Дед Мороз остановился и стал внимательно оглядываться по сторонам, будто выискивая кого-то.

Совсем рядом, кажется, у березки, тихонечко плакали. Он пошел прямо на звук. Так и есть: облокотившись на дерево рукой и уткнувшись в нее, парнишка лет шестисеми часто-часто всхлипывал.

— Непорядок, — Дедушка уже стоял за спиной мальчугана, — такой замечательный праздник на носу, а у нас тут, кажется, проблема. Тебя обидели?

— Нет, — отозвался малыш, не оборачиваясь.

— Тогда почему же ты плачешь?

— Хочу и плачу. Это я сам себя обидел. Я видел днем, как Антошка ревел, а теперь — моя очередь, — он все еще стоял спиной к незнакомцу.

— Ничего не понимаю: почему твоя очередь? Это что, новая традиция — плакать в честь праздника? И кто такой Антошка? И как тебя зовут? Давай-ка ты, наконец, успокойся, вытрешь слезы и все мне по порядку расскажешь. Глядишь, придумаем что...

Мальчонка затих, вроде осмысливая услышанное. Постоял так минуту-другую:

— Ну и расскажу! А только чем вы сможете мне... — он не договорил, когда все-таки повернулся и увидел прямо перед собой, тут, возле своего дома, в двух шагах от себя, настоящего Деда Мороза! Постоял не мигая, словно замороженный, а потом разрыдался пуше прежнего.

— Вот так дела... — Дедушка не был готов к такой реакции. Он присел на корточки, прижал малыша к себе и чуть растерянно спросил, — ты испугался меня, да?

Ну что ты, дружок, не надо. Это просто от неожиданности. Успокойся. Как тебя, говоришь, зовут-то?

— Алешкой,— глухо отозвалось плечо Деда Мороза.

— Замечательно. Так, Алексей, давай поговорим с тобой по-мужски,— твердо произнес он и аккуратно отстранил мальчика от себя.— Все же тебе придется раскрыть мне причину этих слез. Ну, давай, я слушаю.

Алешка еще пару раз шмыгнул носом, снял рукавички и вытер последнюю влагу с глаз:

— Антошка — это мой старший брат. Я его очень люблю. Он учится в пятом классе. У него есть... то есть, был настольный хоккей. Ну игра такая, знаете? — его голос задрожал, на что Дедушка нахмурил брови:

— По-мужски. Продолжай.

— Он когда приходил из школы, делал уроки, потом звонил друзьям-одноклассникам. Они приходили к нам и рубились в хоккей по очереди до самого ужина. А я как ни просился, меня ни разочка с собой играть не приняли. А вчера, когда... когда к нему пришли мальчишки из другого класса, ну, на год старше Антошки, он вообще мне сказал: «Ты еще малявка. Сам играть не умеешь и другим мешаешь». Я очень сильно обиделся на него. И сегодня утром, когда мама с папой наряжали елку... У нас еще музыка громкая играла. В общем... В общем я... Я прыгнул на игру, сломал двух хоккеистов в синей форме и посередине сделал большую вмятину. Кривую такую. А когда Антошка пришел со школьной елки и увидел... И мама с папой долго его успокаивали, а мама еще говорила: «Сынок, извини, видимо кто-то из нас с папой нечаянно наступил, когда с балкона елочку доставали. Придумаем что-нибудь». А что можно придумать, когда все игрушковые магазины уже закрыты, а вам письмо надо отсылать заранее?... — его последние слова все-таки утонули в слезах.

— Заранее... — задумался Дед Мороз.— Алешка, скажи мне честно: а ты действительно понял, что поступил неправильно и некрасиво? — строго спросил он.

— Угу. Я даже хотел подарить ему своего хомячка Яшку. Но хомячок — не то, что хоккей.

— И больше никогда так не поступишь?

— Нет! Честно-пречестно, никогда! — в уголках детских глаз блеснула не то последняя слезинка, не то маленькая звездочка надежды.

— Хорошо, Алешка. Я тебе верю. Постой-ка здесь чуточку, никуда не уходи. Я скоро,— и удаляясь, добавил,— ведь сегодня праздник, а я все же немножко волшебник.

Он вернулся без своего мешка, но с большой коробкой в руках. При этом он старался укрыть рисунок на коробке своим широким рукавом. Осторожно приоткрыл ее с одного края:

— Ну-ка, загляни. То, что надо?

— Ух, ты! Еще как! Лучше, чем был! Ух, вот это да! Спасибо! — Алешка захлопал в ладоши и запрыгал от восторга.

— Брат сейчас дома? — поинтересовался Дедушка совсем ласково.

— Нет. Он будет встречать Новый год у бабушки, чтобы ей одной не было скучно. А домой придет завтра.

— Тем лучше,— улыбнулся волшебник.— Положи это под елочку. И никому не старайся не рассказывать о нашем разговоре.

— Даже маме с папой?! — удивился мальчуган.

— Даже им. Они взрослые — они поймут. Вот увидишь. А завтра все будет по-другому. И Антошка первым делом предложит сыграть тебе. Я обещаю.

НИКОЛАЙ РАЛЬНИКОВ

Родился в 1984 г. Участник литстудии «Вега», дипломант тульского литконкурса «Ступени» в 2005 и 2006 гг. Автор сборника стихов «В плену раздумий и реаний» (2003 г.). Публикации в газете «Тула», журнале «Studeo», алманахах «Поэзия XXI в.» и «Ока литературная». Один из основателей газеты «ЛитераТула». Проживает в г. Болохово Тульской обл.

ЗОВ ПРИРОДЫ ИЛИ СТРАДАНИЯ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ЛИЦА

Рейтинги и спичи утомили,
Брошу все к чертям, поеду к речке.
В этом бесконечно вшивом мире
Есть, однако, чистые местечки.

Посижу, природой полюбуюсь,
Разомлею, глядячи на воды.
Надобно мне жизнь теперь другую.
Там — березки, в городе — уроды.

Роща шепчет: «Здравствуй, горемычный»,
Птички щебетаньем-перезвоном
Успокоят нервный дух столичный,
Мысли дождик вымоет озоном.

Что-то подписать согласованием
Выбрать дурака народной скверной?
Нет уж, хватит, пусть и с опозданием
стану я отшельником, наверное!

Все к чертям! Богатств не надо даром.
Ухожу в друиды, и не страшно!..
Что там? Цены выросли за баррель?
Ладно, здесь помучаюсь пока что.

* * *

Белая шаль — зимний балласт веток
Тянет к земле, словно грехов пуд.
Падает снег, снег как всегда меток.
Цели достиг там и достиг тут.

Странная ночь, тайный покров мысли,

Звездных огней ближе небес слой.
Вышел во двор, кожу мороз стиснул.
И отпустил, мол, проходи, свой.

Дальний гудок, лай за рекой где-то.
Молча иду отзвуков всех вне.
Слушаю тишь, шепот ее, это
Снова «люблю» ты говоришь мне.

АЛЕКСАНДР БАБЕНКО

Родился в 1969 г. В 1989—1991 гг. участник творческого объединения «Мастерская», с 2002 г. участник литстудии «Вега», дипломант Международного фестиваля поэзии в Туле в 2007 г., автор двух изданных сборников «Бабочка моей души» (2001 г.) и «Пора вечерняя» (2006 г.), а также пяти неизданных. Публикации в 1990-х годах в газете «Молодой коммунар», в 2006 г. в газете «Тула», альманахах «Поэзия XXI в.» и «Ока литературная». Один из основателей и главный редактор газеты «ЛитераТула». Проживает в г. Туле.

* * *

Бумага тающая снега
чернела кляксами тепла,
и дева облачная с неба
по водной лестнице сошла.

Ты, говорящая стихия —
куда зовешь? О чем поешь?
Как прирожденная княгиня,
ты горделива, ну и что ж?

Я ждал тебя, да только летом,
в грозу играющих небес,
и лишь теперь иду по следу,
по следу водному, к тебе!

Стремясь и падая и целясь
упорной пулею, сама,
моей мечты нагая прелесть,
скользишь по лезвию ума.

А я в бессмысленном азарте,
пытаюсь выдумать слова,
и написать среди снежных хартий
о том, чем музыка жива.

* * *

Во мгле сомнения потеряна душа,
и где-то странствует среди язвящих терний.
Понять бы вовремя душе: не все решать
дано Всевышним ей, пусть даже и бессмертной.
А сомневающийся бед не избежит.
Он будет мучиться вопросами земными.
Его лицо Пресветлый Дух не избежит,
не вдохновит его никак святое имя.

К чему упорствовать, за тленное держась,
себя обманывая ложною свободой?
По миру мчатся злые мороки, визжа.
Текут желания, пороки всех народов...

Душа, что спишь? Что бродишь средь лесов,
живых сегодня, завтра ставших пеплом?
Когда нет якоря — беда для парусов.
Душа без Бога может выйти только к пеклу!

Во мгле сомнения, в доверьи к миру зла,
душа встревожена, измучена борьбою.
Куда ж тебя дорога кривды завела?
Что станется затем, душа, с тобою?!

МАРИНА ЛИЗНЕВА

Родилась в Туле 4 октября 1984 года. Обучалась в тульской классической гимназии № 1. После гимназии поступила в Тульский государственный университет, который успешно закончила в 2007 году. Работает обозревателем газеты «Машиностроитель» ОАО «АК «Туламашизавод».

Автор многочисленных публикаций в периодической печати, альманахах, литературно-художественных журналах, коллективных сборниках. В 2004 году выпустила книгу «Амфитрита».

* * *

Без надежды, без счастья, без бури,
Как прожить без нежданного всплеска?
И в одеждах бесценных пурпурных
Сядет солнце за кронами леса.

Мне спокойствие чуждо по сути,
Тишина утомляет до боли.

Неужели мгновение будет,
Что разделим однажды с тобою?
Я вернусь. Ты же знаешь. Я тоже.
Развивается мир по спирали.
Как же случай был мал и ничтожен!
Но, а мы вдруг себя потеряли...

* * *

Нам распятые весны на крыльях приносят
Стаи птиц, как чернильные кляксы на небе.
Я металась по жизни. В магической «восемь»
Что-то путает мысли, сбивает, колеблет.

Восемь лет недописанных строф не утешат.
Раздвигаются стены пространства руками.
Если есть здесь хоть кто-то, кто точно безгрешен,
То пусть первым в меня бросит слово и камень.

Раскалившись до точки, взрывается лето,
Но мозаичный мир как и прежде на месте.
Я уверена, по подтвержденным приметам,
Мы все ближе и ближе к поре неизвестной.

* * *

Разбивается надвое крохотный шар,
Разбегаются мысли по норам-домам,
А меня умоляют спокойно дышать
Те, кому никогда ничего не отдам.
И причем тут под пальцем взбесившийся пульс,
Да и сердце, что любит всегда на разрыв?
И не надо пугать, я уже не боюсь —
У меня есть в запасе другие миры.
У меня есть в запасе другие слова,
Вот сейчас успокоюсь и даже усну.
А пока от сомнений болит голова
И так хочется плакать. И выть. На луну.

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

СНЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Наум Эфроимович Ципис наш постоянный автор. Учитель, журналист, писатель. Родился на Украине, учился в России, долгие годы жил и работал в Белоруссии, сотрудничал с журналом «Неман» (Минск), замещал главного редактора. Сейчас живет и занимается литературной работой в Германии. В одном из последующих номеров «ПЗ» планируем опубликовать его эссе «Прогулки с Мадонной. Возвращение Мадонны».

Я думаю, все мы плачем по ночам...

Сергей Довлатов

Я свободный человек милостью божьей.

Пьетро Арентино

Умные древние греки говорили: «Что не написано, того не было. Одного этого высказывания хватит для «оправдания» моих записок.

Обычный инструмент любого литератора — записные книжки. Они и стали в моей эмиграции своеобразным спасательным кругом и источником того, что вы прочтете.

«Дневник — записи, ведущиеся изо дня в день», — записано в «Словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова. Если так, то мои «Сны...» не дневник. Это записки, заметки; этюды, не вошедшие в рассказы и повести; попытки рассуждений, — все это отражает душевные движения и чувства автора; факты «вокруг него». Невзирая на отсутствие систематики и хронологии, я надеюсь, что читатель найдет в написанном и приметы времени, и состояние души, оказавшейся в сильно необычных для нее обстоятельствах. И, конечно же, пишу в иллюзорной надежде: чтобы не пропало...

Иллюзия

В Бремене я живу на улице «Большой птицы». На этой тихой улице растут двадцать шесть берез. Одна из них — перед нашими окнами. Утром я с ней здоровался. Белое дерево — большая иллюзия... Проникновенно поет об этом Александр Городницкий:

* Фрагменты дневниковой книги; журнальный вариант.

*Над Канадой небо сине,
Средь берез дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только это не Россия...*

Березы... — так похоже на Белоруссию. Там под моим окном тоже росла береза. Но Бремен не Белоруссия.

Утекло время, старая береза стала совсем старой. Однажды подъехал кран с люлькой, и завывала пила. Березу пилили по частям, начиная сверху. Профессиональные люди из немецкого «Зеленстроя» уехали через три часа и, — березы, как не было.

Их осталось двадцать пять.

Ночью я проснулся в тревоге и не сразу понял почему. Плакала жена. Она тяжелее переносит долгую разлуку с дочками и внуками, но плачет редко.

Утром я узнал, что то был плач по березе.

Иллюзия — большая часть живой жизни.

Только догадываться

Неожиданно и ярко пришло: ощущения старше тела. Одна из истин, которые открываются, когда считают нужным. Молодым они ни к чему: начнут думать там, где надо действовать. Возможно, то, что просится быть записанным, тоже родом из ощущений. Почему «оно» захотело стать текстом? Только догадываться: «советует» что-то вне тебя. Такова природа всего искусства.

Сознательное ремесло убивает творчество, сказал Казакевич. Пожалуй, в моих записках отсутствие «сознательного» даже превышает необходимый порог. Записывалось по принципу: хочется — не хочется, просится — не просится.

Коллекция

Лучшее высказывание двадцатого века: «Господа, будьте чуть менее принципиальны, но имейте сердце!» Сказал это поэт Давид Самойлов. Он же написал одно из лучших стихотворений той войны:

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые,
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...*

Об этой войне мой винницкий знакомый, чуть не Герой Советского Союза, восьмiorденоносный полковник-танкист Михаил Гордеевич Крайний сказал лучшую личностную фразу о войне: «Я ее прополз раком от Сталинграда до Берлина».

А вот еще одно стихотворение войны. Его написал не поэт, а коллега Михаила Гордеевича по военной работе — командир танка, а после войны — профессор-хирург Иона Лазаревич Деген. В моей градации оно претендует на совсем лучшее из написанного о войне. Если в этой области человеческого духа позволительны такие классификации, то, возможно, даже, лучше, чем у Гудзенко, Некрасова и Быкова. Когда прочел, не знал, что делать с чувствами...

*Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови понапрасну друзей,
Дай-ка лучшие согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони: ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки —
Нам еще наступать предстоит.*

Интересную коллекцию лучшего я невольно «собрал»... Упаси Бог от того, чтобы сгодились и для начала века двадцать первого.

* * *

Слишком трезвый в этом мире не жилец, надо быть немного выше прагматизма.

Гармония

У пифагорийцев гармония — это согласие несогласных. Попробую расшифровать: лес из деревьев, народ из людей, Союз писателей из писателей, любовь — из слез и смеха.

Сегодняшняя любовь — из полунинтимных отношений... Хотел бы я знать, что это означает?

Пропорции

Для лакеев нет гениев,— это правда. Часто именно это непроизвольно, «само», подверстывается к непроизвольным же воспоминаниям о Янке Брыле, Василе Быкове, Григории Березкине, Науме Кислике, Владимире Короткевиче, Владимире Кудинове... Долго считать. Неназванные простят. Важно обозначить вектор.

Никто не скажет, ни оглядываясь, ни заглядывая вперед, насколько больше они прожили бы на этом свете, не будь лакеев. Но без тех были ли бы эти? Как-то все же это связано, какие-то весы взвешивают, и кто-то блюдет пропорцию...

Забыть ли мне... Задумал как-то «дурное» — ой, бабы — двигатели истории: доказать хотел любимой жене, что смогу! — и взялся писать диссертацию. Собирая материал, обнаруживаю интересную закономерность: если в учебной группе из тридцати человек десять двоечников, то с «другого конца» — примерно, столько же и отличников с хорошистами. А если класс средний, то одни серые тройки и красуются в журналах и ведомостях.

Думаю, что пропорции эти загадочные присутствуют во всем, что касается человеческой деятельности. И там уже не столь существенно Союз ли это писателей или ГПТУ № 38. Кстати, помнится мне не раз сказанное Владимиром Короткевичем: «У нас в Союзе больше половины писателей — не писатели».

Перефразируя Раневскую, которая сказала, что еще застала порядочных людей, скажу, что я еще застал время, когда писатели умели писать.

* * *

Ощущение времени,— а это и есть жизнь,— изменяется при осуществлении творчества. «Мы стары для других, для себя у нас нет возраста,— сказал Сартр.— И это благодаря творчеству».

* * *

«Если природа иногда, в счастливые минуты, не принимает твой облик, то сама по себе она не имеет смысла». Одно это обнаруживает талант мыслителя в писательстве. Что уж говорить обо всем романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши».

Это надо перечитать или прочесть в зрелые годы. Зрелые даже не интеллектуально, а житейски.

Любопытство миллионера

Есть у меня знакомый миллионер. Леня. В дни нашего, еще «до новой эры», знакомства, не было в нем ничего такого, что давало бы основание подумать о его будущем миллионерстве. Встретились мы, когда я, много лет спустя, приехал в Винни-

цу. Хорошо встретились, посидели... Пока он не привез меня в свой особняк, неподалеку от музея Пирогова,— там раскинулась винницкая Рублевка,— я и не подумал, что он богатый человек. Вел себя вполне прилично.

Познакомил с женой, красивой молодой женщиной. Я бы даже сказал, что слишком красивой. Хорошо, что держала себя так, словно и не знала, какая она. Обедали,— «Готовит сама, от кухарок отказалась». Осматривали особняк — «Бассейн в доме — это прихоть Лени. А розариум — это уже моя прихоть». Ужинали в кухнестоловой двадцать первого века. «Вы, наверное, думаете, что мы живем на очень широкую ногу? Это не так: Леня зарабатывает меньше, чем он бы мог». «Что вы,— отбил я,— мне и в голову не приходило задуматься над таким интимным делом, как материально-техническая база вашей жизни. Мне просто у вас хорошо. Да и не часто искупаешься в домашнем бассейне».

Потом смотрели новый фильм в домашнем кинозале. Пили вечером на веранде чудесное немецкое пиво с раками. Вечернее небо чуть подсвечивалось на горизонте огнями родного города. А звезды были такими же, как в нашей юности.

— Как ты стал миллионером?

Его ответ запомнился. Потому и пишу, что такой причины в таком деле не мог бы и предположить.

— В этом виновата моя жена. Понимаешь, старик, я и сейчас схожу по ней с ума. А вначале... Хоть звезду с неба! А потом стало мне интересно, при каком же недостатке она перестанет жаловаться на недостаток денег. Как видишь, пока мое любопытство все еще в пути...

* * *

Попробуйте так поставить слова, чтобы они стали прозой, чтобы читателю некуда было от них спрятаться: или смех, или слезы, а если смех сквозь слезы — вы талант.

* * *

Неограниченная безответственность.

Воинствующий диалог

Культура диалогична. С изменением обстановки изменяется и содержание культуры. И не только создающейся, но и, как бы это ни показалось странным, бывшей тоже. Рушатся идеи, заложенные и в той, и в этой. Субъект культуры изменяется ее объектом. И в свою очередь начинает изменять объект, который «восстает», рушит «базу» и строит заново. Перелом. Так настоящее меняет не только себя, но и прошедшее.

Следует ожидать...

Там, где природа родила живое, там в самой высшей форме проявила себя Мировая Гармония. Там, где уничтожается живое, нарушается главный закон Вселенной — Гармони и Равновесия.

Жизнь, которую убивают, не прощает этого. Она есть результат высшего замысла, который не знает ограничений в деле ее охраны.

Следует ожидать космического возмездия.

Самый быстрый способ

В Освенциме к услугам эсэсовцев был футбольный стадион, библиотека, театр, фотолаборатория, плавательный бассейн, симфонический оркестр. Вот меню одного из обедов офицеров этого лагеря в 1943 году: «Томатный суп, половина цыпленка с картофелем и красной капустой, ванильное мороженое».

Именно в день, когда был подан такой обед, доктор Менгеле открыл самый быстрый на земле способ борьбы с тифом: всех заболевших он отправил в газовые камеры. Эпидемия немедленно прекратилась.

Пинок в зад

В концлагере Дахау перекличка. Дважды называют номер еврея Давида Людвиг Блоха, а он глухой... Толкнул сосед. Трое суток чистил нужники. Только.

Даже здесь, в аду, Блох был несуразен. Эсэсовцы по приказанию коменданта подвели его к тем самым воротам, на которых было написано: «Каждому свое» и дали пинка в зад.

Талант и личность

Не без удовольствия перечитал солоухинские «Кумушки на ладони». Умно, точно, отменный литературный вкус. Созвучий масса: о первых книгах, которые потом никак не «догнать», о том, что отрицательные персонажи нам более интересны и понятны, потому что в каждом из нас есть зародыш зла... И вот это: «Чтобы защищать и сохранять свою культуру, достаточно быть русским, грузином, немцем, итальянцем... Чтобы сохранять культуру другого народа, надобно быть не меньше, чем человеком». О том, что лучше всего человек исполняет свою должность, когда он не боится ее потерять. И, если слово не обеспечено чувством, происходит его инфляция. И о том, что благословенная и целесообразная эволюция превратила морду обезьяны в прекрасное женское лицо, и, что «высшее счастье человека — принести радости другим людям»...

Есть там размышления о разнице между стихами и поэзией, и удивление тем, что Земля не перестала рожать детей... И что забыто слово «скромность».

И, наконец,— что «степень единственности найденного слова есть единственная мера таланта», а «человек есть его поступки».

Надо различать талант и личность в одном человеке. И не обязательно личность будет соответствовать таланту. Гений и злодейство, вопреки мнению гения, могут быть совместны чаще, чем хотелось бы. Но, как заметил Метерлинк в книге «Разум цветов», «экземпляр может ошибиться, но целый вид разумен и мудр». Дай-то Бог...

В эпоху, когда даже пороки деградируют, позволительно сомневаться в самых замечательных сентенциях. Только не в этой: «Смотри вперед со всех сторон». Это сказал военрук нашей винницкой железнодорожной школы Федор Тимофеевич в 1947 году.

«...даже если она ошибается»

Из моей записной книжки первых лет работы в газете: «Пожалуй, я еще могу понять фанатизм, когда он не на зарплате». Хорошо кто-то сказал.

В короткий период работы в «Пионере Белоруссии» я написал книжку о «бойцах железной ленинской гвардии». История ее не появления тоже интересна, но сейчас не о том. Был там очерк и о Бабушкине. Хороший парень. Работяга. Доверчивый и бесхитростный. Его Ленин любил. А уж, как тот этого... И вот, через почти 50 лет после моей службы на благо белорусской пионерии, встречаю в откровениях Бабушкина: «Советская власть столько для меня сделала, что я могу умереть за нее, даже если она ошибается». И хотя это и был бескорыстный фанатизм, но я его все равно не понял. Возможно потому, что прошло 50 лет...

Мои читательницы

«Если у читателя возникло ощущение, что читаемое написано только для него, то это и есть литература, и так надо писать». Эта предположение, вычитанное у кого-то

из умных литераторов, дало мне возможность надеяться, что, по крайней мере, дважды в жизни я написал «так, как надо».

Первый раз такое ощущение испытал много лет тому, когда вышла моя первая книжка. Я ехал в троллейбусе и увидел ее в руках «обыкновенной» женщины. Она сидела, отрешенная, читала и... улыбалась! Боже, какая же она была красивая! Какой же еще может быть женщина, читающая мою первую книгу? А для чувств, которые я тогда испытал и продолжал испытывать несколько дней, я и сегодня слов не найду.

Второй раз подобное случилось много лет спустя. Закон парных чисел не торопился проявить себя. В русском журнале «Литературный европеец», который выходит во Франкфурте-на-Майне, была напечатана моя повесть-эссе «Миленький ты мой... Милая моя...». Через несколько номеров там же появилось письмо московской писательницы Ирины Кедровой. Спасибо судьбе — дождался такого моего читателя.

Я не публикую это послание только потому, что все там написанное мне трудно полностью «взять на себя». Оно, это письмо, могло бы стать предметом беседы со студентами Литинститута и материалом для работы литературоведа, а не только эмоциональным знаком моей литературной биографии. Прочитав два предложения из этого большого письма: «Когда читала — любила всех! И гордилась тем, что я Женщина!»

Не только прочла и почувствовала, но и написала, наградила.

Чистое место

Уже ничего от него не осталось, почти ничего. Даже останки каменных стен и те беспризорной травой и кустами поросли. Бывший Успенский монастырь. Осталось восемь развалин, похожих на жилье. И так ложится на это запустение название Пустынки, — поселок сразу за Мстиславлем, если ехать сюда от Минска. Четыреста шагов до России. ...Года четыре, как пришли сюда монахи и на месте знаменитой когда-то святой криницы восстановили церковь и построили купальню. А сами стали жить в брошенной школе.

Во время войны здесь еще был детский дом. И никто из детей не погиб, — немцы сюда не дошли. Почему? Живет тут давняя легенда, ей уже более шестисот лет. Мне ее рассказала старая женщина, у которой я квартировал четыре командированных дня.

Был у князя Альгерда сын, звался Лугвен. И ослеп тот сын. Уже лет ему было семнадцать, как вдруг перестал видеть. Каких лекарей ни звал князь, какие шептухи ни колдовали, никто не смог помочь хлопцу.

...Тихие стоны слышались в ночи из княжеской опочивальни. То боролся с тяжкими снами великий князь. А снилась ему одна и та же молодая дочка лесника, почти дитя еще, только грудки в вырезе рубахи молодо и призывно глянули розовыми сосками на князя, когда остался он перед охотой ночевать в лесниковой хате. «Без матери растет...» — сказал лесник, заметив взгляд князя.

Перепились шляхтичи и слуги князевы, а утром обнаружил Альгерд в своей кровати ту девочку. Потом уже рассказал ему кузен, что выгнал он всех и приказал холопам связать лесника, а девку привести ему... Было ей тринадцать лет.

Похмелились и поехали за лесом. Когда поджидали царя пуши, подошел к нему лесник и бесстрашно сказал, наперед похоронив себя: «Отольются тебе, княже, сиротские слезы. Хуже не бывает: сын твой за тебя света белого видеть не сможет». Так и случилось: враз, ни с того, ни с сего Лугвен ослеп. Года три парень учился жить слепцом и не сумел. И уже вызрела у него решительная мысль: так жить дольше, не видя солнца и девичьей красоты, нет сил. Тут-то и подоспел бродячий песнярь, старец один. Увидел Лугвена и сказал ему: «Пусть отец познакомит тебя с твоей сестрой, что в лесу живет, пусть возьмет ее во дворец, а ты после этого иди в болота, найди чистую криницу и омой глаза...» Сказал и пошел своей дорогой.

Нашел Лугвен криничку, голосистую такую, серебряную, сама позвала княжича.

Присел у ключа, отдохнул и омыл глаза. И первое, что увидел — нимфу лесную невиданной красоты. Привел ее Лунгвен к отцу и оказалось, что это и есть его родная сестра. Стала она жить в княжеской усадьбе. А в лес, как в родной дом ходила. Он и вырастил ее. Лесник же давно помер. Не от старости — от горя: рожая нимфу, девонька его младшенькая, отдала Богу душу.

Все королевичи европейские приезжали потом сватать незаконную дочь князя: таких красавец даже лес выпестовывает раз в сто лет. Только старому князю святая криница греха не отпустила: до смерти снилась ему та девочка. Хотя и реже, чем прежде.

А в ту неделю счастливую, в чистый понедельник, увиделась Лунгвену Божья Матерь, словно кто в окно ему икону поставил... Пошел княжич к отцу и рассказал ему про видение. И решили они поставить возле той кринички монастырь. Три года строили. Как раз к Успенью и закончили. Так и назвали его — Успенский. И было это в 1380 году.

Такую легенду рассказала моя хозяйка и добавила шепотом: «А в одной монашеской опочевальне недавно чудо случилось: появился лик Христов...»

Слух идет, что грешников, которых простить можно — лечит, а которые уже переступили черту — тем может еще хуже быть. Те сами сюда не ходят. Опасаются. Место здесь чистое. Потому, наверное, и не дошли немцы.

* * *

Упаси Бог от мужчины «самостоятельного» в любви. В этом, очень главном, он только тогда хорош и для женщины, и для рода, когда служит.

Вигдорчик, Козинцев, Шостакович и Гамлет

Один из близко знакомых эмигрантов, блокадник и ветеран Ленфильма, звукорежиссер Игорь Вениаминович Вигдорчик, человек-история нашего кино, как-то в разговоре о Шостаковиче сказал: «Наверное, таким, каким я однажды, мало кто его видел...». И я услышал, как говорят сегодня, эксклюзивный эпизод об одном рабочем моменте съемок фильма «Гамлет».

Григорий Козинцев уговорил Шостаковича написать музыку к этому фильму. Факт постановки этого произведения Шекспира уже был событием. Съемки шли трудно и нервно. Каждую неделю комиссия просматривала отснятый материал. Игорь Вениаминович работал тогда на студии начальником цеха звукозаписи. К нему и обратился Козинцев с просьбой подобрать какую-нибудь приличествующую очередному отснятому материалу музыку, чтобы не показываться комиссии, как выразился классик, «в сухую». Дело в том, что свою музыку фильм должен был обрести тогда, когда будет смонтирован весь видовой ряд. В тот раз благополучно просмотрели под музыку Бетховена и Моцарта.

После этого на второй день в студии звукозаписи Дмитрий Дмитриевич показывал очередной вариант своего музыкального «момента». Козинцев, режиссер не из легких, в который раз отверг сделанное. Шостакович, уже тогда живой гений, сидел с видом семиклассника, не сдавшего экзамен. «Дима,— сказал Козинцев,— Дима, ты же слышал, как вчера на просмотре прилично звучали Бетховен и Моцарт. Слышал? Ну, вот и напиши так!» «Я так не могу...— потеряно сказал гений.— Я так не умею...». «Все ты умеешь! — высоким голосом заявил Козинцев.— Умеешь, но не хочешь!» «Гриша, я лучше вообще не буду писать музыку к этому фильму. У меня Шекспир не получается...». «Конечно... А кто же сумеет, если ты не сумеешь? Давай договоримся: завтра я жду тебя с этой темой. В конце-концов, ты сам когда-то любил и должен понимать, что чувствует молодой человек, когда видит любимую. О времени договоримся по телефону». Понурый, погасший, маленький Шостакович вышел из студии.

На завтра Козинцев созвал «малый совнарком» и попросил Вигдорчика включить аппаратуру. Гениальная музыка заполнила помещение: десяток работников «Ленфильма» слушали чувства влюбленного и страдающего Гамлета. У Шостаковича было светлое, но отстраненное лицо.

...Сколько раз я пытался убедить Игоря Вениаминовича, что ему следует написать воспоминания. Мало того, что обретет дело, так ведь еще и будет это дело общественно-полезным. «Забыл уже, как оно было. Факты...Детали... Хронология...» — отбивается он.

Хорошо об этом сказал Толстой: «Все, что вспоминается — надо записать, но не так, как было, а как вспомнилось. Важна биография внутренняя, а не внешняя. Искусству вредит консерватизм, преднамеренность, сознательность». Это я и прочел Вигдорчику. Если мемуары появятся, значит, Лев Николаевич был не только краток, но и убедителен.

* * *

Не первое пришедшее ко мне после многих лет братания со словом (дай-то Бог, чтобы и слово так «думало»): «Писатель не должен стесняться себя в том, что он пишет».

В силу государственной необходимости

Поручили нам, режиссеру и двум литераторам, написать «ответственный сценарий республиканского значения». Режиссер выговорил условия.

Нам достались санаторные апартаменты секретаря ЦК по идеологии. Материальная среда этого эдема показала нам возможности нашего государства. В таких условиях мы за месяц написали сценарий, который удовлетворил заказчиков. Праздник прошел хорошо, мы удостоились личной благодарности и верховного рукопожатия.

Глядя преподносимые сегодняшним телевизором «легальные» кадры золотых и икорных приемов и тусовок, представляю, каковы же нынешние «подпольные» санатории, которые функционируют «в силу государственной необходимости». Какой впечатляющей силой наполнено это спокойное и могучее словоблудие: «В силу государственной необходимости»...

* * *

На театральном семинаре ВТО в еще несгоревшем тогда «Доме актера» на улице Горького на мой вопрос о принципах постановки оперы: «Как это объяснить?», Борис Покровский ответил: «Если хотите уничтожить искусство — попробуйте его объяснить».

Приличие безобразия

«Вишневый сад». Лопахин: «Всякое безобразие должно иметь свое приличие». Прямо в глаз сегодняшним, вывернувшимся наизнанку, нуворишам.

* * *

Узнав, сколько стоят похороны «социального» человека в Германии и, сравнив с сегодняшней ценой на это там, у нас, эмигранты сильно радовались. Шуточка... А ведь правда — радовались.

* * *

Читаю много и не лучшую литературу — пусть душа после непрерывной каторги имеет отдушину «легкого поведения». Иногда и там попадают мысли-факты, и в который раз понимаешь, — давно уже понято, — что и талантливые литераторы вы-

нуждены подстилать себя под нынешнего читателя: ерническое «кушать хочется» — стало чуть ли ни бронзовым оправданием «кушать подано». А что в момент эйфорического презентирования изувечиваются навсегда...

Привет сэру Уильяму Ли!

Для меня давно уже стало объективностью: сделанное на земле мужчиной, сделано исключительно ради женщины и для нее. Подтверждений не счесть. И Пушкин тут, и Толстой, Шаляпин, Чехов, Бунин... Извините, но и Маркс с Энгельсом тоже. Далее, при нормальных мужчинах,— везде. И на радость всем женщинам, а не только безвестной вязальщице Джейн, возлюбленной сэра Уильяма Ли. Он изобрел вязальный станок, чтобы облегчить труд любимой. В дальнейшем, благодаря этому, появились и чулки, и колготки. Какая без них женщина? Где были бы эти милые движения, позы, фигуры — тайны и неожиданные разгадки — вся высокая игра, предвещающая «голое» продление рода... А не влюбись сэр Ли?

* * *

Сегодня нарушено даже это — исконно наше! — триединое равенство — в церкви, кабаке и в бане. Всемогущая «троица» сегодня это — насилие, богатство, власть.

...в храмах фундаментальных сущностей

Многое можно стерпеть. Но когда созидатели социальной энтропии, при которой не то что жить,— достойно быть похороненным невозможно; когда они отправляют свои естественные нужды в храмах фундаментальных сущностей... Тут даже с нашей тренированностью не получается удержаться в рамках нормативной лексики. Но дело не в лексике. Дело в правде, которая еще и за столом-то не сидела; и в хлебе, которого всегда не хватает. И где же он, тот, самый Высший суд, обещанный вами, Михаил Юрьевич? Не пора ли,— человеческой истории на Земле миллион лет,— не пора ли, не дожидаясь помощи Неба... «Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик...»

Человеческое состояние души

Толпа не может быть счастливой. Агрессивной, опьяненной, экстатированной — от водки и крови, от обожания вождя... А счастливой — нет. Счастливым может быть, и то редко,— человек. Высшая форма счастья — вдвоем: мужчина и женщина. Но это так редко, что только подтверждает мысль о малой, даже математически, вероятности счастья. И если его из «вещи в себе» превратить в «вещь для себя», то откроется суть: счастье — редкий подарок небес избранным людям, абсолютно человеческое состояние души.

* * *

Артист Лев Прыгунов: «Русскому человеку важны не вещи, не явления, а то, что он о них думает». Ай да артист! Психолог и настоящий патриот.

Кельты

Мне всегда нравилось слово «кельты». Есть в нем таинственное и суровое наполнение. Отражается в этом слове древний народ не только с историей, что есть у всех народов, но и с судьбой. И судьба эта, как я понимаю, тесно связана с их образом жизни: они много воевали.

Недавно прочел книжку серьезного ученого о «жизни за чертой» и получил дополнительную порцию симпатии к кельтам. Они, оказывается, твердо, без малейшего

сомнения, верили в загробную жизнь. Это и понятно: слишком много смертей видел этот народ. Они очень сильно хотели встретиться со своими убитыми отцами, молодыми братьями, любимыми. И эта вера родила симпатичную и уникальную возможность, которую больше ни в каком народе мне не встретилась. Вы могли одолжить деньги на этом свете, а отдать их на том.

* * *

...Не принимайте процветающих героев за героев положительных. Чаще бывает наоборот. А сейчас — почти всегда.

«А теперь уже и не нужны...»

Большой поэт живет в Минске. Борис Жанчак. Слагает стихи, я бы сказал, по поручению Бога, и не рвется в печать. Читает друзьям, любителям поэзии, когда приглашают. Живет не суетно, спокойно, с легкой ироничной улыбкой «за пазухой». Я пишу о нем, не «ради» стихов, а только, чтобы вы прочли одно его высказывание. Записал, когда мы сидели на скамеечке у входа в Художественный музей, поджидая товарищей. «А теперь, когда сил не осталось, начинаешь понимать, что они уже и не нужны», — сказал он, и я так ясно представил: как много пройдено дорог...

Определение

Профессор Ростокского университета, Бергер, снайперски определил то, что происходит на бывших советских просторах: безудержный капитализм.

* * *

Днем он совершал грехи — большие и маленькие, это уж, как карта ляжет. Все определял текущий момент. А вечером, где-то так с 21.30 и до, примерно, 22.00 замамливал их перед иконой Божьей Матери, дорого купленной для этих нужд. Когда того требовала не только душа, но даже и желудок, — чувствительный, зараза, чуть подлянка выше нормы — расстраивается, как будто у него есть своя, автономная, поджелудочная совесть, — тогда уже и свечку перед иконой ставил.

* * *

Сказал это не литературовед, а историк оперы Герман Кречмер: «Литература хороша, когда слово служит. Литература плоха, когда слово становится самостоятельным».

* * *

«Кто в богатстве не заносится, а в бедности не пресмыкается все же ниже того, кто в богатстве благопристоен, а в бедности весел». Тут я стопроцентный конфуцианец. Жаль, нет возможности пожать ему руку. Ему и Омару Хайяму. Оба, но в разные для моего мировоззрения времена, как говорят на Украине, взьюшили мою душу.

* * *

Счастье, когда есть о ком тосковать. Оно же — несчастье.

* * *

Глаза за очками с плюсовыми диоптриями — будто взгляд голой биологической сути, неподверженной логике, недоступный морали, равнодушной, хладнокровной... Как взгляд гигантского всегда голодного насекомого. Может, это и есть истинный

человеческий взгляд? Ведь линза, ничего не меняя, только увеличивает. А если нет, то почему же в мире происходит то, что происходит?

...Только один «риторический» вопрос, всего один перед тем, как отведу взгляд от тебя, хлопчущей у плиты: «Сколько женщин в последнее время погибло на Земле от рукотворной смерти?» Бабушки,— теплое человеческое основание жизни своих внуков; матери-жены — сама жизнь отцов и детей; не любившие еще и не рожавшие девушки — надежда планеты... А сколько среди них таких красивых и драгоценных, как ты...?

* * *

Нет ничего прекраснее спящей любимой. Разве что смеющийся ребенок.

* * *

Пушкин Нащокину:

— Утром проснулся и не могу вспомнить... А ведь приснилось гениальное стихотворение... Ночью-то помнил. Хоть плачь, душа моя!

— Так чего же не встал записать?!

— Жаль было Наташу будить...

* * *

Пришло время эстетической прозорливости. Видно, настала ее пора. Теперь живу, доверяя эмоциям.

* * *

Как там говорил народный герой своему ординарцу: «Замечательная жизнь будет, Петька!» И какая же она сейчас, жизнь начала третьего тысячелетия...? Стыдно даже перед вечностью.

Где ЭТО родилось?

К любимой женщине возвращаешься и возвращаешься, и никак не надоест. Дай Бог, чтобы сердца хватило. И только она и одна она! Ворожба все же есть, ребята. Да знаю я, что вы скажете, знаю. Вы правы. В этом лесу нет двух одинаковых деревьев, как нет одного пирамидона на все головы. Но загадка же, одна на все головы, есть. Почему тебе смертно нужна только эта, а мне — неодолимо только та?

Мой мудрый друг, закаленный в этих боях, говорил, что все женщины созданы на единый манер, и что он еще не встретил ту, которая была бы устроена по-другому. Это так. Но тогда, действительно, выходит, что не «хлебом» единым. Хотя эта и сдоба, и земляника, и мед...

Весной стон стоит по всей земле, особенно у теплых морей, где женщины, обнажаясь, входят в синюю, круто соленую воду. Но все эти прелести и вкусы обретают для тебя смысл и становятся принадлежностью богини, а не только женщины с выразительной фигурой, когда глазам вдруг стало больно смотреть на нее.словно теплым ветром веянуло, и сердце на миг остановилось. Высоко-высоко улыбнулось Небо: «Пусть им будет сладко, а мне — жарко. И пусть сотворятся здоровые умные дети...»

— Боже,— ошеломленно шепнул я сам себе,— разве ЭТО здесь родилось?

Из моря выходила моя будущая жена. Тогда я увидел ее впервые.

Фобия

Я часто задавал себе вопрос: почему меня так привлекает, притягивает тема моего замостянского детства и юности; почему я всю жизнь пишу одну, “винницкую”, книгу. Конечно, каждый пишущий человек укладывает в фундамент любой книги

свой опыт — чужим до читателя не достучишься. Но что-то в моем пристрастии есть еще, кроме «толчкового момента» и психологической школы.

Я немало об этом думал и понял, что определенного ответа не найти, потому что область эта подчинена чувству, где вообще не бывает определенности. Но, радостно уходя от перманентной эмигрантской тоски-печали в свое прошлое, я, кажется, обнаружил одну из причин неизбывной душевной привязанности к моему поколению, без которого нет моего времени.

Тогдашние атланты уже отдержали небо на своих совсем не геркулесовых плечах. Держали так, что сами окаменели и стали землей. Кто его держит сейчас? Наверное, и вы заметили, что сегодня над нами низкое небо. Я думаю, что уроков, усвоенных нами на всю жизнь, сегодня даже случиться не может — человеческий материал иной. Когда-то я, сумасшедше влюбленный, говорил своей будущей жене: «Мы вступаем в полосу света! «Сегодня я хочу сказать, пусть только тем, кто это прочтет: «Вы вступили в эру духовной обломовщины». Если бы я так думал — я так чувствую. Здесь меньше ошибок. Хотя, может же быть у каждой эпохи своя полоса света и своя духовная обломовщина?

...Такой вот душевный протуберанец попросился быть написанным. Он и для меня самого хоть как-то прояснил одну из главных моих «фобий».

Белкания, Петя Килимчук и я

В Виннице одно время были хорошие автомеханики и врачи. И вот, чинит свою тогда редкую в частном владении машину «Волга» хороший «сердечный» хирург Ираклий Белкания. Я его хорошо знал: он моего отца спас. У отца был панкардит — воспаление всех оболочек сердца. Это редко кончается хорошо. А Белкания, главный хирург железнодорожной больницы и почетный железнодорожник, спас от смерти начальника поезда и тоже почетного железнодорожника, моего отца. Я, приехав в отпуск и узнав это, — мать не писала: отец не разрешал, да и согласна она была с ним, — пригласил Ираклия на наш стадион, поговорить и посидеть. Он с виду важный такой был, но не отказал. Только спросил, почему на стадион. Там много воздуха и мало людей, ответил я ему. Он кивнул, согласился.

Разложил я на скамейке сало, помидоры, хлеб, зелененький молодой лук и разлил в мамины серебряные стопки дяпипетин самогона, настоящий на хрене и клюкве. Выпили, разговорились. Я даже признался ему, что его хирургическая сестра мне понравилась. Он обещал познакомить. Тепло так получилось. Когда он кончил о себе рассказывать, самогон тоже кончился.

Разрешил мне написать о нем очерк под оригинальным названием «Главный хирург» в газету со смешным заголовком «Юго-западный железнодорожник». Не хотел принимать в подарок серебряные стопки. Но я сказал, что они и такие же ложки вместе с нами пережили войну, и больше ничего в доме от довоенных лет не осталось, и что если он их не возьмет, то обидит мою маму и нас с отцом. Он молча обнял меня и сказал — у него был сильный грузинский акцент: «Давай, слушай, будем всегда встречаться на этом стадионе и никогда в моей операционной». Что я мог сказать в ответ? Я сказал: «Давай!».

Ираклий был хорошим хирургом. А Петька Килимчук, мой одноклассник, сосед по нашему барачному дому и друг, был хороший автомеханик. Примерно, в такую же силу, как Ираклий хирург. И вот, сосватал я его Ираклию, когда у профессорской «Волги» мотор закапризничал.

Регулирует Петька какой-то там дроссель, — я в этом разбираюсь так же, как Петька в силлаботоническом стихосложении, — и спрашивает у Ираклия: «Сколько ты получаешь?» Услышав ответ, прервал работу и говорит: «Почему, же при одинаковой работе, — ты перебираешь моторы, и я перебираю моторы, — тебе платят в че-

тыре раза больше, чем мне»? Тогда Ираклий подходит к своей «лялечке», включает зажигание и говорит Петьке,— и я этот ответ не забыл до сей поры: «Перебери при работающем моторе».

В конце работы, когда мотор спел свою песню, как известная в то время певица Литвиненко-Вольгимут, мы, конечно взяли по малой чарке, и Петька, поблагодарив меня за такого клиента и, пожав профессорскую руку, сказал, что всегда будет рад Ираклию Ашотовичу.

Такая вот, помнится мне встреча представителей трех народов — украинского, грузинского и еврейского. Было время...

На кухне у моего друга Вити Фармагеса

Винница. Замостье. Сидим с Витей на кухне, закусываем после свежего самогона: сегодня ночью выгнали. Крепкий, зараза, как спирт, нескольких градусов до медицинского не хватило. Закуска настоящая — сало, домашняя колбаса «пальцем пханая», помидоры, красный сладкий лук, огуречики малосольные, конечно... Одним словом, хорошо.

Заходит Ваня, внук Витин, оторва, не хуже Яшки, хотя ему только пять лет. Сам Яшка говорит, что смена ему растет достойная: Замостье скучать не будет. И то! Людка, Витина жена и бабушка Ваньки, гордясь, называет его отродьем.

Рассказала мне такое. Входит она в «залу», а Ванька, ему тогда было года три, стоит на телевизоре, до пола метра полтора, а до двери метра четыре, и кричит: «Баба, лови!»... Как она эти метры в волейбольном броске преодолела и поймала внука,— объяснить не смогла, только сказала: «А я ж в волейбол никогда не играла... Так только на пляже, в кружочке. А вот же, поймала эту заразу!» «То, Люда, был не спорт, а инстинкт самосохранения: если бы Ванька убился, ты б гвоздик вбила, свила бы петельку и сама в нее полезла бы...» Договорить не успел — надо было спастись. Рука у Людки была нелегкая и быстрая. Даже любимые внуки это знали.

Так вот этот самый Ванечка, достойная смена «петлюровца» Яшки и любимое дитя Людки, для которого она была последней инстанцией, появляется посредине нашего с Витей дружеского завтрака и спрашивает: «Деда, ты с тетей Любой спишь?» Пауза нужна была для того, чтобы мы с Витей переглянулись долгим взглядом: от же ж бабы... ну же ж бабы... нема куда языка сунуть?... при детях несут абы што... даже если... то ж внук все же... Подруги, не разлей... Разбирайся тут, шоб лица не потерять...

Витька ответил твердо, как и полагается отвечать внуку: «Нет». Но ребенок был выраженным «почемучкой» — так напоминал мне меня... — и спросил: «Почему?». Витя нашелся быстрее, чем я мог предположить. А главное, он выдал ответ, который обрубал возможность дальнейших вопросов: «Бабушка не разрешает».

Ну, Витька!.. Без комментариев! Наливай!

Дядя Петя, мой сосед

Дядя Петя, мой сосед по винницкому дому-бараку, любил непонятные слова. Встретит такое слово и долго его учит. А потом поражает слушателей на Скамейке у подъезда. Несколько примеров:

— Посмотри, как сидит в своем кабинете начальник. Сразу видно, где шахрай, а где еще ничего. Особенно после проверок и ревизий. Незаметно так, оглядывается и трогает, трогает кресло под собой, убеждаясь, что оно еще есть, и это он на нем сидит... Или уже его нету и сидит он в совсем другом месте? Они ж токо тогда убеждаются, что не тотипотентные*, када их за зад берут.

* Всемогущие (лат.)

— Шо касаемо выпить-закусить. Скажу так: как его подавать, шо подавать, шо за чем, и шо после чего,— то не наш вопрос-пытання. А от, скоко пить, у чыстым виде, то вопрос наш и сильно серьезное пытання.

— Есть в нашей мове такое непреклонное слово из трех букв... Не-э, хлопцы, вы не то подумали. Када его говорят, то оно получается, как неукоснительное «нет!» А от, када пишут, то тада уже, как вы подумали.

Дядя Петя и дядько Мукомол перед налитыми чарками на нашей Скамейке. Дядько Мукомол нерешительно:

— Петро... Треба шось кнуты на низ...

Дядя Петя — решительно:

— Треба меньш кушать, Ярема, от, шо треба.

— Чому?

— Тому, шо закуска убивает градус.

— А-а... Ну, тоди поихалы...

Небольшая пауза

Дядя Петя:

— Ну, шо,— наливай по второй, шоб не хромать.

Открытые окна нашего дома. На втором этаже гремят кастрюли и бьются тарелки. На Скамейке мы и дядя Петя.

— Надо, если здесь жить, то изучать бронтологию,— говорит Левка, замостянский вундеркинд.

— А шо оно за одно? — немедленно спрашивает дядя Петя.

— Наука про гром.

— А-а... Если по той науке, то мы бы сейчас уже знали, попало Яреми у голову, чы, може, токо у стенку. Полезная наука. Скажи еще раз, как она называется?

— Бронтология.

— Надо запомнить... Достаньте, хлопцы, книжку про это. Мы с Яремой будем изучать, бо бывает, шо и моя Мотря тоже када-никада чем-то гремит...

Дневник дяди Пети

Почитал дядя Петя мою книжку о Виннице и, не удержался, показал толстую общую тетрадку:

— С недавнего, так года с два, записую сознательные мысли... Как считаешь, Клян, заголовок правильный или надо еще думать? — тихо спросил Цымбал, посвящая меня в «стыдную» тайну существования дневника.— Ни-ко-му! Понял? — уже не тихо и строго приказал. — На старости годов хреновню зайнялся...

— А тетя Мотя знает?

— Ты шо, совсем?! Она в первую чергу, не знает и знать не должна! И так пол-жизни нема, у чыстым виде...

На первой странице тетради печатными буквами редкими тогда черными чернилами было написано: «У чыстым виде». Я и сейчас завидую такому заголовку. Он был не только оригинальным, он душу автора распахивал навстречу будущему читателю. Вас сразу приглашали за стол, за которым будет праздник откровения и доверия, и чарка, как полагается, будет,— он обещал душе отдохновение.

Я сказал, что заголовок мне нравится. Дядя Петя, успокоившись, тут же снова заволновался:

— Може, читанешь, шо я там намалювал? Може, и не стоило... То опять сяду у домино и карты...

Взял я тетрадку...

Дяди Пети давно уже нет на Земле, а тетрадка, которую он подарил в последнюю нашу встречу, лежит у меня на столе. Часто я открываю ее — учусь...

Век прошел и тысячелетие. Вон, когда решился я вывести ее в свет, познакомить с читателями. Дядя Петя не обиделся бы, только спросил бы: «Считаешь, можно? Ну, тогда, у чыстым виде, пусть читают, хотя многовато там разных слов.. Ты ж знаешь, я их сильно люблю: за ними всегда есть шо-нибудь интересное».

Пусть читают, решил и я, слегка только приблизив дядипетин украинско-русский язык к русско-украинскому и сильно сократив объем. Уж это он мне простит. Не такое они нам прощали...

Выбранные места из тетради Дяди Пети Цымбала

Хорошая мысль: «Человек есть существо умное, но не мыслящее». Может, даже Эпикур сказал. А если бы был мыслящий, то сегодня жили бы мы с Мотрей и всем остальным человечеством у другом более приспособленном до людей мире.

План на сегодняшний день.

1. Успокоить нервы, бо Мотри будет плохо. 2. Поговорить с Мотрей 3. Успокоить нервы, бо могу наломать дров на все Замостье. Такой характер, у чыстым виде.

Алочка спрашует, как похудать ее Колечке, шо работает на мясокомбинате. Дал совета — пропиши ему угля, как у таких случаях советует наш сосед старый доктор Кутелык. Интересуется: у порошках или у таблетках? У мешках, говорю, пошли его на товарную станцию, вагоны разгружать, от.

Пришел и сел на скамейке Волощук. Недавно у него был удар, не двигалась левая половина всего тулова. Сейчас уже понемногу двигается. Говорит, шо настала старость, а ему токо срок пять годов. Я ему и сказал, када ты возбуждаешься не от горилки и женщины, а от грошей, тогда это старость. Засмеялся он одной половиной лица, другая еще не совсем. Но все-таки засмеялся. То — лучшее лекарство, от.

Сколько разов убеждаюся, шо женщины дуже не любят, када в них не видят женщину или, када в них видят токо женщину. То, у чыстым виде, шо им надо, шоб в них видели? У кого хочешь собьют прицел!

Идет со смены мясокомбинатный Коля. Муфта, собака наша общедомовая, зустрічает его за два квартала, ластится, прыгает: знает, шо получит какой кусочек продукции. А Коля ей виновато сообщает:

«Собачка Муфточка, звиняй меня, но сегодня комиссия была, БХЭСы шмонали, как гитлеры, ничего на смог украсти...» И шо вы думаете? Муфта все пойняла и простила его: побегла рядом.

Знаете, шо я вам скажу? Опыт своей жизни в серьезном вопросе. Спорют в сегодняшнем дне, чуть не до кулаков: хто это такой прячется под названием интеллигент. Даже такой самостоятельный человек как академик товарищ Лихачев увязался в этот двохконтинентальный спор.

Я же тоже человек, и мой голос единицы, что-то значит, бо лес складается из деревьев. И от я говорю свое мнение, которое, до слова, поддерживают и Гилько, и Серожа, и Лейзер, и Коля — тоже самостоятельные люди.

А вот и оно, мое мнение. Если ты много времени и непреклонно, почти перпендикулярно до своей жизни, думаешь над тем, шо тебя, а ну никак не касается и даже завтра будет тебе не нужно и, если у нас на скамейке тебе хотя бы раз в день задают вопроса: «Оно тебе надо?» — ты интеллигент.

У хорошего мужа — самовар всегда блистит, и жена всегда светится, у чистым виде. Потому шо муж этот есть кругом и всегда мужчина. Он не зависит от погоды и дня-ночи. Он всегда готовый до труда, обороны и доставления радости своей жене, от.

Читаю у книжке: «они занимались любовью». Шо то за время настало, если такое пишут и такое читають? Дай Бог, шоб любов займалась тобою, сынку-письменник, а не ты ею.

От, писню спиваты, як Литвиненко-Вольгимут, или, там, рисуваты, як той Куинджи, то есть подарунок Бога и батьки з маткой. А если ты не желаешь робыты, а желаешь байдыки бить, то это токо твое желание и расчутуйся за него ты и токо ты, у чистым виде.

Ото советують старые писатели, шоб молодые училися у народа. Был я на одной такой встрече у ДOME охфицеров. Там проходило собрание молодых письменников Винницкой области, шо пишут за армию. А я на то время чинил там водопровод: «колено» надо было менять. Ставили еще до войны. А в войну от дома одни стены, у чистым виде, остались, а колено стояло. Но скоко ж оно может стоять? Ну, чиню, а начальник Дома охфицеров, полковник, говорит: «Пока семинар пройдет, ты погуляй». А я остался.

Там и узнал, шо есть книги военные и заводские, колхозные и интеллигентские... А до этого думал, шо все книги за одно — за человека с его долей. А там, конечно, человек той может оказаться и сержантом и головою колхоза, и даже прохфесором...

Есть четыре вида жизни, на которые нельзя жалеть грошей, если они у тебя появились. Первое и неукоснительное — то есть женщина во всех ее видах, аж до самой жены. Второе — горилка, если за столом или на скамейке сидят с чарками твои друзья. Третье — на главный орган человека, на здоровье. И — на то, шоб твое дитя получило законченное среднее образование в виде десяти классов нашей железнодорожной школы номер тридцать два.

На этом завершим знакомство с документом жизни под названием «У чистым виде», автором которого был один из дядьков моего Замостья, один из моих учителей.

Живые изречения

Несколько изречений, которые путешествуют со мной с того момента, когда я их услышал. Живые, потому что не вычитано и не «чужое» — мое, «у чистым виде», как сказал бы дядя Петя, с которым я вас еще познакомлю..

Пацаном я много и серьезно болел. Мама, сидя у моей кровати, часто, как заклинание, истово произносила одну и ту же фразу: «*Мир фар дир!*» Идиша я не понимал и на вопрос, что это значит, мне отвечалось: «Это значит, что я тебя люблю». Позже я узнал, что переводиться эта мини-молитва так: «*Мне — вместо тебя*». То есть, я прошу (кого? — мама была неверующей) болезни моего сына отдать мне. Когда болеет или страдает дорогой мне человек, частенько беззвучно повторяю я мамино заклинание.

Со второго класса безумно влюблялся. И страдал. Судьба, видимо, решила закалять меня в этом внесистемном и ненадежном, но решающем для мужчины «деле». В результате такого решения судьбы, все, в кого я влюблялся, коварно меня бросали, и я жестоко, в клочья, страдал. Мои друзья, которые от того второго класса и, слава

Богу, до сего дня все еще мои друзья, будучи свидетелями моих многолетних мук, как друзья верные, тоже сочувственно страдали.

Однажды, после очередного фиаско, силой в девять «отелло» — «она любит Вальку Умецкого...» — один из нас, русоголовый красавец Юрка Лобов, выдал живое изречение, ставшее не только спутником моей жизни, но и одним из ее девизов: «Влюбляться надо не так, как солома горит, а так, как стоит пирамида Хеопса».

Это произошло в довольно-таки не серьезном возрасте — хотя, как считать: стаж-то был со второго класса,— но с той поры, не переставая влюбляться, я перестал страдать. Действительно, не хватало еще страдать пирамиде Хеопса.

Как-то моя маленькая внучка, под настроение, неосмотрительно отказавшись от подарка, опомнилась и решила все же получить его. Застенчиво,— именно так, по стеночке,— подойдя ко мне, сказала: «Дед... Давай все начнем сначала!». И мы все начали сначала. И все было, как любила говорить эта маленькая хитрюганка, просто замечательно. Много отдал бы взрослый человек, чтобы иметь возможность, хотя бы один раз начать все сначала...

А мой второй внук, назвал наши «встречательные» и «прощательные» объятия, объятиями «для любви». Как прекрасно русский язык приемлет это: «Давай обнимемся для любви!»

Как вы догадываетесь, из таких живых изречений каждый мал-мальски пишущий человек, мог бы составить свой словарь. Не хочу, чтобы было «пере». Пусть будет «недо». В нашем ремесле это всегда лучше.

Закончу нешуточным афоризмом, неожиданно подаренным мне знакомым уголовником-рецидивистом, которого я сумел увести из уже разгоревшейся драки: «Ты же на учете. Хочешь опять в зону? Ты, что, не понимаешь?» И тут я получил ответ, которому могут позавидовать отцы-философы: «Как я один могу понять их всех, когда они все не могут понять меня одного?»

* * *

Когда последний раз был в Виннице, по которой не сказать как истосковался, в застольном разговоре узнал я, что внук мой далекий и любимый не просто канадец, а по-замостянски, канадонец... Покатал я во рту это симпатичное, новое слово, помыслил его, и оно мне понравилось. Спасибо за него Замостью. А внук, как был за десять тысяч километров от меня, так и остался.

Да что надобно тебе, старче! Ноги носят. Обед каждый день на столе. Тихо-потиху что-то пишется. Иногда выпадает напечататься, иногда пообщаться с такими же, как ты, эмигрантами. Беды пока нет. Бомбы рядом, громко и страшно, не падают. Внук вот далеко... И так долго. Тихая беда. Бабушка вспомнилась: «Без беды не живем...» Получается, что в моем возрасте даже тогда, когда все вроде хорошо,— беда стоит на стреме. Тихо стоит. Ждет. Хрен тебе в глотку! Сейчас вот пойду и по телефону поговорю с внуком, с дочкой.

«Внук, я люблю тебя...Передай привет твоей девушке...» «Дед, я тоже тебя люблю. Поцелуй бабушку». Поглажу телефонную трубку: вот они, рядом. Обнялись. Представил. Это мы умеем — писатели же... И — несколько минут... чтобы никто не видел...

СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ. МУДРЫЕ МЫСЛИ

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ О БЕЛОЗЕРЕ

КОЕ ГДЕ СКАЗКИ, А КОЕ ГДЕ И НЕ СКАЗКИ
КОЕ ГДЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ, А КОЕ ГДЕ И НЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Через год Светлана снова приехала на все лето в гости к Белозеру.

О РОССИИ

— Белозер, — чуть ли не с порога спросила своего дядю Светлана, — напомни мне, почему нашу страну называют «Святая Русь»?

— Я тебе об этом рассказывал, но, как ты знаешь, повторение никому не мешает.

— Чуть-чуть помню: не «святая», а «Светая». Правильно?

— Правильно — «Светая». «Светлая» от слова «свет», а не от слова «свят». И поэтому — Светая, Светлая Русь. И все время, пока живет на земле человек, идет непримиримая борьба светлых и темных сил. Светлые силы — это потомки богов, а темные силы — это потомки тварей. С самых древних времен местом Светлых сил, их оплотом в этой борьбе была и пока остается Россия, наша Русь. Ведь Россия — единственная страна на земном шаре, которая носит название «святая», то есть Светая, Светлая Русь.

— Украинцы и белорусы тоже относятся к Расе?

— Конечно. Но ядром России, Российской Державы является Великая Русь и народ Великой Руси называется великороссами, то есть русскими.

— А белорусы — это народ Белой Руси, правильно?

— Правильно.

— А украинцы из какой Руси?

— Украина — это южная окраина России, которая называется Малой Русью и народ Малой Руси называется, соответственно, малороссами.

— Выходит, что все мы — Русский народ.

— Да, это — так. Но сегодня твари стараются разъединить народы России, чтобы их закабалить и уничтожить.

— Но мы же просто так не сдадимся?

— Не только не сдадимся, но и победим тварей, победим темные силы.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ

- Белозер, прошлым летом ты мне рассказывал, как произошли твари.
- Забыла, что ли? Напомнить?
- Не забыла, но напомни и еще Расскажи, как произошли люди.
- Люди, то есть люди РАСЫ — богорожденные существа: они — дети Перуна...
- Кто такой Перун?
- Вначале давай разберемся о происхождении людей, а потом я тебе расскажу о наших богах.
- Хорошо.
- Значит, люди Расы — дети Перуна, внуки Дажьбога, правнуки Сварога, праправнуки Вышеня. То есть люди порождены богами и являются их детьми. Но кроме богорожденных людей, имеются и богосотворенные существа, то есть твари.
- Напомни мне о них.
- Белозер улыбнулся.
- О повторении поговорим позже. Пока, напомню о сотворении. Некоторые утверждают, что они произошли от сотворенных существ — тварей: первый человек, который был искусственно сотворен из праха и первая женщина, которая была, якобы, создана из ребра первого человека, то есть клонирована. Клоны же являются двойниками существ и не имеют собственной Души и Совести.
- Да-да...
- И еще: богорожденные люди являются детьми божьими и почитают Богов как своих прародителей, а твари являются рабами своего Творца и под страхом наказания поклоняются и угождают ему. Поэтому твари — космические паразиты и способны они существовать, только паразитируя на теле планет и человеческом обществе. И Русская пословица кстати о тварях:
- *Образ человеческий, а думка скотская.*

О ПАРАЗИТАХ

- Белозер, прежде чем ты мне расскажешь о наших богах, Расскажи о паразитах.
- В биологии имеется наука паразитология, которая изучает явления паразитизма, жизнь паразитов и вызываемые этими паразитами болезни. Само слово «паразитизм» греческого происхождения и означает — нахлебник.
- И паразиты, как еще в 1934 году отмечал русский ученый Павловский, используют организм хозяина не только как источник питания, но и как место своего постоянного или временного обитания.
- И как же они связаны, эти паразиты, с тварями?
- Паразиты и есть твари, которые паразитируют на теле разных народов и их природных богатствах.
- Почему народы допускают такое, этот самый паразитизм?
- Твари в своих целях не брезгуют ничем: они врут, лгут направо и налево, даже — под присягой, используют в своих корыстных целях подлость, коварство, подкуп, шантаж, весь арсенал демонических способов.
- Но когда-нибудь народы избавятся от этих паразитов, верно?
- Обязательно избавятся и в этом избавлении на переднем крае всегда стояла, стоит и будет стоять Россия, Русский народ. Но есть еще и общественные паразиты.
- А эти — кто такие?
- Это всякие дебилы, дауны, идиоты, сумасшедшие и всякое другое отребье, не желающие или не способные полноценно трудиться на благо общества.

— Да, много нам предстоит работы, чтобы Россия была чистой и светлой страной, настоящей СВЕТОЙ РУСЬЮ.

О ПАРАЗИТАХ ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Белозер, ты живешь почти весь год в лесу, а я у тебя в лесу живу только летом. А остальное время живу в городе.

— Ты и зимой приезжаешь.

— Все равно — в городе живу долго. А в городе, как всем известно, живет много народа.

— К чему это ты такой разговор затеяла?

— В лесу ты с тварями и паразитами не встречаешься, но в городе-то они имеются или нет?

— Конечно, твари и паразиты, в основном, живут по городам, среди нормальных людей.

— Как же их различать?

— Ты знаешь, какой самый вонючий зверек на свете?

— Скунс американский.

— Такого же запаха пот в большом количестве выделяют и паразиты с тварями. Если струя скунса попадает на медведя гризли или пуму, то эти животные сходят с ума и погибают.

— Почему?

— В струе скунса и в поте содержится самое зловонное вещество в мире, которое не только является идеальным, если так можно сказать, канцерогеном, но и нервно-паралитическим ядом. Поэтому белые женщины, которые живут с человекоподобными существами, заканчивают свою жизнь онкологией.

— Значит, если встретишь такого чел..., такое человекоподобное существо, от него будет идти неприятный запах?

— Мягко сказала: неприятный запах. Невыносимый запах источают такие особи. А все — почему? А все потому, что эти вонючие вещества содержат в своем составе серу. Серой пахнут, как ты знаешь, темные силы — враги Славян. Еще у этих, так называемых, человекоподобных особей, встречаются в большом количестве болезни, который передаются по наследству и которых нет у Славян. И которые, вдобавок, являются болезнями вырождения.

ЕЩЕ РАЗ О ГРУППАХ КРОВИ

— Но главное отличие людей Расы от народов и наций то, что мы имеем первую группу крови.

— Ты это уже рассказывал.

— Добавлю к своему прежнему рассказу самую малость. Кровь первой группы резус положительная обладает самой сильной противомикробной и противовирусной защитой. У обладателей крови первой группы часто не прививается прививка.

— Что это значит?

— Это внутренние силы организма, его иммунитет справляется с чужеродными воздействиями в виде прививок. Также кровь первой группы справляется и с самой болезнью. То есть прививка не создала новую защиту — иммунитет присутствовал в крови. Присутствовал в крови, но не как память о перенесенной болезни, а присутствовал самостоятельно как нормальная деятельность хорошей крови. Крови первой группы.

— А четвертая группа?

— Кто имеет четвертую группу крови, часто переносит после прививки тяжелые осложнения. А врачи говорят, что прививка привилась. По сути, это — слабая кровь медленно и плохо сопротивляется чужеродному влиянию. Хотя, в конечном итоге и приобретает иммунитет, который отсутствовал. Поэтому, кто имеет четвертую группу крови чаще подвержен всяческим инфекционным болезням.

«БЕЛАЯ КОСТЬ» И «ГОЛУБАЯ КРОВЬ»

— Тебе, наверное, еще не встречались такие выражения, как «белая кость» и «голубая кровь»? — продолжает просвещать Светлану Белозер.

— Слышала где-то, но не поняла.

— Славяне давно подметили, что кости «гнилой интеллигенции» отличаются от костей простого народа. И нынешняя наука это доказала: белый цвет костей связан с нарушением соотношения кальция и фосфора в организме. Если есть нарушения — значит, имеется и патология: и получается, по меткому выражению народа, «гнилая интеллигенция».

— А «голубая кровь»?

— «Голубая кровь» — опять же, по научному определению, это кровь с отрицательным резус-фактором, который мешает нормальному деторождению. У обладателей такой крови и рождаются, в большинстве случаев, нежизнеспособные дети «синего цвета». А паразиты и твари опять все перевернули с головы на ноги, придумав выражение «голубая кровь». На самом деле «голубая кровь» — это признак вырождения, признак дегенерации.

О БОГАХ

— Теперь обещанный небольшой рассказ о наших богах.

— Слушаю внимательно.

— БОГ — значит, «богатый», то есть владеющий богатством — каким-нибудь миром, какой-либо стихией; покровительствующий народу, городу ремеслу, праздникам...

— А наши, Славянские БОГИ?

— ПЕРУН — сын ДАЖЬБОГА и ЛАДЫ, и он является отцом Русского народа. ПЕРУН — грозный бог по отношению к врагам Родины, но он же справедливый и милостивый к друзьям России. Для очищения и защиты своих детей и своих владений Перун-громовержец — защитник Руси — посылает свои молнии. Одна такая молния называется — ПЕРУНИЦА.

— Значит, ДАЖЬБОГ — отец ПЕРУНА?

— И Бог-покровитель рода Светорусов, то есть наш покровитель, а мы все — его внуки. ДАЖЬБОГ также является богом-хранителем древней Великой Мудрости и покровителем свадеб. Как раз о свадьбах у него имеются две хорошие заповеди:

«Кто любовь расточает, тот ее потеряет. Кто любовь излучает, тот ее умножает».

«Семейный союз, созданный без Божьего и родительского благословения, не защищен от страданий и непониманий».

— Расскажи, как понимается слово «Дажьбог».

— «Дажь» — это дать; «бог» — это бог. Получается — благодатель.

— У ДАЖЬБОГА кто отец?

— СВАРОГ — родоначальник всех славянских богов, а мы все — Сварожьи пра-

внуки. Все основные славянские Боги — дети СВАРОГА, поэтому и называются СВАРОЖИЧИ.

— У СВАРОГА тоже ведь есть отец или нет?

— На первый раз тебе и этого достаточно знать и, главное, помнить о наших Богах.

— Да, их надо помнить.

— И на «закуску» — пословицы:

— *Дай Бог — хорошо, а слава Богу — лучше!*

— *На Бога надейся, а сам не плошай.*

— *Каков Бог — такова ему и свечка.*

БИТЬ БАКЛУШИ

Однажды Светлана проснулась раньше прежнего от непонятного стука и выглянула в окошко. Белозер как-то странно маленьким топориком рубил полено и стучал по отколовшимся чурбачкам деревянным маленьким молотком.

— Белозер, солнышко еще не взошло, а ты непонятно чем занимаешься.

— Чего здесь непонятного — баклуши бью.

— Бьешь баклуши?

— Чему ты удивляешься? Бить баклуши — это не пустое, не бесполезное дело, как стараются твари и паразиты внушить людям.

— И я так думала, что бить баклуши — это бездельничать, ничего не делать, слоняться попусту по улице или дома.

— Я сейчас набью деревянных заготовок-баклушей и потом из них сделаю тебе тарелку, чашку, гребешок, ложку и даже вилку.

— И матрешек сделаю.

— Обязательно сделаю.

— Почему ты так рано этим занимаешься? Можно и днем бить твои баклуши, когда светло.

— Можно-то, конечно, можно, но для каждого человека — и для тебя тоже — бить, рубить и колоть баклуши нужно не только в определенный день, но и в определенный час. Мало того — для каждого человека необходимо определенное дерево, из которого бьют баклуши.

— Значит, сегодня пока солнышко не взошло — время бить баклуши для меня?

— Для тебя, для тебя.

ТОЛОЧЬ ВОДУ В СТУПЕ И ПИСАТЬ ВИЛАМИ НА ВОДЕ

На следующее утро, опять до восхода солнца, Белозер разбудил Светлану. Разбудил и предложил ей сходить с ним по воду.

— Почему так рано? — спросила она, тем не менее быстро одеваясь и расчесывая свои льняные длинные волосы деревянным гребешком.

— Сейчас мы с тобой обойдем семь родников и из каждого наберем в деревянные фляги воды.

— Почему нельзя набрать из одного родника и сразу ведро воды?

— Эти семь родников — особенные. О них никто, кроме меня, не знает. В них целебная, священная вода.

— И набирать ее, как и бить баклуши, надо в определенные дни и часы.

— Правильно. Но набрать воду — мало.

— Если вода набирается из семи — знаю, знаю: не священных, а СВЕЩЕННЫХ — родников, значит, потом эту воду надо смешать.

— Опять правильно.

До восхода солнца успели Белозер со Светланой обойти семь свещенных родников и набрать в каждой студеной воды. Набрали и заспешили домой, чтобы вовремя вылить воду в...

— Неужели — в ступу? — почти не удивилась Светлана.

Белозер аккуратно, чтобы не пролилось и капли свещенной воды, вылил содержимое семи деревянных фляжек, правильно, вылил в деревянную ступу.

— И сейчас ты будешь, конечно, воду в ступе толочь,— утвердительно сказала Светлана, совсем не удивляясь тому, что делает Белозер.

— Наши враги, враги Славянской культуры все перевернули с ног на голову.

— Догадываюсь, что «толочь воду в ступе» наши враги переиначили в бесполезное, бестолковое дело. Хотя, я тоже пока не понимаю, для чего нужно толочь воду в ступе?

— Ступа и пестик сделаны из определенной породы дерева, — Белозер начал медленными, плавными движениями размешивать воду в ступе, а затем несильно толочь.— При таком смешивании вода становится биоактивной, то есть она становится похожа на воду, которая находится в организме человека.

Белозер взял со стола небольшие деревянные вилы из трех зубцов, чуть больше столовой вилки, и начал водить ими по воде и что-то приговаривать.

— Водить вилами по воде — это значит делать воду более целебной, более полезной, более волшебной. Это — не то, что твари и паразиты пытаются нам навязать. И это — совсем другое, чем «зарядка» воды некоторыми шарлатанами по телевизору. — Он рассмеялся. — В древности ведуньи и волхвы таким способом готовили свещенную воду и снабжали ею каждую семью. А это вода — для тебя.

— Спа... Ой, чуть не забыла: благодарю, Белозерчик.

БЕРЕЗЕНЬ

Шла Светлана с Белозером по лесу и засмотрелись на стройную молодую сосну.

— На Новый год ее нарядить — глаз не оторвешь, — подходя ближе, заметила Светлана.

— Ты сказала правильно: нарядить, нарядить здесь в лесу, а не срубить и затем срубленную, мертвую нарядить.

— У кого же на такую красавицу поднимется топор?

— В этом лесу елки на утеху не рубят. Тем более, что настоящий СЛАВЯНСКИЙ Новый год начинается совсем-совсем не первого января.

— Расскажи об этом.

— В основе СЛАВЯНСКОГО календаря лежит солнечный календарь, по которому трудятся и празднуют свои праздники СЛАВЯНСКИЕ народы.

— И когда же наступает НАШ Новый год?

— СЛАВЯНСКИЙ Новый год наступает первого БЕРЕЗЕНЯ, когда начинается новый год в природе. Когда просыпаются березы. Как ты знаешь, березы — это древний образ РУСИ.

— По современному календарю — какое число?

— Первое БЕРЕЗЕНЯ — это, когда день равен ночи: 21 марта. В этот день кончается власть Зимы, начинается Весна и Масленица.

— Знаю, на Масленицу пекут блины и провожают зиму.

— А блины — это СОЛНЦЕ, наше ЯРИЛО.

— О других месяцах Весны расскажи.

ЦВЕТЕНЬ

— Второй месяц Весны начинается 21 апреля. В этот месяц наши предки славили Родуницу.

— У Есенина есть такие стихи. А почему — славили?

— Хм, я специально так сказал — узнать, заметишь ты или нет. Конечно, наши предки праздновали, мы празднуем и наши потомки тоже будут праздновать не только эти, но и все СЛАВЯНСКИЕ праздники. Это празднование начинается с вечера двадцатого апреля. Во всех семьях почитают своих предков и приносят им поминальные дары: кашу, пироги, печенье, яйца, раскрашенные узорными знаками.

— Как раскрашивают на Пасху.

— Во-первых, обычай красить на Пасху яйца у СЛАВЯН украли. Во-вторых, на Пасху, как ты правильно заметила, яйца красят, а СЛАВЯНЕ на яйца наносят определенные узоры.

— И в-третьих будет?

— В-третьих, Пасха отмечается в разные дни, отмечается по лунному календарю, а РОДУНИЦА Славянами отмечается в один и тот же день.

— По СОЛНЕЧНОМУ!

ТРАВЕНЬ

— Третий месяц весны — ТРАВЕНЬ начинается 22 мая. В этом месяце происходит пробуждение Земли. Первое ТРАВЕНЯ посвящен ЯРИЛЕ, нашему СОЛНЦУ. Это мужской праздник. В этот день проводят обряд посвящения мальчиков.

— А мы в школе мальчиков поздравляли на 23 февраля.

— Что поздравляли мальчиков — это правильно. И празднование этого дня — 23 февраля — навязали СЛАВЯНАМ их враги.

Светлана задумалась.

— Значит, мне больше не поздравлять вместе со всеми девочками наших мальчиков?

— Нет, поздравлять надо, но и помнить тоже надо о наших СЛАВЯНСКИХ праздниках. Настанет время, когда вся РАСА будет праздновать только свои СЛАВЯНСКИЕ праздники.

КРЕСЕНЬ

Наступило 22 июня, начало первого летнего месяца КРЕСЕНЯ — Летнее солнцестояние. Самый длинный день в году и самая короткая ночь. В этот день кончается Весна и наступает Лето. И в эти дни — с 20 по 25 июня — отмечаются Купальские праздники.

21 июня Светлана по совету Белозера собирала цветы, плела из них венки, припасала травы-обереги: полынь, зверобой, крапиву.

— В Купальскую ночь, — рассказывает Белозер, — то есть в ночь с 24 на 25 июня или в ночь с 3 на 4 КРЕСЕНЯ совершается почитание всех стихий Природы: водят хороводы вокруг костра, поют песни, устраивают игрища и позорища.

— Позорища? От слова «позор», что ли?

— Как и многие древние славянские слова, это слово тоже извратили твари и паразиты. На самом деле слово «позорища» означает зрелищные игры-обряды, которые проводятся на заре. В Купальскую ночь еще проводится и огневое очищение.

— Знаю: прыгают через костер и ходят по углям.
— Вот, и мы с тобой через два дня будем это делать. Не испугаешься?
— С тобой — никогда. Рассказывай дальше.
— После огневого очищения мы с тобой пойдем собирать волшебные травы: девясил, чернокбыль, зверобой, велесов корень, трипутник, тирлич, одолень-траву, разрыв-траву.
— Если праздник называется днем Купалы, значит будем и купаться в эту ночь?
— Обязательно будем купаться в небольшом озере, которое питается только семью священными родниками.
— Это те родники, из которых мы брали воду, чтобы молоть ее в ступе?
— Да — те родники. Когда будем купаться в озере, то есть очищаться от плохой, отрицательной энергии, мы будем с тобой петь гимн Сварогу и Купальцу.

ЧЕРВЕНЬ

— ЧЕРВЕНЬ — второй месяц лета, середина лета. Начинается 24 июля.
Белозер продолжает рассказывать Светлане о названиях СЛАВЯНСКИХ месяцев.
— Лето — красное, поэтому и месяц назван червнем, то есть красным. Этот месяц посвящен ЯРИЛЕ и ПЕРУНУ — богам Огня Небесного.
— ЯРИЛО — это Солнце, а ПЕРУН — Молнии, Перуницы, — добавила Светлана.

СЕРПЕНЬ

— Последний месяц лета, который начинается 24 августа.
— Назван так, наверное, от слова серп?
— Верно. Это месяц жатвы, уборки зерновых культур. В СЕРПЕНЬ проводят защитные обряды для хорошего сбора урожая не только на этот, но и на следующий год.
— И по грибы в этот месяц мы с тобой прошлый год ходили.
— Да, и собирали только самые лучшие из всех грибов — грибы первого класса, или первой категории. Ты не забыла — какие?
— Такие грибы не забудешь — белые и рыжики.
— Завтра с утра пораньше и пойдем за ними.

ОСЕННИЕ МЕСЯЦЫ

— Об осенних месяцах расскажу совсем коротко.
— Хорошо, — ответила Светлана.
— Первый месяц Осени — ВЕЛЕСЕНЬ начинается 24 сентября. В этот день прощаются с Летом. В это время день и ночь равны. И называется — осеннее равноденствие.
— А весной, в первый день БЕРЕЗЕНЯ — называется весенним равноденствием.
— Абсолютно правильно.
— Продолжай, Белозер, про осенние месяцы.
— Второй осенний месяц — ГРУДЕНЬ. Начинается он 24 октября. Третий месяц — ОВСЕНЬ, преддверие зимы. Начинается 23 ноября.

ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ

— Остались только зимние месяцы. Про них тоже расскажи коротко, — просит Светлана Белозера.

— Первый месяц Зимы — СТУДЕНЬ, начинается 23 декабря, а ночь с 21 на 22 декабря — самая длинная в году.

— А день — самый короткий, — добавляет Светлана.

— В этот день отмечают Рождество КОЛЯДЫ, которое было пять тысяч лет назад. Устраиваются игры, песни, состязания, гадания и моления. На КОЛЯДУ пекутся пироги, караваи, печенье. С этого дня светлое время суток начинает увеличиваться, а ночь — уменьшаться.

— Второй месяц Зимы самый холодный, — говорит Светлана, — и называется, наверное, каким-нибудь словом, которое связано с морозом, с холодом.

— Все правильно: этот месяц, который начинается 21 января, называется ЛЮТЕНЬ. В этот день все воды в водоемах делаются целебными, поэтому славяне купаются в освещенных водах. И никто после этого купания не болеет.

— Можно мне будет в этот день приехать к тебе и с тобой вместе купаться в нашем священном озере?

— Не только можно, но и нужно, — ответил Белозер и завершил свой рассказ о славянских месяцах. — Последний месяц года начинается 20 февраля и называется СЕЧЕНЬ.

— Теперь тоже буду знать о наших славянских названиях 12 месяцев.

— И рассказывать о них другим.

ОБ ИМЕНАХ СЛАВЯН

— Ты знаешь, — спросил Белозер Светлану, — почему наши предки называли себя СЛАВЯНАМИ?

— Пока не знаю.

— Называли себя так наши предки не только потому, что были славным родом, но более из-за того, что они жили в согласии с законами Всевышнего Бога и никогда ни о чем его не просили, а только славили.

— Почему наши предки ни о чем Бога не просили?

— Просить Его о чем-либо — это подозревать Его в том, что Он может что-то не сделать для нашей пользы. Поэтому и наши предки, и мы с тобой не нахлебники у Бога и не просим у Него ничего, а только Славу поем.

— И мы — СЛАВЯНЕ.

— В состав многих наших имен, — продолжал Белозер, — вошла «слава»: Богу-слав, Влади-слав, Добро-слав, Изя-слав, Миро-слав, Перея-слав, Свето-слав.

— Еще — Яро-слав.

— И не только «слава» вошла в славянские имена, но и в названия городов и других географических названий.

— Знаю: есть город Ярославль.

— И Переяславль, и Рославль, и Бриславль, и Братислава, и Славенское озеро и многое, многое другое.

ДРУГИЕ ИМЕНА СЛАВЯН

— В Славянских именах, — Белозер учит Светлану, — заключается не только глубокий смысл, но и Славянские имена заключают в себе глубокое содержание, ве-

личие, силу духа, благозвучие. Например имена, которые выражают миролюбие Славян: Будимир, Владимир, Драгомир, Ладимир, Любомир, Миран, Мирослав, Ратмир, Светомир, Яромир и много, много других имен.

— Другие имена о чем говорят?

— Имеются имена Славян, которые говорят о гостеприимстве: Будигость, Доброгость, Любогость, Радгость. Кроме того, всех заезжих купцов Славяне называли гостями, то есть Славяне уважали и с радушием встречали торговых людей.

— Это правильно.

— О душевных качествах Славян говорят имена: Добровит, Добрыня, Духовлад, Милодух, Радомысл. Есть имена, которые свидетельствуют о героизме: Громобой, Орлик, Скалогром, Сокол, Ярополк.

— Одни мужские имена, — как бы невзначай замечает Светлана.

— Славяне называют своих женщин именами, которые ласкают слух, которые являются источником радости, любви, нежности, мира, добра, согласия: Божена, Весела, Весняна, Голуба, Добромила, Забава, Красномира, Любава, Милослава, Нежана, Ненагляда, Пригода, Радмила, Услава, — Белозер нежно притянул к себе Светлану, распушил ее льняные волосы, — и, конечно же, Светлана, моя племянница Светлана.

— Какие красивые наши Славянские имена!

— И еще, — заканчивает рассказ про имена Белозер, — ни у одного народа нет таких имен: Вера, Надежда, Любовь — только у Русского народа, только у Славян.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ СЛАВЯН

Белозер продолжает рассказывать Светлане о культуре Славян.

— Все народы живут по своим законам, и у каждого народа, у каждой нации свои законы. У Славян тоже есть свои законы, свои заповеди. И самая главная наша, Славянская заповедь гласит: «ЖИВИТЕ ПО СОВЕСТИ — СВЯТО ЧТИТЕ ПРАРОДИТЕЛЯ, СВОИХ БОГОВ И ПРЕДКОВ».

— Хорошо, если все жили бы по этой заповеди.

— Тогда все были бы Славянами, но, к сожалению, нашу Землю еще населяют много, очень много тварей и паразитов. — Белозер тяжело вздохнул. — Продолжим о заповедях. Не только наши действия, но и слова и даже мысли дают добрые и злые плоды. Поэтому, когда нарушаются заповеди, люди совершают грехи. Грехи делятся на грехи мыслей, грехи слова, грехи действия.

— Какие же это — заповеди?

— Наши, Славянские заповеди в русском языке представлены множеством пословиц и поговорок. Приведу лишь небольшую часть пословиц, которые относятся к тем или иным грехам, когда нарушаются Славянские заповеди.

Грехи мыслью:

— *думы о чужом:*

— *На чужой каравай рот не разевай!*

— *Пожалей чужое — Бог даст свое!*

— *Свои сухари лучше чужих пирогов.*

— *думы о преступлении:*

— *Где клятва — тут и преступление.*

— *Чего в другом не любишь, того и сам не делай.*

— *Жизнь дана на добрые дела.*

— *думы о неверии:*

— *Как живем, так и умрем.*

— *Что Богу угодно, то и пригодно.*

— *От Бога отказаться — к сатане пристать.*

Грехи словом:

— *поношение:*

— *Других не суди, на себя погляди!*

— *Говорит про тебя, забыв себя.*

— *Кто кого обидит — того Бог ненавидит.*

— *ложь:*

— *Что ложиво, то и гнило.*

— *Раз солгал, а на век лгуном стал.*

— *Врать, так с людьми не знаться.*

— *клевета:*

— *Лихо тому, кто неправду творит кому.*

— *Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь.*

— *Бог любит праведника, а черт — ябедника.*

— *плохие слова:*

— *Слово — не воробей: вылетит, так не поймаешь.*

— *Язык мой — враг мой.*

— *Богу-то молись, да и черту не груби!*

Грехи действием:

— *воровство:*

— *Чужое добро боком выйдет.*

— *Украсть — в беду попасть.*

— *Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом.*

— *убийство:*

— *Убитый молчит, но за него спросится.*

— *По чужую голову идти — свою нести.*

— *Сгубить легко, да душе каково?*

— *прелюбодейание:*

— *Не бери жену богатую, а бери непочатую.*

— *Чья душа во грехе, та и в ответе.*

— *Жена по мужу честна.*

— *Сразу их и не запомнишь.*

— *Заповеди и не надо запоминать — их надо не нарушать и просто жить по ним.*

Жить каждый день, каждый час, каждую минуту и секунду.

— *Это-то — понятно.*

— *И прекрасно.*

ДЕСЯТЬ ПОРОКОВ

— Грехи по своей сути являются пороками,— говорит Белозер. — И чтобы обрести ВЫСШУЮ ПРАВСТВЕННОСТЬ, как учат древние Славянские книги, необходимо воздерживаться от пороков, которыми являются:

— **УБИЙСТВО** — то есть лишение жизни живого существа;

— **ВОРОВСТВО** — завладение имуществом другого без его согласия, независимо от ценности этого имущества; сам своровал или через посредничество;

— **РАЗВРАТ** — использование семени не по назначению;

— **ЛОЖЬ** — обман других словами и действием;

— **ЗЛОСЛОВИЕ** — ссорить и вносить раздор между людьми;

— **ПУСТОСЛОВИЕ** — разговоры о глупостях и пустяках, разговоры ни о чем;

— **БРАННЫЕ СЛОВА** — или высказанные в гневе, или высказанные преднамеренно — все равно как;

- ЗАВИСТЬ — желание чего-либо, которое принадлежит другому;
- ЗЛОНАМЕРЕННОСТЬ — желание причинить вред другим: или большой, или малый — без разницы;
- ЛОЖНЫЕ ВЗГЛЯДЫ — это неправильное понимание ИСТИННОЙ жизни.

ДЕСЯТЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

— Белозер, ты рассказал о грехах, а что написано в Славянских книгах о правильном поведении?

— Ты подметила верно: «ПРАВИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СВОЕЙ ЖИЗНИ». Это соответствует жизни по ВЫСШЕЙ НРАВСТВЕННОСТИ, которая достигается следованию десяти добродетелям, которые противоположны десяти порокам:

- ОХРАНА — защита Расы от паразитов;
- ПОЖЕРТВОВАНИЕ — добродетельное использование десятой части своих доходов на благо Расы;
- ДЕТОРОЖДЕНИЕ — воплощение в своих детях своих Предков;
- ПРАВДА — исполнение Заповедей Богов и Предков;
- ДРУЖЕЛЮБИЕ — отсутствие вражды;
- ДОБРОТА — отношение к другим, как к самому себе;
- БОГОСЛОВИЕ — объяснение Учения древних Славян или Вед;
- ЩЕДРОСТЬ — проявление великодушия;
- МИРОТВОРЧЕСТВО — дружелюбное отношение к другим людям и народам;
- ЗДРАВОМЫСЛИЕ — определения истины с помощью: мнения опытного человека; мнения предков; личного опыта.

— Если бы все жили только по этим Добродетелям — давно бы все люди жили бы счастливо, и не было бы никаких войн,— не по детски, подвела черту под разговором Светлана.

НАСТОЯЩИЕ ПОСЛОВИЦЫ СЛАВЯН

— Темные силы пытались и пытаются исказить не только Славянские заповеди,— под треск веток в костре Светлана вечером продолжала слушать Белозера,— но и наши, Славянские пословицы. Вернее, не исказить, а сказать пословицу не полностью, сказать только первую половину пословицы, недоговорить ее.

— Наверное, и я слышала такие пословицы.

— Конечно, слышала. Теперь о повторении. Есть такая пословица:

«Повторение — мать учения...», но темные силы, как я говорил, ее не договаривают. На самом деле пословица звучит так:

«Повторение — мать учения *и прибежище для лентяев*».

— Вот почему ты улыбался, когда повторял для меня о тварях.

— Все правильно: учить надо с первого раза. При повторении тратится время, которое необходимо для приобретения новых знаний.

— А какие еще пословицы, наши настоящие Славянские пословицы?

— Пожалуйста:

«В здоровом теле здоровый дух — *редкая удача*».

«В семье не без урода, *а из-за урода все не в угоду*».

«Голод не тетка, *а родная мать*».

«Кто старое помянет — тому глаз вон, *а кто забудет — тому оба*».

«Пьяному море по колено, *а лужа — по уши*».

«Тише едешь — дальше будешь *от того места, куда едешь*»

«Ударили по одной щеке — подставь другую, *но не позволяй себя ударить*».
— Вот они какие, оказываются, настоящие Славянские пословицы!

ОБ УДАРАХ ПО ЩЕКАМ

— Белозер, я что-то не поняла пословицу, когда надо «подставлять вторую щеку».

— Первая часть пословицы справедлива тогда, когда ударит погорячившийся приличный человек: ему подставили вторую щеку — он раскается о содеянном, у него проснется совесть, и он одумается при виде незащищенного человека.. Но если ударит по щеке садист, извращенец, изверг, то зло только будет увеличиваться, садист и дальше пойдет налево и направо ломать челюсти и поверит в свою безнаказанность, нагрешит еще больше.

— Для этого и нужна вторая половина пословицы.

— Не только. Ответственность за совершившееся зло ляжет и на ударившего, и на подставившего вторую щеку.

— Почему?

— Обиженный имел возможность остановить это зло, перейти ко второй части пословицы: дать отпор, дать сдачи, дать в рыло, если хочешь, нападавшему. То есть пресечь в самом начале нарождавшееся зло. Ибо — **НЕНАКАЗАННОЕ ЗЛО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ**, как утверждают наши ВЕДЫ.

— Как я поняла, когда защищаешься, то можно врага и убивать?

— Лишать жизни, то есть убить человека допустимо только в ШЕСТИ случаях:

— *когда нападают со смертельным оружием;*

— *когда пытаются убить;*

— *когда пытаются отравить;*

— *когда пытаются отобрать землю;*

— *когда пытаются поджечь дом;*

— *когда пытаются силой увести жену и детей.*

О ПОСЛОВИЦАХ

— О Славянских пословицах разобрались.

— Теперь будем разбираться о других?

— Теперь расскажу тебе, — Белозер подложил сухих веток в костер, — вообще о пословицах.

— Интересно.

— Пословицы — это солнечная мудрость Русского языка. Сколько существует Русский человек — столько существуют и Русские пословицы.

— Древние, значит.

— У пословиц очень емкий смысл, который проникает в самые скрытые уголки души, заставляет понять, а поняв, — изменить свою программу поведения. Два-три-четыре-пять слов в пословице, а какой кладезь Русской мудрости!

— Пословицы, как афоризмы?

— На афоризмы они похожи только своей краткостью, не более того. Конечно, многие афоризмы нравятся. Но мысли даже самых великих и самых едких насмешников всегда выражаются в словах с прямым смыслом, в их точном общеизвестном, обыденном значении. А пословицы даже о самих себе говорят со скрытым смыслом:

— *Голая речь — не пословица.*

— *Пословица не зря молвится.*

— Наш ум, — продолжает Белозер, — занятый ежедневной суетой, вначале воспринимает в пословицах прямой смысл слов. Но при этом, ум знает, что в скрытом смысле пословиц и содержится истина, содержится тайна. Тайна, которую надо раскрыть, а раскрыв, следовать ей.

РАЗБОЙНИК

— Белозер, ты живешь в таком дремучем лесу один и не боишься?

— И кого же мне бояться?

— Например, — Светлана чуть задумалась, — например, разбойников.

— Во-первых, разбойников, как ты их себе представляешь, здесь нет. Даже таких, как в «Бременских музыкантах».

— А во-вторых?

— Во-вторых, вернее, это будет во-первых: я ничего не боюсь, тем более каких-то разбойников.

— Тогда, что же — в-третьих?

— В-третьих, слово «разбойник» у Славян никакого отношения не имело к грабежу, убийству, вымогательству.

— Выходит, и это слово исказили темные силы?

— Исказили, конечно, две-три тысячи лет назад. Слушай: «раз» — это рекущий азы, то есть делающий; «бой» — бой, если хочешь — драка, поединок; «ник» — для победы.

— Что же получается?

— Получается: «Делающий бой для победы» или более подробно: «ДЕЛАЮЩИЙ БОЙ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ТЕМНЫМИ СИЛАМИ ВО СЛАВУ РУССКИХ БОГОВ И РУССКОГО НАРОДА».

— Хочу тоже быть ТАКИМ РАЗБОЙНИКОМ.

ПРЕСТУПНИК

— Белозер, с РАЗБОЙНИКАМИ мы разобрались, а кто такие — преступники?

— Изначально РАЗБОЙНИК не был преступником. Это потом темные силы стали РАЗБОЙНИКОВ ставить в один ряд с ворами, бандитами, мошенниками и другими подобными общественными паразитами, которые нарушают Заповеди Предков и Законы Богов. Мало того, твари и паразиты преподносят людям представление о преступниках, как о «романтической», «престижной» «профессии».

— Слышала случайно от бабушек, сидящих у подъезда нашего дома, как они говорили о похоронах какого-то вора Япончика.

— О нем не только бабульки говорили, о нем, о его похоронах только ленивый не писал и не вещал из «ящика». Это — наглядный пример того, как темные силы вора приравнивают к достойным людям. Но Закон Справедливости наших Славянских предков — я тебе о нем недавно говорил — гласит: НЕНАКАЗАННОЕ ЗЛО — УВЕЛИЧИВАЕТСЯ!

— И что же надо делать с преступниками?

— Каждого преступника надо наказывать так, чтобы он больше никогда не нарушал и даже в мыслях своих не имел желания нарушать Заповеди Предков и Законы Богов. А злостных паразитов необходимо уничтожать. Наши предки Славяне испокон веков считали, что место воров и бандитов — на колу.

БОГАТЫРЬ

- Расскажу тебе немного и о богатырях.
- Что про них рассказывать-то? Все богатыри — герои Русских сказок.
- Это кажется на первый взгляд. Темные силы и здесь постарались — исказили первоначальный смысл слова «богатырь».
- Неужели и «богатырь» означает какой-то другой смысл?
- Сама прислушайся, как звучит: «бога» — богатство, «тырь» — тырить, воровать, грабить.
- И получается, что слово «богатырь» означает — грабитель, вор.
- Вот так и искажают темные силы наши представления обо всем, о чем только можно.

УГОДНИК

- Я слышала слова «божий угодник», — допытывается Светлана у Белозера, — что они значат?
- Это такой человек, вернее, человекоподобное существо, которое угождает, подхалимствует темным силам.
- Я думала, что это — хорошие люди, которые со всеми живут хорошо, без ссор и драк.
- Они служат темным силам, и поэтому где угодники — там и всевозможные ссоры, разногласия и даже драки. И пословицы Славян про них:
— Темным силам нужны не праведники, а угодники.
— Всем угодлив, только никому не пригодлив.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

- Помнишь, я тебе рассказывал о ВЕСЯХ? — спросил Светлану Белозер.
- Конечно, помню. ВЕСИ — это люди, которые занимаются торговлей и выращивают коров.
- ВЕСИ не только занимаются торговлей и выращиванием коров. К ВЕСЯМ относятся и земледельцы, и ремесленники, и целители, и люди искусства, и представители многих других профессий. А еще ВЕСЕЙ называют НЕПРИКАСАЕМЫЕ.
- Значит, к ним нельзя прикасаться?
- Белозер рассмеялся.
- НЕПРИКАСАЕМЫЕ потому, что ВОИНЫ-ВИТЯЗИ никогда не использовали ВЕСЕЙ для боевых действий. Военное дело, как и другие дела, — занятие для профессионалов.
- И ВОИНЫ-ВИТЯЗИ были такими профессионалами?
- Да, Славянские ВОИНЫ-ВИТЯЗИ были настоящими профессионалами и им не было равных ни в поединках, ни в сражениях. С другой стороны, только твари и паразиты собирают свои армии из рабочих и крестьян. Им без разницы — сколько погибнет людей в ими же развязанных войнах.

О МОНАСТЫРЯХ

- Белозер, когда ехала к тебе я видела на высоком берегу Оки в Белеве большие белые стены и за ними купола церкви.

— Это — Белевский монастырь.
 — Чем там занимаются люди? Что они делают?
 — В монастырях обитают те, кто не способен вести семейную жизнь: и мужчины, и женщины.
 — Если мужчины и женщины живут вместе — значит, они образуют и семью?
 — Во-первых монастыри делятся на мужские и женские. Во-вторых, в монастырях не живут — я тебе сразу это сказал, — а обитают. Обитают монахи и монахини. Еще раз повторю: это такие люди, которые не способны содержать семью и поэтому ушедшие в монастырь.
 — И что означает по-славянски слово «монастырь»?
 — «Манас» — мышление, «тырь» — тырить, воровать; то есть обитель тех, кто не способен жить своим умом. Нормальные люди всегда живут в семье: женятся, рожают и воспитывают детей, чтут своих ПРАРОДИТЕЛЕЙ, РОДИТЕЛЕЙ и СВОИХ БОГОВ. Не обойтись и сейчас без Русских пословиц:
 — *Монахи да черти — одной шерсти.*
 — *Монах вином пропах.*
 — *Черней монаха не будешь.*

О КАЗАКАХ

— Казаки, казаки, едут, едут по Берлину наши казаки...
 Распевал знаменитую песню Белозер.
 — Расскажи мне про казаков, — просит Светлана.
 — КАЗАК — это боец военно-земледельческой общины вольных поселенцев, охраняющих границы России. Казаки служили не только на южных рубежах России, но и витязями, сражающимися с тварями «За Веру, Царя и Отечество».
 — Как давно это происходило?
 — Еще за несколько веков до новой эры русскоязычное казачье войско, которое называется СКИФЫ, охраняло Российскую границу по северному берегу Черного моря.
 — У Блока я читала замечательное стихотворение о СКИФАХ.
 — Умница. Продолжим о казаках. Ты, наверное, не знаешь, что ЗОЛОТАЯ ОРДА — это казачье войско, которое защищало южную границу России от тварей и которое сражалось с язычниками, отступившими от Веры предков и захватившими Киевскую Русь.
 — Первый раз слышу. Об этом в учебниках не пишут.
 — Тебе и не нужны никакие учебники.
 — Сама знаю, что ты меня обучишь лучше всяческих школьных учителей с их учебниками.
 — Об этом поговорим потом, а сейчас продолжим о казаках. ЗОЛОТАЯ ОРДА на 80 процентов состояла из ПОЛОВЦЕВ, которые имели волосы цвета половы или соломы, светлую кожу, голубые глаза и говорили исключительно по-русски. То есть ПОЛОВЦЫ — это тоже казаки, и Россия для охраны своих южных границ давала ПОЛОВЦАМ дань: с каждых десяти дворов собирали одного воина с конем, снаряжением и оружием и отправляли служить его в ЗОЛОТУЮ ОРДУ.
 — Защищать свою Родину, — закончила Светлана рассказ о казаках. — Защищать свою СВЕТЛУЮ РУСЬ.

БУКЕТ ЦВЕТОВ

Идут Белозер со Светланой по опушке леса. Вокруг пчелы, шмели жужжат — нектар с полевых и лесных цветов собирают.

— Ой, — воскликнула Светлана, — какой красивый цветочек.

И она наклонилась, чтобы сорвать его.

— Не надо, не рви, — остановил Светлану Белозер.

— Почему? Смотри — какие красивые цветы. Давай нарвем букет и поставим цветы дома в вазу.

— Ты знаешь, что цветы — это не только символ красоты и любви, но еще цветы — живые существа. Наши предки, Славяне не рвали цветы. Рвали лишь на Купальские дни, когда девушки плели венки и в венках водили хороводы.

— Еще рвали цветы знахари, — добавляет Светлана, — для своих целебных процедур.

— Правильно. Ведь сорванный цветок считается убитым существом. Поэтому Славяне не рвали просто так цветы — они цветы сажали: и в горшках, и в землю.

— И мы с тобой давай этот цветок, который я хотела сорвать, пересадим к тебе в сад. — Светлана присела на корточки и наклонилась над темно-оранжевым цветком. — Как он замечательно пахнет.

— Это — купальница. Вечером его и пересадим. У меня в саду купальницы такой окраски нет. Зоркая ты у меня.

Пчелы и шмели продолжали жужжать, собирая нектар с полевых и лесных цветов, опустились они и на не сорванную купальницу.

О ДУШЕ

Вечером того же дня Белозер вместе со Светланой осторожно пересадили понравившуюся им купальницу в сад.

— Белозер, цветы и другие растения, ты говорил, живые существа, а душа у них есть?

— Нет, ни растения, ни животные не имеют души. Душа присутствует только в человеческом царстве и образуется душа, когда приобретает духовный опыт.

— А есть люди, у которых нет души?

— Конечно, есть люди, которые не имеют духовного опыта. Значит, они не имеют и души. О таких людях говорят: «бездушный человек».

— У которых есть душа — как такие люди называются?

— Люди, которые имеют небольшой духовный опыт, имеют и маленькую душу. Это — «малодушный человек». Людей, которые обладают большим духовным опытом, величают: «великодушный человек».

— Потерять душу можно?

— Ее можно лишиться.

— Почему лишиться?

— Есть люди, которые ради своей наживы, своей выгоды продают душу.

— Кому продают?

— Ты, наверное, слышала выражение: «продать душу дьяволу»? Вот так и становится человек бездушным и выполняет волю темных сил.

— Выполняет приказы тварей и паразитов, — добавляет Светлана.

О КНИГАХ

За окном идет дождь. Светлана сидит на теплой русской печке — это такая печка, на которой в свое время разъезжал Емеля — и смотрит книги Белозера.

— Белозерчик, — обращается она к своему дяде, — у тебя такие старые книги. Ни одной новой нет.

— Книги — не старые, а древние. В них собраны мудрость и знания наших далеких предков. А что, как ты говоришь, в «новых», сегодняшних книгах? Происшествия разного рода, всяческие развлечения, всевозможные скандалы и прочая ерунда.

— В твоих книгах этого нет — я заметила.

— Естественно, нет. Славянская культура против обывательской литературы. Славяне используют книги только для сохранения знаний и сведений о ПОРЯДКЕ, о том, что ДОЛЖНО БЫТЬ, а не о том, что противоречит жизни. Не о том, что нарушает установленное обычаями предков течение жизни. И чем древнее обычай, тем он подлиннее — значит, и лучше.

— Лучше — для нас, — говорит Светлана.

Белозер заканчивает свою мысль:

— Наши предки, Славяне советуют людям жить как пчелы — собирать целебный нектар, а не уподобляться мухам, которые копаются во всяком дерьме и дряни.

ЮМОРИСТЫ

— Белозер, а книги с юмором, книги с анекдотами и карикатурами тоже плохие?

— Вслушайся, как звучит само слово «ЮМОР»: «ю» — ты, твоя; «мор» — смерть. Получается — твоя смерть. И отсюда выходит, что «юморист» — это тот, кто морит, умертвляет, кто относится к темным силам. И именно поэтому среди юмористов, сатириков и комедиантов очень мало Славян, мало Русских, в основном — паразиты и твари.

— По телевизору почти по всем программам выступают эти самые юмористы.

— Откуда ты все знаешь? — удивляется Белозер. — Ты что — все программы смотришь у себя в городе?

— С прошлого лета, как приехала от тебя, совсем не смотрела телевизор. Читала только книжки, какие ты мне дал. Про эти программы бабушки у подъезда рассказывают.

О ШКОЛЕ

Светлана листает книги Белозера.

— Ты научишь меня читать эти книги? Здесь есть непонятные буквы, которые я раньше нигде не видела.

— Сегодня и начнем.

— С тобой интересно, а осенью мне идти в первый класс — так не хочется.

— Поэтому будешь учиться у меня, у Кося, у Бабы Яги, у всех, кто тебе встречается. Хотя, ты и прошлое лето, и сейчас постоянно чему-то учишься. Тем более, что в школе тебя, как и других детей, ничему не научат. Если для других это — привычное, якобы, нормальное, явление, то для тебя это «обучение» абсолютно непригодно.

— Я и сама это знаю.

— Знаешь, но не совсем. Современный обучающий, педагогический процесс за-

ключается в передаче ученику информации. Которая в основном, заведомо неверная, или, по крайней мере, неполная. Что ведет, в конечном итоге, к невежеству.

— Чему-то в школах все-таки учат?

— Учат запоминать огромный объем информации. А настоящие учителя — это не те, кто передает информацию, а те, кто указывает ученику на его невежество. Отсюда: настоящий ученик — не тот, кто пытается изображать достойного ученика, а тот, кто с помощью учителя рассматривает, как в зеркале, свои ошибки и недостатки, чтобы обрести таким образом ЗНАНИЕ. И как гласит древняя мудрость:

— *Знающий не доказывает, доказывающий не знает.*

ЗЕМЛЯНИКА

Макушка лета. Ярило-солнце своими золотистыми лучами день-деньской заливают все живое на земле, дает свою неповторимую энергию людям, животным, растениям — всем, всем.

— Завтра встаем рано, — предупреждает Белозер Светлану. — Пойдем собирать землянику к далекому священному озеру.

— Ура!

Наутро, когда еще Ярило-солнце не взошло, они и отправились за земляникой.

— Земляника, — весело шагая по лесной тропинке, начал рассказывать Белозер, — особенная ягода. Это самая вкусная лесная ягода. Ни по вкусу, ни по аромату ей нет равных во всем мире. И витаминов, и других полезных веществ в землянике больше, чем в любой другой ягоде. Землянику необходимо есть все время, пока она созревает.

— Мы тоже будем ее каждый день есть?

— Конечно. Вначале соберем землянику на вырубках леса, где она созревает прежде всего, затем — на лесных опушках.

— Здорово. Наедемся на весь год. А землянику лучше всего с чем есть?

— Как твоей душе нравится, так и ешь: сорвал и сразу в рот или сварил варенье из нее. Но самое неповторимое лакомство — это, когда в тарелку наливаешь парного козьего молока, размешиваешь в молоке сахарный песок и насыпаешь в тарелку земляники. Вкус неповторимый, сравнить даже не с чем. Но землянику в тарелке толочь нельзя — молоко от кислоты в ягодах может свернуться.

— Как придем домой, так и сделаем. Чур, я буду доить козу.

Набрали в глиняные кувшинчики лесных красавиц. Накрыли крапивой, чтобы земляника дольше сохранилась свежей. Собрались идти обратно домой, как Светлана вскрикнула:

— Белозер, смотри — избушка какая-то на том берегу озера.

БАБА ЯГА

Белозер повернулся, чтобы Светлана не увидела его хитрой улыбки.

— Пойдем посмотрим, кто там живет.

— Пойдем, пойдем, — заторопила Светлана. С Белозером она ничего и никого не боялась. Не даст в обиду никому Белозер свою племянницу, свою ученицу.

Подожли к избушке.

— Мне издали она показалась избушкой на курьих ножках, в которой живет Баба Яга.

Только она это произнесла, как из избушки вышла совсем и не старая в льняном сарафане красивая женщина.

— Рада, рада видеть вас. Слышала, Белозер, про твою племянницу — вон, она какая: на тебя похожа. — Обнимая и трижды целуя Белозера, произнесла незнакомка.

— Здравствуйте, тетя! — приветствовала ее Светлана.

— Тетя-мотя, — она весело растрепала волосы Светлане. — Я — не тетя, я — БАБА ЯГА, страшная БАБА ЯГА.

— Какая же вы — страшная?

— Тебя разве Белозер не учил, что Славяне любого возраста обращаются друг к другу только на «ТЫ»?

— Учил, но не могу еще привыкнуть.

— Какие твои годы.

— Где же твоя ступа? Где кот ученый?

— Ступа с водой из семи священных родников ждет Белозера, чтобы он ее потолок и вилами на ней написал, а мы ее все перед обедом и выпьем.

— Белозер мне такую воду давал.

— Вот и хорошо. А кот спит на печке — к обеду подойдет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ О БАБЕ ЯГЕ

— Белозер, с Кощеем мы встречались — он мне понравился. И Баба Яга тоже очень и очень понравилась. Расскажи о ней подробнее. В сказках она совсем другая: поедает маленьких детей.

— Во-первых, не Баба Яга, а Баба Йога. В переводе на современный язык: «баба» — уважаемая, а «яга» — это йога, или, что одно и тоже, женщина-йог. И получается, что Баба Яга является на самом деле прекрасной женщиной, лесной волшебницей. Кроме того, она моя давнишняя знакомая и хорошая приятельница.

— А — во-вторых?

— Во-вторых, ни в одной русской сказке Баба Яга не ест детей. Это наши враги извратили образ Бабы Яги до прямо противоположного в виде злой старухи, которая пожирает детей. Она наоборот, покровительствует детям-сиротам и детям вообще. Она много знает, умеет лечить и людей, и зверей с птицами. Просто, она не любит людей слабых духом и жестко к ним относится. Но она всегда поможет тем, в ком чувствует смелость и силу духа.

— И тебе поможет?

— Мне-то в чем помогать?

Светлана улыбнулась.

— Поможет найти невесту. Баба Яга — все же волшебница.

Белозер и Светлана (мудрая, умная девочка, как и ее дядя из племени ВЕДУНОВ) персонажи выдуманные... на чуть-чуть, на самую малость... Этим летом автор снова с ними встречался — о чем и расскажет в следующих сказках...

Агубечир Хадарцев
(г. Владикавказ)

ИЗ МУДРЫХ МЫСЛЕЙ ВИНЕГРЕТ

Хадарцев Агубечир Еликоевич, (1912—2000), профессиональный военный, участник Великой Отечественной войны, кавалер 24 боевых правительственных орденов и медалей, будучи на пенсии, начал собирать пословицы, поговорки, афоризмы, напечатанные и просто услышанные, трансформированные неоднократно пересказом, и переиначенные в застольях, отражающих местный колорит. Некоторые мудрые мысли, высказанные самим автором, смешивались с услышанными ранее, образуя единый пласт афоризмов, отражая субъективное восприятие ветвистого дерева Истины.

1. Если боишься — не говори, если сказал — не бойся.
2. От всякого труда есть прибыль. От пустословия — ущерб.
3. Новорожденному теленку и тигр не страшен.
4. Степень учености не зависит от ученой степени.
5. Цени по заслугам, а не по услугам.
6. У человека нет другого выбора, кроме как быть человеком.
7. Когда человек доволен собой, ему трудно быть довольным другими.
8. Друзей во время пьянки много, а при расчете — никого.
9. И медведь становится другом зайцу, когда у того есть горшок с медом.
10. Ученых много, умных мало, и друга трудно отыскать.
11. Быть богатым — значит жить, довольствуясь тем, что имеешь.
12. Век живи и век учись — станешь долгожителем!
13. Общайся с карликами — заимеешь горб.
14. У людей, что много лгут, и свидетель тут как тут.
15. Скажи по-человечески — и зверь поймет!
16. Привыкшему к достатку — всего не достает.
17. Жизнь пчелиная — не мед.
18. Маленькие грехи почему-то очень быстро растут.
19. Не тот силен, кто льва скрутил, а тот, кто гнев в себе смирил.
20. Колесо истории не подмажешь.
21. Увы, нет двигателей вечных, но — сколько вечных тормозов!
22. Не говорите обо мне очень хорошо — я еще жив.
23. Не той масти козырь.
24. Кто, сражаясь — отступает, завтра снова в бой вступает.
25. Белые руки чужой труд любят.
26. Если ты думаешь, что много знаешь, то ты не знаешь главного: того, что ты не знаешь — гораздо больше.
27. Легче всего нести пустое.

28. Наша ложка узка, тащит все по три куска. Надо ложку развести, чтоб тащила по шести.
29. Лучше камни колотить, чем неверных жен учить.
30. Даже счастливый человек — плачет.
31. Пепел не вспыхнет, ушедшего — не вернешь.
32. Если время не согласно с тобой, то тебе придется согласиться со временем.
33. Если бы все, имеющие крылья, мед носили, его негде было бы хранить.
34. Много знает не тот, кто много жил, а кто много видел.
35. У того, кто говорит правду, конь должен стоять оседланным. Еще лучше, если у говорящего одна нога уже в стремях.
36. Когда кусает змея — об укусе комара не вспоминают.
37. Храбрость это умение управлять не только конем, но и собой.
38. Если селитра и сера будут в согласии, они не задержат пулю в стволе ружья.
31. Воронье гнездо отыщем по карканью.
32. Он также легко находил друзей, как и терял их.
33. Простых вещей не усложняй, а сложных не упрощай!
34. Одна ладонь не сделает хлопка.
35. Говорят, что и на колючке цветок растет.
36. Виновно разве солнце в том, что филин днем не видит?
37. Лучший памятник отцу — это его сын.
38. Черная шерсть от мытья не белеет.
39. Хоть в сапогах, хоть в валенках иди — след ног босых оставишь позади.
40. Сегодняшнее яйцо лучше обещанной на завтра курицы.
41. Лягнешь добро — останешься со злом.
42. Кто смеется над чужой бедой, у того своя беда на подходе.
43. Торопливость не есть быстрота. Торопятся — нагоняя. А быстро движется тот, кто идет впереди.
44. С крестьянина больше одной шкуры не сдерешь.
45. Молчанию учиться надо.
46. Пока до обещанного рая доберешься, одна душа только и останется.
47. Птица не жнет, не сеет, а господ кормит.
48. Плохая работа хуже воровства.
49. Каждый гений — сумасшедший, но это не значит, что каждый сумасшедший — гений.
50. В драке — что в плавании: надо руками махать.
51. В русских словах — общая кровь всех языков.
52. Речь становится уродом, если тяжелы слова.
53. Бойся молчунов — они раскаляются без слов.
54. Скороспелое и старится скоро.
55. Мы к старой пуговице часто — пришить стремимся новый фрак.
56. Часто смерть медлит к больному, но и там, где ее ожидают, она всегда появляется внезапно.
57. В злобе редкий человек умеет держать язык за зубами.
58. Поиск лучшего не вредит хорошему.
59. Правда зоркими глазами видит все и в темноте.
60. У человека есть странное умение видеть то, чего нет и не видеть того, что есть.
61. Ни одно поколение не избежало пренебрежительной иронии последующего.
62. Чиновник, лишенный поддержки сверху, чувствует себя, как баран, если предположить, что баран знает свою судьбу: быть однажды зарезанным.
63. Книги, как и живой человек, тоже умеют лгать.
64. Лучше быть головой мыши, чем хвостом слона.

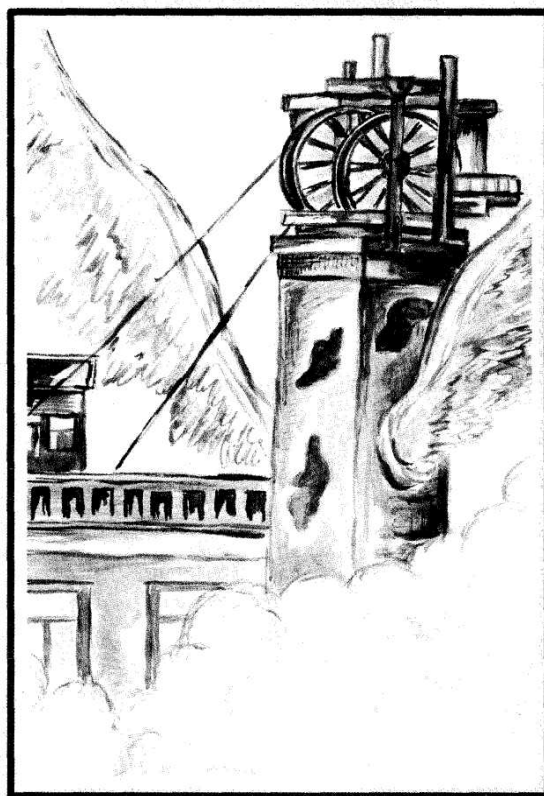
65. Кто скажет, чем закончится завтрашний день, если он еще не начался
66. Никто не соблюдает договор, перестающий приносить выгоду.
67. Свое вылетевшее слово — не поймашь, поэтому лучше ловить чужие слова.
68. Старая кожа — кора, а под ней — древесина познания.
69. Ты знания оставь себе, а похвалы — другим.
70. Даже война нуждается в отдыхе.
71. Сила не в споре, сила в согласии.
72. Всякий зверь шерстью линяет, но норы не меняет.
73. Старики вынуждены бодриться из зависти к молодым.
74. Сутулая спина сидеть в седле не мешает.
75. От смерти нет лекарства.
76. По умным определяют дураков, а по дуракам — умных.
77. Без оглядки не узнаешь, какой след оставляешь.
78. Свои собаки на своих не лают.
79. Огонь горит пламенем, а уголек тлением.
80. Не отказывайся от помощи друга. Он дает тебе ее взаймы.
81. Лению — лучше лежать жить.
82. Если не горит полено — дыма от него не жди.
83. Человека можно научить всему, но жить учиться надо самому.
84. Согнутая ветка распрямится, если не будет сломана.
85. Если лошадь воз везет, погонять ее не надо.
86. Вора ищут по следу.
87. Красоту увидеть нужно.
89. Все по-новому, да по-новому, а когда же будет по-доброму?
90. Хоть дубьем убей быка — не получишь молока.
91. Особенно много желающих подать руку помощи, когда ты уже на коне.
92. Огонь не различает своих от чужих.
93. Даже самая высокая гора не закроет от нас солнце.
94. Не надо денег ждать. Их надо заработать.
95. Вектор жизни направлен к смерти.
96. Кто много пьет — хватается за рог (один из двух, наставленных женою!)
97. Не знаешь меры своему желудку? Измерь ее: и в шутку скушай утку.
98. Тирана благословляют, когда он дает, и ненавидят, когда он бьет.
99. В наше время трудно разобраться: где святой грешник, а где грешный святой.
100. Свобода дороже богатства.

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

МИЛОВАНОВЫ

Родился и всю свою жизнь, Колька Милованов живет в старом дедовском доме, на самом краю шахтерского поселка. Народу когда-то в этой избе много проживало, но жизнь тяжким паровым катком прошла по огромной миловановской семье. Четверо Колькиных дядьев и тетка погибли в Великую Отечественную. Пятый дядька, офицер, погиб уже после войны. Его зверски замучили на Украине бандеровцы. А ведь всю войну мужик прошел... В каких только переделках не побывал...

Остальные (два сына и дочь), к тому времени уже много лет со своими семьями проживали отдельно. И только Колькин отец (как самый младший из братьев) остался жить в родительском доме.

Дом у Миловановых большой, пятистенный. С множеством хозяйственных построек и огромным садом, за которым синее небольшое, местами очень глубокое озеро с удивительно чистой и всегда холодной (даже в жаркое лето) водой.

Озеро это рукотворное. Давным-давно (еще при царе) за околицей деревушки с красивым названием Солнцево, был большой овраг. В нем на поверхность земли выходил пласт бурого угля. В конце 19-го века эти земли купили иностранцы и стали добывать там «горючий камень».

Колькиному деду тогда было уже лет двенадцать. Он хорошо помнил те времена и часто рассказывал своим домашним, как они с отцом подрабатывали у бельгийцев. На зиму к ним нанимались почти все деревенские мужики. Хлеба уберут, стога сметают, свадьбы сыграют — и на рудник. Деньжат подзаработать. В деревне у каждой семьи была своя специализация. Кто воду помпами откачивал. Кто кайлом махал. Кто добытый уголь на лошадях в Венев или Богородицк возил. Помощь от этого рудника мужикам в хозяйстве большая была. Слухи о богатом приданом солнцевских невест ходили по всей округе. Так ковырялись они лет двадцать, пока водяную жилу не нарушили... В мгновение ока все кругом затопило. Кто в этот момент в штольнях был, погибли...

С тех пор и плескается на задах миловановского дома озеро ледяной, кристально чистой воды.

В двадцатые годы прошлого века Советская власть построила в этих местах множество шахт, на которых стало работать две трети населения близлежащих сел, а когда-то вольная и богатая деревенька Солнцево превратилась в шахтерский поселок имени товарища Натана Сукерника. Кто такой этот т. Н. Сукерник, никто не знал (скорее всего, какой-нибудь пламенный революционер средней руки), но в деревушке вскоре появился клуб, высоченная пожарная каланча, электроподстанция и отделение милиции, с пивной и магазином.

* * *

В детстве у Кольки был настоящий плот, перешедший ему по наследству от двоюродных братьев, которые были на много лет старше его. Базировался плот возле мостика, специально сделанного для этой цели в камышах, густо растущих на мелководье с южной стороны озера. Сбитый железными скобами из старых железнодорожных шпал, он был громоздок, тяжел и очень неудобен в управлении, но, когда Колька поставил мачту и приладил к ней парус, сшитый им из старых мешков, все неудобства сразу забылись. Кем только он не представлял себя, плавая по озеру на плоту под парусом: и знаменитым путешественником и Синбадом-мореходом, и пиратом и, уж конечно, боевым прославленным капитаном. Взрослые поселковые парни частенько просили его плавсредство, чтобы покатать своих девчонок или половить с него рыбу. Колька Милованов жадным никогда не был и не отказывал никому.

Рыбы в озере водилось много, но еще больше было раков здоровенных, с огромными выпученными глазами и могучими клешнями. Такой если хватанет за палец, будто со всего маху молотком ударит. Поначалу Колька долго не мог заставить себя шарить рукой в норах, нащупывая там рака, но, в конце концов, страх свой пересилил и с тех пор считался на поселке одним из самых удачливых ловцов. На озере он знал все «рачьи места» и ловил их всегда сотнями.

По воскресным дням приходили старшие братья отца с семьями, в саду раскладывали огромный костер. Бабушка в большом ведерном чугуне варила на нем раков. Все Миловановы рассаживались вокруг него и, лакомясь пунцовыми страшилищами, неспешно, до глубокой ночи вели разговоры. Дядя (и даже вечно хмурый дед) хвалили Кольку, называли его кормильцем, добытчиком. Он был на седьмом небе от счастья. Ему даже раков есть не хотелось. Расшелушив крепкий панцирь, всегда отдавал белое нежное мясо своей сестренке-малолетке.

Бабушка, как наседка, окружив себя внучатами, начинала рассказывать про свою молодость. И по ее рассказам выходило, что при царе жить было очень даже хорошо. У ее отца была своя земля, на которой они сеяли рожь, ячмень. Хозяйство большое было, трудиться (особенно летом) приходилось от зари до зари. Зато зимой вольготничали.

Еще бабушка любила вспоминать, как она познакомилась с дедом.

Миловановы перед самой революцией построили свою паровую мельницу и первому, кому они мололи хлеб, был ее отец. Бабушка (тогда юная, красивая девушка) целый день помогала молодому симпатичному мельнику. Вернее — пыталась ему помочь. Парень, сильно смущаясь, к мешкам ее не подпускал. Старался делать все сам. Огромные, стокилограммовые чучалы с зерном играючи вскидывал себе на плечо и носил к зерноприемнику. Он разрешал ей только развязывать мешки с зерном и завязывать с мукой. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и под Новый год Миловановы прислали к ней сватов. К концу двадцатых годов у них уже было семеро детей - погодков. С ними жил еще бабушкин младший брат Колюня-дурачок. В раннем детстве он тяжело заболел. Все уже думали, не выживет. А Колюня выжил, но в развитии остановился, и к своим тридцати годам обладал разумом четырехлетнего

ребенка. Худощавый, с высоким, выпуклым лбом мыслителя, густой шевелюрой цвета платины и огромными синими-синими глазами, он был похож на православного святого или пророка.

Рассказывала она и про страшный голод. Перед ним два года подряд были неурожаи. С апреля начинались дожди и лили все всю весну и лето, не давая убрать ни сено, ни зерновые.

Хлеб делила всегда бабушка. Острым, как бритва ножом, она аккуратно по утрам отрезала всем детям равные кусочки. Колюня при этом всегда стоял рядом и канючил: «Сестра, сестра, а мне паю-ю-шку-у». Получив долю, он тут же уходил в свой закуток. Все съедали хлеб сразу, а Колькин отец (в то время Ванятка) всегда ждал, когда он зачерствеет, уверяя, что так его «должее» есть.

Голодали все. Особенно трудно приходилось детям. Они стали пухнуть. А самая младшая Настенька, наоборот, стала прозрачной и почти невесомой.

Но больше всех сдал Колюня. Очень похудел. Нос его заострился и загнулся, как у хищной птицы. А осенью, он вообще перестал выходить из своей каморки.

Умер Колюня на Покров тихо и незаметно. Утром, когда бабушка зашла к нему, он уже не дышал. Высохшее тело его терялось в складках старого лоскутного одеяла. На худом лице застыла улыбка. Возле его лежанки стояла пара старых растоптанных валенок, доверху набитых ломтиками хлеба и заплесневелым, сваренным в мундире, картофелем. Бабушка пересчитала Колюнины «паюшки» и поняла: последние полтора месяца он ничего не ел.

Подкармливаемые сбереженным Колюней хлебом дети, пошли на поправку.

Много еще чего рассказывала бабушка про свою нелегкую жизнь. Колька всегда слушал ее с открытым ртом, затаив дыхание, и на всю жизнь запомнил ее честные бесхитростные былинки.

Умерли они с дедом почти одновременно на семидесятом году жизни. Вся страна тогда готовилась к пятидесятилетию Великой Октябрьской революции. В тот день Колька возвратился поздно. Еще издали он увидел ярко освещенные окна родного дома. Возле калитки его встретила мать с младшей сестренкой. «Коль, а у нас дедушка умер», — как-то удивленно, опережая мать, сообщила ему малышка.

На девятый день после дедовых похорон, бабушка с утра поехала в епифанскую церковь. Заказала сорокоуст по усопшему рабу Божьему Ивану и долго, долго молилась. Дома накрыли стол и с соседями помянули покойного. Часов в семь вечера она легла отдохнуть и во сне, никого не беспокоя, тихо отошла ко Господу.

Когда Колька с улицы увидел, горевший во всех комнатах свет в своем доме, у него горестно екнуло сердце. Оставив веселую компанию друзей, он со всех ног кинулся домой.

С тех пор ночью он не может без волнения, смотреть на ярко освещенные окна.

* * *

После тех похорон Колькина жизнь разделилась на две части. На то, что было до того горестного юбилейного года и после. Раньше он на сто процентов был уверен, что и его близкие, и уж конечно он сам никогда-никогда не умрут. Да и вообще о смерти он старался не думать, хотя она постоянно напоминала о себе. То шахтеров на какой-нибудь шахте завалит, и весь поселок провожает их до кладбища. То из соседей или знакомых кто-то «глаза закроет». А тут, через неделю после бабушкиных похорон, трагически ушла из жизни (повесилась) его одноклассница Наташка Горелова. Семья у них была большая и неблагополучная. Пять человек детей. Родители — горькие пьяницы. Наташка была самой старшей. Жили они очень бедно. Дети питались через день, да и то чаще у соседей. Гореловых собирались лишить родительских прав, но местная власть все чего-то тянула.

Наташка редко принимала участие в играх поселковой детворы. Как заботливая нянька, она постоянно возилась с братишками и сестренками. А если когда и показывалась во дворе, то всегда была облеплена своей малышкой. Много лет подряд носила одно и то же платье и выданное ей в школе, бесформенное зимнее пальто.

Хоронила ее вся школа. Гроб утонул в цветах. Колька очень жалел Наташку. Горелова была хорошей, доброй девчонкой. А как пела! На районном смотре школьной художественной самодеятельности ей за исполнение песни «Лада» даже грамоту с ценным подарком дали, но самое главное (что особо ценил Колька) — она не была болтушкой.

Года два назад они всем классом ходили в поселковый парк, собирали там осенние листья для гербария. Колька, желая похвастаться перед друзьями своим новым поджигным пистолетом, прихватил его с собой. Когда все разбрелись по парку, он не целясь, выстрелил в засохшее дерево. И надо же тому было случиться, там, неподалеку, оказалась Наташка. Заряд свинцовых дробинок угодил ей прямо в ногу. Пошла кровь. Еле-еле сдерживая слезы, молча, она быстро перевязала своим чулком лодыжку и дома сама цыганской иглой выковыряла из ноги всю дробь.

Конечно, в школе про это тут же все узнали, но только не от Наташки. Колька в этом был свято уверен. Скорее всего, проболтался кто-то из ребят, бывших тогда с ним. Его вызвали с родителями к директору школы. Там же была Наташка Горелова со своей вечно пьяной матерью и участковым. И как не допытывались у нее родители, директор и даже суровый пожилой милиционер — она ничего не сказала. Упрямо твердила, что напоролась на сучок.

И ничего здесь удивительного не было. Вся школа знала, что Наташка Горелова была по уши влюблена в Кольку Милованова. Наши девчонки из класса про это все уши ему прожужжали. В глубине души осознавать это Кольке ой, как приятно было, но ответить на Наташкину любовь он тогда был не готов. Стеснялся что ли?.. И чтобы показать своим друзьям, что ему все до лампочки, то портфелем ее по спине ударит, то при всем классе шаболдой назовет.

Когда гроб с Наташкой опустили в могилу, и мерзлые комья земли глухо застучали о его крышку, Колька, глядя на ее пьяных родителей, вдруг с небывалой остротой и болью ощутил и свою вину перед Наташкой Гореловой.

Через два года Колькиного соседа и закадычного друга Мишку Сокола провожали в армию. Кто-то из ребят принес магнитофон со старыми записями. Среди ночи динамики мощно выплеснули: «под железный звон кольчуги...». Все ринулась плясать «шейк», а Колька Милованов, искуриив подряд две сигареты, незаметно вышел на улицу.

Стояла глубокая осень. Было очень свежо. На клумбе у Дома Культуры, он нарвал большой букет бессмертников и пошел на старое кладбище, где просидел на Наташкиной могиле до самого рассвета. Девчонки потом болтали, будто он там всю ночь плакал...

«ОТЧИМ»

Своего родного отца Мишка Сокол не помнил. Он бросил их с матерью, когда ему еще и года не было. Поехал вроде бы на север за длинным рублем и пропал. И куда только Мишкина мать ни писала, к кому она только не обращалась. Даже во Всесоюзный розыск подавала. Да все бестолку. Потерялся Сергей Яковлевич Сокол на бескрайних российских просторах. Растворился, как кусок рафинада в кружке кипятка. Может семью новую завел, а может, и прибили где. А какой мужчина был! Как на аккордеоне играл!.. Сколько песен знал!.. А уж как плясать пойдет!..

Бесчисленное количество раз слышал Мишка эти слова от знакомых и совсем незнакомых ему теток. Ах, как хотелось в этот момент мальчишке взять отца за руку и пройти с ним по поселку. А еще лучше: первого мая, на отцовских плечах, как на корабле, проплыть по площади мимо наспех сделанной деревянной трибуны, битком набитой толстыми дядьками в шляпах. Но... Он даже снился ему как бы издали, всегда играющим на аккордеоне и поющим одну и ту же частушку:

*Бабы спорили на даче
У кого нога лохмаче.
Оказалось всех лохмаче
У самой хозяйки дачи.*

Эту песенку Мишка слышал от поселившегося у их соседки тети Клавды молодого, нагловатого парня. Про него говорили, что он москвич и уголовник. И что после очередного лагерного срока власти запретили ему жить в столице, определив местожительством сто первый километр. Этим километром оказался Мишкин барак.

Новый сосед очень интересовал и пугал Мишку одновременно. Разбитной и не жадный, он часто угощал его мороженым. Показывал удивительные фокусы на картах. Здорово играл на гитаре, неплохо пел. Только вот песни у него были все какие-то жалобные, половину слов в которых никто не понимал.

Мишке очень нравилось, когда он, при всех соседях, называл его сынком: «Слышь, сынок. Сбегай за куревом. Сдачу себе оставь!...». Мишка, как на крыльях, летел в магазин за папиросами. И дело было тут совсем не в сдаче...

Их соседка Дуська Сазонова, молодая скандальная бабенка и сплетница, посмеиваясь, за глаза стала звать сожителя тети Клавды «отчимом».

Пьяный, он становился злым, страшно ругался, хватался за нож и кидался на всех драться. Уговорить, успокоить его не было никакой возможности. На утро, проспавшись, с наглым видом просил у всего барака прощения, обещая, что этого больше никогда не повторится. Но проходила неделя, другая и все повторялось снова.

Работать Витю Пазухина, милиция устроила на одну из шахт, где он за месяц успел перебрать все профессии. На проходке тяжело, в лаве опасно, на дренажах сыровато... «Пусть там бобры работают», — устроившись на сухих горбылях, в полудреме усмехался он про себя. Если кто-то из напарников начинал возмущаться, он вскакивал и, кляцнув рандолевными зубами, с блатным надрывом и распальцовкой объяснял: «Тебе фэззушник в натуре без всяких, шевелюшки ведь нужны, а мне только стаж голенький!». И завернувшись в телогрейку, на три размера больше его щедедушного, синего от многочисленных татуировок тела, отходил ко сну.

По всему было видно, что «пассажир» он здесь временный и если бы не наш участковый (патологически ненавидевший всякую блатату), Витя к шахте и на километр не подошел бы. Себя бы он и картами прокормил. По вечерам у него всегда собирались человек по десять картежников. Играли в «очко» и «секу». «Шкурил» всех Пазухин без зазрения совести. А ведь мно-о-гие замечали, что играет москвич нечестно, но, что греха таить, побаивались. Чуть что — вскочит и сразу за финку... Получки, авансы и даже «выслугу лет» оставляла за его колченогим столом наша подгулявшая шахтерня.

Все замужние женщины люто возненавидели «Витю-тюремщика» и, собираясь у водопроводных колонок, дружно проклинали столичного урку, призывая на его лысеющую голову все существующие на свете кары.

Вокруг него постоянно крутились какие-то темные подозрительные личности. С местной шпаной он близко не сходил, но был у них в большом авторитете. Полгода назад на День Шахтера в поселковом парке вспыхнула страшная драка с поножовщиной. Зачинщиком был москвич. Да и резал он. Статья «светила» ему «тяжелая». Но наши «придурки» все на себя взяли.

Так бы и ходил заезжий уркаган по шахтерскому поселку королем, да только вот не пофартило ему.

Витя Пазухин по жизни был вор. Родился и вырос он в Москве, рядом со знаменитым Птичьим рынком, где уже с младенческих лет всюю обирал в «стельку» пьяных инвалидов, которых в столице (да и где их тогда только не было, война ведь недавно закончилась) было множество. Подрастая, «промышлял» на вокзалах, в городском транспорте, метро. Карманник из него неплохой получился. И «коню понятно», когда на шахтах выдавали зарплату, он не мог отказать себе в удовольствии «пощипать» в переполненных автобусах.

Но в тот новогодний вечер не повезло ему. То ли удача подвела, то ли сноровка воровская... Прямо за руку поймали. Остановили автобус. Выволокли наружу. Обыскали. Нашли кошелек с восемьюдесятью рублями и три плоских газетных сверточка, с чьими-то зарплатами. У кошелька сразу хозяин нашелся. Тут бы Пазухину и повиниться. Прощения у народа попросить. Глядишь, и обошлось бы. А он по привычке на «понтах» хотел выехать. Зубами зацелкал. По «фене заботал». Тут-то «рандоль» ему и всю выбили. С полчаса смертным боем били. Ненавидевшие Витю женщины, со слезами умоляли мужиков отпустить «тюремщика». Но не на шутку расхोдившиеся шахтеры, продолжая избивать, поволокли вора к грузовому стволу. Там их встретил, предупрежденный кем-то, главный инженер. Его, как щенка, отшвырнули в сторону. Когда вручную подняли тяжеленную решетку, ограждающую бездонный ствол, Витя Пазухин заверещал, как попавший в капкан заяц.

Главный, видя, что сейчас произойдет нечто страшное, встал на колени и закричал: «Ребята! Милые! Не делайте этого! Вас же пересаживают всех!!!». То ли вид униженного, стоящего на коленях главного инженера, то ли, переходящий в визг, крик Вити Пазухина подействовали, но мужики вдруг остановились и, не глядя друг на друга, разошлись.

* * *

Мишкина мать, Светлана Евгеньевна Сокол, работала медсестрой в шахтном медпункте. Работа хлопотная (травмы под землей почти каждый день), но уж очень малооплачиваемая. На один сестринский оклад с ребенком прожить было трудно, и она постоянно где-нибудь подрабатывала. Полы на полставки в шахтных кабинетах и коридорах мыла. В праздничные дни подменяла своих обеспеченных коллег. В выходные картошку с морковью на овощехранилище перебирала. В общем, чтобы лишний рубль заработать, ни от какой работы не отказывалась.

Все праздники (новогодние особенно), Мишка встречал всегда с матерью у нее на работе. Чаю с шоколадными конфетами напьются, обнимутся и под бой кремлевских курантов заветные желания загадывают. Кто что загадал, друг другу никогда не говорили. Но Мишка и так прекрасно знал, о чем думала его мама, потому что и сам подумал о том же: «Чтобы отец, наконец-то объявился». Минут через десять под приветственное слово вождей к советскому народу он уже сладко посапывал на жестком, обитом желтой клеенкой топчане, от которого так сильно пахло больницей, и Новый год у него еще долго-долго потом ассоциировался с запахом лекарств.

В тот вечер они с матерью, как всегда приняли смену, и уже было собрались наряжать самодельными игрушками пушистую, пахнущую зимним лесом елочку, как открылась входная дверь и рабочие, внесли в медпункт грубые, самодельные носилки. В лежащей на них растерзанной окровавленной фигуре, Мишка не сразу признал своего соседа. Узнав в чем дело, Светлана Евгеньевна определила явные повреждения (перелом ключицы, руки, ребер), и стала оказывать первую помощь находящемуся в полной прострации Вите Пазухину. Когда она накладывала на его сломанную руку шину, он пришел в себя, и, пытаясь, изобразить на своем изуродованном лице

улыбку, обдирая прокушенный и распухший язык об острые осколки зубов, разбитыми вдрызг губами прошепелявил Мишке: «В натуре, шинок, беш всяких, «под молотки» попал». Вкатив ему лошадиную дозу обезболивающего, они с матерью на шахтной летучке повезли его в районную больницу.

В Старый Новый год умерла тетя Клава, женщина, с которой сожительствовал Витя-тюремщик. Замерзла. Возвращаясь с гостей, присела на лавочку (под своим же окном) и задремала. Ранним утром, ее обнаружили мертвой, идущие на работу слесаря-ремонтники. «Полное переохлаждение организма» — констатировал врач скорой помощи. Хоронили горемыку всем баракком. хлопоты по похоронам взяла на себя Светлана Евгеньевна. Шахта, где покойница работала, помогла с гробом, с транспортом и могильщиками. Пятнадцать рублей на погребение выдал профсоюз. По тройку на поминки сбросились соседи.

Поминали еще не старую безродную шахтерку всем баракком на общей кухне.

Бывая по своим медпунктовским делам в районной больнице, Светлана Евгеньевна как-то зашла проведать и за одно передать Пазухину оставшиеся с поминок продукты. Какой-никакой, а сосед все-таки.

Она ожидала увидеть его закованным в гипс, лежащим на специальной кровати, и очень удивилась, когда в палате больного не оказалось. «Опять, наверное, в курилке, побаски свои срамные рассказывает», — махнула рукой в конец коридора перебивавшая чью-то постель пожилая нянечка.

Собрав вокруг себя с десятков ходячих и выздоравливающих, Витя Пазухин, что называется, «на холодную» «гнул» им одну из своих многочисленных воровских баск.

Загипсованная правая рука, как плеть свисала вдоль его туловища. Туго связанные между собой бинтом на спине матерчатые кольца оттягивали узенькие плечи Пазухина далеко назад. На выдавшейся при этом вперед остренькой цыплячьей Витиной груди уморительно смотрелись, с большим искусством вытатуированные синей тушью васнецовские богатыри. Маленький, с голым торсом, одетый в широкие, на два размера больше сожженные хлоркой больничные штаны, он показался ей весьма жалким и убогим.

Увидев свою соседку в дверях курилки, Витя и бровью не повел. И едва выслушав горестные вести, забросал ее откровенно наглыми, нескромными просьбами. Светлану Евгеньевну неприятно удивило и покорило, с каким равнодушием он отнесся к смерти своей сожительницы, когда-то принявшей и прописавшей его (отовсюду гонимого) на своей жилплощади. Этой простой, еще нестарой русской женщины, одной из тех, чьи женихи своими телами буквально устлали поля Западной Европы.

Через полчаса, ошарашенная его наглой бесцеремонностью, она уже покупала ему в универмаге трусы. По дороге домой, в автобусе, Светлана Евгеньевна вдруг поймала себя на мысли, что ей необычайно приятно было, выбирать в магазине мужское белье.

Через два с половиной месяца Витю-тюремщика из больницы выписали. Появился он под вечер пополневший, посвежевший и, как всегда, наглый. Комната умершей сожительницы осталась за ним.

С пьянкой он «завязал», о чем тут же уведомил всех своих соседей. Вставил зубы. Приоделся. Раза два к нему приходил участковый милиционер. О чем они говорили неизвестно, но с шахты Витя Пазухин рассчитался, а вскоре и вовсе пропал. И правильно сделал. У нас его, наверняка, доби́ли бы.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Галина Целищева
(г. Чита)

АЗИЯ

Галина Целищева родилась в д. Согом Тюменской области. Окончила Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Живет в Чите. Автор четырех поэтических сборников: «Время перемен» (2004), «Откровение» (2005), «В потоке солнечного ветра» (2006), «Серебряный рыцарь» (2007). Учитесь в Литературном институте им. А. М. Горького на Высших литературных курсах. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член Союза писателей России. Представлена к публикации членом редколлегии «Приокских зорь» Валентином Сорокиным.

АЗИЯ

Как пуп Земли — долина на Ононе...
Такыр — морщины времени на ней.
Средь жестких трав — выносливые кони —
потомки чингисхановских коней.

Не долетают ветры с океана...
Долина лижет илистую пыль.
Дыханье Гоби и Такла-Макана
расчесывает шелковый ковыль.

Гнетет людей Востока постоянство.
Кочевники и воины вдали
несут в себе величие пространства,
выравнивая выпуклость Земли.

Кому известно, что мы в жизни ищем?
Рука судьбы прядет свою кудель...
И рядом со славянским городищем
татарскую я вижу цитадель...

...Вино в бочонках, яблоки и груши...
Молдовы самобытна красота...
Ласкали глаз, но не задели душу
садово-виноградные места.

Посланца гор притягивают горы,
воспевший лес — поэт наверняка,
а мне с рожденья хочется простора —
в крови у русских — память степняка.

Сюда меня влекла скитаний сила.
Здесь навсегда — приют последний мой.
Я столько лет по свету колесила
и, наконец, приехала домой.

Минувшее своим арканом ловит,
вер и народов сжав конгломерат...
Во мне — частица азиатской крови,
а внук мой — чистокровный азиат.

Стрела судьбы нас настигает сзади...
Таун бескрайней Вечности гоня,
в степи догонит ясноликий всадник,
подхватит и посадит на коня...

Могучая энергия такая
в колючих сопках, золотых песках...
Взволнованно стучит, не умолкая
пульс времени у Азии в висках.

* * *

Шуршаньем камыша,
речной осокой,
закатным солнцем,
жесткою травой
и даже чем-то
более высоким
навеки вместе
связаны с тобой.
Христовой кровью
и вселенской болью,
рождением в муках,
страхом умереть,
щемящим вздохом
и такой любовью,
что разлюбить
нам просто
не успеть!

* * *

Я таким хочу тебя любить:
остроумным, дерзким и веселым,
и в карман не лезущим за словом,
без терзаний «быть или не быть?».
Быть, конечно, непременно быть!
Радоваться солнцу на рассвете,
торопиться жить на белом свете
и меня без памяти любить!

* * *

Нам никто, наверно,
не поможет
возвратить надежды
прежних дней.
Твои женщины
становятся моложе,
я пугаюсь седины своей.
Для чего тоски
порыв внезапный?
Вместе нам с тобой
уже не быть.
Я любовь бы
выпила по капле,
а могу лишь только
пригубить.
Что же мне
останется отныне
от безумных,
сладких,
поздних чувств?
На ладонях —
горький вкус полыни,
на губах —
разлуки горький вкус.

ПОДАРКИ

Покосным летом,
ветреным и жарким
(в нем душные бродили сквозняки),
ты подарил мне
первые подарки:
закат у пламенеющей реки,
тугих стогов
дурманящие груди,
над головой —
в гирляндах — купола,

туман, в котором исчезали люди,
слезу смолы шершавого ствола.
В парной запруде —
пение лягушек,
крапивы отрезвляющий ожог,
охапку сена —
мягче всех подушек
и поцелуя судорожный шок...
Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.

* * *

Как остры облака в горсти!
Как закат обжигает сердце!
Снова хочется наскрести
горстку соли, щепотку перца,
задохнуться и задрожать...
Руки — к небу, а душу — Богу,
и детей от тебя рожать
на тряпье кибитки убогой,
и бежать за тобой и ждать,
зная: ты неверен как ветер,
и тебе предстоит блуждать
и на том, и на этом свете.
Ты, мой странник,
не Дон Кихот —
кони, степи, колчан и стрелы...
Ты веками летел вперед,
я веками вослед глядела.
Сколько ты истоптал дорог?!
Я в окне зажигаю свечи,
чтобы ты обнаружить смог
место нашей последней встречи.

* * *

В душе поют
взволнованные струны.
Но я
наивных песен
не стыжусь.
Кажусь себе я
маленькой и юной
и беззащитно-трепетной кажусь.
Пусть в волосах

искрится прядь седая,
но разве есть
у возраста предел?
Ведь ты мне шепчешь:
«Вечно молодая...» —
и смотришь так,
как в юности глядел.

* * *

Лечу свободная и гордая...
Но прерываю свой полет:
не торопясь, с тобой по городу
другая женщина идет.

Глаза — восторженно-победные,
печать ладони на плече...
Она еще не знает, бедная,
что ты воистину — ничей.

В плену твоей неукротимости,
как я когда-то, станет жить,
но ей ни лаской, ни терпимостью
любви твоей не заслужить.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЫЦАРЬ

Мой славный серебряный рыцарь —
знаток быстроногих коней,
какие унылые лица
господствуют в свите твоей,
какие надменные дамы
алкают сражений и драм!
Я дам исцеляющий раны
настой и любовный бальзам...

Мой милый серебряный рыцарь,
доспехам души не спасти...
А я буду ждать и молиться,
тебя охраняя в пути.
Турниры, пиры и парады
от жизни простой далеки.
Тебе обещает награду
касание прелестной руки...

Мой гордый серебряный рыцарь,
в тебе благородная кровь,
не может со славой сравниться
презренной плебейки любовь.
Победно направивший мимо

толпы боевого коня,
не знаешь, что ты —
мой любимый,
и даже не видишь меня.

* * *

Кто ты?
Наказанье? Награда?
Не Бог, но отменно сложен,
смятенье мужей и услада
в довольстве скучающих жен.
Кто ты?
Перед образом чистым
хочу на колени упасть
и, вняв завереньям речистым,
попасть в безраздельную власть,
смиренною стать и покорной
(теперь все решай за двоих!).
Не все ли равно —
белый, черный
оттенок у крыльев твоих.
В слепую обрушиться бездну,
достигнуть святой высоты
и тело распять
и воскреснуть,
и ведать,
что ты — это Ты.

Елена Яковлева

(п. Шексна, Вологодской обл.)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

(Повесть)

Пролог

— Чего, милая, дом смотреть приехала? — с порога засуетилась маленькая, седенькая старушка с черными сверлящими глазами.

— Да, бабушка, по объявлению, — отводя взгляд от бабули, произнесла Анна.

— И что за нужда такая, дома покупать? Не гляди, девушка, на меня, ворчунью старую. Жаль дом. Отцом моим отстроен. Сколь выстрадано в стенах этих, тебе и не снилось, милая.

— Вы продаете или нет? — прервала Анна.

— Спешись, что ли? — поинтересовалась старушка.

— Спешу, — призналась Анна, — бабушка в Тюмени дожидается.

— Давно не видала, бабушку-то?

— Давно, лет пять уже...

— Это серьезно! Проходи в дом, гляди.

По старым, изветшалым ступенькам они прошли в пристроенную веранду, оттуда в сени, далее в горницу. Бабушка семеняла впереди, проворно открывая вздыхающие двери, неосторожно шевеля заставившие половицы.

— Веранду это уж брат Славик пристроил. Гляди. А так, все как при отце было. Славик фундамент-то подправил, бревна кое-какие поменял. Не бойсь, дом-то крепко стоит. Только все сохранил, как отец строил, Славик-то, Царствие ему небесное, помер месяц назад. А я на похороны приехала. Да так тут и осталась. Родной дом-то. Тут бы и смерть свою принять. А сын пристал, продавай, мать, да и все тут. Ему деньги нужны. А не понимает, что родное гнездо своего птенца греет. Смеется только...

— Ну, так оставайтесь, да живите, — заметила Анна.

— Да как живите-то. Гнездо родное, а сын-то — он еще роднее. Как вот эти два родные воедино собрать? Сын-то городской, образованный, ученую степень имеет, в доме этом и не бывал ни разу. Чужой он ему, дом этот...

— Здесь только холодная комната и теплая, да?

— Да, милая. Холодную мы сени называли, теплую — горница.

Просторная горница одарила запахом засушенной травы и светом, истекающим из четырех, посаженных рядом окон. Высокая деревянная кровать горбилась под натиском расшитых крестом подушек. Самотканые, ветхие, но чистые дорожки аккуратно располосовали некрашенные полы. Старые, поблекшие фотографии оживляли неброские серые, закопченные стены. Анна мельком взглянула на фотографии. Многочисленные незапоминающиеся лица... И вдруг что-то знакомое... Уже не молодой мужчина в военной форме сидит на стуле, держа на коленях девочку лет пяти, а рядом девицы постарше, кто в чем, в каких-то отрепьях. Старшая, изможденная с про-

свечивающими из-под платья острыми плечами, держит на руках младенца лет двух. Лица у всех сосредоточенны и угрюмы. Только одна девочка, улыбаясь, вносит дисгармонию в этот суровый, запечатленный на фотографии мир.

— А у вас откуда эта фотография? — спросила Анна.

— Какая? Эта-то. А это наша семейная реликвия. Батька-то, с войны когда вернулся, собрал нас всех, кто живой остался, и повез в город фотографировать. Когда карточку сделали, взял он ее да как разревелся. Мы тогда впервые видели, как батя плачет. Потом повесил ее здесь вот и сказал, — «Оставшиеся в живых». Мы ее так и называем. Славик потом всем нам копии сделал и выслал по городам и весям.

Глава 1

Старая, измученная войной кляча, тяжело плелась по утопанной пыльной дороге, не внимая гиканью белокурого голубоглазого парня, сидящего в телеге. Серая степь выпрыгивала из-под ее колес и мрачно расстилалась по необозримому пространству. Налитое свинцом небо давило своей массивной неподъемностью, предвещая бурю. Седок заметно торопился, но, отчаявшись и набравшись безразличия у лошади, улегся в телегу и запел:

*Степь да степь круго-о-ом.
Путь дале-е-ек лежи-и-т.
В той степи-и-и глухой
У-умирал ямичик.*

Небо прорезала молния, началась гроза. Ветер усиливался. Старая кляча даже ухом не повела.

— Ну и хрен с тобой, — выругался малый, — на войне смерть не взяла, а здесь в бурю погибну? Ничаго, выживу. И не такое бывало...

Взяли тогда белые в оборот, окружили, перерезали, как кур. И его в грудь пырнули. Начал кровью харкать. Да бабка какая-то местная выходила. И от белых прятала и на ноги поставила и вывела из деревни. А он даже не помнит, сказал ли ей спасибо. Да что спасибо, даже имени не спросил и лица не узрел: много таких божьих одувачиков. Набрэдла война, домой хочется. Землю пахать. Хату бы выстроил. Женку б завел. Жил бы мирно спокойно. Сейчас пустили на все четыре стороны, а поехал какого-то родимца искать, да заблудился. Вот и блуждает теперь по степи.

Вдруг кляча остановилась. Парень увидел на дороге издыхающую лошадь, не выпряженную из телеги, в которой сидели изможденная женщина и куча малолетних детей. Хозяин на корточках лазал под телегой и чертыхался. Рядом стояла растерявшаяся девушка лет шестнадцати.

— Маруська, — заорал мужик, чо стала? Распрягай!

Та подошла к кобыле, но этим все дело и кончилось. Тогда парень кинулся на помощь, привычными движениями распряг павшую лошадь и, смекнув про себя, что семейство голодное, прирезал животное.

— Ну чо с энтой девки взять, одно слово — белоручка. Навязалась на нашу голову, — отряхиваясь от грязи, ругался мужик, — дождем, как назло зарядило, хоть буря стороной пошла и то хорошо. Откель взялся тут, добрый молодец?

— Заблудился, — заулыбался парень.

— А еще краснай! Гля, звезду нацепил! Ну! Слушай, паря, до ближнего села версты три будить. Дойдешь ведь. А нам кобыла нужна. Отдай, а?

— А ты кто такой есть?

— Мужик я, ай не видишь. А они то чем виноваты? — указал он на телегу. Продрогшие, безмолвные дети во все глаза наблюдали за происходящим, и эта их тихая

покорная обреченность поразила хлеще молнии. И казалось даже, что обезумевший дождь так же безмолвно хлестал непокрытые головы, безмолвно повисая на носсах малышей соплями, безмолвно стучали, не попадая друг на друга, зубы.

— Сколько их у тебя?— освободившись от оцепенения, спросил парень.

— Девять, да все девки. Вот еще десятую Бог послал,— указал он на белоручку.

Девочка потупилась. Но взгляд непримиримых черных глаз успел поразить парня. Кровь прилила к голове.

— Слушай. Я тебе лошадь, ты мне девку.

— Ты чо, рехнулся? Она ж барских кровей. Грех большой,— мужик перекрестился.

— Нет сейчас никаких кровей, все равные. Отдай девку.

— Мало вы девок поперепоганили, дьявольское отродье! Пошел вон! Тьфу, нечистая!

— Отдай девку! — парень замахнулся.

— Отдай, батя,— вдруг заговорила Маруська, все так же глядя исподлобья,— ничего он мне не сделает.

— Молчать, баба! — заорал мужик.

— Ладно, забирай кобылу,— отступил парень,— куда идти-то до деревни?

— Тудыть вон. Там самый раз ваши голодранцы добычу делять,— объяснял мужик неожиданному помощнику. Вместе они разрубили тушу лошади, запрягли клячу.

— И ента-то не надолго,— посетовал мужик.

— А у тебя баба чо не проворит, полоумная? — вдруг спросил парень, не выдержав бездвиженной тишины многочисленного семейства.

— А-а-а. Досталось ей от вашего брата. Ничо, отойдет, коли выжить.

— А куда поедешь?

— А тебе яко дело? Могилу искать в чистом поле!

Парень, не мешкая, подмигнул Маруське и, оказавшись рядом, шепнул:

— Пойдешь со мной?

— А не обидишь?

— Неа.

Девка залилась краской.

Парень схватил ее за руку и повел в том направлении, куда указал мужик.

— Стой! — услышал он сзади,— в енту деревню не води ее, убьють. Тамо знают кто она! Обходом иди, в тую сторону, авось пронесет! Береги девку! Мертвым достану! Слышь?! — орал вслед мужик. Его голос становился все глуше и глуше за крепкой стеной усиливающегося дождя.

Глава 2

— А куда мы едем?

— Э, Манька, куда глаза глядят.

— Не называй меня Манькой,— опустив глаза, потребовала девка.

— А-а-а! А мы гордые,— свистнул парень.

— Какие есть,— отрезала Мария, улавливая в темноте дыхание лошадей.

Позавчера ночью поезд, немного отъехав от станции, вдруг резко затормозил и встал, стоит до сих пор. С большим трудом удалось им напроситься в пассажиры. Пыльный, пропахший сеном и конскими испражнениями вагон зиял огромными щелями между досок, сбитых, по-видимому, наскоро. Ветер продувает насквозь. Руки ноют, напоминая парню, какой опасный груз он на себя взвалил, поддавшись минутному влечению. Девка сначала возьми и заболей. Пришлось потратить целых три дня, чтобы у нее спал жар. Хотел было оставить в деревне, да не стали местные с нею

связываться, красных бояться... И повоевать за нее пришлось. Доказывая своим же, красным, что не та она, за которую ее принимают. Бился вслепую. Барская кровь, да барская кровь, а с какой стороны барская — непонятно. И она молчит.

— Маш, может, скажешь, кто ты такая-то, зря я, штоль, через тебя натерпелся?

— Человек.

— Я это слышал! Из какого роду-племени?

— Сейчас все одинаковые.

— Все-то все, а ты-то откуда?

В ответ — тишина...

Сквозь навалившуюся дрему парень услышал стук колес, смешанный со всхлипываниями.

«Жалко дуреху», — подумал он.

— Чо ревешь, поехали уж. В другом краю о тебе знать никто не будет, авось поживешь еще.

Так и ехали. Кормили лошадей, подтягивая пустые животы, зарываясь в сено от холода.

Очередная болезнь Марии вынудила сойти на первой попавшейся станции. Да и какая разница, где сходить? Ехать было некуда. Родителей Петька потерял еще в детстве. Вырос мальчиком на побегушках. Знает, что много их в семье было. Знать-то знает. А ведать о них, не ведает. Одно слово — сирота.

Глава 3

— Ой, милок, баба у тебя бестолковая. Где такую откопал? — причитает хозяйка, — корову доит, усе молоко в сиськах оставит.

— Ничего, бабуля, научим, и не таких жизнь на место ставила, — отшучивается Петька.

— Этакой парень, работяга, а такую неумеху взял, хлебнешь горя с нею.

— Ниче, справимся.

Поселились у бабки Настасьи. Бабка жильцам обрадовалась. Все не одна. От ее дома до следующего верста будет.

— Усю жизнь батрачила. Уж потом барин смиловился, нянькой приставил к барчонку, — говорила бабка Настя, — а своих Бог не дал...

Так и стал Петька бабке Насте вроде сына. Избу починил, колодец поближе к дому вырыл... В колхоз вступил. Мария оказалась покладистой и упорной. В три месяца одолела науку животноводства, так что и корову доила, и овец стригла, и птицу потрошить выучилась, огород осваивала. Только вот молчала все.

— Гордая она у тебя, ох, Петро, — бывало, говорила бабка Настя, — за весь день ни слова, как воды в рот набрала. А голову-то как носит! Как царица какая!

— А ты, баушка, помягче с нею. Поди, ворчишь все.

— А то глядеть буду, как она рогачом-то махает, того гляди перевернуть все, неумеха.

— Баб Настя, не в службу, а в дружбу, научи мою женку похлеб варить.

— Еще чаго, ентому сами научаются смалу. А коль неумеху взял — сам и учи. Не подпущу к печи, — ворчала бабка Настя, — пускай скотиной займется...

— Петька ухмылялся и отшучивался.

— Ты, мой принц, — говорила Мария перед сном.

— Какой я те принц, — смеялся Петька, — голодранец без порток.

— Нет, такой, как ты, без порток не останется.

— Хорошая ты Машка.

Через год Петр держал на заскорузлых от работы руках первенца.

— Ой, Маш, возьми, не мужичье это дело, пушай хоть подрастет, штоли. Звать-то как будем?

— Анной,— заулыбалась Мария.

— Это че ента, бабу распустил, сам называй! — вмешалась бабка Настя.

— А это, уж наше дело, Анна, значит Анна,— отрезал Петр.

В маленькой Анютке души не чаяли.

— Нюрка-то вся в мать. Чернявая, да капризная,— ворчала бабка Настя.

— Не Нюрка, а Анечка,— возражала Мария.

С рождением ребенка она похорошела, поправилась. Работать в колхоз Петр же-ну не пускал, объясняя всем, что баба должна заниматься домашним хозяйством, хо-тя причина крылась не только в этом. Боялся он, что крестьяне заметят в Марии чу-жеродность. Бабка Настя молчала, не в ее правилах выдавать чужие тайны, это Петь-ка приметил сразу. Другие молчать не станут. Так что жила Машенька в заточении у бабки Насти, тихо, без лишних слов управляясь по хозяйству.

— Ты, Маруся, как и не баба вовсе,— заметила как-то та.

— А как кто?

— Да что за баба без языка? Все молчком... А так вот светлее как будто от тебя стало.

Глава 4

Деревня постепенно укрупнялась, со всех сторон появились соседи. Мария была вынуждена идти в колхоз, оставляя Анютку на попечение бабушки. Второго ребенка родила на колхозном поле при вязке снопов, раньше срока. Приплелась домой к но-чи, завернув почти безжизненное тельце в передник. Маленькая Анютка, увидев ис-текающую кровью мать, подняла крик и спряталась за широкой бабкиной юбкой. Петр, весь вечер проискав жену в поле, вернулся следом.

В отличие от здоровенькой толстушки Анюты, новорожденная, пролежавшая на пеленке, без признаков жизни, вдруг замаякала. Мария неистово бросилась выхаживать малютку. И на работу больше не ходила.

— Пусть убьют, а дите не оставлю! — заявила она мужу.

— Не убьют. А ты теперь настоящая крестьянка, в поле рожаешь,— попытался посмеяться Петр.

— Я теперь мать,— глаза Марии налились яростью.

— Какая же ты красивая! МАТЬ.

Через год, в лютый январский мороз родилась Танечка.

— Опять девка? — поинтересовался Петр. Девка ответила ему непрекращаю-щимся двухчасовым ором.

— От так, батя, пока не признаешь дите, будить орать,— смеялась бабка Настя.

— Признал, признал, ишь, какая, вся в меня, горластая.

Петр осознал, что растущая семья скоро не поместится в маленьком домишке бабки Насти.

— Ну чо, бабушка, томит тебя мое семейство беспокойное?

— Христом Богом прошу, не уходи никуда!

— Бабушка! Да дом строить буду.

Деловитый, трудолюбивый и, что немаловажно, общительный Петр с домом справился быстро, добротный пятистенок был отгрохан.

— Ну что, девки мои, пожалуйста в дом!

— Принц ты мой,— радовалась Мария.

— Да какой я принц,— дурачился Петр,— обыкновенный работяга.

Первой по высоким ступенькам поднялась пятилетняя Анечка. Худющая, белесая

Тоня гордо восседала у бати на руках, так как к великому огорчению родителей, дожив до трех лет, ходить еще не научилась. Сзади, держась за мамину руку, моргая голубыми отцовскими глазами, семенила двухлетняя Танечка. Бабка Настя не пошла, сочтя переезд семьи предательством.

— Это вот сени, это вот горница, тут будет баба Настя жить...

В новом доме пахло смолой... И новой жизнью. Баба Настя не выдержала, пришла и привела корову в новенький сарай.

— Как дитям без коровы, пока справишь, жисть пройдет,— запричитала она.— А как Марусеньке без бабки Насти? А ты, миленькай Петро, хоть загородку какую у сарая сделай, курей кудыть пускать?

Дом и двор благоустроивали всем миром. Соседи в стороне не остались, помогали. Петро уже не боялся за Марию. От крестьянской чужеродности не осталось и следа. Разве что разговор грамотный да красивый и гордо поднятая голова. Этого не отнимешь.

Глава 5

— Чо ты мне все баб приносишь? Хоть бы одного мужика родила! — возмущался Петр, когда узнал, что четвертая — опять девка.

— Значит Господу так угодно,— защищала Марию бабка Настя.

— Бог этот ваш — сказочки для дураков.

— Не смей! — злилась бабка Настя.— Есть Господь, накажет тебя, окайного.

— Не надо, Петя, не сердись, дети на заказ не рождаются,— говорила Мария.

— Не рождаются,— согласился Петр.

Девочку, по настоянию бабки Насти, назвали Евдокией.

— На кой ты, Маша, ее Дульсинекой кличешь, по-ненашенски,— недоумевала бабка Настя.

— Так получается,— улыбалась Мария.

В этот же год пришла в дом радость: Наконец-то пошла Тонечка. Сначала неуверенно держась за стену, опираясь на правую ножку и с трудом подтягивая левую.

— Не работаит другая нога,— причитала бабка Настя.

И действительно, левая нога оказалась тоньше и короче правой. Но ребенок настойчиво овладевал нелегким искусством ходьбы. Падая, поднимаясь и снова падая, Тоня преодолевала свой природный недостаток, и начала-таки ходить без поддержки.

— Труженица моя, это ж герой, спореет солдата всякого,— наблюдая за Тоней, удивлялся Петр.

Анечка с первых дней отчуждалась от Тони, играясь с Танюшкой. Толстая, жизнерадостная Танюха веселила всех в доме, будучи всеобщей любимицей и, прежде всего, отца.

— Все чернявые, в мать, а это моя, голубоглазая, лупоглазая,— говорил Петр.

— И эта твоя,— указывала баба Настя на белобрысую Тоню.

— Моя-то, моя, а норов не мой, капризная.

— Да больная она, потому и капризная,— защищала ребенка Мария.

С рождением Дуси, пригляд за Танюшей осуществлять пришлось шестилетней Анечке, а Тонечка перешла под наблюдение бабы Насти. Однажды Аня подговорила Танюшку, чтобы та побила Тоню. Танюшка пошла и выполнила задание старшей сестры. Мать, увидев и поняв, что к чему, взяла прут и, впервые в жизни, отхлестала Анюту.

— Нельзя так делать, они сестры тебе! На всю жизнь запомни! Нельзя больную Тоню обижать! Нельзя хорошую Танюшку портить! Не носи в мир зло, его и без тебя достаточно! — выронила прут, села на пол и заплакала.

Анечка, не ожидая такого поворота событий, оторопев, большими черными гла-

зенками уставилась на мать. Стояла минуты две, не шелохнувшись. Потом резко развернулась и пошла в загон, где баба Настя кормила кур.

— Баб, а кто такая Зло? — спросила Анечка.

— Чего, зло? — не поняла баба Настя.

— Да! Мама меня побила и про Зло сказала, а сама плачет.

— Матка побила?! Ня может быть! — изумилась бабка Настя.

— Да, потому, что Танюшка Тоньку побила.

— А, ента правильно, не углядела Танюху, зло и получилось. Нельзя Тоню обижать. Тонька — Божье дите, грех большой обижать калеку, а она еще и сестра тебе. Вот и сама не трожь, и Танюхе не давай. Добро тады и будить. Помогайте Тонюшке, за это Господь вознаградить.

В это время Мария уже кормила Дусю, а Тонечка и Танечка мирно играли рядом. Анечка с тех пор не отходила от бабы Насти, к семи годам научившись не только месить тесто, печь хлеб, но и доить корову.

При появлении пятой дочери, отец семейства махнул рукой. Пришел, поглядел, назвал Зиной и пошел снова работать. Анютке наступила пора идти в школу, но Мария воспротивилась:

— Как можно такую маленькую отпускать за три версты? Сама учить буду.

И учила. Девочка оказалась медлительной, но старательной, так что читать научилась быстро. Труднее давалась арифметика, но, благодаря усидчивости и добросовестности, к девяти годам она одолела и счет. В школу Аня пошла только одиннадцати лет, когда подтянулись младшие сестры. Тоне было девять, Танюшке — восемь. Только сейчас Мария решилась отдать детей в школу, уверенная, что неблизкая дорога не так опасна для троих, тем более для хромой Тони. Утром девочки уходили вместе с другими ребятишками, вечером возвращались. Учились в одном классе. Спокойная строгая Аня стала лучшей ученицей в классе. Ей предлагали перейти во второй класс, но Анечка не захотела оставлять сестер. Тоня училась старательно, но не столь упорно, как Аня. Была готова бросить все, чтобы поиграть с детьми на улице. Хромоты своей она никогда не стеснялась. Трудилась всегда наравне со всеми. Татьяне же учеба давалась легко. Она никогда не корпела над уроками. Общительная, разбитная, сразу приобрела репутацию заводилы. Марию не раз вызывали в школу, ругая за Танькины проделки. Но Танюха и в ус не дула, продолжая свое. Такая уж она была. Долго не могли научить Танюху доить корову. Растопырит пальцы, а сжать в кулак не может.

— Э-э-э,— вздыхала бабка Настя,— бестолковая девка.

— Нет! — возмущалась Таня.— Не бестолковая!

— Токо учительницу мучить и уметь, да с робятами по деревне гонять.

Тем не менее, корову Танюха осилила, куда было деваться. Только мизинец на правой руке оттопыривался в сторону. Анютка с Тоней подтрунивали над сестрой. А той того и надо: отшутилась, вволю насмеялась — и за свое: шалости.

А в семье один за другим рождались дети. Вслед за Зиной родилась Аленка. Петр уже не возмущался. Как есть, так и есть.

— Баб, а ты чья мама, батина или мамина? — однажды спросила вездесущая Танюха.

Баба Настя растерялась, не зная, что ответить.

— А я знаю, батина, да?

— А хто знать, может и батькина, а может и маткина, не припомню.

— И батина, и мамина,— вмешалась Анюта,— мне так мама сказала.

— Так не бывает,— заупрямилась Танюха,— Если баба их матка, то они брат с сестрой, а у брата с сестрой дети больные бывают, и они не похожи — батя белый, а мама черная.

— Батя говорил, что он матку в степи нашел и привез сюда,— разрешила проблеме подошедшая Тоня.

— Не матку, а маму, услышала бы она сейчас, что Тонька ее маткой называет...— возмутилась Аня.

— Значит, батина,— решила Танюха.

— Батькина,— подтвердила баба Настя,— ай и matka ваша мне как родное дите.

— Мама,— поправили девочки.

— Няхай, мама,— согласилась бабка Настя.

Однажды баба Настя не смогла встать.

— Душить, Машенька, чегой-то, вот тут, как будто ворочается хто,— указывая в область груди, жаловалась баба Настя.

— Полежи, бабушка, может, полегчает. Сейчас Петру скажу, пусть за доктором съездит.

— Какой уж дохтур, милая, старая я уже. Енто смерть моя на груди сидить.

Баба Настя пролежала с неделю. Дождалась шестую внучку, которую в честь нее назвали Настасьей, да умерла. Просила перед смертью позвать батюшку, чтоб грехи отпустил, да где ж его найти было?!

Опустел дом без бабы Насти. Даже малыши присмирели, видимо что-то и им перedalось от обступившего общего горя. Еще долго казалось, что рано утром скрипят половицы от бабы. Настиных шагов, да гремят чугуны... Поблекли стены, почернели окна, потемнело в горнице... Нет бабы Насти.

Глава 6

Долго горевать по бабке Насте не пришлось. Не ходит беда одна, не ходит... Анютка, став главной помощницей матери по дому, опрокинула на себя чугунок с горячими щами. Рот разинула и даже закричать не смогла. Мария в это время была на сенокосе, а Тонька, оставленная присматривать за младшими, растерялась. Побежала к матери в поле. Бросила всех, малыши-то мал мала меньше, а Танька матери на сенокосе помогала. Хорошо, что Дуська, будучи не трусливого десятка, сняла чугунок с сестриной груди, обтерла ее мокрой тряпкой и сметаной обмазала. Откуда она узнала, что так надо, никому не известно, в том числе самой Дуське. Тонька-то, пока доковыляла до матери — полдня прошло. Когда Мария прибежала домой, увидела на полу у печи Анютку. Подумала, что умерла старшенькая. Перетащила на кровать. Тут и Петр подошел... Поднял на уши всю деревню. Запрягли лошадь да в город за доктором послали. Доктор посмотрел девочку, сказал, что жива. Шок у нее болевой. И Дуську похвалил за находчивость. А Дуське назавтра в школу нужно было идти первый раз... Не пошла. С полгода просидела с Анюткой. Выздоровливала Анюта трудно, долго. Много раз врач приезжал, мази выписывал. Сначала все тело волдырями пошло, а потом все мокло и гноилось. Живого места на ребенке не было. Так и остались струпья от ожога и лицо не пощадили.

Корма в этом году для коровы заготовили мало. Боялась теперь Мария девок одних дома оставлять. А Петра не хватало: и в колхозе, и дома... Что успели за лето, то и было. А в дождливое лето-то, много ли схватишь. Так и узнали в эту зиму Сидоровы, что такое недоедать. Тощая корова, дожила-таки до весны, вышла на первую траву. Пошло все своим чередом. Анюту сначала к печке не подпускали. А подпускай — не подпускай, жить-то надо. Не успевала Мария управляться с многочисленным хозяйством. Еще Аленка очень беспокойная. Ночи напролет кричала, так что все семейство не высыпалось. На что Петр терпелив, а и у того нервы не выдерживали. Дерганный стал. Что не по его, скандалы учинял. Стал домой являться выпивши, а то и совсем ночевать не приходил. Плакала Мария, а что сделаешь, детей поднимать надо. Как-

никак семь ртов, с восьмым на сносях. Главной помощницей теперь Танюха стала. Смелая, проворная. Быстро справлялась по дому. Хлеб пекла не хуже матери. За чистотой следила, малышей в строгости держала. Одно плохо — никак с коровой не ладила. Подоить — подоит с горем пополам, а то молоко корова разольет, то ногу в подойник поставит, а то и рогами Танюхе наподдает. И погулять возможности Танюха не упускала. Короче, к корове и овцам приставили Тоньку, за курами и поросенком ходила Зинка, с больной Анютой управлялась Дуська, заодно за Аленкой и Настенкой присматривала. А Марии везде успевать приходилось, в том числе и в колхозе работать и корм домашнему скоту заготавливать.

Посреди зимы родилась еще одна девочка. Петр даже глядеть не стал.

— Пусть Машей будет, как мама,— сказала Анюта.

— Пусть,— безразлично ответила Мария.

Анюта с первых дней заботы о маленькой Машеньке взяла на себя. Когда была жива бабка Настя, все было как-то радостно, легко. А с ее смертью все как будто треснуло. Отец стал другим человеком — грубым, непочтительным. Бывало берег мать, лишний раз рукой взмахнуть не давал, слушал ее во всем... а теперь... Только что не бьет, как соседские мужики. Нецензурно орет, всегда обвиняет в своей неудавшейся жизни.

Как-то пришел пьяный, уселся в прихожей на лавку и долго смотрел, как Танюха у печки орудует.

— А уже невеста выросла, глядь! — вдруг увидел он.

— Это тебе с пьяных глаз кажется,— огрызнулась одиннадцатилетняя Танюха.

— Да как ты смеешь, погань такая, отцу перечить! — заорал Петр.

— А как ты смеешь пить, когда у тебя столько детей... Мама все время плачет.

— Счас я тебе покажу, как с отцом разговаривать надо!

— Покажи!

Слово за слово, Петр ударил дочь по лицу, та, не оставшись в долгу, угостила родителя рогачом по заднему месту. Услышав шум, прибежали остальные девочки, накинувшись на отца, отлупцевали как следует, и в страхе разбежались.

Когда вернулась Мария с подойником в руках, обнаружила в доме, только Петра. Он сидел на лавке, обхватив руками голову. Мария, как всегда, промолчала. Спыхватилась, когда спустились сумерки. «Ладно, большие гуляют, а малышей-то куда таскают»,— нервничала она.

— Вставай, горе луковое, детей искать надо,— обратилась Мария к мужу.

Петр послушно встал:

— А это, ведь, я во всем виноват.

— В чем виноват?

— А девки набросились на меня, побили и ходу из дома.

— Как? — всплеснула руками Мария.— Вот так просто набросились и побили?

— Нет, не просто, перегнул палку. Маш, прости, прошу тебя.

— Пойдем искать!

У калитки они встретили хозяйку соседнего дома тетку Катерину Вяткину.

— Слухай, Маш, девки твои домой боятся итить,— затараторила та.

— Они у тебя?

— У меня сидять, да все и с малыми.

— Малая-то наверно, криком изошла,— забеспокоилась Мария.

— Не-е-е! Ну чо ты. Нюрка твоя взяла у меня с подойника только с под коровы, да ухитрилась как-то, накормила.

Пока бабы разговаривали, Петр, поняв, в чем дело, без стука появился в вяткинской горнице.

— А ну, девки, айда домой,— весело скомандовал он.

Девочки притихли, во все глаза уставившись на отца. Одна Настена, с криком «Батя пришел!» бросилась к нему в объятия. Петр сел на корточки, обняв дочь, глядя по чернявой головке.

— Девки мои, простите меня, дурака. Обещаю, больше пить не буду.

Мария наблюдала за происходящим, прислонившись к косяку двери горницы. Девчонки, как по команде собрались вокруг отца. И только Анюта с Марусенькой на руках жалась в угол.

Мария глазами подозвала ее к себе, та подошла.

— Ты чего, Анюта?

— Да что-то не верится,— ответила Анюта.

— А я ему верю, вот увидишь, не будет пить.

И точно, жизнь вошла в свою колею.

Глава 7

— Что-то, Маш, не по себе мне,— признался однажды Петр,— душа вся выворачивается.

— Что стряслось? — забеспокоилась Мария.

— Да понимаешь... Гляжу на девок, радуюсь. Какие проворные да красивые! А скребет чего-то, сам не пойму.

— Устал ты, Петруша, отдохнуть бы тебе!

Некогда было Петру отдыхать. Работал, не покладая рук. Активист в колхозе, передовик. Семья на нем. Да был у Петра недостаток — страсть к пению. На возу сидит — поет, сено кидает — поет... Смеялись деревенские: «Петро наш опять петухом заливается». А то, бывало, соберет своих девок, и поют хором, да не просто, а на два голоса.

— Маш, присоединяйся,— звал он жену. Мария отмахивалась. Некогда, по хозяйству все хлопочет. Да знает, что Петра осадить маленько надо: увлечется, и про дела все забудет, и от девок помощи никакой... Мало того, еще из еловых досок балалайку сколотил. Как начнет тренькать — девки в пляс и он довольный, знай себе, наяривает. А Мария сердилась.

— Скоморох выискался,— ворчала она,— о таком ли муже я мечтала!

— А о каком мечтала? — веселился Петр, не переставая тренькать.

— Уж точно не о балалаечнике. Хоть бы еще твоя балалайка в ноты попадала... Уши в трубочку сворачиваются!

— Ничего, развернем,— отшучивался Петр, подмигивая дочерям.

Так вот Петр и отдыхал. Редко удавалось посидеть потренькать да попеть. Зато после работа спорилась, и девки, как будто, дружнее между собой становились...

Глава 8

— Вот и дотренькались,— сказала Мария, посадив мужа в вагон вместе с другими мужиками,— береги себя, Петенька,— крикнула она вслед уходящему поезду. Восемь его дочерей помахали руками, девятая Шура спала в люльке дома.

Бабы кругом плакали, причитали. «Война, вернутся ли?». А у Марии слез не было, не плакали и девочки. Не верилось...

А поверить пришлось, когда оказались в оккупации. Все погрузилось в оцепенение от бесконечного горя.

Угнали Анну и Татьяну в Германию. Антонину отпустили по причине природной хромоты. Дуську оставили, маленькая еще. Не было слез, было горе, не расхлебашь. И было ли когда плакать? В доме теперь немцы жили. Сначала вперлись, расположи-

лись. Так, что деваться было некуда. Потом пожалели, что ли. Пришел полицай Ванька, свой же, деревенский, приказал перегородку сделать. Чтобы две половины в доме было — одна немцам, другая Сидоровым. Кирпичей привезли. Перегородку в один день соорудили сами девчонки и Мария. А немцы с другой стороны дверь сделали. Все спокойней стало.

— Мам, а ты совсем-совсем не переживаешь? — как-то подластилась Дуська.

— Да что же ты говоришь такое,— только и сказала Мария.

А в соседней половине дома появилась девушка, вроде служанки у немцев. С ее приходом лишились Сидоровы пса Полкаши, который восемь лет служил верой и правдой, оберегая дом от непрошенных гостей. Когда немцы пришли в дом, Дуська увела собаку, прятала, как могла, пока собака не сообразила, что вести себя нужно тихо и мирно. А тут, как девушку Полкаша увидел, так и кинулся на нее. Визжал, лапы ей на плечи, да лицо облизывать. Немец один возьми, да и выстрели. Заскулил пес, захрипел... Не стало Полкаши.

Странная была эта девушка с огромными голубыми глазами. Все лицо в подтеках и синяках, очень худая, лысая. Она приходит на Сидоровскую половину, молча протягивает ведро для молока, корзину для яиц, забирает тушу забитого барана и молча уходит.

Глава 9

Однажды пятилетняя Марусенька увидела, как немец, жестоко избивал девушку в загоне для скота, и кинулась к ней. Немец отшвырнул ребенка к сараю. Мать прибежала на помощь Машеньке, но было уже поздно. Девочка ударилась об угол сарая виском и лежала неподвижно, упершись в небо удивленными глазами. Мать, прижавшая к себе мертвое дитя, отчаянно плакала, пока немец не выстрелил. Так в один день Сидоровы потеряли сразу двух Марий. Никто из сестер не смел зайти в загон, пока немец избивал девушку. Когда он все-таки ушел в дом, бросив полуживую жертву, было уже темно. Но никто не решался придти на помощь. Только куры в сарае слегка возились на насесте, да вздыхала корова. Усилился снегопад, подул сильный ветер. Погода менялась, начинался буран. Тоня и Дуська не выдержали. Открыли запор загона, вошли. Девушка так же неподвижно, свернувшись калачиком, валялась на боку, уже полностью засыпанная снегом. Рядом с сараем виднелся бугорок наметенного снега, оголив черную копну волос мертвой матери, прижавшей к себе мертвого ребенка. Что было делать? Тщетно пытались девочки отделить Машеньку от матери. Всем миром притащили старую телегу, взвалили на нее двух Марий. Раскопали тайник, в который в начале войны прятали вещи. Вытащили оттуда все, опустили трупы и накрыли одеждой, находящейся в тайнике. «Зачем это все, когда больше нет ни мамы, ни Машеньки»,— буднично произнесла Тоня и взялась за лопату. Кое-как присыпали все это промерзшей землей вперемешку со снегом и собрались в дом.

— Тонь, а с той, что делать? — несмело спросила Зина, указывая на загон.

— А что делать?! В дом взять?— обозлилась та.— Перестреляют всех нас, как собак! А как жить без мамы,— вдруг зарыдала Тонька и упала носом в снег.— Как? Как?! Как?!!!

— Тонь, гляди, а она стоит и на нас смотрит,— задыхаясь, закричала Зина.

— Тише ты, тащи ей отцов тулуп.

— Но... Он же отцов,— запротивилась Зина.

— Тащи, тебе говорят! — строго приказала Тонька, поднимаясь на ноги. Зинка, послушно поплелась к дому. В сенях она запнулась и упала. На помощь ей пришла Дуська.

— Иди в дом, сама снесу.

Дуська взяла неприкосновенный отцовский тулуп, смело подошла к загону и протянула несчастной. Та сначала отрицательно покачала головой, но Дуська вплотную подошла к девушке, накинула ей тулуп на плечи, застегнула на верхнюю пуговицу...

— А ты и босая,— удивилась она,— на, и скинула с себя валенки. Они дырявые, это Танькины. Ее немцы угнали, одевай!

Девушка стояла молча, изредка всхлипывая.

— Не плачь,— приказала Дуська,— у нас маму убили и Марусеньку, видишь, я не плачу. А это больнее. Понимаешь? Лучше бы меня били, больно-больно, сильно-сильно, но была бы жива мама, и мне бы было не так больно...— Дуська закрыла лицо руками.

— Пошли, дура,— схватила ее за руку Тонька и повела в дом. Девушка неподвижно стояла и смотрела им в след. Потом надела валенки и, шатаясь, поплелась к вражеской половине.

Зинка валялась в сених.

— А ну, вставай! Разлеглась! — недовольно проговорила Тонька.

Ответа не последовало.

— Зин, ты чо? — наклонилась Дуська.

Девочки взяли расслабленную Зинку под руки и ввели в дом. Младшие дети мирно посапывали на печке.

Уставшие девочки не смогли затащить Зинку на печь, поэтому уложили ее возле спящей Шурочки в материнскую кровать.

Глава 10

Тоня, проворочившись всю ночь, забылась только под утро. Проспала. У нее была обязанность — доить корову и большую часть молока отдавать немцам. Все следы прошедшей ночи были засыпаны снегом. «Как будто ничего не было!» — подумала Тонька, «Только мамы с Машенькой нет». Но думать было некогда. Нужно было доить корову. Иначе «соседи» могут убить. Открыв калитку загона, она увидела, что в сарай от противоположной калитки протоптаны следы. Тоня испугалась, хотела идти назад: «А вдруг собрались отобрать корову? Как у соседей Вяткиных? Тогда все, не выжить». Но услышала, как струйки молока ударяются о дно подойника. Она робко приоткрыла дверь и увидела, как девушка доит корову, оттопырив в сторону мизинец правой руки.

— Э-э-э! — протянула Тонька и осеклась.

Девушка повернула голову с изуродованным лицом и, передернувшись от боли, снова отвернулась. Подоив корову, она встала и молча протянула подойник Тоне. Та отступила. Тогда девушка подошла вплотную, вырвала из рук растерявшейся Тони пустое ведро и вылила туда большую часть молока.

Вернувшись в дом, Тонька застала Зинку у печки. Та деловито орудовала ух-ватом.

— Ты чо делаешь, я еще печь не затопляла,— удивилась Тоня.

— Тулуп отцов, там, сгорел. Что теперь будет? — водила Зинка испуганными глазами.

— Ты что, белены объелась? Какой тулуп? Забудь!

— У ней вроде жар,— свесилась с печки белокурая Аленкина головка.

— Ну-ка! — Тонька схватила Зинку за плечи и повернула к себе, марш в постель, мне тут еще смертей не хватало!

— А батька бранить будет, приедет, тулупа нет,— послушно семена за Тоней, причитала Зинка.

— Про тулуп спросит, а про мать с Марусей не спросит?! И про Аню с Таней не спросит?! — закричала Тонька, — тулуп дороже родных тебе да?!

— Не ругайтесь, пожалуйста, — заплакала с печки Дуська, — ничего уже не сделать. Тонь, можно я полежу сегодня, все кости ломит.

— Лежи, если сможешь. Аленка, возьми Настю, топайте за дровами. За санями к Вяткиным зайдите.

— А почему?.. — хотела было возразить Аленка.

— Без вопросов! — закричала Тонька. — Тащите, сколько допрете!

— А мама? Она не за дровами ушла? — не унималась Аленка.

— На небеса мама ушла, с Марусей вместе, — грубо ответила Тонька...

Алена с Настей молча спустились с печки, начали одеваться.

— Аленка, валенки мои оденешь. А ты, Настя, возьми Марусин платок, повяжи под свой. Ночью буран был и сейчас дует. Да не так, на лоб завязывай.

— Зинка, тево лазлеглась? — послышался с кровати слабенький голосок Шуры.

— Дусь, ты хоть Шурку сможешь одеть? Напои ее молоком, я пойду картошки наберу, — распорядилась Тоня и вместе с Аленкой и Настей вышла за дверь.

Глава 11

Машенька, дорогая моя, девчонки Анюта — не будь люта, Тонюшка — солнушка, Танюха — длинное ухо, Дусенька — хлопотусенька, Зинка — корзинка, Аленка — капризенка, Настенка — веселенка, Марусенька и Шурочка — младшенькие, здравствуйте!

Пишет вам ваш батя непутевый. Машенька, прости меня окаянного, что молчал долго...

Глава 12

К Сидоровым стал наведываться полицей Ванька. Узнав, что мать погибла и дети остались одни, он предлагал сотрудничать, чтобы младшие дети высматривали партизан и докладывали ему, Ваньке.

— Мужичье самодурное, — поразвяжут войн, а невинные женщины и дети отдувайся, — ответила Тонька.

— А ты, девка, права, — неожиданно согласился Ванька, — может, замуж за меня пойдешь? Все легче будет.

— Да на кой мне этот «замуж». Этих бы детей вытянуть. Неужто ж еще плодить стану. Подумать тошно.

Ванька почему-то отстал. А через несколько дней, Аленка с Дуськой притащили с немецкого склада мешок муки, сказав, что дядя Ваня дал. Тоня ругалась, запрещая девочкам впредь что-то брать у немцев. Но, еще через несколько дней, Зинка утатила у немцев бочонок варенья, как следует, получив плеткой по спине.

— Сейчас ты и от меня получишь, полоумная! — ругалась Тонька. А в душе была рада и муке и варенью, потому, что есть было уже совсем нечего, а маленькая Шура все больше худела и слабела. Благодаря этим припасам, прожили зиму и весну. Наступили совсем голодные дни. Немцы заметили, что их служанка помогает семье, высекли ее. А молоко и яйца стали забирать сами, так что детям почти ничего не доставалось. А тут еще чернявая Настя засветилась у немцев. Ее схватили и бросили в конюшню, где ждали своей участи свезенные со всей округи евреи. Когда евреев вывели на расстрел, Настю заметил Ванька-полицей, и девочку отпустили. Испуганный ребенок, проводший три дня в конюшне, едва держался на ногах, но успел увидеть, как женщин и детей заставляли раздеваться до гола, ставили лицом ко рву и

стреляли им в спины. Выхаживали Настю все без исключения, даже маленькая Шура отдавала свой кусок, «чтобы Настена поплавилась». Настя пошла на поправку, а у Аленки начали опухать ноги. Видимо отморозила, ходя за дровами. Что только не предпринимали дети, ничего не помогало. Аленка перестала ходить. Ноги посинели. А Аленка похудела.

— У ней глаза стали, как у девки немецкой,— вдруг заметила Настя.

— Молчи! — сжала кулаки Тонька.

Однажды Шурочка увидела, что курица снеслась в загоне и, не долго думая, побежала за яйцом. Немец, стоявший за углом сарая, схватил малышку за шиворот и подвесил к торчащему из бревен сарая гвоздю. Шура закричала. Не успела Тоня оглянуться, как немецкая служанка ловко сняла девочку с гвоздя, прижала к своей груди и строго посмотрела на немца. Немец ухмыльнулся, плюнул и пошел к своему входу. А девушка, глядя по голове плачущую Шуру, поднесла ее к обезумевшей от испуга Дуське, и поставила перед ней. Подбежала Тоня, схватила ребенка и отнесла в дом, на печку. А утром Зинка нашла на пороге три яйца.

Аленка не дотянула до освобождения деревни всего лишь день. Снова шел мокрый снег. Снова был вскрыт тайник, и поверх сгнивших тряпок было заботливо уложено маленькое тельце в мешке из-под картошки.

Глава 13

«Соседи» быстро засобирались. Последняя ночь пребывания их в доме была шумной. Слышались тревожные шаги, приказы, грохот посуды. Тонька больше всего боялась за корову. Она на свой страх и риск привела кормилицу в дом. «Если убьют корову, и нам не жить». Она велела Дуське взять Шурку и уйти вглубь участка, на всякий случай, если немцам вздумается учинить над ними расправу. Но расправы не было. Дуська видела, как немцы, наскоро построившись один за другим, исчезали в лесу.

На той стороне стало тихо. Утром немецкая служанка вышла за водой. На реке они лицом к лицу встретились с Зинкой.

— А у нас Аленка померла,— зачем-то сообщила Зинка и заторопилась с ведрами вверх — на гору. Девушка вздрогнула, села на землю и заплакала.

— А эта служанка здесь осталась,— сообщила Зинка дома,— за водой пошла.

— Ну и пригласила бы ее к нам жить. Она ведь Шурку спасла,— предложила Дуська.

— Ты чо, думай, что говоришь! Она немцам прислуживала. Нас деревенские не так поймут. Живет, пускай живет. Мы ее не знаем, она нас не знает. Поняли?..— заругалась Тонька.

Глава 14

Немного позже за стенкой девочки слышали детский крик. Зинка накинула дырявый платок и собралась идти. Но Тонька не пустила.

Несколько дней немецкой девушки не было видно. А на той стороне настойчиво кричал ребенок. Тонька, украдкой от девочек, пошла туда. На грязной, залитой кровью постели лежала служанка, а рядом корчился младенец, то беря в рот, то выплевывая иссохшую материнскую грудь.

— Ты хоть бы в стенку постучала, мамаша! — наклонилась над кроватью Тонька.

Женщина слабо вздрогнула и посмотрела на Тоньку большими, выпуклыми, голубыми глазами.

— Господи, да что же это происходит?! — не выдержала Тоня, — сейчас, подожди. Подою корову, парного молока принесу.

Женщина кивнула. Тонька ходила туда каждую ночь. А Шурочка проболталась Вяткиным, что у них за стенкой ребеночек плачет. И понеслось. Что в деревне немчуренок родился.

Однажды рано утром, когда Тоня подоила корову и возвращалась в дом, увидела у калитки застывшую фигуру. Это была соседка. Войдя в калитку, она упала на колени и протянула Тоне сверток с ребенком.

— Ты чего? — удивилась Тоня. — Чего тебе не ложится, слабая еще. Взяла ребенка на руки и понесла в дом. Но увидев, что соседка не идет за ней, а пытается выйти из калитки, вернулась, взяла совсем ослабевшую мамашу за руку и увлекла за собой.

Ее положили на материнскую кровать, отправив Зинку и Шуру на печь. Тонька приказала всем молчать. Никому не проболтаться.

— При немцах выжили, а от своих и подохнуть немудрено, — сказала она.

— Злая ты, Тонька, стала, — возразила Дуська, — да неужто свои из-за дитя казнить начнут?

Ночью на другой половине что-то грохало. Явно кто-то там был. Женщина лежала с широко открытыми глазами и шевелила губами. Утром на той стороне Тонька нашла молоко в кувшине, яйца и детскую люльку.

Девочки женщину стали называть Таней. Молока у нее не было, поэтому мальчика кормили парным коровьим молоком. Прошло три месяца, а Таня не вставала и не говорила. Дуська заметила, что у Тани нет языка, поэтому она молчит.

— Да ты хоть помычи, мы поймем. — Но Таня не мычала. Она гладила Шурку по головке и улыбалась, а потом плакала. Мальчика прижимала к себе и тоже плакала. Однажды она пожала руку Тоньке, с благодарностью глядя ей в глаза.

— Да ты вставай, давай быстрее, — сказала ей Тонька, — не умирай хоть ты.

Таня отрицательно покачала головой и 3 мая умерла. А 9 мая война кончилась.

Эпилог

— Ну что, дом то, как тебе, ай фотокарточкой интересуешься? — полюбопытствовала бабушка.

— Интересуюсь, еще внимательнее вглядываясь в фотографию, ответила Анна.

Да, такую фотографию Анна уже видела. Точно видела. Уже не молодой мужчина...

— Это отец ваш? — поинтересовалась Анна.

— Да, батя, хороший человек был, работяга, да помер в пятьдесят третьем году...

— Но, ведь, с войны вернулся же?

— Долго не возвращался. Сгинул, думали. А жить то надо было. Во второй половине, где в войну немцы жили, детский дом открыли. Шурку, Славику и Настю, вот они, гляди, малые самые, хотели забрать туда. Да мы то, кто постарше — Тонька вот, Дуська, вишь, эта вот, косматая, и я ни за что не отдали. И как же было отдать, родные крошки. Тогда жить их у нас оставили, а завтракать, обедать и ужинать туда бежали. А у нас корова была, вот и носили туда свое молоко. А детей-то привозили кого откуда. Голодные, грязные, больные. Много уже здесь поумирало. Еды на всех не хватало. Наше то молоко и выручало. Это уж потом стали давать кое-какую одежду, а так, в отрепьях ходили. Все матку, батьку ждали, да хоть кого. Помирали и все спрашивали, не приехал ли кто за ними... Нашим завидовали.

А к Тоньке-то стал свататься директор детского дома. Да так настойчиво. Любил очень. А она отказывала все. Так и осталась в девках. Сначала нянечкой в детдоме была. Потом воспитателем поставили. Мы с Дуськой помогали. Но Дуська, слабо-

нервная. Дети-то после войны много уже пережили. Как понарасскажут то о себе!.. Один мальчик калекой к нам поступил. Рассказывал, как снаряд в дом попал, всех засыпало, а сестренку маленькую на куски разорвало, а другую он, мальчик этот, схватил и в окно хотел вышвырнуть, а она вцепилась ему в руку и вытащила наружу. Поэтому он живой остался, а девочку эту потом искал... Не нашел. Дуська все ночи не спала. Чуждаться людей стала. Бормотала чего-то про себя. Потом на людей кидаться стала, блазнилось что-то. И Тоньку люто ненавидела. Ушла на завод, вроде поспокойней стала. Жила там же, в проходной, домой заходить боялась. А я, гляди, вот эта, с косами. Чего, не похожа? — засмеялась старушка.

— Есть что-то, — скромно отозвалась Анна.

— Мы тут все тощие, а счас, гляди, какая толстуха стала. А я все в детдоме работала. Батя вернулся только в 47 году. Ему по дороге домой сболтнул кто-то, что у нас немчуренок растет, Славик, значит. Так вот, помню, худущий, обросший, как обезьяна, появился на пороге. Я-то Шурку подстригала как раз на ступеньках. Да как закричит таким грубым, злым голосом, чего, мол, змею на груди пригрели, немецкое отродье взрастили. Шурку аж затрясло от страха. А тут гляжу, Настасья из-за угла выскакивает: «Батя!» — кричит. Как она его узнала — до сих пор ума не приложу. Она то его узнала, а он долго нас разглядывал, не узнавал. А Славку как увидел, полюбил, сыном признал. Долго убивался по матери, Анютке, Танюхе, Марусеньке и Аленке. Да разве горе-то передашь?..

Дуська-то батю сначала не узнала. Кричала, говорила, что больше не выдержит немцев. Потом отошла. Вернулась домой. Все было как будто бы нормально. Но, как-то, кинулась на батю с ножом. За немца приняла опять. А он ее жалел. Обнимет, бывало, по голове гладит, успокаивает. И правда, успокаивалась, рассказывала о том, что с нами в войну было во всех подробностях. Мы то и вспоминать боялись, прошло и прошло, а она рассказывала. Батьке душу бередила, да и нам тоже.

Потом батя вместе с Дуськой на заводе работал. Жизнь налаживалась потихоньку. Пошли мы в школу. А что в школе. Учителей нет. Вот и послали меня на курсы, да сразу преподавать. Ученики старше меня были. Потом уж педучилище кончила. Вот так-то, милая.

— А что с Антониной стало? — поинтересовалась Анна.

— С Тоней-то? А всю жизнь в детдоме проработала. Та половина дома так и осталась за детдомом. Сейчас там у них склад. Главное здание рядом выстроили. Болела она чем-то. Как отошала после войны, так и не поправлялась. А как отца забрали, совсем в работу ушла. Умерла, 50 лет всего было. Так дети детдомовские за гробом шли, плакали. Любили они ее. Да как не любить-то. Последний кусок им отдавала.

— Жила она здесь, в этом доме?

— Здесь жила, со Славиковой семьей. А Славик слаб здоровьем был, рахитичный, ноги кривые так и остались. Женился на детдомовке Тосе. Ребенок первый у них уродом родился, пожил немного, да и помер, а больше детей не было. Да и жена долго не протянула...

— А эта девочка, которая улыбается, она кем стала?

— Настенька-то? Веселый норов ей от бати передался. Музыку любила. Пела все, плясала. Певица она. На севере живет. Двое детей было. Дочь померла от рака, двоих внуков оставила. Взрослые уж. А сын инвалид был, муж, как узнал, что ребенок больной, так и бросил ее с двумя-то... Она с внуками вот теперь.

А Шурочка, гляди, на руках у бати, маленькая наша, ангелочек. Росла незаметно, тихонькая была, послушная. В школу девяти лет пошла. А в 13 померла от ревматизма сердца. Я тогда уже замуж вышла, первенца ждала. Бросила все, приехала на похороны. Шурочка такая бледненькая в гробике лежала, волосенки у ней черненькие кучерявенькие были, разбросались в стороны. Как сейчас вижу. Тонька места себе не

находила, думали, и она помрет, не вынесет... А у меня потом выкидыш случился... Долго детей не было, да послал Бог...

— Вы, стало быть, Зина? — спросила Анна.

— Да, Зина, а ты откуда знаешь?

— Да так, логическое мышление. А что стало с Дусей?

— А Дуська у нас в психбольнице лечилась. Потом исчезла. Вроде, кто-то из бывших детдомовцев ее видел. Она нам всем привет передавала. А общаться не захотела... И Славик писал ей даже, да что-то тоже не заладилось... Ой, милая, совсем я тебя заговорила, — спохватилась вдруг старушка, — ты же спешишь.

— Нет, спешить мне некуда.

— Как некуда, а бабушка как же?

— А, бабушка? Хорошая у меня бабушка, Евдокия Петровна зовут. Она мне о своем детстве все подробно рассказывала. У нее две дочери было, Анна и Мария. Теперь внуки растут — Анна, то есть я, моя сестра Маша, двоюродные сестры Татьяна и Алена. Таня недавно мальчика родила, бабушка его Петей назвала...

— Ой! — всплеснула руками бабушка Зина и заплакала...

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

КРАСИВАЯ МЕЧА, КРАСИВОМЕЧЬЕ...

*Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона
Под бледною ивой,
при свете вечерней звезды,
Невнятный намек на призыв
колокольного звона
К тебе донесется из замка хрустальной воды.*

Константин Бальмонт

На днях, а пишутся эти строки в середине октября месяца, как всегда по четвергам, зашел после работы в киоск «Роспечати» на проспекте Ленина, напротив здания ОблУВД, купил свежую «Литературку» и по пути до своего дома присел на лавку в Толстовском скверике, начерно просмотрел газету. Сразу обратил внимание: в Туле издана книга-альбом «Красивомечье».* Порадовался за автора-составителя Валерия Ксенофонтова — члена редколлегии наших «Приокских зорь» и издательство «Неография» — тоже учредителя журнала. Наутро зашел на работу к Валерию Ивановичу, а уже на следующий день рассматривал это великолепное издание.

...И хотя статус главного редактора «Приокских зорь» (сейчас это называется политкорректностью) вроде как «не рекомендует» самому писать рецензии-отзывы для окормляемого журнала, но — не удержался. Слишком явственные воспоминания всплыли при перелистывании страниц альбома, прежде всего при виде фотографий берегов-крутояров Красивой Мечи. Где же довелось лет тридцать назад видеть похожее? — А именно столь характерные только для Южной России, де-факто начинающейся уже за Воловым и Куркиным, выступающие на берегах рек слоеные каменные плиты, чем-то в масштабном уменьшении напоминающие каньоны Северной Америки и Африки, на переходах от пустынь к саванне.

А видеть довелось в инженерную свою молодость чуть севернее Красивомечья, в Куркинском районе, на берегах не менее славной реки Непрядва. Привычный тогда «колхоз для инженеров» в летнее время воспринимался как второй, дополнительный отпуск. Особенно для молодых телом и душой. И само-то пропалывание-«тяпание» свеклы воспринималось как игра.

...И вот она родная свекольная грядка длиной в километр, полого опускается к Непрядве, а за невероятно синей, почти ультрамариновой полоской далекой реки, далеко внизу под тобой, в полуденном мареве жаркого июля расплывчато дрожит над ровностью Куликова поля знаменитая башня-памятник.

А после прополки, ближе к вечеру, купанье в Непрядве, как и Красивая мечта, такой же извилистой, с выщербленными каменистыми вкраплениями крутых берегов.

* Красивомечье. Альбом фотографий и репродукций / Сост. В. И. Ксенофонтов.— Тула: Неография, 2009.— 144 с.

Извиняемся за столь пространное «личностное» вступление, но это само всплыло в памяти даже при виде только обложки «Красивомечья». А в предисловии к альбому его составитель Валерий Ксенофонтов так кратко и емко характеризует отличительность этих мест, сердцевиной которых и является вроде бы малый приток Дона: *«На сотни километров вокруг не найти ничего похожего в ландшафтах Среднерусской равнины. Это уникальный, неповторимый уголок родной земли. Сказочные, милые сердцу пейзажи вряд ли кого могут оставить равнодушными. Человеку, лишь однажды увидевшему Красивомечье во всем его великолепии летнего солнечного дня, долго снятся цветочные сны»*.

И, добавим мы, это место, еще не изуродованное аляповатыми замками нуворишей и загородными ресторациями с «номерами для отдыха». Хотя уже и сюда подбираются... Именно здесь на спасительное время забываешь о разорении России. И люди здесь вокруг русские. Не прегрешим особо против новомодной политкорректности и чуть взгрустнем, покидая эти места с мыслью: «Как жаль, если лет через тридцать здесь все перепашут трудолюбивые китайцы и иные западно-восточные поселенцы на обезлюдивших землях...» Оно к тому, увы, и идет. Но вернемся к альбому фотографий и репродукций.

В отзывах на чисто художественные книги о их полиграфических достоинствах принято как-то вскользь, в самом конце упоминать: да, дескать, хорошо и опрятно издана. — Словно стыдись, что сумели представить книгу «по одежке». Ох, эта вечная и неизбывная русская скромность и стыдливость! Столичные и губернские власти по поводу и без повода тиражируют образцово показательные книжные официозы пудового веса с рельефно-золотыми тиснениями, а авторы и рецензенты других изданий должны почти извиняться: хватили лишку, роскошная книга вышла...

Но это даже в малейшей степени не должно относиться к альбому, ибо они *по определению* суть симбиоз авторского и полиграфического искусства. Таковым в высшей степени похвалы является и «Красивомечье» — совместное произведение составителя, авторитетных консультантов, художников Алексея Мальцева и Анатолия Скалина и четырнадцати фотохудожников: Елены Асташовой, Олега Беспрозванных, Владимира Дворецкого и других. Очень к месту помещены среди фотографий и репродукций поэтические строки Фета, Бальмонта, Бунина, Есенина, Белого, Макшанова, Мережковского и составителя альбома Валерия Ксенофонтова. И, конечно, певца этих мест Ивана Тургенева: *«Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь — и, Господи боже мой, что это? а?... И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далеко видно, далеко»*.

Ему вторит на страницах книги Н. Павлов («Ятаган»):

«...Река красивая, река живописная, очаровательная Мечь!.. В иную минуту ее небо примешь за небо Швейцарии!.. Далеко от берегов за лесами, за курганами открывается обширный горизонт: деревни, поля. Рожи. Картина более игривая, более суетная. — На ней жизнь, труды, пот человека, и чтоб эта жизнь, эти труды не показались горькими, на нее должно любоваться не осенью, а при блистательном солнце лета, в летний полдень, в летнее утро...»

Действительно, наша Средняя Россия имеет в годичном цикле два лица: с поздней весны до ранней осени — для утонченного, изысканного любования, а в промежутке — для достаточно сурового проживания. Здесь невольно вспоминается из Андрея Платонова, что русское овражное поле в половине девятого ноябрьского утра есть явление апокалипсическое (пишу по памяти, потому и не закавычиваю). Но на Красивой Мечи и межсезонья несут печать особой красоты. Поэтому так замечательно смотрятся в альбому виды ранней сены: проталины с робко пробивающейся через снега размороженной водой, вешние воды и «разливы рек, подобные морям...», о которых так замечательно писал Афанасий Афанасьевич Фет:

*А там, по нивам на просторе,
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаи лебедей...*

Но все же лето и только лето, жаркие, маревые в этих местах июнь и июль, умиротворенный теплый, ласковый, отдыхающий август, а перед ними пробуждающий природу май,— время очарования в Красивомечье. Поэтому в альбоме и заголовки глав-иллюстраций: «О весна, без конца и без края...», «Мелодии диких трав и соцветий», «Вода благоволила литься...», «Средь высоких холмов и задумчивых рощ», «Золотая Меча».

...Общеизвестно, что писать о музыке и изобразительном искусстве куда как труднее и сложнее, нежели анализировать романы и повести с их сюжетно-фабульной законченностью, произведения поэзии с четко выверенной ритмичностью и рифмосложением. А вот слушая музыку или любясь произведениями живописи, скульптуры, художественной фотографии, в определенном смысле и архитектуры, мы почти полностью «отключали» оценочную логику мышления, то есть первооснову любого анализа. Человек воспринимает эти искусства, что называется, душой и сердцем. Поэтому истинные объективные критики столько редки. В полной мере в России ими были разве что Стасов и академик Асафьев. Еще немец Рихард Вагнер. Даже Чернышевский с его знаменитой диссертацией всего лишь «переводил» для русского читателя Гегеля и нарождающуюся на западе философию позитивизма. Не говоря уже о давно укрепившемся там протестантско-торговом утилитаризме...

Сами же музыканты и художники всех родов — от становой живописи до мастеров фотосъемки — в силу своей увлеченности архаикой словесного описания своих и чужих творений.

Потому-то у нас с пролеткультовских времен и правят бал в оценке музыки и художеств сонмы стрекочущих профессиональных музыка- и иных «ведов».

...Это мы все к тому говорим, что музыку все же надо самому слушать, а живопись и художественную фотографию проникновенно смотреть: не раз и не два желательно.

Наконец, само появление альбома «Красивомечье» есть добрый знак для наших провинциальных палестин. Тем более столь «неприличным» для лимитрофных времен тиражом: целых две тысячи экземпляров...

С чем и поздравляем коллектив авторов и издательство «Неография».

Алексей Яшин (г. Тула)

«САМОЦВЕТОВЫЙ ВЕНЕЦ» ЛЮДМИЛЫ ГАЙДУКОВОЙ

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышел в свет новый поэтический сборник Людмилы Гайдуковой, молодой талантливой поэтессы из города Алексина, «Самоцветовый венец».

Людмила Гайдукова связана с литературным творчеством не так давно, однако, она уже зарекомендовала себя как самообытный и серьезный автор, которому в своих произведениях удается органично сочетать философский взгляд на мир и женский тонкий лиризм.

Л. Гайдукова окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, по образованию историк. Именно история и краеведение стали стимулом для научной и литературной деятельности. Людмила — автор статей по

истории города Алексина, его литературному прошлому и настоящему. В последнее время активно занимается этнографическими исследованиями, изучает историю вятчей, живших на территории Алексинского района.

В литературном творчестве Людмила реализует свой творческий потенциал через поэзию и прозу. Ее стихотворения и рассказы не раз публиковались на страницах тульской и алексинской периодической печати, а также в коллективных сборниках и альманахах Рязани, Москвы, Харькова. В 2007 году в серии «Коллекция альманаха «Прикосновение» XXI век» вышел в свет поэтический сборник Л. Гайдуковой «Алтари памяти». Презентация книги успешно прошла в литературной гостиной Дома-музея В. В. Вересаева. Год спустя, в 2008 году был опубликован сборник рассказов «За серебряной звездой».

Творчество Людмилы притягательно и разнообразно. Лирические стихотворения вобрали в себя голоса дороги, отражения прошлого и мечту о счастье. Философские эссе и миниатюры явственно возвращают современников в мир наших предков. Рассказы в стиле фэнтези загадочны и многомерны. Все это — творческие находки автора, попытка осознать предназначение человека, постичь тайны души и сердца.

Поэтический сборник «Самоцветовый венец», несомненно, новый этап стихотворного творчества Людмилы Гайдуковой. В нем автор остается верен выбранным ранее темам, однако, произведения приобретают большую выразительность и емкость. Это достигается благодаря точным, выразительным образам, тщательной работе автора над словом. Основой сборника стали стихотворения-размышления: о выбранном жизненном пути, поиске любви и взаимопонимания, о постоянном движении вперед. В сочетании с мягкой пейзажной лирикой и яркими этническими мотивами, это придает сборнику Людмилы Гайдуковой особую пронзительность и своеобразие. Завершающий сборник цикл стихотворений «Мой древний враг» можно отнести к экспериментальным поэтическим формам, что еще раз говорит о поисках автора новых возможностей для творческой самореализации.

Уверена, что сборник Людмилы Гайдуковой «Самоцветовый венец», рассчитанный на вдумчивую, серьезную аудиторию, обязательно найдет своего читателя.

Виктория Ткач (г. Тула)

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОЙ ГИПЕРБОРЕЕ

В своей книге о творчестве Алексея Яшина* я начал первую главу следующим абзацем: «Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие,

* Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с., илл. (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. — М.: «Московский Парнас», 2009.

которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаемся ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находится рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу...»

И — добавлю уже сейчас — если раннее детство это прошло в совершенно неординарной среде, а какой? — Читатель поймет это с первых страниц новой повести* известного русского писателя-прозаика из Тулы. Итак, это уже четвертая книга с главным героем Николаем Андреяновичем, литературным *alter ego* автора. Да он этого и не скрывает — хотя бы фактом представления первых трех книг на Бунинскую премию 2008-го года, что была объявлена в номинации автобиографических произведений. Дальше «шорта» Алексей Яшин тогда не пошел; литературные премии дело тонкое; все, как сказал Белов в названии своего романа, впереди. Тем более, что по представлению «Московского Парнаса» за эти и некоторые другие свои книги Яшин стал лауреатом премий им. Александра Фадеева и им. Валентина Пикуля. Символично, что последний провел свое военное детство в тех же местах, что и герой яшинской уже тетралогии, а отец писателя, моряк-североморец Афанасий Яшин, в годы войны был знаком с юнгой Северного флота Валея Пикулем (см. «Тяжело дышит синий норд»). До чего же тесен наш такой большой мир!

Но вернемся от любопытных литературных реминисценций к новой книге Алексея Яшина. Все мы, учившиеся в советской школе (про нынешнюю умолчу...), помним традицию русской беллетристики: создание автобиографических книг в триединстве детство-отрочество-юность. Лев Толстой и Горький, Гладков и Чаплыгин, Каверин и Гарин-Михайловский... И даже кто таких трилогий не писал, почти обязательно обращался к теме творческого взросления — в смысле понятийного, активного восприятия развертывающегося перед ребенком, отроком и юношей мира. Здесь достаточно назвать гениального «Подростка» Достоевского. А прекрасные сказки о детях Пришвина и Мамина-Сибиряка? Из новой эпохи, конечно, Аркадий Гайдар (не будь к ночи помянут его внушек...).

В эту традицию вносит свою лепту и Алексей Яшин, в определенном смысле бытописатель мурманского, флотского североморского Заполярья 50—60-х годов.

Итак, лето пятьдесят четвертого года — с незаходящим в тех широтах солнцем; на три-четыре месяца Страна холода сбрасывает с себя покров снега, рассеиваются плотные и вязкие, как кисель, вечные туманы, не штормит незамерзающее море. Все-го год, как Николка вышел из затянувшегося младенчества; в тех местах детей не торопят во взрослую жизнь, жалеют, дескать, будут тебе еще труды и заботы, радуйся пока, малец, малым радостям уютного домашнего мирка. Вот исполнится тебе семь лет — и в Полярный тебя отвезут, в школу и интернат, на целых девять месяцев. А на каникулы? — Это если море долгосрочно не заштормит, и попутный военный катер сумеет пришвартоваться к скалистому пирсу-камню островка Седловатого. Так закончится и у Николки беззаботное детство в Гипербореях.

Все это читатель найдет в повести. Понятно, это лишь антураж, хотя и сразу привлекающий, занимающий воображение читающего «Страну холода». Но ведь это не этнографическое описание бывших «медвежьих углов», а достаточно продуманное, через свою душу пропущенное повествование о становлении человека, хотя ростом и разумом еще человечка. Не нужно апеллировать ко всяким ученым-переученным психологам и педагогам; мол, сами с усами, и знали по своему личному опыту жизни: все в человеке — хорошее и плохое, творческое и обыденное — раз и навсегда закладывается в пять-шесть лет. А вся последующая жизнь как бы наслаивается на

* Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 351 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

эту детскую основу. И если еще ребенком осознал себя как творчески мыслящую, вдумчиво наблюдающую натуру, то во взрослении тебя не оглупит даже современное, зомбирующее телевидение. «Яка така закавыка», как говорил вахмистр из «Парохода «Саратов» Бунина, а «закавыка» в том, что, увы, только восемь процентов людей могут самостоятельно мыслить, то есть мыслить творчески, а не по указке телеведущего. Я всегда об этом догадывался, но точную и аргументированную пропорцию эту мне сообщил в своих письмах Алексей Яшин; область его профессиональных научных интересов как раз ноогенез (ноо — разум, генез — развитие; греч.). Доверять известному ученому можно.

...Но как приходит к мальчугану этот зоркий взгляд на обыденное, казалось бы, вещи: дом, родители, семья, скалистый островок, его обитатели, все перипетии взаимоотношений в этом, почти изолированном мирке? — Конечно, многое дают гены, но не все. Значительна роль и тех условий, в которые поставлен этот человек: от характеров и взаимоотношений родителей до климата места проживания. Удалось ли автору раскрыть этот процесс душевного, мыслительного взросления только-только вступившего в сознательную жизнь человечка? — Об этом судить читателю.

Отметим весьма существенное. В гениальном «Подростке» Достоевского прослеживается одна мысль, являющаяся лейтмотивом книги: вся взрослая жизнь человека, особенно творческого, есть развитие вширь (синтез) и вглубь (анализ) всех тех наблюдений-впечатлений, что заронила в душу ребенка среда его проживания и воспитания. Наш автор — прямое подтверждение этого философско-художественного утверждения Федора Михайловича. Действительно, кто прочитал две-три книги Алексея Яшина, а сейчас знакомится с этой повестью, сразу — и невольно — отмечает про себя: а ведь вся мотивация поступков, действий, мыслей героев «взрослых» книг писателя являются развитием детских впечатлений Николки! А как может быть иначе, если и ребенок Николка, и мудрствующий (нелукаво) Николай Андреевич, и автор книг о них — одно и то же лицо, один и тот же ум и характер в динамике их развития и художественного отображения?..

И еще одна *nota bene*: как всегда неординарен, оригинален автор в художественном оформлении книги — об этом я писал в «Энциклопедисте»; де-факто Алексей Яшин возродил традицию русского литературного лубка. На сей раз он иллюстрировал повесть рисунками замечательного художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина — рисунками тех мест, где прошло детство и отрочество персонифицированного героя книги.

Примечание от автора «Страны холода». Как, несомненно, обратит внимание читатель, книга иллюстрирована одним из самых замечательных художников XIX века, работавших в этом жанре. Приведем его краткую творческую биографию из «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона»: «Николай Николаевич Каразин (1842—1908 гг.), художник-этнограф, иллюстратор и писатель, один из учредителей «Общества русских акварелистов». Сюжеты иллюстраций Каразина — типы и сцены из среднеазиатской жизни*, военные сцены и пр. Романы и повести: «Двуногий волк», «В камышах», «На далеких окраинах» и др.».

Воспроизводимые ниже иллюстрации Н. Н. Каразина взяты нами из книги «Страна холода» (издана в 1877 году); также приведем из словаря Брокгауза — Ефрона биографическую справку об авторе этой замечательной книги: «Василий Иванович Немирович-Днченко (1848—1936), писатель. Увлекательно написаны путевые очерки: «Соловки», «Кама и Урал», «Очерки Испании», «Год войны» (собрание кор-

* «Ориенталистские» иллюстрации Н. Н. Каразина были использованы в наших книгах: «Без руля и ветрил» (М.: «Московский Парнас», 2009) и других.

респондений с театра войны 1877—78). Романы: «Плевна и Шипка», «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886) и многие другие. Сборник рассказов: «Незаметные герои» (1889), «Семья богатырей», «Святочные рассказы» (1890).

Полагаем, что приведенное выше напоминание не лишне, ибо сегодняшний читатель вряд ли что слышал о Каразине, а фамилию Немирович-Данченко ассоциирует исключительно с братом писателя — драматургом и совместным со Станиславским основателем и соруководителем МХАТа Владимиром Ивановичем (1858—1943). А вот в последней трети XIX — начале XX вв. их имена, как иллюстратора книг и писателя — причем оба выраженные этнографы — были известны всем читающим в России; как говорится, от семинаристов и гимназистов до царевых министров. Являясь корреспондентами ведущих русских журналов и газет, Немирович-Данченко и Каразин «из первых рук» знакомили Россию с событиями почти всех балканских и среднеазиатских войн Империи названного периода отечественной истории.

...Купив в 1969 г. в тульской «Буккниге» (на этом месте сейчас площадь Ленина перед зданием администрации), удивительно богатой в те годы на книжные раритеты, книгу Немировича-Данченко с иллюстрациями Каразина, прочитал в один присест — и не удивительно: минуло всего три года, как наша семья уехала из Заполярья, а именно этим местам и посвящена «Страна холода». И пусть в год издания книги еще не были основаны города Николаев-на-Мурмане и Александровск (ныне Мурманск, где я родился, и столица Северного флота Полярный, где я жил), но все в книге было предельно хорошо узнаваемо. И хотя герой уже нашей книги, шестилетний Николка, с радостным изумлением постигает открывшийся ему после беспмятных лет младенчества мир людей и предметов в самое теплое летнее время, но и он уже постоянно держит в уме, что живет в Стране холода, где, по присказке, девять месяцев зима, остальное лето. Поэтому-то и названа — в продолжение литературных традиций — наша книга тоже «Страна холода». Главное — рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гипербореи.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГЕННАДИЯ МИРА «ОТРАЖЕНИЯ. СОЛНЦЕ. ПОЭМЫ»

«Набор тщательно выверенных и ладно соединенных слов. Игра словами. Но сие — не цель поэзии. Может быть, одно из средств», — так думал я, начиная читать поэму об ушедших друзьях «Отражения» Геннадия Мира. Но, чем дальше продвигался в чтении, тем больше встречалось истинно поэтического. Терпение вознаграждалось. Все больше появлялось восклицательных знаков — действительных, а не от скепсиса или иронии.

Да здравствует Жизнь!
Чтобы в ней не слышали,
Что где-нибудь
кто-то
кормился
стихами!

Вот это здорово. Мне такое близко.

Сталкиваются афоризмы: «Свободные не ведают темницы» и «Так смертный враг кокетству жизни праздной — семейной скуки вопль однообразный». По-пушкински: мысль, образ, музыка.

Четвертый рассказ потрясает искренностью, интимностью, драматизмом переживаний, знакомых если не каждому, то многим и многим. Вспоминаются вершины: «Облако в штанах», «Про это».

Рассказ пятый: Жить. Пошли одни восклицательные знаки. (Действительные!)

*Не умирай, пока живешь!
Когда ты от борьбы устанешь
И, обессиленный, не встанешь,
Не умирай, пока живешь!*

Страшный образ фальшивого друга, презренного Яго доверчивых душ, мистически сверкает в рассказе:

*Ты пришел?
И уйди!
Без души не понять.
Совесть нужно свою —
и одну,
словно мать,
И не прятать прозрачно,
как сахар в воде.
Наскрести ли в суде,
коль прорехи —
в стыде?
Ужас. Мрак.*

Но вот рассказ шестой: Весна. Можно, оказывается, жить без любви, без друга. Так утверждает автор. А что же ту весну породило? Ну, что порождает весну... Она неизбежно рано или поздно приходит сама по себе. Естественный ход природы.

Хочется светлого финала. Ну, не финала, так хотя бы какого-то философского вывода.

«Облако в штанах» оборачивалось в 1915 году чудовищным бунтом, призывом крепить у мира на горле пролетариата пальцы. Три ГОДА СПУСТЯ ДРУГОЙ ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ДАЛ слово героям: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

Геннадий Мир в другое время по-своему выстрадал свое. И лирическому герою вместо пальцев на горле и мировых пожаров в крови дает Весну в награду. Вместо отчаяния бунтаря, достававшего из-за голенища сапожный ножик и рвавшегося с ним на Господа Бога за то, что Тот не замечает человеческих страданий. Кто-то все-таки понял: ничего путного из океана злобы не выловишь. Г. Мир оказывается мудрее Маяковского. И хоть не осмелится наш стихотворец сказать агитатору-горлану-главарю: «Мы стоим почти что рядом» — но чувства добрые смельчак пробуждает. И это есть хорошо. Во всяком случае лучше, чем пробуждать злобу.

А что касается времени... Пройдя через его горы и пропасти (если сумеют!), наши уважаемые товарищи потомки, может быть, увидят, окажется ли век двадцать первый мудрее двадцатого:

Итак, дочитал. И не только не жаль потраченного времени, но чувствую себя обогащенным.

Сергей Норильский (г. Тула)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СТИХОВ ГЕННАДИЯ МИРА «СИМФОНИЯ ДОЖДЯ» (2009 г.)

Наполненные философским смыслом и своей особой мудростью стихи Г. Мира заставляют вчитываться в них, а по прочтении снова к ним возвращаться. Они поразили, как потом выяснилось, не только меня своим благородством и возвышенностью. Как известно, его поэма «Начало» стала победителем телевизионного поэтического конкурса в 1978 году, и для ее прочтения автору было предоставлено эфирное время на центральном телевидении. Стихи и песни он включает и в свои драматические произведения: «Вокзал во вселенной», «Прохожий» и другие. В настоящее время им самим и другими авторами на его стихи написаны и исполняются песни.

Татьяна. Абинякина (г. Щекино)

ЧИТАЯ КНИГУ ИРИНЫ КЕДРОВОЙ «ПОСЛАННИК, ДУША И ВЕДЬМА» *

Новая книга прозаика Ирины Кедровой «Посланник, душа и ведьма» рисует перед нами мир. Мир, в котором органично сочетаются современная жизнь, древнерусские обычаи, предания, колдовство и мистика. Природные стихии и жизнь одного из посланников Божьих на земле, превращение женщины в ведьму и переплетение кругов жизни: все это сплетается в трех произведениях. Хотя каждое из них не похоже на остальные, есть один общий мотив, неразрывной нитью проходящий через все произведения: любовь. Любовь к близким и к родным людям, ощущение себя частью целого, стремление помочь и утешить.

Книга состоит из трех произведений: «Сын человеческий идет по предназначению», «Ульяница и мир людской», «Все мы немножко ведьмы». Я думаю, последняя повесть под таким импонирующим названием особенно заинтересует женщин. Чего греха таить, я сама начала читать книгу именно с нее.

Во всех произведениях главные героини — женщины. Они прекрасны не только физически, но и духовно. Хочу избежать штампа в сочетании «непростая судьба» и не могу. Жизнь каждой героини полна драматизма и тяжелых испытаний.

Но женщине всегда труднее и сложнее, поскольку она несет ответственность не только за себя, но и за дом, семью, а главное — за детей. Автор дал героиням имена, которые подспудно в христианском мире несли смысловую нагрузку. Мария, Анна, Наталья.

Мария молоденькой девушкой теряет своего возлюбленного и через всю жизнь проносит в сердце память и нежность к Владимиру: «...Память не унимается и достает из тайников светлый образ Владимира; тепло его рук, синеву глаз-озер, легкое касание губ. Стоит Мария в храме, и светлые мысли о прожитой жизни, трудной и счастливой, окружают ее».

Любовью наполнена вся книга — любовью к людям. К их слабостям и порокам; любовью к земле русской и к христианским ценностям. Автор, описывая жизнь героев, сопереживает их страданиям, тонко понимает женскую психологию.

В повести «Ульяница и мир людской» перед нами встает образ главной героини — Натали. Трудно ей, замученной повседневным бытом, эгоизмом дочерей и не-

пониманием (как это нам частенько кажется после долгих совместных лет) ее переживаний мужем. Мучает ее «жалость к себе, тихо стареющей, забытой друзьями, погоняемой мужем и свекровью, терзаемой равнодушием дочерей...».

И когда Натали приходит к выводу, что впереди ничего нового не ждет, в ее мир врывается любовь. Перед нами раскрываются взаимоотношения двух женщин — простой смертной и речной дивы Ульяницы. Все произведение наполнено эротизмом. Эротика всегда трудна в работе писателя. Здесь надо обладать внутренней культурой и чувством такта. Но Ирина Кедрова достойно справилась с поставленной задачей, раскрыв нам тему любви без пошлости и вульгаризации текста.

«...за спиной стоит, скорее, парит в воздухе, обнаженная женщина с длинными чуть зеленоватыми волосами. Ее голубые глаза смотрят на Натали одновременно преданно и настойчиво. В них мольба о любви... тело подчиняется рукам — теплым и даже горячим. Шея, грудь, живот — Натали вся в поцелуях Ульяницы...».

Автор интересно описывает речной мир ундин, где в достоверные «чуткие» описания природы вкрадывается фантастический мир обитателей подводного мира.

«Тронная зала наполнилась водными стихиями и хранителями. Они представляли собой гордость речного мира. Обликом похожие на людей, но напоминавшие речную фауну — миролюбивого рака, ловкого судака, прожорливую щуку, хитрую уклейку, спокойного снетка».

С интересом читаются страницы истории древнего Новгорода: «... на земле в это время шел шестнадцатый век. Новгород значительно изменился. Любовалась Ульяница храмами Софийской и Торговой стороны, особенно восхищал ее собор Святой Софии, мощные стены которого свидетельствовали о прочности христианской веры...».

Надо отметить, что «Ульяница и мир людской» — произведение многослойное. Здесь происходит слияние трех разноплановых сюжетных направлений, которые успешно закольцованы на основной линии — главной героини. Данный прием в литературе известен со времен выхода известного произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита» — роман в романе.

«Все мы немножко ведьмы» — трудный поиск героини Анны своего предназначения в жизни. Но способность помогать людям, облегчать их боль и страдания, дается ей страшной ценой. Погибает единственный горячо любимый сын Митя, убивают мужа. Одиночество и безысходная тоска окружают главную героиню. «Тяжело пережить похороны. А дважды подряд?.. Ничего невозможно возратить, ничего невозможно повторить! Плачет Анна, пьет водку, глушит душевную боль...».

Спасает ее от падения в бездну родная тетка Таисия, славившаяся на всю округу своими способностями исцелять людей. Народ, как это частенько бывает, не понимая странных способностей других людей, от своего невежества обижает таких людей. Вот и Таисию в деревне нарекали не иначе как — ведьма.

Автор достоверно описывает быт и нравы деревни, природу, повадки животных.

Еще Анна становится участницей бандитского нападения, и что странно: Ирина Кедрова, любя людей, даже бандитов сумела сделать привлекательными, объяснив их жестокость жестокостью общества и власти, не способных обеспечить достойное существование населения нашей страны.

Можно и дальше рассуждать о достоинствах этой книги, но лучше будет, если читатель сам прочитает и по достоинству оценит труд автора.

В заключение хочется привести еще одну цитату из книги Ирины Кедровой, которая, на мой взгляд, объединяет все три повести в единое целое и которая лейтмотивом звучит во всех строках — любовь к человечеству и к вере:

«...христианство учит людей любви и миру. Только люди по-разному понимают служение Богу: среди христиан есть терпеливые и добрые, однако есть и такие, с которыми столкнула ее жизнь. Им кажется, что только мечом и огнем можно внушить

человеку великое чувство любви к Богу. Глупцы, им недоступна любовь ни к Богу, ни к человеку...».

Ирина Леонова, Член Союза писателей России (г. Москва)

БУТЕРБРОД С САРДЕЛЬКОЙ, ИЛИ О ЧЕМ «СКРЕБЕТ ПЕРО» ЛЕОНИДА АДРИАНОВА?

Сейчас стихи пишут или пытаются писать (как, впрочем, и всегда) многие. Еще большее число людей слагает рифмы, в душе надеясь, что это стихи.

Попалась на глаза вышедшая в 2009 г. в издательстве «Папирус» в Туле книга Леонида Адрианова «Я за все благодарен судьбе». Предвещает начало сборника стихов информация о том, что «Это двадцать пятая книга маститого тульского поэта, которой он, вроде бы как, завершает свое творчество, но явно лжет и читателю и самому себе».

Одно из первых стихотворений сборника «Июльский день. Жара. Безделье» (стр. 10) начинается так:

*«Июльский день.
Жара.
Безделье.
На берегу роскошного пруда.
Бутылка пива.
Бутерброд с сарделькой.
Никто.
Ничто.
Ничем
и никуда...»*

Непонятно, какую смысловую нагрузку несет, особенно последняя строчка. Что имеется в виду под «...Никто. Ничто. Ничем и никуда»? В чем это никто, ничто и так далее вообще выражается и главное — зачем и о чем? Видимо о сардельке и бутылке пива, которые в желудке автора быстро превратились в никто, ничто, ничем и никуда.

Завершающий фрагмент этого «стихотворения» звучит так:

*«...За водной гладью холит колос поле...
Душа нудит еще глоток хлебнуть
И, рассекая волны ярым кролем,
Доплыв до середины, утонуть...»*

Плохо и непозитивно, когда «душа нудит». Вот когда нудит надоевшая жена — это понятно. Но душа — это все-таки божественная субстанция. Непонятно и что такое «ярый кроль». Яростный что-ли? Или какой-то иной?

В общем, у меня после прочтения данного стихотворения, возникло ощущение, что ознакомился с запиской сумасшедшего алкоголика, готовящегося от безделья к суициду. Нужно ли тратить на это поэтические строки, да еще такие неумелые и ко-рявые?

В следующем стихотворении сборника «Пришли последние мгновенья» (стр. 11) читаем:

*«...Мое уходит поколение
Из мира горя и тревог,*

*Из мира ссор, проклятий, скуки,
Где лжи и злобы чересчур,
Где хищно тянутся к нам руки
Зловещих восковых фигур»*

Получается, что в жизни Леонида Адрианова ничего хорошего не было, один сплошной негатив. Не повезло человеку с судьбой, хотя каждый сам творец своего счастья.

В следующем «стихотворении» на той же 11 странице много неточностей. Например, «...так наша жизнь самозабвенна...», «...то человеку заповедно...» «Жизнь самозабвенна» — это в каком смысле — непонятно! Может, автор хотел сказать, что жизнь скоротечна? И что такое «...человеку заповедно...»? Адрианов хотел сказать, что присуще или неприсущее человеку? Но почему не сказал точно? Наверно, тогда пришлось бы попотеть над рифмой, потрудиться... А здесь все просто, не важно, что банально: «...заповедно... бесследно...»

В стихотворении «Восьмое марта сеет легкий снег» (стр. 12) одной строчкой автор перечеркивает все нагромождение рифм: «...Измен друг другу любящих супругов...» Если люди любят — друг другу они не изменяют. Это противоречивая ложь, которая режет слух нелицемеру.

В стихотворении «Меня зовут лицеи, вузы, школы» (стр. 14) сквозит неискреннее, презрительное отношение к читателям: «...Народ сидит какой-то невеселый. Ехидно ждет, что им отмочишь ты...» Стоит ли с этими замочками от поэзии выступать перед читателями, даже, если хочешь «...разбить, разрушить серости застой!» А такая ли серая «их» жизнь?! Не по Фрейду ли здесь Адрианов проговорился о своем бытии?

«Стихотворение» «Мы часто ходим в гости» (стр. 16) посвящено, если его осмыслить, как предлагает в начале книги читателю автор, приспособленцам, которые ходят в гости в поисках выгодных знакомств, а потом сожалеют о впустую потраченном времени, деньгах. Так нужно ли таким приспособленцам, а не цельным натурам, посвящать графоманскую зарисовку?

Прочитав стихотворение «Что помню я? Немецкие трофеи» (стр. 17) поймал себя на мысли, что лучше уж ничего не писать о войне, чем так сграфоманить!

На мой взгляд, не пристойно говорить о Родине так, как Леонид Адрианов позволяет себе в стихотворении «Страна отцов, ты измельчала...» (стр. 19):

*«Страна отцов, ты измельчала —
Лелеешь женское начало...
Слаба, угодлива, дурна,
Плодишь понятия зон сибирских,
Смиренье храмов монастырских...»*

Нужно ли вот так — «по-казюковски» хаять нашу Родину, ставить рядом несовместимые воровские понятия и «смиренье храмов монастырских»?

Не ясна логика и в стихотворении (стр. 20):

*«Вдоль улицы распутица.
В снегах стоят дома.
Но пьет из лужи курица.
И, стало быть, весна...»*

По логике автора получается, что в другое время года, кроме весны, куры из луж воду не пьют? А как же они обходятся без воды летом, осенью и зимой? Все сдыхают что ли? Неожиданный признак весны описал автор! Ладно, что не подметил прямой связи этого поэтического времени года с исправлением других физиологических потребностей кур, собачек, коров...

Как тут не соглашаться с самокритичной справедливой мыслью Леонида Адрианова, высказанной в следующем его поэтическом опусе (стр. 24):

*«... Кой прок в стихах?
Народ их не востребует —
...Пороков нет, так — стихоплеты шалые.
Что ль я таков?
Увы, о том не ведаю
Где критики?
Зоилы пусть бы каркали.
...Свидетель Бог, до тех пор мне и дышится,
Пока стихи зачем-то получают»*

Действительно, в таких «стихах» прока никакого нет. Так, сплошное бумагома-
вание... Если бы автор еще где-нибудь сносочкой пояснил смысл термина «Зоилы». Простому читателю не понять, что это такое...

Впрочем, жажда изобретательства новых словечек у Адрианова в крови, особен-
но, когда возникают проблемы с рифмованием. Чего себя утруждать, напрягаться в
этом направлении? Взял, да и изобрел новое словечко для рифмы, как, например, в
стихотворении «Живу теперь в простой реальной нови» (стр. 29 сборника):

*«...Темп чувств упал, потребности увяли.
Итог старенья — до смерти болезнь.
Но мыслит мозг и рифмы не пропали,
И в плен унынья не сдаюсь доднесь»*

«Доднесь» — не правда ли звучит «оригинально» это непонятное словечко, но не
понятно, что оно означает? И такие «новорезы» часты в стихотворениях Леонида
Адрианова. Хотя, справедливости ради, несмотря на полное бездушие его «поэзии»,
отсутствие мастерства и таланта, нельзя не отметить его справедливую самокритич-
ность, мелькающую в отдельных строках, как в стихотворении «Я не знаком с поэта-
ми большими»:

*«...Мой дар небес довольно невелик.
...Но не рождалась светлая поэма.
...Доволен тем, что наскребло перо...»*

Один вопрос к автору после прочтения его новой книги: а будет ли читатель до-
волен тем, что наскребло Ваше небрежно и плохо пишущее перо? Да, и вообще — не
надо лгать читателю и самому себе, тем более, если речь идет о поэзии, а не графо-
манстве.

Владимир Сапожников (г. Тула)

О КНИГЕ ГАЛИНЫ ВИНОКУРОВОЙ «СЕРГЕЙ БЕСЕДИН»*

Книга Галины Винокуровой «Сергей Беседин», вышедшая в Библиотеке журна-
ла «Приокские зори», издана в авторской редакции. Это значит: нет у книги ни кор-
ректора, ни редактора, ни художника, и успешность ее, как и привлекательность, за-
висит только от автора.

* Галина Винокурова. Сергей Беседин. Тула: Библиотека журнала «Приокские зори», 2009.

Несомненно, автор — человек творческий, охваченный процессом стихосложения, остро чувствующий события и явления, происходящие в нашей стране.

В основе стихотворного романа Галины Винокуровой явно прочитываются несколько линий. Первая — опора на поэтическое творчество А. Пушкина. Здесь дело не только в том, что автор задумал показать, как сегодня читаются строки классика отечественной литературы, известные каждому русскому человеку со школьных лет. Выбран герой — легко чувствующий, критически мыслящий, вписывающийся в окружающую жизнь и в то же время ею не слишком довольный. Потому

*Сергей боролся с мраком жизни,
Писал статьи на злобу дня... (с. 97)*

Вторая линия — герой романа. Он — наш современник, молодой человек, оказавшийся задействованным в те же общественные процессы, которые захватили и нас. Такой герой дает возможность Галины Винокуровой показать, что происходит в стране, в обществе, и как она лично к происходящему относится.

*Жизнь яркая...
И без прикрас...
Жизнь манит нас... (с. 89)*

В этом показе в нескольких словах отражается глубокое переживание за все, что творится вокруг: «Теперь не то, совсем не то...» (с. 11); «государство все беднеет» (с. 21); «Реклама ныне в моде вся (с. 22); и т. д. Однако поэт не был бы многогранным, если бы наряду с негативными явлениями жизни не видел того яркого, интересного, чем полнится жизнь человека в любые времена: «Прекрасен день» (с. 48); «И ждет родной очаг» (с. 50); «Вечным счастьем дышит лето» (с. 50), «Романтики неистребимый дух» (с. 52). Солнечность жизни сквозит со строк романа, надо только угледеть и не зажмурить в испуге или в равнодушии глаза.

Несомненно, жителю Москвы радостью отзовутся строки о родном городе:

*Москва,
Ты сердцу дорога.
Где б ни была,
Душой стремлюсь к тебе... (с. 31).*

Словом, хочется улыбнуться при чтении и пожелать автору новых творческих сил.

Вместе с тем, любой из нас, людей пишущих, должен понимать, что сложить несколько слов в прозаическую или поэтическую строку не так-то просто. Нужна тщательная, кропотливая и неустанная работа над словом. И коль мы беремся выпускать книгу без редактора и корректора, значит, редакторскую и корректорскую работу надо выполнять самому. Это замечание касается многих авторов современных изданий, будь то книга, глава романа в журнале, стихотворная подборка или критическая заметка.

На недостатки обсуждаемой нами книги, наиболее часто встречающиеся и в других опубликованных произведениях, мне хотелось бы обратить внимание, да простит меня автор, на примере его творчества. Впрочем, эти слова не только к Галине Винокуровой или к любому другому поэту, доверившему свое литературное дитя читателю. Эти слова отношу и к себе. Размышляя над чужой строкой, приобретаю свой писательский опыт.

Прежде всего, о связи нашего автора с творческим наследием А. Пушкина. Вкрапление отдельной строки великого поэта в современный текст свидетельствует о направлении мышления и переживаний автора, позволившего повторить то, что известно многим. Это также свидетельствует о том, что автор находится под сильным впечатлением от великого творения.

Когда же происходит беспрерывное цитирование, причем не отмеченное формой цитаты, то возникает вопрос о присвоении чужого труда и о бедности творческой основы поэта, позволяющего такое действие.

Труд Пушкина сложно присвоить, многим читателям он широко известен. И потому особенно важно быть предельно чувствительным к его поэтическому творчеству и предельно честным к своему сочинительству.

Поэтические строки отличаются от прозаического текста, прежде всего, рифмой и ритмом. Если они есть, возникает напевность, лирическое восприятие. Допустимо ли отходить от ритма или терять рифму? Думаю, допустимо. В том случае, когда отсутствие этих поэтических столпов указывает читателю на что-то важное, особенное. Это своеобразный прием стихотворчества. Если же это происходит постоянно, и никак не может быть объяснимо, то возникает вопрос о мастерстве поэта. К сожалению, в поэме «Сергей Беседин» сбившийся ритм и нерифмованные строки не являются проявлением яркого выражения мысли.

Нередко встречаются, очевидно любимые Галиной Винокуровой, слова «всё» и «все». Как не хватает слога для ритма, так появляются эти маленькие, в ином случае нужные, словечки: «Жизнь все страшнее беспредела» (с. 7); «Читатель прав, всегда все правы вы...» (с. 9); «Считая, что за все мы вместе все в ответе» (с. 45). Создается впечатление, что автор никак не может найти подходящее слово и заменяет его таким простым, и неоправданным, способом.

Встречаются неудачные фразы, страдающие непродуманным порядком слов в предложении или включением ненужных в данном контексте слов. Например: «Как будто в плену ты у спрута» (с. 8); «Тебя люблю и счастлив в мире я!» (с. 42). Между тем, порядок слов в предложении, как и отбор того или иного слова, показывает, что же хочет сказать автор, что здесь главное, а что второстепенное.

Думается, Б. Окуджава мало бы радовался, если бы услышал, что от его песен млеют: «От Окуджавы просто млея» (с. 20). И вряд ли можно томить читателя «кратким предисловьем» (с. 9).

Конечно, надо отметить, что роман в стихах «Сергей Беседин» родился и получил публичную форму в виде небольшой симпатичной книжки. Конечно, подкупает лиричность Галины Винокуровой, ее умение видеть происходящее в нашей жизни и стремление выразить увиденное в стихотворной строке.

Пожелав автору от всего сердца смелого продвижения по тернистому поэтическому пути, выскажем также надежду, что на этом пути Галина Винокурова преодолит такое препятствие как необработанность стиха и нечеткость сюжета. Будем ждать ее новых стихов, в которых проявится особенное, только ей присущее, очарование поэтической строки.

...А над «Сергеем Бесединым», оставив его римейком «Евгения Онегина» (это известный литературный прием), автору желательно очень серьезно поработать и дать вторым изданием.

Ирина Курочкина, член Союза писателей России (г. Москва)

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ПОЭТА

Имя детского врача Сапожникова Владимира Григорьевича хорошо известно в тульской педиатрии. Высокий профессионализм и любовь к детям снискали ему заслуженный авторитет среди коллег и родителей маленьких пациентов. Однако заведующий кафедрой педиатрии Тульского государственного университета, доктор ме-

дицинских наук, профессор Сапожников еще и член Союза писателей России, автор многих книг поэзии и прозы, лауреат нескольких литературных премий, в том числе областной премии имени Л. Н. Толстого.

Сочетать профессии врача и писателя, следовать по стопам великих предшественников Чехова, Вересаева, Булгакова, да еще в наши дни, непросто. Но как ни удивительно, Сапожникову это удастся. Талант, трудолюбие, характер, широта души, честность и порядочность счастливо сочетаются в нем, еще достаточно молодом человеке. Одно общение с ним уже бодрит и лечит. Завидная человеческая натура сказывается в его разностороннем творчестве. Его поэзия и проза дополняют друг друга, как и его лечебная практика.

А как врач, преподаватель, писатель, он заявил о себе, участвуя в строительстве БАМа (Новая Чара), как и позже, когда возглавлял бригаду белорусских медиков в составе десанта Детского фонда в городе Ош (Киргизия).

Но первые публикации его творчества были много раньше, задолго до этого, еще в школьные годы. В студенческие годы стал лауреатом Смоленского литературного конкурса «Пою мое Отечество».

И вот перед нами его новая книга стихов. Сборник «Избранная лирика»^{*} только что вышел в тульском издательстве «Полиграфинвест». В нем новые и уже известные, ранее опубликованные произведения автора. Лирика поэта, что делает ей честь, исходит из русской классики. Она следует ей в главном. Она личностна, искренна и чиста. А еще в лирике Сапожникова явно сказывается смоленская поэтическая школа (Твардовский, Исаковский, Рыленков, Смирнов). Поэт ценит литературное слово, не разбрасывается ими, старается ставить их на свое место. Избегает газетного стиля, новомодных решений, языковых вывертов. Даже рифма для него — не главное. Главное: соединить в стихотворении свое личное с общим, не выделиться, а вписаться, найти собственный вариант диалога с читателем.

*В голове свистопляска,
На душе дребедень...
Жизнь — как грустная сказка,
Где мы — прошлого тень.
Где теперь бесшабашные,
Озорные юнцы,
Те, что были отважные
И за правду бойцы?
Извергались, изгадились,
Превратились в дерьмо.
А как девушкам нравились...
Это было давно.*

Вот это, казалось бы, совсем не к месту «а как девушкам нравились» — бьющая в упор неожиданная строка делает набор слов, словотворение — стихотворением. Да еще каким! От этой поэтической занозы читателю из поколения Сапожникова уже не избавиться, придется вытаскивать ее, мучась собственным укорами совести, молчащими до поры до времени. Стихотворение поэта заставит его очнуться, спросить себя: все ли ладно в твоей жизни? Ту ли дорогу выбрал?

Да, по нынешним меркам Сапожников еще молод, но не снимает с себя гражданской ответственности за наше нынешнее духовное недомогание, наше неустройство, уныние, безразличие ко всему.

^{*} См. библиографию в «ПЗ» № 4, 2009; книга вышла в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

*Кто я? Русский! Во мне нет другого!
Я — комочек родимой земли,
И родили меня вот такого.
Уж такой я — хули, не хули!..*

Разумеется, в лирике поэта присутствуют все отличительные составляющие ее... Легко прочитываются, узнаются мотивы философские, гражданские, любовные. Поэтому сборник «Избранная лирика» вышел цельным, насыщенным, может быть, лучшим из написанного и опубликованного Сапожниковым.

Конечно, в сборнике, как у любого из нас, можно найти какие-то погрешности, неточности, но не они определяют его значимость, его суть.

Не могу для себя объяснить загадочность странного стихотворения «Настроение»:

*Вновь пробуждение души...
Скажите, что это такое?
И небо — звездное, немое —
Уперлось взглядом — не дыши!
Деревья гнутые стоят,
Мелькнет снежинка на мгновенье,
И распростерлась лунной тенью
Моя душа, как зимний сад.
Она ветвится по земле,
То — коротка, то — быстротечна,
То — так длинна и бесконечна,
Как память прошлого во мне.
Она неслышна, словно звук.
Всех чувств, нахлынувших неожиданно...
И ночь обманчива, желанна,
Как продолженье нежных рук.*

О чем это стихотворение? Почему оно так тревожит душу? Почему не отпускает меня? В рассуждении о новом сборнике поэта прихожу к убеждению, что поэт в нем сделал значительный рывок в своем поэтическом мастерстве. И не могу отказать себе в удовольствии вновь отметить стихотворение автора «Моя сибирская жена». Такие стихи о подругах-женах редки среди поэтов, обделенных семейным счастьем. Уверен, что и читатель по достоинству оценит его, как и другие из любовного цикла Сапожникова.

Знаменательно, что стихотворение о Гагарине, с которым мальчик Володя Сапожников встречался, положил на музыку тульский маэстро Фоменко. Верю, что это лишь начало содружества известного поэта и не менее известного композитора. Лирическое наполнение стихов поэта тому вполне соответствует.

Поздравляю коллегу с выходом его новой книги. Читатель найдет в ней ответы на многие свои вопросы, многое тронет его душу, останется в памяти...

Виктор Пахомов (г. Тула)

Геннадий Мирошниченко
(г. Щекино)

**ГАРМОНИЯ ИРОНИИ В РОМАНЕ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
«ЛЮБОВЬ НОВОЮРСКОГО ПЕРИОДА»**

*Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) – поэт, прозаик, учёный, автор 30 книг. Предложил объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности Природы и ввёл новую, критериальную форму сознания. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР и заняла первое место. Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов.**

Философия

Критик, приступающий к анализу произведения, обязан быть честным и серьезным. Иначе, его не воспримут как критика. Еще он обязан вписать произведение, которое рецензирует, в общую канву литературы как формы общественного сознания. Последнее является обязательным, ибо речь по воле автора произведения, в данном случае, Александра Яшина, идет о философском романе «Любовь новоюрского периода», изданном в Москве в 2009 году в издательстве «Московский Парнас», 712 страниц.

Рецензент, однако, прежде чем приступить к формулировке своих мыслей по поводу философского романа, должен составить свое особое философское мнение о жизни и ее принципах, чтобы, в свою очередь, быть интересным и с вершины своего понимания жизни произнести что-то дельное. Конечно, при анализе романа Яшина можно остановиться на его литературных достоинствах и литературных промахах, можно принять точку зрения Екклесиаста и, сославшись на его знаменитое «все — затеи ветряные», еще раз пропустить нашу жизнь через всем надоевшую мясорубку бестолковости и бессмысленности мира.

Рецензент, однако, будет исходить из совсем других критериев, смысл которых он постарается объяснить по ходу своего повествования. А в конце рецензии он постарается по-своему расставить точки над *i*, чего бы ему это ни стоило.

Итак, мы уже, кажется, достаточно подготовили читателя рецензии к впитыванию смысловой информации, которую породит уже не автор романа, а автор критического отзыва. И начнем, пожалуй, с юмора. И первое, что приходит из вопросов на ум, это «Почему роман имеет подзаголовок философского, но не философски-юмористического?» Бестолковость жизни, о которой пишет автор,— это обычное топтание на месте, отсутствие понимания нового. Перспектива быть потерявшимся на этой грешной Земле — не из приятных. Чем закончится эта рецензия, читатель узнает, если осилит прочитать ее до конца.

О смысле жизни

* См. также на сайте Геннадия Мирошниченко, портал <http://genmir.ru>

Что такое гармония в литературе? Касательное, объединенное единой идеей на- низывание разнородных виртуальных объектов, выраженных словами, на единый авторский стержень воображения в их отношениях. Кажется, роман, который я теперь постоянно держу у себя на столе, полностью отвечает этому определению. Иногда я беру его в руки, открываю наугад на любой странице и, забывая все, читаю какой-нибудь отрывок из текста. Признаюсь честно, он мне понравился, несмотря на свою ужасающую некоторых читателей толщину.

Философский роман тульского прозаика Алексея Яшина называется «Любовь новоюрского периода». Чтобы стало ясно, как автор-критик понимает слово «новоюрский», приведем цитату из Интернета, с которой можно согласиться почти во всем:

«Юрский период кончился вымиранием динозавров. Там виноват климат-космический катаклизм. Новоюрский закончится также печально, но вместе с динозаврами вымрет большая часть разумной биосферы, но причина заключается в том, что сами динозавры из жадности разрушили среду своего обитания. Вот и разрешается вопрос: РАЗУМЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК МЫСЛЯЩИЙ? Если бы он был мыслящий!? Скорее ненасытный и недальновидный. После нас хоть потоп,— так рассуждали многие, сжирая все на своем пути к абсолютному обществу потребления и... потоп наступает еще при их жизни. После них уже потоп страшен не будет. Некого будет топить. С ПОТОПОМ Вас, дорогие потребители!».

(<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/325700/cat/10/> комментарий от 19.12.08)

Кажется, не столько об истоках и причинах возникновения новоюрского периода нам следует говорить, сколько о том, как это стало возможным понять и изобразить писателю, чтобы удивить нас. Ведь роман философский. А, значит, автор, претендуя на высокую литературу, одновременно вбрасывая в наше сознание мысль о жизненных смыслах, хитро наблюдая за тем, как мы воспримем его длинное, романное, повествование о жизненных злоключениях его героев.

И в то же самое время философский базис никак не может обойтись без анализа этических основ, которые были нарушены людьми, вольно или невольно оказавшимися в новоюрский период в описываемом автором месте действия романа. Автор, в отличие от великих русских поэтов-трагиков, слишком всерьез воспринимающих жизнь и потому часто кончавших самоубийством, на высокой ноте иронии и сарказма выстраивает свои отношения с героями романа. Смысл жизни их не замыкается на единственном элементе из всей партитуры ценностей и не обрывается вдруг на взлете их романтизма. Наоборот, смысл их жизни может менять центр своего притяжения, и тогда для самосохранения герою становится необходим небесный помощник. И таким помощником для них, как становится ясным из повествования, является автор. Часто одним лишь ироническим замечанием он отрезвляет и своего героя, и нас с вами, когда вдруг земля уходит у нас из-под ног, а сознание отказывается дать трезвую оценку происходящему.

Примеров сказанному можно найти чуть ли ни на каждой странице, иногда подобное выливается в отвлеченные авторские размышления, увлекающие нас в иной мир фантастического представления действительности.

О счастье Эпикура

«Жизнь — вот главное наслаждение», — сказал Эпикур.

Автор нашего романа как настоящий эпикуреец заставляет страницы романа служить вполне конкретным нуждам: он ищет способ избавления человека от страданий, которые снизошли на него вследствие грехов всего человечества. Но делает это по-своему, своеобразно, заставляя нас сопереживать с его героями, быть в их шкуре.

В отличие от пессимизма классического буддизма, проповедующего полный от-

каз от желаний, Эпикур предложил миру людей ограничиться теми потребностями, неудовлетворение которых ведет к страданию. От остальных желаний следует отказаться — так проявились в этой философии мудрость и благоразумие. Такой подход напоминает нам теоремы с доказательствами «от противного»: снять противоречие страсти проще всего ее удовлетворением. И хотя так и до наркомании недалеко, мы все равно сочувствуем героям романа, оказавшимся, как Буриданов осел, между двумя охапками сена в раздумье о том, к какой же из них двинуться, чтобы утолить свой голод. Подобное философствование часто заводит наших героев сразу в оба тупика. Автор, чтобы читатель от нерешительности и отсутствия выбора конкретной охапки сена не умер и не отбросил роман в сторону, уверяет нас в наличии некоего третьего варианта существования: в несерьезности всего происходящего вокруг нас и внутри нашего сознания. Наша тщета о вечном существовании позволяет автору всю насмехаться над нашими переживаниями, которые, по его мнению, стоят не более одного анекдота.

Главный интерес для автора как эпикурейца, несмотря на вербальный и быстро ублаживающий нас характер произведения, представляет чувственный мир как глобальное полотно художника. И как Эпикур, автор уравнивает свое счастье удовольствием окружающего мира, его внутренним благородным спокойствием, в котором его герои понимают и принимают основной этический принцип — при безграничных желаниях человека средства их удовлетворения все-таки сильно ограничены. Отсюда мягкий трагизм ситуаций и легкая нотка пессимизма, когда становится понятно, что достичь желаемого в одной жизни невозможно.

Читая роман, мы видим, мы чувствуем счастливого автора, пребывающего в таком состоянии не от своего «бесконечного сочинительства», а от наслаждения из-за общения его со своими героями, философами жизни по-своему. Ведь философским этот роман стал не столько от подзаголовка, удивившего многих и даже отпугнувшего некоторых читателей от него, сколько от искрящегося интеллекта автора и его героев, делающих попытки проникнуть и в запретное, и в мистическое наряду с трагизмом непонимания таких, казалось бы, простых истин, о которых мало кто за пределами их круга задумывается.

Истинный философ жизни — это человек, во многом оправдывающий проступки других людей и сурово казнящий себя за те же самые проступки, но внушающий веру в призрак счастья у других людей. Все-таки сквозь смех автора над самим собой и над другими, мы замечаем у него и у его героев и слезы какой-то небесной печали, какой-то неясной тенью или прозрачной занавеской отделяющей нас от понимания полного счастья.

О свойствах сознания в литературе

Думаю, что я не открою Америку, если скажу, что меня удивило в стиле Алексея Яшина: пребывание автора как художника в нескольких параллельных мирах одновременно. Именно жизненное пребывание очевидца и действующего героя, а не присутствие в качестве стороннего наблюдателя. Автор подкрашивает своих героев до некоторого стереотипа, выбранного им самим, своей особенной словесной кистью и мягкой модальностью самой ситуации. Отсюда и яркая, пастельная гамма его красок как художника, несущего необычное отличительное качество своего таланта.

Богатейшее предикативное (описательное) мышление автора позволяет не только заиграть роману яркими красками дивной гаммы инструментов из бесчисленного оркестра мастера, но, главное, постоянно подводит нашу мысль под ощущение новизны его взгляда с высоты, доступной одному автору. А нам лишь впору удивиться таким богатством содержания.

Мы, читатели, могли быть ублажаемыми медитативными, небывалой красоты,

картинами и образами его культуры, если бы не нотки беспокойства о судьбе обычного человека, профессионала, попавшего в капкан мирового и российского кризиса и незнающего, как из него выйти.

Нынче модно стало говорить об измененных состояниях сознания, о коллективном сознании, о гипнозе. У автора романа мы много находим мест, когда переживаемое его героями воспринимается нами как внушение, благодаря чему внушенные мысли полностью отрывают нас от примитива собственного реального состояния психики. Мы начинаем не просто сочувствовать героям романа, мы становимся ими самими, погружаясь в их оценки ситуаций и мыслей.

Талант писателя, по убеждению пишущего эту рецензию, и состоит в том, чтобы преобразовать сознание читателя в направлении внушения автора. Однако часто писатели добиваются положительной реакции читателя тем, что показывают всю глубину негативного погружения своего героя в точное описание какого-нибудь разрушающего действия. А. Яшин не идет по этому пути. Нарисованные им картины отрицательного свойства мира пронизаны яркими ироническими нитями тонкого внутреннего анализа. Отсюда и глубина философского осмысления читателем, происходящая даже независимо от его воли.

Конечно, литература гипнотизирует нас своими оценками. Доброта, которая излучается со страниц рассматриваемого романа, — это главная оценка труда и таланта его автора.

Об оценках

Любое произведение, а тем более литературное художественное, несет в себе отражение оценок автора о тех событиях и героях, о которых он повествует. Интересно коснуться этого вопроса в отношении рассматриваемого нами романа. Ведь в оценках проявляется не только этическая вершина автора, но и более широкое поле критериев современного человека, задержанного постоянными критическими ситуациями жизни и в быту, и на службе.

Ирония автора романа над происходящим — это, пожалуй, главная модуляция книги как части нашего живого сознания. Иронией пропитаны все страницы произведения, все его предложения, весь инструментарий конструктора. Почему вдруг автор выбрал такой метод повествования в отличие от многих других методов и способов изложения литературного материала? Ведь история знает множество примеров, когда авторы произведения буквально были зачарованы, загипнотизированы событиями, о которых они писали, и становились рабами литературного процесса, вплоть до самоубийств, когда причиной их оказывалась малая доля совпадения их внутренней логики с логикой развития реальных событий.

Вспомним хотя бы гения Льва Николаевича Толстого в тот период его жизни, когда он, осознав вдруг через смерть своего младшего сына Ванечки нравственную высоту сознания человека, внезапно до полного омерзения понял смысл своих, уже признанных великими, произведений о глубине падения души человека. Он понял, что ему срочно надо что-то делать с собой такое, что позволило бы ему остаться наедине с Богом, быть прощенным Им за свой литературный грех. Такие состояния толкают людей на крайности, и Л. Н. Толстой замечательно и гениально продемонстрировал нам лучший, может быть, выход из плена человеческого зла и человеческой ненависти, уйдя в высокое пространство человеческого духа.

В романе А. Яшина мы, наоборот не находим той отупляющей безысходности жизни, стремящейся к смерти, которая так характерна, к сожалению, в сегодняшнее время для многих литературных произведений.

Отторжение авторской фантазии от автора

Человечество уже давно поняло, что руками и мыслями людей создается некая большая суперсистема-организм, с некоторого времени начинающая жить по своим высшим законам, во многом противоречащим законам создавших ее людей. Таков организм государства, таков глобальный мир. И рано или поздно, но у многих людей начинается отторжение создания от создателя, такое, какое бывает при отторжении мозгом отдельных клеток или клеточных агрегатов человеческого организма. Мы знаем, что раковые образования во многом являются результатом таких изменений в сознании. Но и дела благородные, в которые автор вдохнул часть своей души, тоже подчинены этому закону.

Так и в романе Яшина о любви, где он недвусмысленно пытается убедить нас в необычном и прокричать о том, что наши дела, большинство их, разрешаются совсем не на земле. И делает он это мастерски, тонко и смело. И, главное, с юмором, который буквально заливает почти все страницы книги.

Множество людей боятся юмора сильнее смерти. Смех люди всегда приравнивали к самому сильному пси-оружию массового и индивидуального поражения. Некоторые считают юмор грехом, и потому даже избегают шутить. Им кажется, что юмор является результатом действия, когда человек что-то передергивает в своем повествовании, обманывает. Однако, настоящий юмор — это всегда игра на парадоксах, если под парадоксами понимать мирное взаимодействие двух крайностей. Ведь в нас те же самые крайности уживаются чисто парадоксальным способом: в одной ситуации необходимо поступить так-то, а в другой — противоположным образом. И не перепутай! Если же такая путаница случается, то в который раз достигается известный исторический итог, провозглашенный нашим бывшим гигантом-хозяйственником: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

В даосизме вышли из положения антагонизма крайностей довольно просто, провозгласив срединный путь: иди посередине между крайностями, и все будет хорошо. Но юмор в том и состоит, что так идти можно, лишь контролируя расстояние до крайностей и качество самих крайностей. Согласитесь, что это уж слишком для нашего человека, который не на шутку постоянно озабочен выбором варианта жизненного продолжения и, как правило, чаще всего ждет подсказки со стороны. И чаще всего это не выбор, кому служить — Богу или мамоне, — а соединение в себе двух противоположных типов человека, способного как на подвиг, так и подлость. Отсутствие в ком-то из нас главного критерия доброты часто приводит к ситуациям и даже, как показал Яшин, к жизни человека, у которого пустота его смыслов приобретает звенящий характер. А это, согласитесь, является хорошей приманкой для таких талантов литературы, как Алексей Яшин.

И в нашем обществе раздаются голоса о необходимости золотой середины в жизни, срединного пути, как у китайцев в Дао. Однако, Дао требует соблюдения уже известных требований этической чистоты, чтобы в своей серьезности не попасть в зону двойных стандартов. Раздвоенность нашего человека прекрасно и с большой любовью к нему описана в рецензируемом романе.

Как убеждает автор романа, у нас есть лишь один срединный путь — юмор. Мы не знаем крайностей жизни, но юмором мы моделируем их и переносим условия крайности, края, на нашу сегодняшнюю жизнь. И смотрим, к чему это приведет. И смеемся над собой. И не надо обижаться на автора за это — он прекрасно показал нам особый путь нашей жизни, в котором и кроется ее прекрасный смысл.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтить и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть, журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года, в Культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — представле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В четвертом квартале 2009 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2009, №№ 10, 11.
2. *Созвучье слов живых*: Антология современной поэзии. Т. 2.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 424 с.— Содержатся избранные стихи Юрия Бердникова, Евгения Бузни, Тамары Булевич, Натальи Квасниковой, Юрия Ключникова, Виктора Кононова, Алексея Селичкина, Евгения Пахомова, Виктории Топоноговой, Инны Шаховой.
3. *Созвучье слов живых*: Антология современной поэзии. Т. 3.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 352 с.— Содержатся избранные стихи Павла Ашукина, Анатолия Белозерова, Всеволода Кузнецова, Надежды Ма Динь, Александра Ореховского, Ивана Павлова, Кирилла Усанина (*Примечание* к пп. 2, 3: многотомное издание современной поэзии осуществляется совместно Академией российской литературы (президент Владимир Мирнев — член редколлегии «ПЗ») и Независимым литературным агентством «Московский Парнас» (гендиректор Леонид Ханбеков — член редколлегии «ПЗ»). Многие из авторов антологии регулярно публикуются в «ПЗ»).
4. *Кристалл*. Литературно-художественный альманах / Гл. редактор Ирина Пархоменко — член редколлегии «ПЗ».— Плавск: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 8 с.; №№ 1—4.
5. *Семичев Е. Н.* Аргуван: Стихи.— Самара: «Русское эхо», 2008.— 236 с.
6. *Кан Д. Е.* Обреченные на славу: Стихи / Предисл. Вяч. Лютого.— Самара: «Русское эхо», 2009.— 240 с.
7. *Мых-Степняк Н. А.* Время нас рассудит (рассказы, очерки, статьи).— Тула: Левша, 2009.— 236 с.
8. *Кедрова Ирина*. Облака моей любви. Рассказы.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 224 с.
9. *Слово на память*. Литературно-художественный сборник. Вып. 1 / Ред.-сост. В. Чирок. Жуковка.— Брянск: ООО «Издательство «Десна», 2009.— 92 с.
10. *Логунов А. А.* На Дону бывает чудо... (Детская тетрадь): Стихи.— Новомосковск: б/у изд-ва, 2009.— 16 с.
11. *Осеннее настроение*. Литературно-поэтический сборник студентов и сотрудников факультета МиСУ / Сост. Н. С. Тархов; Под ред. А. Н. Чукова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2005.— 84 с., ил.
12. *Состояние души*. Поэтический сборник студентов и сотрудников факультета МиСУ / Сост. Н. С. Тархов; Под ред. А. Н. Чукова; Предис. О. В. Пономарева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007.— 68 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в IV кв. 2009 года вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Леонида Ханбекова; илл. Н. Н. Каразина.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Хадарцев А. А.* Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит: Стихи и проза.— Тула: Тульский полиграфист, 2009.— 156 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. Пархоменко И. В. Музыка души: Песни и стихи / Илл. Александра Пархоменко.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 176 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. Гайдукова Л. А. Самоцветовый венец; Сб. стихотворений.— Тула: Папирус, 2009.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. Сиянов А. И. Сердце не камень: Четвертая книга стихов.— Тула: Гриф и К, 2009.— 268 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. Мир Геннадий. Отражения. Солнце: Поэмы / Предисл. Сергея Норильского.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. Мир Геннадий. Симфония дождя: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 159 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2010-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.
В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В IV квартале 2009-го года информация о нашем журнале дважды появлялась на страницах «Литературной газеты», главной писательской газеты России.

«Приокские зори», литературно-художественный и публицистический журнал, № 3.— Тула, 2009.

Необычны стартовые страницы журнала. Отведены они обращению «К авторам журнала». Авторам предъявлены серьезные претензии. Касаются они в основном оформления присылаемых рукописей. Что ж, это беда не только «ПЗ». Ну а теперь посмотрим на произведения тех, кто, очевидно, выполнил все требования журнала. В номере с главами из романов сразу трое авторов: Тамара Булевич («Исцеление тайгой»), Валерий Богушев («Путешествие в несбывшееся») и Алексей Яшин, главный редактор «ПЗ» («Любовь новоюрского периода»). Любопытны и поэтические подборки: Валерий Савостьянов, отмечающий свое 60-летие; автор из Китая Чжао Хуань, чья публикация носит билингвальный характер; переводы Владимира Резцова. Особо стоит отметить внимание журнала к литературным объединениям городов России — в номере представлено Сергиево-Посадское литобъединение «Свиток». Не забывают туляки и других своих юбиляров: 80 лет Николаю Минакову и 75 — Александру Новгородскому. С рассказами обращаются к читателю Анна Лео, Геннадий Маркин, Валентин Ставицкий, Екатерина Абрамычева, Ирина Дезире и Александр Хадарцев. Историко-литературное краеведение сосредоточено на городе Плавске и его окрестностях.

(«Литературная газета», 25.11—1.12.2009 г., № 47—48 (6252))

Литпремии

Названы лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной журналом «Приокские зори» за лучшие публикации в журнале в текущем году: проза — Николай Смирнов (Новомосковск); поэзия — Галина Дубинина (пос. Шексна Вологодской обл.); литературоведение — Борис Кобринский (Москва); публицистика — Игорь Карлов (Улан-Батор, Монголия).

(«Литературная газета», 16—22 декабря 2009 г., № 51(6255))

Более развернутые объявления о лауреатах премии «Левша» имени Н.С.Лескова были опубликованы в тульских изданиях.

ОБЪЯВЛЕНЫ ЛАУРЕАТЫ ВТОРОГО СЕЗОНА ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМЕНИ НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Жюри Всероссийской литературной премии «Левша» имени выдающегося русского писателя XIX века Николая Семеновича Лескова, автора «Сказа о тульском косом Левше», присуждаемой за лучшие публикации текущего года в литературно-художественном и публицистическом «толстом» журнале «Приокские зори» («ПЗ»), объявило лауреатов второго сезона премии. Лауреатом за 2009-й год стали: в номинации прозы — член Союза писателей России (СПР) Николай Смирнов (г. Новомос-

ковск) за цикл рассказов «Варакша»; «ПЗ» № 1, 2009; поэзии — член СПР Галина Дубинина (пос. Шексна Вологодской обл.) за подборку стихов «...Быть поэтом», «ПЗ», № 4, 2009; литературоведение — профессор Борис Кобринский (г. Москва) за исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества», «ПЗ», № 3, 2009; публицистики — Игорь Карлов (г. Улан-Батор, Монголия) за очерк «Тихий ток наших чистых рек», «ПЗ», № 4 2009.

В течение декабря сего года аналогичные объявления будут опубликованы в главных литературных газетах: «Литературная газета» и «Российский писатель», во многих тульских изданиях. Поздравление лауреатам с публикацией их фото на обложке будет помещено в № 1, 2010 «ПЗ».

Премия учреждена в 2008 году редколлекцией журнала «ПЗ», издаваемого с 2005-го года Тульским госуниверситетом (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СПР (ответственный секретарь В. Ф. Пахомов); учредитель журнала — ООО «Издательство «Неография» (директор С. Н. Минаков). Цель учреждения премии: активизация литературного процесса в современной русской литературе и консолидация творческих сил Тульской области и приокских регионов России.

Первыми лауреатами в 2008 году стали: в прозе — Геннадий Маркин (г. Щекино), в поэзии — профессор Александр Ореховский (пос. Краснообск Новосибирской обл.), в литературоведении — член СПР Николай Боев (г. Узловая), в публицистике — профессор, член Союза журналистов России Евгений Воропаев (г. Тула). Премии также была удостоена старейшая писательница России Наталия Диомидовна Парыгина (г. Тула), отметившая свое 85-летие.

Итоги конкурса ежегодно в декабре подводит жюри премии в составе членов редколлекции «ПЗ»: председатель — главный редактор журнала Алексей Яшин; члены жюри: Тамара Булевич (Красноярск), зам. главного редактора по сибирским регионам; Ирина Кедрова (Москва), зав. отделом критики; Геннадий Маркин (Щекино), ответственный секретарь журнала; Владимир Резцов (Тула), зав. отделом поэзии; Владимир Сапожников (Тула), член редколлекции; Леонид Ханбеков (Москва), член редколлекции, вице-президент Академии российской литературы. Секретарь жюри — Марина Баланюк, секретарь редакции журнала.

Жюри принимает решение по номинантам, учитывая поступающие в течение текущего года в редакцию предложения читателей. Порядок направления таких предложений публикуется в каждом номере «ПЗ» в рубрике «Хроника литературной жизни» и в одном из сентябрьских номеров «Литературной газеты», а также на сайте журнала в Интернете: www.medsu.tula.ru (в pdf-формате). В частности, предложения можно направлять на имя главного редактора «ПЗ» по адресу: 300025, Тула, а/я 920 и по электронной почте: priok.zori@yahoo.com.

Приглашаем всех авторов и читателей «ПЗ» активно поучаствовать в третьем сезоне — 2010-го года, а областную, городскую администрации и гипотетических меценатов — в создании Фонда премии.

Главный редактор журнала «Приокские зори», председатель жюри премии «Левша», профессор Алексей Яшин
(«АБВ-Курьер», еженедельная газета, 17-24 декабря 2009 г., № 49 (202))

Аналогичная информация также была опубликована практически во всех тульских периодических изданиях: «Тульская панорама» (№ 50, 2009 от 17.12.2009. — С. 19); «Тула», «Тульская правда», «Тульские известия», «Ярило» и др.

Объявляя третий сезон — на 2010-й год — премии «Левша» им. Н. С. Лескова, редколлекция «ПЗ» и жюри премии стремится привлечь к участию в этом увлекательном процессе как можно большее число авторов-номинантов и оценивающих их

творчество читателей журнала (см. выше в рубрике о порядке присуждения премии). В частности, обращаем внимание тех и других на подлинно демократичный характер отбора претендентов.

Как показывает практика присуждения премий, *объявленных всероссийскими*, здесь достаточно далеко от объективности. Столичные, особенно «денежные», литературные премии очень редко и с большими усилиями преодолевают кольцо МКАД'а, а то и вовсе Садового кольца... Еще по-человечески можно понять, почему провинциальные «всероссийские» премии почти всегда присуждаются землякам, но, с другой стороны, разве это идет на пользу всероссийскому литературному процессу, консолидации современной русской, российской литературы? Местничество — оно и есть местничество, но тогда не к чему декларировать «всероссийскость»...

Не подумайте, уважаемые авторы и — особенно — читатели, что мы сами себя хвалим-похваливаем, но все же обратите внимание на места проживания лауреатов «Левши» 2009-го года: только один из них «тульский», но и тот из Новомосковска. А все дело именно в той самой объективности. Назвавшись груздем..., то есть, исходя исключительно из таланта соискателей.

...К слову, а может и не к слову, — следующая информационная рубрика раздела «Хроника литературной жизни». Хотя и там о нас тоже пишут.

СТРАСТИ ПО БУНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Чтобы читатели «ПЗ» и авторы журнала, в дальнейшем имеющие намерение стать номинантами «Левши», убедились, что отбор претендентов (если он серьезно проводится) на литературные премии дело не простое, не с кондачка, обратимся к недавним событиям в большом литературном мире страны. Речь пойдет о Бунинской премии за 2009 год. Данная премия на сегодняшний день полагается наиболее престижной в стране: не по деньгам, но по литературной значимости.

В начале осени 2009 года был опубликован во всех ведущих газетах России («Литературная газета», «Российский писатель», «Комсомольская правда» и многие другие) так называемый «короткий список» (или «шорт-лист» — импортный термин) финалистов, то есть реальных претендентов на премию.

Приведем его, чтобы читатель оценил литературную значимость финалистов.

«Короткий список» произведений, выдвинутых на Бунинскую премию 2009 г. БУНИНСКАЯ ПРЕМИЯ 2009 ГОДА

Информационное письмо

Попечительский совет Бунинской премии, возглавляемый видным ученым и общественным деятелем Игорем Михайловичем Ильинским, рассмотрел результаты экспертизы произведений, поступивших на конкурс 2009 года.

Всего на соискание Бунинской премии 2009 года принято **95 произведений авторов из 34 городов и 22 регионов России**. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга среди конкурсных работ широко представлен литературный процесс общероссийского масштаба: Астрахань, Братск, Владивосток, Екатеринбург, Ижевск, Калуга, Киров, Краснодар, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел, Орс, Пермь, Петро-заводск, Рязань, Тамбов, Тверь, Тольятти, Тула, Тюмень, Хабаровск, Черкесск, Чита, Ярославль, Ясная Поляна и др.

На основе экспертных заключений, выполненных специалистами в области литературоведения, определен «короткий список». **Из 60 авторов**, вошедших в «длинный

список», в число кандидатов на присуждение Бунинской премии, включены 15 имен. Из их числа **Жюри**, возглавляемое известным литературоведом, музыковедом и телеведущим Святославом Игоревичем Бэлзой, выберет тех, кто будет удостоен звания лауреата Бунинской премии и получит заслуженную награду 22 октября 2009 года, в день рождения И. А. Бунина.

В этом году Бунинская премия 2009 года будет вручена за лучшие произведения в жанре **художественной публицистики**.

Участники из **11 стран ближнего и дальнего зарубежья** представляют жизнь русского слова в Армении, Германии, Грузии, Израиле, Италии, Казахстане, Латвии, на Мальте, в США, на Украине и в Эстонии.

Премия учреждена в 2004 году для поддержания русской словесности, лучших традиций отечественной литературы.

Публикуем имена авторов, включенных решением Попечительского совета в «короткий список» кандидатов на присуждение Бунинской премии 2009 года (в алфавитном порядке):

«КОРОТКИЙ СПИСОК» ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ НА БУНИНСКУЮ ПРЕМИЮ 2009

Бакунцев Антон Владимирович. Казуистика античеховизма // Чеховский вестник. 2008. № 23. С. 30-38; «Не зализанный» классик, или профанация культуры» (в новом Полном собрании сочинений А. П. Чехова) // Медiascope. 2008. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/71>; Львиное сердце // Delfi. URL:

<http://rus.delfi.ee/article.php?id=19017896&categoryID=848817&ndate=1212065491>

(выдвинул декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Е. Л. Варганова).

Бондаренко Владимир Григорьевич. Поколение одиночек. М.: Изд-во ИТРК, 2008.— 640 с.; Трубадуры имперской России. М.: Изд-во «Яуза»; «Эксмо», 2007. 480 с. (выдвинули газета «Завтра» и отв. редактор газеты «Дня литературы» В. Ерофеева).

Волков Валентин Алексеевич. Печаль о братьях Киреевских. Роман. Калуга: Изд-во «Гриф», 2009.— 432 с. (представлен на конкурс директором Издательства «Гриф» Н. И. Лаврентьевой).

Данилкин Лев. Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе. М., 209.— 288 с. (выдвинула Издательство группа АСТ).

Кантор Владимир Карлович. Смерть пенсионера. Рассказ // Звезда. 2008. № 10. URL: <http://magazines.ru/zvezdza/2008/10/ka3-pr.html> (выдвинула доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Алла Юрьевна Большакова).

Круглов Тимофей. Виночны в защите Родины, или русский. Роман. М.: Инфо-Рос, 2008.— 580 с. (выдвинул Сергей Юрьевич Пантелеев, политолог, директор Института русского зарубежья).

Кучерская Майя. Наплевать на дьявола. Пощечина общественному вкусу. М.: АСТ; Астрель, 2009.— 320 с. (выдвинула заведующая редакцией изд-ва «Астрель» О. Ярикова).

Лошиц Юрий Михайлович. Избранное: В 3 т. М.: Издательский дом «Городец», 2008. (выдвинули член Президиума совета при Президенте РФ по культуре и искусству, Народный артист России, лауреат Государственных премий Н. С. Михалков, Генеральный директор Издательского холдинга «Городец» Р. Б. Кудряшов).

Прилепин Захар. *Terra Tartarara*: Это касается лично меня: [эссе]. АСТ; Астрель, 2009.— 221 с. (выдвинула заведующая редакцией Изд-ва «Астрель» Е. Д. Шубина).

Протоиерей о. Владимир (Бороздинов). Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) // Балашиха: Голоса сердец. Литературно-публицистический журнал. № 1 (7), 2008. С. 24—27; Вера и знание // Балашиха: Голоса сердец. Литературно-публицистический журнал. № 2 (8), 2008. С. 32—34; Крест Христов — основа нашего спасения // Балашиха: Голоса сердец. Литературно-публицистический журнал. № 3 (9), 2008. С. 10—12; Деревенские будни // Балашиха: Голоса сердец. Литературно-публицистический журнал. № 4 (10), 2009. С. 16—17. (выдвинут редколлегией литературно-публицистического журнала «Балашиха: Голоса сердец»).

Проханов Александр Андреевич. Подшивка передовиц газеты «Завтра» за 2008 год и книги: Симфония «пятой империи»; Имперская кристаллография. М., 2006. (выдвинула редакция газеты «День литературы»).

Пушков Алексей Константинович. Путинские качели. Постскрипtum: десять лет в окружении. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009.— 304 с. (выдвинул директор Издательства «Алгоритм» С. В. Николаев).

Щербakov Александр Илларионович. Душа мастера: рассказы, бывальщины, притчи. Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2008.— 416 с. (выдвинул директор ООО Издательство «Красноярский писатель», председатель редакционного Совета издательства О. Н. Ударцев).

Щербakov Юрий Николаевич. Ликуя и скорбя. Публицистика. И.: ИД «Литературная газета», 2008.— 204 с. (выдвинул лауреат Бунинской премии 2008 года, главный редактор «Литературной газеты Юрий Михайлович Поляков).

Яшин Алексей Афанасьевич. Ешьте крабов. Публицистика 2007-го года. М.: «Московский Парнас», 2008.— 256 с.; Живописный паноптикум: Современный русский литературный лубок. М.: «Московский Парнас», 2008.— 151 с. (представлен на конкурс Тульским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» и редколлегией межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»).

...Как видим, в число финалистов вошел и главный редактор «Приокских зорь». Как он рассказал членам редколлегии, обсуждение кандидатур финалистов проводилось не только на всероссийском, но и на региональных уровнях — по месту проживания последних. Так информация о конкурсе под заголовком «*Туляк номинирован на Бунинскую премию*» была опубликована в большинстве тульских городских и областных газет, а Алексей Афанасьевич был приглашен для интервью на тульское телевидение и на тульское радио.

Но — окончательное решение за жюри премии, которое и назвало в день рождения И. А. Бунина первого лауреата 2009-го года («Золотая бунинская медаль»): главного редактора газеты «Завтра» А. А. Проханова.

Редколлегия «ПЗ» поздравляет с этим событием Александра Андреевича, кстати, автора нашего журнала.

Данную назидательную историю мы привели в настоящей рубрике «ПЗ», во-первых, для информации о наиболее престижной премии России; во-вторых, чтобы авторы и читатели четко осознавали: имена ежегодных лауреатов премии «Левша» им. Н. С. Лескова называются после тщательного обсуждения. Заодно — и еще раз (см. выше) — приглашаем читателей «ПЗ» к самому активному участию в определении круга финалистов «Левши» в сезоне 2010-го года.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «ПЗ» поздравляет с 70-летием членов Тульской писательской организации СПР: Грекова Виктора Яковлевича (г. Белев) и Пешкова Александра Сергеевича (сейчас живет в Москве) и желает им дальнейших творческих успехов.

Поздравляем нашего главного редактора с награждением его в «чеховский год»: по представлению Независимого литературного агентства «Московский Парнас» А. Яшин стал лауреатом премии А. П. Чехова с вручением Золотой медали с формулировкой: «За верность традициям русской литературы». Также поздравляем Алексея Яшина с избранием его академиком Академии российской литературы.

...Как всегда, писатель Яшин и Яшин-ученый шествуют по волнам нашей неустоенной жизни с истинным стоицизмом и характером военно-морского воспитания, достигая завидных успехов на обоих поприщах. Пользуясь случаем, также поздравляем Алексея Афанасьевича с присвоением ему академического почетного звания *«Заслуженный деятель науки и образования»* и награждением *Почетным серебряным знаком им. И. П. Павлова Международной академии наук (Германия, Мюнхен) за достигнутые успехи в медицинской науке и здравоохранении.*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ:

Редакция «Приокских зорь», следуя устоявшейся традиции отечественной журнальной периодики, приняла решение впредь на своих страницах не размещать развернутых юбилейных материалов, ограничиваясь общими поздравлениями в рубрике «Хроника литературной жизни». Разумеется, это не относится к практике выпуска тематических номеров журнала, посвященных юбилейным датам классиков русской, советской литературы, отмечаемым в общенациональном масштабе. Как и в этом номере журнала.

«Не нам, не нам, а Имени твоему» (апостол Павел).

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

От главного редактора: В № 4, 2009 «ПЗ» были опубликованы стихи екатеринбургского поэта Г. Г. Азанова. Так оказалось, что мы одновременно — в разных, правда, возрастных «категориях»: я — младший школьник, он — моряк — находились в одних и тех же местах Заполярья. А на днях получил от Геннадия Георгиевича заметку из газеты с его припиской: «Эта история похожа на рождественскую. Я решил поделиться ею с Вами, как с североморцем — чудеса все-таки бывают. Сейчас мы с Николаем Васильевичем дружим, как говорят, семьями». Вот текст этой заметки:

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Эта чудесная встреча состоялась недавно в рабочем поселке Аять. В семье геолога Сергея Батурина много детей и внучат. На новогодний детский праздник были приглашены друзья и соседи, а когда ребята показали все на что способны, гости стали прощаться, а к моему дедушке, Геннадию Георгиевичу Азанову, подошел пожилой мужчина. Он постоял, разглядывая дедушку, а потом, показывая на тельняшку, видневшуюся из-под рубашки, спросил, что это означает.

— Ну как что? Это память о службе в ВМФ, — ответил дед.

— Так я тоже моряк. Четыре с половиной года служил на Северном флоте.

— И я на Северном! На флагманском крейсере «Октябрьская революция». Слышал о таком?

Тут дедушкин собеседник удивленно посмотрел на него. Повод для удивления

действительно был: оказалось, что Николай Васильевич Ишимов (так звали дедушкиного знакомого) служил на этом же корабле. Более того, в те же годы. Нет, тогда они не знали друг друга: команда крейсера составляет более тысячи человек. Да и служили они в разных подразделениях — мой дед был электриком, а Николай Васильевич — радиометристом. Но разве это имеет какое-то значение сегодня, когда спустя 50 лет встретились два североморца, два моряка-сослуживца?

Но что важно отметить: ветераны очень тепло отзывались о годах службы. По их словам, служба в армии делает людей не только сильнее: они учатся отстаивать свое мнение, становятся выносливее. «Нужно помнить,— рассказывает мне дедушка,— что служили мы не просто потому, что так надо: мы защищали своих близких. Своих матерей, любимых девушек, свое мирное будущее — свою Родину».

Сослуживцы долго вспоминали дальние походы, штормовые испытания, проходившие при шторме в 7—8 баллов.

Самые запоминающиеся — дальние походы в Швецию и Норвегию, а от службы остались только хорошие, светлые воспоминания. «У нас не было никакой дедовщины,— говорят ветераны.— Наоборот, те моряки, которые служили уже не первый год, были заинтересованы в том, чтобы обучить нас всем премудростям морской науки. У нас было такое крепкое морское братство, где каждый в любой момент мог поддержать и помочь».

Оба моряка отличились знаком «За дальний поход», в их судьбах много общего. Отец Николая Васильевича был председателем колхоза в Кировской области и, убрав урожай, в сентябре 1941 года ушел добровольцем защищать Родину, погиб он в мае 1942 года. Вскоре умерла мать. Детей разбросали по детским домам. Потом Николай Васильевич окончил ремесленное училище и начал трудовую деятельность слесарем на Уралмаше. После службы вернулся на родной завод, стал начальником производства. А затем 40 лет проработал на заводе им. Калинина.

Мой дед тоже рано остался без отца, которого призвали в армию в 1939 году, а в октябре 1941-го он пропал без вести в боях под Москвой. Дедушка окончил техникум, трудился электрослесарем в шахтостроительной управлении. Отслужив на фронте, поступил в нижнетагильский педагогический институт, после окончания которого был партийным работником. В Свердловске работал в академии госслужбы и в аппарате правительства области.

Оба моряка воспитали по две дочери, у каждого — четыре внука. Дедушка и Николай Васильевич замечают, что каждый человек должен жить не только для себя, но и для своей страны. Отслужить в армии очень важно и почетно. От себя я хочу поздравить с 23 февраля всех ветеранов и военнослужащих, а нашим мальчишкам пожелать стать похожими на них. Кто будет нас защищать, если не вы?

Яна Белоцерковская, 16 лет

(«Новая эра» от 22.02.2008 г.— Приложение к «Областной газете», г. Екатеринбург)

Прим. ред.: к сожалению, полиграфическая база «ПЗ» не позволила воспроизвести интересные фотографии, помещенные в заметке Яны Белоцерковской.

ДОБРОЕ СЛОВО ИЗ СОЛИКАМСКА

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Сообщаю Вам о получении бандероли и выражаю благодарность за публикацию моих стихов в журнале «Приокские зори». Журнал понравился (не потому что Вы напечатали мои стихи), он привлекает к себе своим лицом, содержанием и следованием истинной традиции издания журналов, начатую А. С. Пушкиным. Очень рад,

что в нем есть «Православие в наших душах», поэтому его ждет большое будущее. Принимаю предложение печататься в нем и далее и об издании своей книги под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори».

Да поможет Вам Бог во всех благих делах.

С искренним уважением — Николай Семенович Бухаринов, г. Соликамск

НАШИ НОВЫЕ ПАРТНЕРЫ В МИРЕ ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Мы рады представить вам печатный некоммерческий культурно-просветительский проект в Тульском регионе — газету «Ярило». «Ярило» — издание периодичностью 12 номеров в год — направлено на самый широкий круг читателей. Бесплатно распространяется в музеях и выставочных залах, библиотеках и учебных учреждениях, в различных центрах и многих организациях.

Уже само название издания, имеющее древние славянские корни, говорит о его содержании. «Ярило» поддерживает все начинания, направленные на возрождение и развитие традиционной русской культуры, утраченных ремесел, традиций и обычаев, рассказывает об истории Тульского края. Народные промыслы, старинные ремесла, традиционные ярмарки и выставки-продажи изделий народных мастеров — ведущая тематика нашего издания.

Видное место в «Ярило» занимают очерки, интервью, репортажи, рассказывающие о художественных выставках, проходящих в нашем регионе в главных выставочных залах города Тулы. Мы стараемся как можно ближе познакомить нашего читателя с творчеством членов Тульского отделения Союза художников России и талантливых молодых авторов. Рассказываем на страницах «Ярило» о работах и творческом пути известных живописцев и графиков из других регионов России.

В мае 2010 «Ярило» отметит свой 5-летний юбилей. За этот период газета выросла с 8 газетных полос до 12. С нами сотрудничают известные тульские журналисты, профессиональные краеведы, сотрудники музеев, писатели и поэты, творческая молодежь. Появились новые популярные рубрики. Одна из них «Литературная гостиная». E-mail: yarilonews@yandex.ru. Налажен обмен содержимым «портфелей» редакций «Ярило» и «Приокских зорь».

Главный редактор газеты Наталья Мурко

«КРИСТАЛЛ» ИЗ ПЛАВСКА

В жизни Плавского района, и не только его, знаменательное событие: увидел свет литературно-художественный ежемесячный альманах «КРИСТАЛЛ». Это произошло благодаря финансовой помощи главы Плавского района Александра Васильевича Бородина. В напутственном слове он отметил: «В Послании Федеральному собранию Российской Федерации президент России Д. А. Медведев подчеркнул, что интеллектуальная энергия, творческая сила — это главное богатство нации и основной ресурс прогрессивного развития. Нам нужно организовать масштабный и системный поиск талантов и в России, и за рубежом».

Плавский край всегда был богат одаренными людьми. Не оскудела наша малая родина талантами и сегодня. Авторы литературно-художественного альманаха «Кристалл» все очень разные — по возрасту, профессии, жизненному опыту. Но объединяет их многое — стремление не замыкаться в узком кругу житейских проблем, умение видеть красоту окружающего мира и помочь увидеть ее другим. Не все стали или

станут поэтами, прозаиками, художниками. Но творчество необходимо в любой сфере деятельности. И, главное,— это основа духовности, которая всегда была отличительной чертой граждан нашей страны.

Поэтому, дерзайте! Вы талантливы!»

И дерзают: к новому, 2010 году, уже вышли четыре номера формата А4 объемом 8 страниц. Что можно прочитать в «Кристалле»? Стихи и прозу плавчан, гостей из Тулы и Московской области, отчет о проведении первого районного литературного конкурса «Плавская осень», произведения его победителей. В конкурсе приняли участие 27 человек, было представлено 35 работ в обоих жанрах — поэзии и прозе. Отрадно, что не оскудела земля Плавская талантами, что продолжают славные традиции, заложенные нашими знаменитыми земляками-современниками — И. Ф. Трусковым, П. Г. Сальниковым, Н. П. Акулиничевым, А. Н. Корнеевым.

Продолжаются занятия литературного объединения, ряды которого пополнили молодые участники конкурса. Так что у всех есть время для исправления допущенных ошибок, для обретения опыта, для консультаций у старших коллег по писательскому цеху. Ведь известно, что на 1 % таланта, данного при рождении, нужно приложить 99 % трудолюбия, прилежания и старания, чтобы добиться успеха.

Особое внимание и на занятиях литобъединения, и на страницах альманаха уделяется молодежи. Ведь когда впервые нужно взяться за перо? В детстве! Именно тогда ребенок познает мир, ищет свое место в нем, «незамысленным» взглядом видит красоту самых обычных вещей и хочет показать людям, что мир лучше, чем его представляют.

Когда нужно взяться за перо? В отрочестве! Когда просто не можешь не писать, когда стихи слагаются сами собой, когда твоими словами говорит прежде немая природа.

Когда нужно взяться за перо! В юности! Когда впервые мучает боль, когда слезы обиды жгут глаза, когда нет сил смириться с несправедливостью, когда нужно выплеснуть на бумагу свое горе, чтобы оно тебя не убило.

Но сколько первых откровений души летит в корзину — не сосчитать. «Ну что ты там «нацарапал» еще? — возмущенно или безразлично говорят близкие.— Лучше бы уроки сделал или помог по дому». Вот так гаснут глаза, удивленные чудом жизни, вот так ломаются крылья творчества, вот так сгибаются спины для неинтересной работы.

Долгий путь всегда начинается с первого шага — робкого, нетвердого. Умение, техника придут с опытом, но всегда строчки должны оставаться «живыми», чтобы найти отклик в душах людей.

Дерзайте, вы — талантливы!

*Главный редактор альманаха —
член редколлегии «Приокских зорь»,
член Союза писателей России Ирина Пархоменко,
ст. Горбачево Плавского р-на Тульской области*

«ФИЗИКИ-ЛИРИКИ»

Тульский госуниверситет (ТулГУ), являющийся издателем журнала «Приокские зори», не замыкается в своей литературно-просветительской деятельности только на нем. Издается «Университетская газета» и ряд альманахов. В частности, в Институте высокоточных систем им. В. П. Грязева (в прошлом — факультет МиСУ) ТулГУ доброй традицией стало издание литературно-поэтических сборников студентов, преподавателей и сотрудников. Началом творческой деятельности послужило создание на факультете в 2003 г. литературного клуба под руководством члена Союза писателей России, главного редактора альманаха «Прикосновение» Олега Пономарева, который и является автором предисловий к литературно-поэтическим сборникам. На данный момент издано четыре сборника (см. также выше рубрику «Библиография»):

— Проба пера. Сборник стихотворений студентов факультетам МиСУ. Составитель: Тархов Н. С. / Под ред. А. Н. Чукова. Тула: Изд-во ТулГУ.— 2004.— 50 с.

— Осеннее настроение. Литературно-поэтический сборник студентов и сотрудников факультета МиСУ. Составитель: Тархов Н. С. / Под ред. А. Н. Чукова. Тула: Изд-во ТулГУ.— 2005.— 84 с.

— Состояние души. Поэтический сборник студентов и сотрудников факультета МиСУ. Составитель: Тархов Н. С. / Под ред. А. Н. Чукова. Тула: Изд-во ТулГУ.— 2007.— 68 с.

— Иллюзии. Литературно-поэтический сборник студентов и сотрудников Института высокоточных систем им. В. П. Грязева. Составитель: Тархов Н. С. / Под ред. А. Н. Чукова. Тула: Изд-во ТулГУ.— 2009.— 64 с.

Многие авторы этих сборников ранее издавали свои произведения в районных и областных газетах, альманахе «Артефакт», занимались в литературной студии «Вега». Марина Литвинова, студентка каф. ПБС, осенью 2006 г. организовала творческий вечер в Доме-музее В. В. Вересаева по случаю выхода ее первого сборника стихотворений «Наедине с собой». Два студента — Ольга Гриценко, каф. САУ, и Григорий Клинцов, каф. РТиАП — победители поэтического конкурса «Золотое перо», проходившего в 2009 году в Тульском государственном университете.

Преподаватели кафедры ТМ О. Пантюхин и Е. Баранова в настоящее время публикуют свои произведения в журнале «Приокские зори». Авторы фотографий, рисунков к стихотворениям, обложек сборников — преимущественно студенты факультетов систем автоматического управления и машиностроительного.

Сборник «Осеннее настроение» выпущен под девизом «Навстречу 75-летию ТулГУ», сборник «Иллюзии» — «Навстречу 80-летию ТулГУ».

Идейным вдохновителем и инициатором с самого начала является декан факультета, а в настоящее время директор Института высокоточных систем — Александр Николаевич Чуков.

НАУКА С МУЗАМИ ДРУЖИТ

Доброй традицией в Тульском госуниверситете стало издание к юбилеям университета альманаха «Наука с музами дружит». Первый из них был выпущен в 2005 году к 75-летию ТулГУ, а к 80-летию одного из старейших вузов страны готовится второй выпуск альманаха в серии «Библиотека журнала «Приокские зори». Главный редактор и составитель альманаха Алексей Яшин. Сформирована редколлегия в составе: председатель — проректор В. Д. Кухарь, зам. председателя — советник ректора С. Д. Фейгин. Члены редколлегии: члены Союза писателей России Виктор Пахомов, Валерий Савостьянов, Владимир Сапожников, Александр Хадарцев; зав. отделом поэзии «ПЗ» Владимир Резцов; член редколлегии «ПЗ» Олег Пантюхин; секретарь редакции «ПЗ» Марина Баланюк; член Союза журналистов России, сотрудник «Университетской газеты» Людмила Алтунина.

Ниже мы публикуем предисловие к альманаху, выход которого в свет ожидается в мае 2010-го года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бюрократия, если она не избыточна, как сейчас в России*, вещь очень даже полезная. Она регламентирует нашу жизнь, не отвлекая человека на непродуктивную

* Как сказал кто-то из великих умов, то ли Бернард Шоу, а может и Бисмарк: «Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд».

работу мозга. Это относится и к юбилейным датам, то есть официально принято считать юбилейными датами для организаций и физических лиц: 50, 75 лет, а далее через каждые пять лет: 80, 85, ... Вот в такую славную полосу пятилеток (слово-то какое ностальгические!) вступил и наш университет — детище первых сталинских опять же пятилеток. Итак, 1930 год — открытие Тульского механического института, сугубо оружейного по профилю подготовки специалистов. В послевоенные годы Подмосковский угольный бассейн достиг пика выдаваемого на гора бурого угля, число шахт в трестах «Тулауголь» и «Новомосковскуголь» перевалило за сотню и выше. Потребовались сотни и тысячи специалистов: горных инженеров, маркшейдеров, электриков и так далее вплоть до радиосвязистов. И в 1953 году открывается Тульский горный институт. А специалистов среднего звена начинает готовить Тульский горный техникум. И жители Тулы начинают привыкать к виду молодцеватых студентов в черных мундирах и шинелях, в петлицах которых герб горняков, который мы сейчас видим на фронтоне первого учебного корпуса.

Затем судьба-злодейка подарила стране *волюнтариста и пробабелиста* (так в школьных учебниках при последующем генсеке писали; последний термин — не от «баба», а от имени Августа Бебеля, автора знаменитой книги «Женщина и социализм»... Нет, все равно слабый пол здесь присутствовал), понятно — Никиту Сергеевича.

Как истовый волюнтарист, он для начала все в стране разукрупнил: обкомы на промышленные и сельскохозяйственные, министерств на совнархозы, кое-где совхозы и колхозы едва не на хутора, выселки и отруба... Армию сложно раздробить на «улусы», поэтому, ничтоже сумняшеся, Хрущев ее резко сократил, прекратил строить линкоры и крейсера, а знаменитый крейсер «Октябрьская революция», флагман Северного флота отправил в Лиепаю на консервацию... Почти добил дальнобойную и фронтовую артиллерию. Сделав знаменитое путешествие по водам в Америку, посмотрев заводы Форда и веселый танец кан-кан, узнав, что в каждом из пятидесяти штатов действуют университеты, каждый с 60000 студентов, перешел в другую крайность: укрупнения.

...Так в Туле в 1963 году появился политехнический институт, знаменитый *ТППИ*, он же «политех», прочно вошедший не только числом, но прежде всего умением в рейтинговые списки советских вузов (а их было под 500!), объединивший Механический и Горный институты. В его состав вошел и Горный техникум — в статусе Среднетехнического факультета (отделения) с горными и радиоконструкторской специальностями.

Несколько затянутая преамбула предисловия к тому, чтобы пояснить читателям, слабо ориентирующимся в истории становления нынешнего Тульского госуниверситета: почему в альманахе представлены, наряду с ныне работающими и учащимися в ТулГУ, выпускники и ранее трудившиеся в четырех вузах (Механический, Горный, ТПИ, ТулГТУ) и в Горном техникуме.

Только еще отметим: переход от ТПИ к ТулГТУ был веянием времени — времени «динамичности, перестройки и смелых реформ», как говорил по понедельникам, в очередной раз меняя состав кабинета министров, первый президент РФ. Так в одночасье все институты страны стали университетами; только один вуз в Дагестане запаздывал на год, поскольку в той местности был объявлен холерный карантин, выезд гонцов в Москву, в Минвуз был затруднен... А для солидных институтов, гордящихся своим брендом, придумали двойное название типа: «Московский авиационный институт (технический университет)».

Но это так, к слову. Но вот вскоре последовавший переход от ТулГТУ к нынешнему ТулГУ — это уже качественное изменение, принципиально новый статус *университета классического типа*. Впрочем и Минвуз еще далеко не исчерпал свой реформаторский пыл, а в центре России, южнее Москвы, еще не занята вакансия Центрального федерального университета. Это опять же к слову.

После короткого исторического экскурса перейдем собственно к нашему альманаху, первый выпуск которого вышел под тем же названием к 75-летию ТулГУ.

Люди среднего и более старших поколений хорошо помнят знаменитую полемику 60—70-х годов: спор физиков и лириков. Кто победил в той многолетней дискуссии? — Забылось, да и не важно по существу. Как говорится, победила дружба...

Сейчас все мы живем в другом мире, в иных реалиях бытия, в зазеркалье и почти что в антиподе тем давним годам: физики уехали в теплые зарубежные края, а лирики, чтобы хоть кто-то их услышал, сами издают на свое грошовое жалованье книжки тиражом в сто экземпляров... И, действительно, чего теперь делать физикам на предприятиях, где вместо производства атомных бомб разливают из цистерн грузинское вино? (По сообщению ТВ, по крайней мере так было до «пятидневной войны»).

Еще живет не востребовавшая ныне наука в сохранившихся университетах, гордо, как «Варяг», пока не сдаваясь. Не всегда унывают и лирики, питомцы муз. И неистребим пресловутый отечественный менталитет: наука и музы продолжают дружить. Вот из такого союза и родился второй выпуск альманаха, который вы, читатель, держите в руках, благо и повод достойный: исполнилось восемьдесят лет одному из старейших вузов страны — Тульскому государственному университету, ведущему свою историю от детища первых пятилеток — Тульского механического института (см. выше).

Сразу оговоримся: это не сборник, а альманах, то есть каждый автор здесь представлен произведениями, что называется, по его вкусу и желанию, новыми и ранее опубликованными. Другой момент: в отличие от сборника, где выдерживается тактика «каждой сестре по серьгам», в альманахе представлено ограниченное число авторов, что позволяет поместить более или менее объемные вещи, раскрывающие художественные особенности индивидуального творчества. Формальный же критерий нашего отбора — связь с университетами: ныне работающие и учащиеся в нем, ранее бывшие его сотрудниками, наиболее талантливые из выпускников. Среди авторов альманаха и старейшая писательница России Наталия Диомидовна Парыгина, в 50-е годы преподававшая в Тульском горном техникуме, известный поэт Владимир Лазарев, автор знаменитых стихов «Березы, березы, / Родные березы не спят», (песня из кинофильма «Первый день мира», музыка М. Фрадкина), выпускник Тульского горного института, с 1999 года проживающий в США, в Калифорнии. Есть в альманахе и другие известные не только в Туле, но и во всей России имена. Так что ТулГУ справедливо может гордиться не только своими учеными, но и писателями.

В альманахе представлены как профессиональные литераторы, члены Союза писателей России, так и самодеятельные авторы, но при отборе произведений для публикации мы руководствовались исключительно их художественной содержательностью.

Редакционная коллегия благодарит руководство Тульского государственного университета, инициировавшее издание настоящей книги. К этой благодарности присоединяются и ее авторы. Льстим себя надеждой, что альманах окажется востребованным как для любителей русской словесности, так и для всех, кто своими трудами и учебой пишет живую историю нашего славного Университета.

Альманах выходит под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори», издаваемого ТулГУ с 2005 года. Кстати, это единственный в России «толстый» литературный журнал, издаваемый вузом.

*Алексей Яшин — составитель,
главный редактор литературно-художественного
и публицистического журнала «Приокские зори»*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

26 июня 2010 года в г. Туле в 11.00 часов пройдет 1-й слет молодых поэтов Тульского края, посвященный 50-летию Тульской областной организации Союза писателей России.

Организаторы слета: Тульская областная организация Союза писателей России, журнал «Приокские зори», газета «Тульский литератор».

Почетный председатель слета — заслуженный работник культуры РФ, секретарь СП России, ответственный секретарь Тульской областной организации СП России, почетный гражданин г. Тулы, лауреат литературных премий В. Ф. Пахомов.

Заместитель председателя — заслуженный работник культуры РФ, председатель Тульского областного Литфонда РФ В. Я. Маслов.

Председатель оргкомитета — В. Г. Сапожников.

Члены оргкомитета: Ю. А. Лончаков, Н. И. Боев, В. В. Киреев, М. Б. Адрианов, М. С. Дубинский, В. Н. Севастьянов, А. А. Яшин, Н. Н. Минаков, А. Е. Новгородский.

Будет издан к дню проведения слета по итогам предварительного конкурсного отбора материалов участников слета сборник стихов молодых поэтов Тульского края.

Оргкомитет оставляет за собой право редакционного отбора стихов.

Возраст участников слета — до 35 лет.

По итогам слета победители конкурса — лучшие молодые поэты будут награждены дипломами лауреатов I—II—III степени, ценными подарками, рекомендованы для приема в Союз писателей России.

Лучшие стихи участников по итогам слета будут опубликованы в журнале «Приокские зори», газете «Тульский литератор».

Правила направления материалов на слет и для публикации в сборнике стихов:

Редактор: MS Word

Шрифт: Times New Roman не жирный, № 12

Интервал: одинарный

Отступы: сверху, снизу, справа и слева — 2,5 см.

Объем: 2 страницы

Параметры страницы: А4 (портрет)

Фамилия, инициалы автора печатается в верхнем регистре жирным шрифтом (Times New Roman) через одинарный интервал. С новой строки печатаются краткие биографические данные об авторе (3—5 строк), затем текст самих стихов.

Для публикации необходимо до 1 апреля 2010 г. отправить каждый подаваемый материал по адресу: 300001 г. Тула, ул. Марата, д. 35, кв. 248, Сапожникову Владимиру Григорьевичу в распечатанном виде в 2-х экз. и на диске вместе с заполненной анкетой участника. Каждому автору будет отправлено затем приглашение к участию в слете. Просьба четко указывать обратный адрес для пересылки приглашения!

Анкета участника слета

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____
Год рождения _____
Место работы, учебы _____
Организация _____
Должность _____
Сможете приехать на слет _____
Просите выслать приглашение в Ваш адрес _____

Д. индекс _____ Д. адрес _____
Тел/факс _____ e-mail _____

Образец написания материалов сборника слета

Иван Иванов

Иванов Иван Иванович родился в 1985 году в с. Петровка Киреевского района Тульской области. Учится на 2 курсе гуманитарного ф-та ТулГУ. Публиковался в журнале «Приокские зори», газете «Российский писатель». Автор 2 сборников стихов. Посещает студию «Пегас» с 2005 года.

Родное

Земля родная и чужая,
Полита потом земляков...

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 09.03.2010
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ОРУЖИЯ**
(Фото Геннадия Маркина)

Нынешнее здание музея — Богоявленский («Зимний») собор Тульского кремля; вторая половина XIX в. До реставрации 1970-х гг. собор был пятиглавым.
Справа на фото — вход в музей

Строящееся новое здание музея на зареченской («оружейной» исторически) стороне реки Упы, напротив Тульского оружейного завода и Тульского машиностроительного («нового оружейного») завода. Экспозиционная площадь 5000 кв. м. Шлем-крыша облицована полированной медью. На заднем плане — родовая церковь Демидовых. Отсюда — из сравнения — можно судить о размерах здания музея

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
2009-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Николай Александрович Смирнов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за цикл рассказов «Варакша» («ПЗ», № 1, 2009). Член Союза писателей России. Живет в г. Новомосковске Тульской области. Руководитель крестьянского земледельческого хозяйства

Галина Николаевна Дубинина (п. Шексна Вологодской области) — в жанре поэзии. Удостоена звания лауреата за цикл стихотворений «...Быть поэтом» («ПЗ», № 4, 2009). Член Союза российских писателей, редсовета альманаха «Московский Парнас» и Академии российской литературы, лауреат литературных премий. Работает помощником ректора Литературного института им. А. М. Горького

Борис Аркадьевич Кобринский — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества» («ПЗ», № 3, 2009). Живет в г. Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН и МАИ, работает в Московском институте педиатрии и детской хирургии.

Игорь Викторович Карлов (г. Улан-Батор, Монголия) — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тихий ток наших чистых рек» («ПЗ», № 4, 2009). Преподаватель русского языка и литературы в высшей и средней школе.